

ISSN 2541-8297

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФАКТ

2022 № 1 (23)

Federal State Budget Institution of Science
A.M. GORKY INSTITUTE OF WORLD LITERATURE
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

LITERATURNYI FAKT
LITERARY FACT

Academic journal

No. 1 (23). 2022

Published since 2016

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А.М. ГОРЬКОГО
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФАКТ

Научный журнал

2022. № 1 (23)

Издается с 2016 г.

Редакция

Главный редактор

Вадим Владимирович Полонский (ИМЛИ РАН, Москва, Россия)

Заместитель главного редактора

Сергей Игоревич Панов (ИМЛИ РАН, Москва, Россия)

Екатерина Евгеньевна Дмитриева (ИМЛИ РАН, Москва, Россия)

Редакторы

Елена Валерьевна Глухова (ИМЛИ РАН, Москва, Россия)

Алена Эдвартовна Исахаян (ИМЛИ РАН, Москва, Россия)

Ответственный секретарь

Маргарита Вадимовна Черкашина (ИМЛИ РАН, Москва, Россия)

Редакционная коллегия

К.М. Азадовский (Германская академия языка и литературы, Дармштадт, Германия / Санкт-Петербург, Россия), *А.Ю. Балакин* (Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург, Россия), *Н.А. Богомолов* (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия), *Н.В. Корниенко* (ИМЛИ РАН, Москва, Россия), *А.В. Лавров* (Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург, Россия), *И.Е. Лоцилов* (Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия), *Д.С. Московская* (ИМЛИ РАН, Москва, Россия), *Ф.Б. Поляков* (Институт славистики Венского университета, Вена, Австрия), *О.А. Проскурин* (Университет Эмори, Атланта, Джорджия, США), *А.И. Рейтблат* (ИД «Новое литературное обозрение», Москва, Россия), *М.В. Строганов* (ИМЛИ РАН, Москва, Россия), *А.Л. Топорков* (ИМЛИ РАН, Москва, Россия), *М.И. Щербакова* (ИМЛИ РАН, Москва, Россия)

Международный редакционный совет

С. Гардзонио (Пизанский университет, Пиза, Италия), *А.Л. Зорин* (Оксфордский университет, Великобритания / Московская высшая школа социальных и экономических наук, Москва, Россия), *Д.П. Ивинский* (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия), *П.М. Лавринец* (Вильнюсский университет, Вильнюс, Литва), *Дж. Малмстад* (Гарвардский университет, Бостон, США), *Г.В. Обатнин* (Университет Хельсинки, Финляндия), *Л.Л. Пильд* (Тартуский университет, Тарту, Эстония), *Д. Рицци* (Университет Са' Foscari, Венеция, Италия), *А.Ф. Строев* (Университет Новая Сорбонна –Париж 3, Париж, Франция), *Р.Д. Тищенко* (Еврейский университет, Иерусалим, Израиль), *Л.С. Флейшман* (Стэнфордский университет, Пало-Алто, США), *М. Шруба* (Миланский университет, Милан, Италия)

Адрес редакции: 121069, г. Москва, ул. Поварская 25 а

Тел: 8 (495) 690-50-30

E-mail: editor@litfact.ru

Сайт: <http://litfact.ru/>

ISSN 2541-8297 (Print)
ISSN 2542-2421 (Online)

The journal is registered in The Federal Service for
Supervision of Communications, Information Technology,
and Mass Media.
Registration Certificate ПИ № ФС77-67296,
September 30, 2016

Editors

Editor-in-Chief

Vadim V. Polonsky (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of
Sciences, Moscow, Russia)

Deputy Editor-in-Chief

Sergei I. Panov (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy
of Sciences, Moscow, Russia)

Ekaterina E. Dmitrieva (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy
of Sciences, Moscow, Russia)

Editors

Elena V. Gluhova (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of
Sciences, Moscow, Russia), *Alena E. Isakhanyan* (A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia)

Managing Editor

Margarita V. Cherkashina (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian
Academy of Sciences, Moscow, Russia)

Editorial Board

Konstantin M. Azadovsky (German Academy for Language and Literature, Darmstadt, Germany /
St. Petersburg, Russia), *Alexei Yu. Balakin* (Institute of Russian Literature (The Pushkin House) of
the of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia), *Nikolay A. Bogomolov* (Lomonosov
Moscow State University, Moscow, Russia), *Natalia V. Kornienko* (A.M. Gorky Institute of World
Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia), *Alexander V. Lavrov* (Institute
of Russian Literature (The Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg,
Russia), *Igor E. Loshchilov* (Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of
Sciences, Novosibirsk, Russia), *Darya S. Moskovskaya* (A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia), *Fyodor B. Polyakov* (Institute of Slavic
Studies, University of Vienna, Vienna, Austria), *Oleg A. Proskurin* (Emory University, Atlanta, GA,
USA), *Abram I. Reitblat* ("Novoe Literaturnoe Obozrenie" Publishing House, Moscow, Russia),
Mikhail V. Stroganov (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Scienc-
es, Moscow, Russia), *Andrei L. Toporkov* (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian
Academy of Sciences, Moscow, Russia), *Marina I. Shcherbakova* (A.M. Gorky Institute of World
Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia),

International Editorial Council

Stefano Garzonio (University of Pisa, Pisa, Italy), *Andrei L. Zorin* (Oxford University, Great
Britain / Moscow School of Social and Economic Sciences, Moscow, Russia), *Dmitry P. Ivinsky*
(Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia), *Pavel M. Lavrinets* (Vilnius University,
Vilnius, Lithuania), *John Malmstad* (Harvard University, Boston, MA, USA), *Gennady V. Obatinin*
(University of Helsinki, Finland), *Lea L. Pild* (University of Tartu, Tartu, Estonia), *Daniela Rizzi*
(University Ca' Foscari, Venice, Italy), *Alexander F. Stroev* (New Sorbonne University – Paris 3,
Paris, France), *Roman D. Timenchik* (The Hebrew University of Jerusalem, Jerusalem, Israel),
Lazar S. Fleishman (Stanford University, Palo Alto, CA, USA), *Manfred Schrubba* (Milan Univer-
sity, Milan, Italy)

Address: Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia

Phone: 8 (495) 690-50-30

E-mail: editor@litfact.ru

www.litfact.ru

© 2022. IWL RAS

Содержание

Литературный факт. 2022. № 1 (23)

ИЗ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

- И.А. Виноградов.* Неизвестная книга Н.В. Гоголя 1834 г.:
замысел, контекст, реминисценции 8

ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ И ВОКРУГ

- А. Шишкин.* Проект Советской Академии в Риме (1924):
Вяч. Иванов, А.В. Луначарский, П.С. Коган и другие 55

МЕМУАРЫ. ПИСЬМА. ДНЕВНИКИ

- Письма Леонида Андреева к Зинаиде Сибилевой. Часть 2 (1892, 1902)
подготовка текста Н.П. Генераловой; комментарии М.В. Козьменко 100
- О.А. Симонова.* Воспоминания Е.А. Гиляровой о работе цензором
и редактором 146
- А.Л. Соболев.* Новое об Артуре Хоминском. (Письма к М.П. Алексееву) 164

СТАТЬИ. ЗАМЕТКИ. СООБЩЕНИЯ

- И.Ю. Виноцкий.* «Старик Патрикеич». Введение в культурную биографию
«шинельного пиита» конца XVIII — начала XIX в. 182
- М.В. Строганов.* Об адмирале Нахимове, поэте Аммосове
и общественных волнениях 218
- А.Ф. Строев.* Булгаков и Лабуле.
(К вопросу об источниках «Собачьего сердца») 231
- В.Э. Молодяков.* «У обоих оказался свой Понтий Пилат»:
Леонид Долгополов и Мирон Петровский
в споре о Булгакове и Маяковском 243
- Г.А. Морев.* К описанию социокультурной позиции О. Мандельштама
1920-х–1930-х годов (Мандельштам и Мариэтта Шагинян) 250
- К.В. Душенко.* Презренный металл: вхождение идиомы в литературу 265

ANECDOTICA

- А.И. Рейтлат.* В.П. Бурнашев как анекдотист 282

- НОВЫЕ ИЗДАНИЯ 315

Contents

Literary Fact. 2022, no 1 (23)

FROM CREATIVE HERITAGE

<i>Igor Vinogradov</i> . Nikolai Gogol's Unknown Book, 1834: Intention, Context, Reminiscences.....	8
--	---

AROUND VYACHESLAV IVANOV

<i>Andrei Shishkin</i> . The Plan for a Soviet Academy in Rome (1924): Viacheslav Ivanov, Anatoly Lunacharsky, Petr Kogan and Others	55
---	----

MEMOIRS. LETTERS. DIARIES

Leonid Andreev's Letters to Zinaida Sibileva. Part 2 (1890–1892) text prep. by N.P. Generalova, comment. by M.V. Kozmenko.....	100
<i>Olga Simonova</i> . E.A. Gilyarova's Memoirs about her Censor's and Editor's Work	146
<i>Alexander Sobolev</i> . New Materials about Arthur Khominsky (His Letters to Mikhail P. Alexeev).....	164

ARTICLES. NOTES. REPORTS

<i>Ilya Vinitsky</i> . Old Man Patrikeich: An Introduction to the Cultural Biography of a Hack Writer at the Turn of the 19 th Century.....	182
<i>Mikhail Stroganov</i> . About Admiral Nakhimov, poet Ammosov and Public Unrest.....	218
<i>Alexandre Stroev</i> . Bulgakov and Laboulaye (To the Issue of Sources of "Heart of a Dog").....	231
<i>Vassili Molodiakov</i> . "They Both had their own Pontius Pilate:" Leonid Dolgoplov and Miron Petrovsky Discussing on Bulgakov and Mayakovsky.....	243
<i>Gleb Morev</i> . On the Description of Mandelstam's Socio-Cultural Situation in the 1920s–1930s (Osip Mandelstam and Marietta Shaginyan).....	250
<i>Konstantin Dushenko</i> . Despicable Metal: the Entry of the Idiom into Literature	265

ANECDOTICA

Vladimir Burnashev as an Anecdotist, text prep. by <i>A.I. Reitblat</i> , comm. by <i>A.I. Reitblat</i>	282
--	-----

NEW EDITIONS	315
--------------------	-----

Литературный факт.
2022. № 1 (23)

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 1 (23), 2022

Научная статья
УДК 821.161.1.0
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-23-8-54>

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Неизвестная книга Н.В. Гоголя 1834 г.: замысел, контекст, реминисценции

© 2022, И.А. Виноградов

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия

Аннотация: Статья посвящена изучению одного из многочисленных творческих замыслов Гоголя 1834 г. В результате текстологического анализа устанавливается единство двух исторических сочинений писателя, публиковавшихся ранее как отдельные произведения. Данные рукописей свидетельствуют, что составленная Гоголем «Библиография Средних веков» и написанный тогда же курс средневековой истории (из десяти лекций) представляют собой особое готовившееся к печати издание (оставшееся по неизвестным причинам непопубличованным). Тем самым к нескольким известным книжным изданиям Гоголя добавляется еще одна неизвестная книга. Впервые с «Библиографией Средних веков» и десятью университетскими лекциями Гоголя читатель познакомился в 1896 г., однако до сих пор эти материалы, печатавшиеся раздельно, осмыслены как подготовленное к печати единое целое не были. Устанавливается связь не состоявшегося в 1834 г. издания с тогдашним сотрудничеством Гоголя с министром народного просвещения С.С. Уваровым. В этот период писатель поступил, благодаря министру, на кафедру всеобщей истории Петербургского университета и напечатал в министерском журнале четыре статьи. Анализируется содержание гоголевского лекционного курса и его отношение к другим работам художника. На основании сохранившейся гоголевской программы лекций предлагается возможное название неозаглавленной книги.

Ключевые слова: Гоголь, биография, творчество, интерпретации, эволюция замысла, лекции, история Средних веков, русская история, монархизм.

Информация об авторе: Игорь Алексеевич Виноградов — доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9151-4554>
E-mail: info@imli.ru

Для цитирования: Виноградов И.А. Неизвестная книга Н.В. Гоголя 1834 г.: замысел, контекст, реминисценции // Литературный факт. 2022. № 1 (23). С. 8–54. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-23-8-54>

I

За свою жизнь Гоголь выпустил более десяти книг и сборников: в 1829 г. вышло отдельное издание его идиллии «Ганц Кюхельгартен», затем появились циклы «Вечера на хуторе близ Диканьки» (два издания, 1831–1832, 1836), «Миргород» (1835), «Арабески» (1835), комедия «Ревизор» (два издания, 1836, 1841), поэма «Мертвые души» (1842), четыре тома собрания сочинений (1843), «Выбранные места из переписки с друзьями» (1847). Кроме этих книг в бумагах писателя находится еще одно произведение, которое тоже задумывалось как отдельное книжное издание. Подобно незавершенной книге о Литургии, при жизни Гоголя оно осталось неопубликованным. Эта книга представляет собой труд немаловажного содержания и достаточного объема: она состоит из одиннадцати глав. Прошло более сорока лет после смерти писателя, прежде чем издатели гоголевских сочинений напечатали по рукописям сохранившиеся материалы этой книги.

К сожалению, обнаруженные исследователями рукописи как особое, подготовленное к печати издание осмыслены не были. Части книги были обнаружены в 1896 г. хотя и одна за другой в одном томе собрания гоголевских сочинений (10-е изд., 1889–1896 гг.), однако были представлены в виде двух отдельных фрагментов [21, т. 6]. Те значимые данные рукописи, которые указывали на связь фрагментов между собою, были издателями при публикации опущены. Рядовому читателю из-за отсутствия адекватной информации разобраться в характере гоголевского сочинения было затруднительно. Не исправлена была издательская ошибка и при последующей переподготовке рукописи к новому изданию в 1952 г. [22, т. 9]. До сих пор книга Гоголя по этой причине как цельное произведение остается не известной.

Речь идет о курсе университетских лекций Гоголя 1834 г. по истории европейского средневековья. Начальный раздел книги составляет глава «Библиография Средних веков»; основой корпус — десять законченных лекций, которыми в первой половине сентября 1834 г. Гоголь открыл свой курс средневековой истории в Петербургском университете.

Книга Гоголя сохранилось в трех авторизованных писарских копиях. Первый источник, хранящийся в гоголевском фонде Российской государственной библиотеки в Москве (далее — РГБ), содержит отдельный текст «Библиографии Средних веков»¹. Второй источник,

¹ РГБ. Ф. 74. К. 3. Ед. хр. 12. 5 л.

находящийся в том же архиве, представляет текст десяти лекций². Третий, из фонда Гоголя Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге (далее — РНБ), включает в себя последовательно расположенные «Библиографию Средних веков» и те же десять лекций³ (в этом списке они представлены с незначительными различиями по сравнению со вторым источником).

В источниках анализируемых десяти лекций — и в той рукописи, в которой нет статьи «Библиография Средних веков» (РГБ), и в той, где эта статья представлена как вступительная глава (РНБ), — тексту первой лекции одинаково предшествует римская цифра «II»: «II. Взгляд на состояние Западной Римской империи в последнее время ее существования и на причины, произведшие разрушение ее»⁴; «II. Взгляд на состояние Римской империи в последнее время ее существования и на причины, произведшие разрушение ее»⁵.

Эти данные рукописей точно и наглядно воспроизведены в соответствующих библиографических описаниях, изданных в прошлом веке. В 1940 г. сотрудники РГБ Г.П. Георгиевский и А.А. Ромодановская обозначили римскую цифру «II» в источнике, хранящемся в московском архиве:

«[Выдержки⁶ из лекций по истории средних веков.]

“II. Взгляд на состояние Римской империи в последнее время ее существования...” // (Абу-Джафар) . . . влиянием своим сильно двинул гражданское развитие арабов”» [20, с. 31].

В 1952 г. сотрудник РНБ Р.Б. Заборова, в свою очередь, отметила римское «II» в начале списка лекций, хранящегося в Петербурге (при этом логично и мотивированно перед главой «Библиография средних веков», открывающей гоголевские лекции, исследовательница поставила конъектуру «[I]»):

² РГБ. Ф. 74. К. 3. Ед. хр. 14. 20 л.

³ РНБ. Ф. 199. Ед. хр. 3. 20 л.

⁴ РГБ. Ф. 74. К. 3. Ед. хр. 14. Л. 1.

⁵ РНБ. Ф. 199. Ед. хр. 3. Л. 3.

⁶ Называя материалы рукописи «выдержками», архивисты следовали неточному именованию ее содержания, предложенному ранее Н.С. Тихонравовым и В.И. Шенроком (см. ниже): «Выдержки из лекций по истории средних веков» [21, т. VI, с. 277] (в гоголевской рукописи это название отсутствует). Вопреки такому определению, книга заключает в себе не «выдержки» из лекционного материала, а десять последовательных, полноценных и законченных лекций. При republication рукописи в 1952 г. ее содержание было обозначено Г.М. Фридендером более адекватно, хотя тоже не вполне точно: «Из университетских лекций по истории средних веков» [22, т. IX, с. 106] (см. ниже раздел II наст. статьи).

«II. Библиография средних веков. II. [Выдержки⁷ из лекций по истории средних веков].

I. “Источники для истории средних веков трех родов”... // “...долго боролись с неукротимым невежеством”, на лл. 1–2.

II. “Взгляд на состояние Римской истории <империи>”... // “...двинул гражданское развитие арабов”, на лл. 3–20» [24, с. 9].

Очевидно, что цифра «II» не является порядковым номером лекции. Последующие лекции никаких цифровых обозначений не имеют. По своему содержанию лекция «Взгляд на состояние Римской империи...» является, несомненно, заглавной, т.е. первой. Наличие в обеих рукописях перед первой лекцией цифры «II» однозначно указывает на местоположение всего корпуса лекций за текстом, занимающим первую позицию, и действительное расположение этих лекций во втором источнике после главы «Библиография средних веков» дает окончательное основание утверждать, что библиография и лекции представляют собой единое целое, т.е. являются последовательными частями одного произведения.

Несмотря на эти очевидные данные рукописей, в 1896 и 1952 гг. они были дважды напечатаны исследователями как два отдельных произведения. Ошибка, допущенная издателями, не была случайной. Оба раза, и в 1896 г., и в 1952 г., при подготовке к печати фрагментов рукописи римская цифра «II» перед лекциями исследователями была намеренно опущена. Это и привело к произвольной публикации текстов.

Впервые ошибочная публикация рукописей «Библиографии Средних веков» и цикла из десяти лекций как двух самостоятельных сочинений была допущена Н.С. Тихонравовым и В.И. Шенроком [21, т. VI, с. 273–315, 684–686, 690–694]. Затем ошибка была повторена Г.М. Фридлиндером [22, т. IX, с. 101–144, 598–605]. Возможность исправить неточность — и тем самым ввести в научный и читательский оборот неизвестную книгу Гоголя — у последнего исследователя была. Достаточно было обратить внимание на описание рукописи Г.П. Георгиевского и А.А. Ромодановской 1940 г. К правильному решению проблемы исследователя должна была подвести и работа над самой рукописью. По-видимому, и то и другое сыграло определенную роль. Сам Г.М. Фридлиндер в комментариях

⁷ Архивное описание сделано с учетом публикации Н.С. Тихонравова и В.И. Шенрока [21] и, вероятно, Г.П. Георгиевского и А.А. Ромодановской [20], в результате чего заглавие, данное рукописи Р.Б. Заборовой, повторяет неточность, допущенную в предшествующих изданиях.

отмечал — и даже дважды — несомненное единство разрозненных в 1896 г. фрагментов сочинения. При этом исследователь подчеркивал — и тоже дважды — готовность рукописи (хотя незаглавленной) к печати. Комментируя «Библиографию Средних веков», Г.М. Фридлендер указывал: «По-видимому, она была задумана как составная часть курса Гоголя, так как в рукописи (из фондов РНБ. — *И.В.*) <...> “Библиография средних веков” непосредственно предшествует тексту 10 дошедших до нас университетских лекций Гоголя, переписанных набело и, возможно, предназначавшихся для печати» [42, с. 630]. Непосредственно описывая источник, хранящийся в РНБ, исследователь еще раз сообщал: «Писарская копия с поправками и маргиналиями Гоголя... <...> Текст <...> десяти лекций, переписанный набело и подготовленный для печати. <...> Рукопись <...> открывается <...> “Библиографией средних веков”, за которой непосредственно следует текст лекций» [43, с. 634].

Тем не менее открытия не произошло. Даже собственное двукратное указание на то, что библиография и лекции представляют собой единый текст, никак не повлияло на характер публикации Г.М. Фридлендером материалов книги: как в 1896 г., так и в 1952 г. произведение по-прежнему было напечатано как два отдельных текста. Таким образом, неточность публикаторов привела к тому, что вне поля зрения читателей до настоящего времени остается целая книга Гоголя. Из читательского восприятия изымался чрезвычайно значимый сам по себе факт — важный для изучения биографии и творчества Гоголя в целом, — а именно то, что десять лекций писателя по Средней истории, со вступительной статьей «Библиография Средних веков», представляют собой еще одно намеченное автором книжное издание.

II

Естественно, что сочинение, готовившееся к печати как книга, предполагало титульный лист. Поскольку издание обещало быть многотомным, то, кроме названия, здесь должны были быть представлены и некоторые сведения о структуре книги. Учитывая замысел писателя и сохранившиеся на этот счет фактические данные, при новой текстологической подготовке рукописей к изданию сочинение логично было бы назвать следующим образом:

<История Средних веков. Курс лекций.

I. Библиография Средних веков.

II. Лекции.

Часть первая. До Крестовых походов.
Отделение I. От разрушения Западной империи до Карла
и Гарун аль Рашида>.

Два приведенных подзаголовка этого «титульного листа» — «Часть первая. До Крестовых походов»; «Отделение I. От разрушения Западной империи до Карла и Гарун <аль> Рашида» — взяты непосредственно из гоголевской <Программы университетских лекций по истории Средних веков> [23, т. VIII, с. 132]. Последний из них — «Отделение I...» — точно соответствует содержанию десяти сохранившихся лекций Гоголя: они написаны прямо по указанной программе и последовательно исчерпывают весь ее первый раздел. Такое — собственно гоголевское — название позволяет адекватнее отразить содержание сочинения, сравнительно с теми заглавиями, которые были предложены в 1896 г. Н.С. Тихонравовым и В.И. Шенроком — «Выдержки из лекций по истории средних веков» [21, т. VI, с. 277] — и в 1952 г. Г.М. Фридлендером — «Из университетских лекций по истории средних веков» [22, т. IX, с. 106]. В более адекватном последнем названии, 1952 г., на первое место выдвигается, однако, практическое назначение гоголевского сочинения, тогда как его содержание определяется (как и в заглавии 1896 г.) лишь в самых общих чертах (история Средних веков); при этом очевидная связь сохранившихся лекций с общим замыслом и их конкретная тема в названии не отражены.

Планы писателя в тот период были действительно чрезвычайно широки. До того времени, когда Гоголь отказался от мысли издать свой курс (это произошло по не известным для нас причинам), он, по-видимому, намеревался продолжить первую книгу новыми отдельными выпусками или томами. На это прямо указывает тот подробный план, который он написал незадолго до работы над лекциями (тоже оставшийся незаглавленным), — упомянутую <Программу университетских лекций по истории Средних веков>. Важно не только то, что, как уже указывалось, все десять написанных вскоре лекций точно соответствуют первому разделу этой программы. По своему хронологическому охвату <Программа университетских лекций...> более масштабна: кроме первого «Отделения...», в ней имеются еще три соответствующих раздела средневековой истории. Судя по этому объему, начатый Гоголем труд должен был составить, по его завершении, по крайней мере четыре тома.

В начале программы Гоголь отмечал: «...Учебный год состоит из двух полугодичных курсов» [23, т. VIII, с. 131]. Согласно этому деле-

нию курса на две части, новые тома должны были содержать описание следующих исторических периодов: «Часть первая» — представляющая первую «полугодичную» часть курса — должна была завершаться «Отделением II» — «Веком аравийского просвещения от Карла и Гарун аль Рашида до Крестовых <походов>»; «Часть вторая» — вторая полугодичная часть курса, с заглавием «От Крестовых походов до открытия Америки и сокрушения папской власти», — тоже предполагала два полноценных тома: «Отделение I. До окончания Крестовых походов и появления монголов»; «Отделение II. До сокрушения папской власти» [23, т. VIII, с. 131–136]. Поскольку Гоголь читал университетские лекции на протяжении полного учебного 1834/35 года (а затем во все первое полугодие 1835/36 года), то, кроме десяти начальных лекций, у него, несомненно, должны были быть и записи оставшейся, еще большей части лекционного курса (последние, к сожалению, утрачены; лишь частично сохранились, вместе с подготовительными материалами, столь же многолетние лекции Гоголя, которые он читал в Патриотическом институте четыре с половиной учебных года, с 1831 по 1835 г. [23, т. VIII, с. 11–130, 314–322]).

Известно, что в тот период Гоголь, помимо художественных произведений, действительно задумывал целую серию многотомных исторических изданий: «Историю Малороссии» (в четырех-шести томах); «Всеобщую историю» (в двух-трех томах); «Историю Средних веков» (в восьми-девяти томах). Так, 28 сентября 1833 г., в период творческого кризиса (еще до поступления в университет), он писал М.П. Погодину: «...У меня ничего нет, <...> исключая разве двух начал двух огромных творений, на которых лежит печать отвержения и которых я не смею развернуть» [23, т. X, с. 223]. Под «двумя началами двух огромных творений» Гоголь подразумевал «Историю Малороссии» и «Всеобщую историю». Ранее, 1 февраля 1833 г., он обещал прислать Погодину подготовленную на материале своих лекций 1831–1832 гг. в Патриотическом институте благородных девиц «всеобщую историю и всеобщую географию в трех, если не в двух томах» [23, т. X, с. 205]. 12 февраля 1834 г. он извещал М.А. Максимовича: «Историю Малороссии я пишу всю от начала до конца. Она будет или в шести малых, или в четырех больших томах...» [23, т. X, с. 240]. 23 декабря 1833 г. Гоголь, сообщая А.С. Пушкину о завершении статьи о всеобщей истории, говорил о своих планах, которые намеревался осуществить в Киеве: «Там кончу я историю Украины и юга России и напишу Всеобщую историю, которой, в настоящем виде ее, до сих пор, к сожалению, не только на Руси, но даже и в Европе нет» [23, т. X, с. 234].

22 января 1835 г., с началом второго полугодия 1834/35 учебного года, Гоголь вновь писал Погодину: «Я <...> думаю хватить среднюю историю томиков в 8 или 9, если Бог поможет» [23, т. XI, с. 8]. В тот же день Максимовичу: «Я пишу историю средних веков, которая, думаю, будет состоять томов из 8, если не из 9» [23, т. XI, с. 9]. Около того же времени он говорил А.В. Никитенко, что у него есть «шесть фолиантов для университетских лекций» [10, т. 2, с. 330].

Лекции по истории Средних веков (и — дополнительно, с конца 1834 г. — лекции по Древней истории) Гоголь читал в Петербургском университете по декабрь 1835 г. О его параллельной работе над многотомными средневековой и украинской историями свидетельствует также «Отчет по Санктпетербургскому учебному округу за 1835 год» о состоянии научной деятельности в университете: «Адъюнкт по кафедре истории Гоголь-Яновский сверх должности своей по университету принял на себя труд написать Историю средних веков, которая будет состоять из 8 или 9 томов. Также намерен он издать особенное извлечение из оной истории в одном томе. <...> Также занимается он разысканием и разбором для Истории малороссиян, которой два тома уже готовы...» [5, т. 1, с. 798].

III

Хотя Гоголь отказался от напечатания курса, однако тот период средневековой истории, который был описан им в десяти сохранившихся лекциях, все-таки нашел тогда отражение в печати. Материал лекций получил воплощение в новом гоголевском произведении — статье «О движении народов в конце V века» (статья была напечатана в 1835 г. в «Арабесках»). Сравнение с содержанием курса показывает, что со статьей «О движении народов...» перекликается, во-первых, начальная лекция — «Взгляд на состояние Римской империи в последнее время ее существования...». Близка к статье и вторая лекция — «О движениях народов германских, причинивших разрушение Западной Римской империи»; и начало третьей — «Взгляд на земли Западной империи по занятии их народами германскими...»; частично девятая — «Состояние Восточной Римской империи во время религиозных споров...». Имеются также переклички с шестой и восьмой лекциями — «Состояние франков под начальством королей-предводителей...» и «Состояние Европы неримской и народов, основавшихся на землях, не принадлежавших Римской империи». Таким образом, начало лекционного курса стало в том же 1834 г. основой для одной обширной статьи в «Арабесках».

Еще одно литературно-художественное воплощение исторической темы, которая была обозначена в <Программе университетских лекций...> (послужившей перспективным планом для лекций), представляет собой статья Гоголя «Ал-Мамун», тоже напечатанная в «Арабесках». Она соответствует разделу программы «Упадок государства Гарунова» в «Отделении II» программы [23, т. VIII, с. 132] («Отделение II» прямо следует в программе за «Отделением I», по «пунктам» которого были написаны до этого десять лекций). Т. е. Гоголь даже тогда, когда уже оставил мысль напечатать отдельным изданием свои лекции, продолжал придерживаться принятого ранее плана. Вероятно, это отчасти обуславливалось продолжавшимся чтением Гоголем лекций в университете — к которым он должен был каждый раз готовиться.

Попыткой дальнейшей литературной обработки исторических реалий, упоминаемых в <Программе университетских лекций...>, является гоголевская драма из английской истории «Альфред» 1835 г. (это произведение тоже осталось незавершенным). Драма соответствует, опять-таки, «Отделению II» гоголевской <Программы...>, а именно, разделу «Время норманских наездов»: «Эпоха появления норманов. <...> Страх в Европе, производимый их нападениями <ми>, вторжения их во Францию, в Англию. Встреча с Альфредом. Мудрые распоряжения этого государя к отражению и польза, принесенная государству» [23, т. VIII, с. 133].

Точные соответствия между <Программой...> и последующими произведениями Гоголя с очевидностью свидетельствуют, что исторические материалы, наряду с другими источниками, писатель тоже широко использовал для художественного и литературно-публицистического воплощения. Это касается не только арабской и норманнской эпох; работа относится и к отечественному прошлому и настоящему.

IV

Последовательный анализ «Библиографии Средних веков» и десяти лекций по истории в свою очередь обнаруживает единство гоголевской книги. Согласно строкам письма Гоголя к М.А. Максимовичу от 23 августа 1834 г., работу над университетскими лекциями Гоголь считал «казенной» [23, т. X, с. 276]. Несмотря на это, писатель относился к этой работе не менее добросовестно и на преподавательском поприще трудился с не меньшими самоотдачей и увлечением. Историческую библиографию, с которой он начал курс своих лекций,

он называл «историей истории, обозревающей литературу истории» (лекция «Древняя всеобщая история»; [23, т. VIII, с. 78]).

Содержание вступительной главы неопубликованной книги — «Библиографии Средних веков» — также нашло в 1834 г. воплощение в печати. В «Библиографии...» в числе других упоминаются, в частности, историки И. фон Миллер (Мюллер) и А.Л. Шлецер [22, т. IX, с. 102, 104]. Первоначально «Библиография...» даже начиналась с имени Миллера: «Прежде всего должно упомянуть о Всеобщей истории Иоганнеса Миллера, сочинении, исполненном наблюдательности, ума, верного взгляда и высокой простоты изложения» [22, т. IX, с. 101, 596]. В окончательной редакции, в соответствии с общим направлением курса — изучением проблем падения Римской империи, — швейцарец Миллер был заменен на англичанина Э. Гиббона: «Прежде всего должно упомянуть о Гиббоне, которого История упадка Римской империи, сочинение, означенное глубокою ученостью, <...> первая проложила путь для создания истории средних веков, объяснила и открыла начала ее еще в недрах древнего мира» [22, т. IX, с. 101]. Однако замена Миллера на Гиббона не повлияла на высокую оценку Гоголем швейцарского историка. Эта оценка лишь была перенесена из одного раздела в другой — из «Источников 1-го рода» («Всеобщие истории сред<них> веков») в «Источники 2<-го> рода» («Истории отдель<ных> государств»): «Швейцария имеет полную историю свою в сочинении Иоганнеса Мюллера, сочинении, исполненном великого достоинства» [22, т. IX, с. 103]. В том же году подробную характеристику историков Миллера и Шлецера, добавив к ним И.Г. Гердера, Гоголь дал в статье «Шлецер, Миллер и Гердер». Статья первоначально называлась «Миллер, Шлецер и Гердер» [22, т. VIII, с. 747] (с именем Миллера в начале). Вместе со статьей «О движении народов в конце V века» (написанной, как указывалось, на основе десяти лекций) эта статья и была тоже вскоре напечатана в «Арабесках».

Обе статьи, основанные на материалах курса лекций, были помещены во вторую часть сборника: на втором месте здесь находится «Шлецер, Миллер и Гердер»; ближе к концу, на предпоследней позиции, — «О движении народов...». Таким образом оказывалось, что самое существенное в содержании задуманной Гоголем в 1834 г. книги (обеих частей — и нескольких лекций, и вступительной «Библиографии...») оказалось напечатанным в одном и том же сборнике — в «Арабесках». По-видимому, работа над университетским курсом оказывала самое непосредственное влияние на вызревание замысла сборника.

При создании в сентябре-октябре 1834 г. статьи «Шлецер, Миллер и Гердер» Гоголь прямо повторил те положения о способах адекватного постижения и изображения истории, какие были изложены им ранее в «Библиографии Средних веков». Открывая курс, Гоголь отмечал: «Почти нет такого сочинения, которое бы представило полную историю средних веков в строгом порядке и плане, с высокою художественною отделкою и вообще с достоинствами совершенно классического создания. Причиною этому необыкновенное обилие и разнообразие предметов, из которых сложена средняя история, объять которых вполне почти невозможно или требует глубокого многостороннего гения. Однако же многими, исполненными таланта и больших сведений, были сделаны попытки, замечательные и важные во многих отношениях...» [23, т. VIII, с. 137].

Строки «Библиографии...» о том, что по истории Средних веков «почти нет» труда, который представил бы ее «в строгом порядке и плане, с высокою художественною отделкою», повторяют суждение, высказанное Гоголем в цитированном выше письме к Пушкину 1833 г. (о том, что «Всеобщей истории» «в настоящем виде ее, до сих пор, к сожалению, не только на Руси, но даже и в Европе нет» [23, т. X, с. 234]).

В статье «Шлецер, Миллер и Гердер», носящей ярко выраженный библиографический характер (на это до настоящего времени не обращалось внимания) Гоголь тоже подчеркивал, что написание всеобщей истории до сих пор ограничивалось только «попытками». Наряду с высокими оценками европейских историков в статье содержится нелюбезная критика современной историографии: «Шлецер, Миллер и Гердер были великие зодчие всеобщей истории. <...> Шлецер <...> был <...> одним из первых, тревожимых мыслью о величии <...> истории... <...> ...Его мысли и труды <...> улеглись в небольшой книжке, изданной им для студентов... <...> Миллер представляет собою историка совершенно в другом роде. <...> История его не состоит из непрерывной движущейся цепи происшествий... <...> Одни сильно проникнутые мыслью о истории <...> могут <...> понимать его, другим же он кажется легким и не глубокомысленным. <...> Гердер <...> выпытывает глубоко, вдохновенно, <...> но младенец в познании человека... <...> ...Если бы глубокость результатов Гердера, <...> соединить с быстрым, огненным взглядом Шлецера и изыскательною, расторопною мудростью Миллера, тогда бы вышел такой историк, который бы мог написать всеобщую историю. Но при всем том ему бы еще многого <...> недоставало: ему бы недоставало драматического искусства... <...>

Я бы <...> присоединил еще <...> занимательность рассказа Вальтера Скотта <...>, шекспировское искусство развивать крупные черты характеров <...>, и тогда бы, мне кажется, составилась такой историк, какого требует всеобщая история. Но до того времени Миллер, Шлецер и Гердер долго останутся великими путеводителями» [23, т. VII, с. 319–323]. (Характерно, что Миллер здесь опять возвращается на первое место, которое он занимал в «Библиографии...».)

Сравнительные характеристики отдельных историков, упоминаемых в «Библиографии Средних веков», Гоголь давал позднее и в частных беседах и письмах к друзьям. Само по себе это свидетельствует о его глубокой заинтересованности в вопросах, которые он поднимал, работая над «казенными» (будто бы) лекциями. Такие историко-библиографические характеристики Гоголь излагал в духе статьи «Шлецер, Миллер и Гердер». Так, в начале 1843 г. он говорил А.О. Смирновой: «...Вы воображаете, что я хорошо знаю историю. Совсем нет. Историю никто еще так не писал, чтобы живо можно было видеть или народ, или какую-нибудь личность. Вот один Муратори понял, как описывать народ; у него одного чувствуется все развитие, весь быт, кажется, Генуи; а прочие все сочиняли или только сцепляли происшествия; у них не слышится никакой связи человека с той землей, на которой он поставлен» [5, т. 2, с. 230–231]. Как вспоминала Смирнова, Гоголь, продолжая разговор, советовал ей прочесть сочинение итальянского историка Ч. Канту «История республики» и добавлял: «“Histoire universelle” <Всеобщая история (фр.)> Боссюэта <превосходна, но> написана с одной духовной точки, в ней не видна свобода человека, которому Бог предоставил действовать или хорошо, или дурно; он был католик. Guizot написал хорошо также “Histoire des Revolutions”, но слишком с феодальной точки. Надобно бы найти середину и написать ярче, придать более выпуклости. Я всегда думал написать географию; в этой географии можно бы было увидеть, как писать историю» [5, т. 2, с. 231].

19 ноября (н. ст.) 1838 г. Гоголь писал М.П. Балабиной: «Вы читаете теперь историю Мишле. Это страшный вздор; это совершенно русский Полевой (Гоголь сравнивал “Историю Франции” Ж. Мишле с “Историей русского народа” Н.А. Полевого. — *И.В.*). Но, к счастью, вы не читали Полевого. Мишле, как попугай, повторяет Нибура; обокрал оттуда и оттуда, у того и у другого, умничает не к стати, рассуждает Бог знает как и модный педант, как все французы» [23, т. XI, с. 188–189].

Историк-медиевист В.Ф. Семенов (1896–1973), характеризуя в 1972 г. гоголевскую «Библиографию...», указывал: «Среди мате-

риалов, относящихся к средним векам, большое значение имеет “Библиография средних веков”, составленная Гоголем. Это краткий историографический очерк, дающий перечень источников и литературы по истории средних веков с их краткой характеристикой. Очерк <...> показывает наглядно степень начитанности Гоголя в современной ему медиевистике и ориентировку в самих источниках. <...> ...Гоголь был знаком с главнейшими опубликованными работами европейских ученых. В частности он знал обширные публикации по истории Франции, сделанные Гизо и Тьерри, итальянские публикации Муратори, византийские летописи (во французских переводах) и некоторые другие. Цезарь, Тацит и другие римские историки, свидетельства которых важны для историков древних германцев и крушения Римской империи, были также известны Гоголю. Но особый интерес представляют общие специальные работы по средним векам, которые изучал Гоголь. В общем в перечень литературы входят все наиболее крупные труды по медиевистике на английском, французском и немецком языках, выходившие на Западе в конце XVIII и первой трети XIX веков. Среди них фигурируют такие, считавшиеся долго “классическими” работами, труды, как сочинения английских историков-просветителей Гиббона, Юма, Робертсона, Галлама и др.; представителей французской либеральной-исторической школы первой половины XIX в. Гизо, Тьерри, а также Мишле и Мишо; из немецких ученых названы Раумер, Шлецер, Гердер и другие» [35, с. 19].

Положение «Библиографии Средних веков» в составе курса лекций (а не восприятие ее в качестве отдельной статьи) многое проясняет в характере задуманного в 1834 г. Гоголем издания. Можно предположить, что открывающая курс «Библиография...», помимо своего прямого практического назначения, попутно должна была продемонстрировать перед читательской аудиторией широкую историческую эрудицию преподавателя, только вступающего — по протекции министра народного просвещения С.С. Уварова — на университетскую кафедру. Содержание главы может служить весомым опровержением распространенного ошибочного мнения о том, будто Гоголь почти не готовился к университетским лекциям и читал их чуть ли не экспромтом (свод суждений на этот счет см.: [10, т. 2, с. 329–330, 348–353]). Обстоятельная историческая библиография была одним из дополнительных аргументов в тогдашней идеологической борьбе в пользу основательного познания истории Гоголем. Это было связано с тем, что либеральная ангажированная журналистика, безоговорочно признавая неоспоримый художнический талант Го-

голя, намеренно, однако, принижала, вслед за В.Г. Белинским, его талант как ученого и авторитет как мыслителя.

Ко времени составления обобщающей «Библиографии Средних веков» Гоголь был историком уже «со стажем». Содержание «Библиографии...» обнаруживает в нем не новичка и в изучении, и в преподавании истории. Глубоким интересом к прошлому Гоголь был обязан основательной постановке дела преподавания истории, мировой и отечественной, в его *alma mater* — Гимназии высших наук в Нежине [6]. Собственный преподавательский стаж Гоголя к моменту поступления на должность адъюнкт-профессора всеобщей истории Петербургского университета насчитывал уже более трех лет. При составлении курса лекций и вступительной главы по библиографии Средних веков Гоголь использовал свои лекции по всеобщей истории, читанные с марта 1831 г. в Патриотическом институте, а также свои библиографические разыскания того времени. Совместить поступление на кафедру с выходом в свет книги — учебного пособия по курсу — мог позволить себе не каждый начинающий профессор.

V

За работу над главой «Библиография Средних веков» Гоголь не мог приняться ранее 1834 г., когда прочел в статье О.И. Сенковского «Скандинавские саги» (опубликована в первом номере «Библиотеки для Чтения») известие об издании «Северным Королевским Обществом Антиквариев» в столице Дании Копенгагене многотомного собрания «необнародованных Скандинавских Саг и Поэм»: «...Копенгагенское Ученое Общество предпочтительно избирает к печати исторические источники, имеющие прямую <...> связь с собственным его отечеством и некогда принадлежавшею ему Норвегиею» [36, с. 45–46]. Упоминание о датском издании саг содержится в последнем разделе «Библиографии Средних веков»: «Датское общество издало несколько саг и эдд норманских, объясняющих начало северной истории» [23, т. VIII, с. 140].

Вероятно, непосредственно за подготовку курса лекций по Средней истории, с вступительной библиографической статьей, Гоголь принялся в середине июня 1834 г. — вскоре после того, как подал около 8–10 июня прошение о поступлении на службу в Петербургский университет [10, т. 2, с. 316]. До начала учебного года, т. е. до сентября, оставалось тогда два с половиной месяца. В работе над «Библиографией Средних веков» Гоголь широко использовал библиографические записи, сделанные им предварительно в двух записных

тетрадах — 1832–1835 гг. и 1834–1835 гг. (свод библиографических выписок Гоголя по мировой истории, находящихся в этих тетрадях, с необходимыми пояснениями справочно-библиографического характера, был впервые составлен в 1952 г. Г.М. Фридлиндером: [42, с. 631–634]).

Работа, вероятно, была окончена не позднее 23 августа 1834 г., когда Гоголь в письме к М.А. Максимовичу сообщал, что работает уже «не над лекциями» (которые он, по-видимому, временно тогда оставил — после написания начальных десяти), а «над собственно своими вещами» (т. е. над произведениями «Арабесок» и «Миргорода»): «Я тружусь, как лошадь, <...> но только не над казенною работою т. е. не над лекциями, которые у нас до сих пор еще не начинались, но над собственно своими вещами» [23, т. X, с. 276].

По воспоминаниям одного из гоголевских слушателей в Петербургском университете, Н.И. Иваницкого, «Библиография Средних веков» частично была изложена Гоголем в первой половине сентября 1834 г. на второй лекции, посвященной Великому переселению народов: «Гоголь приехал довольно поздно <...> поговорил немного о великом переселении народов... <...> Наконец, указав нам на кое-какие курсы, где мы можем прочесть об этом предмете, он раскланялся и уехал» [5, т. 1, с. 785].

VI

Допущенные исследователями неточности при публикации рукописей (в названии, в отдельной публикации), отсутствие долгие годы необходимых пояснений о соотношении сохранившихся лекций с полным (годовым) университетским курсом Гоголя, с последующими подготовленными им печатными изданиями, стали одной из причин того, что до настоящего времени не затронутой в исследовательских работах осталась также тесная связь лекционного курса писателя с его художественным творчеством.

В отношении творческой, художественной переработки исторического материала наиболее важной и значимой является в подготовленной Гоголем книге первая лекция. Ее название в двух сохранившихся авторизованных списках произведения отличается. В первом, хранящемся в РГБ (см. выше), его начало выглядит следующим образом: «Взгляд на состояние Западной Римской империи...» [22, т. IX, с. 106, 598]. Во втором, находящемся в РНБ, — оно читается иначе: «Взгляд на состояние Римской империи...» (слово «Западной» здесь отсутствует) [22, т. IX, с. 106].

Первый вариант заглавия (со словом «Западной») соответствует <Программе университетских лекций по истории Средних веков>, а именно, ее начальным строкам: «Отделение I. От разрушения *Западной* империи до Карла и Гарун <аль> Рашида. Прежде всего необходимо рассмотре<ть> статистическое состояние *Западной* империи за 50 лет до ее разрушения» [23, т. VIII, с. 131] (курсив мой. — *И.В.*).

Указание на Западную Римскую империю имеется также в обоих черновых набросках <Программы...>, которые находятся в записных тетрадах Гоголя: первый — в тетради 1832–1835 гг.: «Разделение истории средних веков. Причины падения Западной римской <империи>...» [22, т. IX, с. 593]; второй — в тетради 1833 г.: «Прежде [нежели] приступить к самой древней истории (описка; подразумевается: «Средней истории». — *И.В.*), нужно представить причины падения Западной империи...» [22, т. IX, с. 594].

Черновому заглавию первой главы прямо отвечают и названия последующих двух лекций: второй — «О движениях народов германских, причинивших разрушение *Западной* Римской империи»; и третьей — «Взгляд на земли *Западной* империи по занятии их народами германскими...» (курсив мой. — *И.В.*).

То, что Гоголь в большей мере обращает внимание на крушение западной части Римской империи объясняется, по-видимому, тем, что, по его же словам, в девятой лекции — «Состояние Восточной Римской империи...», разрушение сказалось в западной части намного сильнее, чем в восточной (см. ниже раздел VII наст. статьи). Поскольку Гоголя интересовали прежде всего причины падения империи, то акцент в изучении истории Рима он закономерно делал на Западной империи — как наиболее пострадавшей в катаклизмах. Именно этот аспект в гоголевском восприятии римской истории и стал наиболее значимым для его художественных произведений.

При анализе исторических лекций Гоголя следует иметь в виду особый, «прообразовательный» характер историзма писателя. Гоголь, получивший, как указывалось, основательное историческое образование в годы обучения в Гимназии высших наук в Нежине (в 1821–1828 гг.); несколько лет читавший в Петербурге курсы истории в Патриотическом институте (в 1831–1835 гг.); преподававший древнюю и средневековую историю в Императорском университете (в 1834–1835 гг.); написавший несколько исторических сочинений и статей, тем не менее в своей неозаглавленной <Авторской исповеди> (точнее — в <Авторской апологии>), утверждал: «У меня не было влечения к прошедшему. Предмет мой была современность и жизнь в ее нынешнем быту...» [23, т. VI, с. 231]. В письме к Н.М. Языкову

от 2 января (н. ст.) 1845 г. он пояснял: «...Прошедшее же и отдаленное возлюбляется по мере его надобности в настоящем» [23, т. XIII, с. 11] (см. подробнее: [4, с. 428–430]).

«Современность и жизнь» — были главными «мотиваторами» Гоголя как художника и мыслителя в изучении мировой и отечественной истории. Не только начальная, но и все другие лекции гоголевского курса в большей или меньшей степени пронизывает «имперское» начало, глубокие монархические убеждения, присущие Гоголю с юности. С судьбой Римской империи Гоголь проводил параллель весьма значимую для всей русской истории — представление о Москве как Третьем Риме [11]. Но одновременно в судьбе Древнего Рима он находил и прямую аналогию к парадоксальному «старческому» итогу, перед которым оказалось русское «образованное» общество в XIX в. вследствие неразумного подражания Западу. Этой аналогией между современностью и древнеримским прошлым Гоголь, возможно, был в какой-то степени обязан А.С. Пушкину и С.С. Уварову.

Как говорилось, главное содержание гоголевских лекций — трагические итоги падения империи. Изображенная в курсе картина постепенного крушения Римской империи предстает здесь как глобальная геополитическая «революция», многочисленные явления которых Гоголь отмечал в мировой истории. В отдельном наброске «На бесчисленных тысячах могил...» он писал: «...Сколько разнохарактерных народов <...> не возвратно стерлось с лица <земли>... <...> Сколько бесчисленных революций раскинуло по прошедшему разнохарактерные следствия!» [23, т. VII, с. 154].

Главенствующая для гоголевских лекций проблема, — причины падения империи — была затронута в 1831 г. в переписке А.С. Пушкина с П.А. Осиповой по поводу холерных бунтов. В тот период Гоголь часто общался с Пушкиным в Царском Селе, где они находились по причине эпидемии холеры. Обращаясь к Осиповой, поэт писал: «Знаете ли вы, что в Новгороде, в военных поселениях, произошли волнения? <...> Император отправился туда и усмирил бунт с поразительным мужеством и хладнокровием» [34, т. 14, с. 201, 432–433]. 21 августа 1831 г. Осипова, отвечая Пушкину, проводила прямую параллель между современной российской и древней римской империями и напоминала об историках, «писавших о причинах падения империй»: «...До тех пор, пока храбрый Николай будет придерживаться военных приемов управления, дела будут идти всё хуже и хуже. Должно быть, он читал невнимательно или вовсе не читал “Историю восточной римской империи” Сегюра. (И многих

других авторов, писавших о причинах падений империй.)» [34, т. 14, с. 212, 435].

Возможно, Пушкин познакомил тогда Гоголя с содержанием своей переписки — и тогда же затронутый в ней вопрос стал предметом разговора между ними, а впоследствии получил отражение в гоголевских лекциях. Так или иначе, но как бы прямо в ответ на критику в адрес Государя пушкинской корреспондентки, Гоголь в первой лекции, «Взгляд на состояние Римской империи в последнее время ее существования и на причины, произведшие разрушение ее», отмечает, что «управление» не достигшей зрелости империей «могло быть только в руке одного и с оружием в руках» [23, т. VIII, с. 142]. В последующей лекции об Ал-Мамуне (которая является еще одним произведением Гоголя на ту же тему; она посвящена крушению другой обширной империи — «грозного калифата», «великой империи <...> магометанского мира» [23, т. VII, с. 349]), — Гоголь также указывал, что халиф Гарун, предупреждая «деспотизм» наместников, «умел ускорить весь административный государственный ход и исполнение повелений страхом своей вездесущности», что в «азиатских образах правления, не имеющих определенных законов, вся административная часть падает на самого монарха» [23, т. VII, с. 352]. (Вероятно, отчасти по этой причине Гоголь с особым вниманием относился к предпринятому в 1830 г. по инициативе Императора Николая I многотомному изданию «Полного собрания законов Российской Империи» [15].)

Главным в лекции Гоголя «Взгляд на состояние Римской империи в последнее время ее существования...» является вопрос о «разрушении» империи, здесь называются «причины» исчезновения «монархии Римской». В числе первостепенных причин «разъединения государственных стихий» [23, т. VIII, с. 143], мятежного «взаимного сильного ожесточения между гражданами» [23, т. VIII, с. 144] и окончательного падения Римской империи Гоголь называет «перезрелость» государств, ее составлявших [23, т. VIII, с. 141]. «Перезрелость и упадок» выражались в беспорядочном заимствовании, «всеобщем эгоизме», «жажде к наслаждениям» [23, т. VIII, с. 142] и — преждевременной старости. Во втором абзаце лекции Гоголь писал: «Нацию преобладающую составляли римляне, народ <...> еще <...> не достигший развития жизни гражданской. [Этот народ увидел <...> государство с просвещением, испорченною нравственностью, избытком, естественною промышленностью и жадно бросился перенимать]. Все, что заимствовал он <...>, было блестящее и наружное — роскошь, без утонченного образа мыслей,

понятий и жизни этих народов. Он сократил свой собственный переход и, не испытав мужества, прямо из юношеского состояния перешел к старости» [22, т. IX, с. 107, 598].

Приговор, вынесенный Гоголем древнему миру, — преждевременная старость, к которой пришел народ еще юный, «еще <...> не достигший развития жизни гражданственной», погруженный в заимствованную роскошь, вполне соответствует его оценке современного состояния России, подверженной соблазнам внешнего мира. Подобно древним римлянам, русские, прельщенные западным «просвещением», с «испорченною нравственностью, изобилием, естественною промышленностью», «жадно бросились перенимать».

В этом отношении позиция Гоголя была также близка к похожей оценке тогдашнего состояния русской культуры министра С.С. Уварова. Еще будучи на посту попечителя Санкт-Петербургского учебного округа, Уваров в известном Гоголю⁸ «Письме к Николаю Ивановичу Гнедичу о Греческом экзаметре» (1813), в частности, замечал, что при подражании французской словесности «наша Поезия будет походить на младенца, носящего все признаки дряхлости, или на увядшего юношу» [38, с. 66]. (Эти строки похожи на гоголевскую характеристику римского народа, который «прямо из юношеского состояния перешел к старости» [22, т. IX, с. 107, 598].)

В 1832 г., рассуждая о народности, Уваров добавлял: «...Государственный состав может и должен развиваться подобно человеческому телу: по мере возраста лицо человека меняется, сохраняя лишь главные черты. Речь не идет о том, чтобы противиться естественному ходу вещей, но лишь о том, чтобы не наклеивать на свое лицо чужую и искусственную личину...» [25, с. 98].

Эти же размышления Уваров повторял и в 1833 г.: «Государственный состав, подобно человеческому телу, переменяет наружный вид по мере возраста <...> довольно того, если мы не будем добровольно скрывать лицо под искусственной и нам не сродной личиной; если

⁸ 23 декабря 1833 г. Гоголь, сообщая А.С. Пушкину о завершении «Плана преподавания всеобщей истории», который он собирался представить С.С. Уварову в качестве *profession de foi* для занятия должности профессора всеобщей истории в Киевском университете, замечал: «Если бы Уваров был из тех, каких не мало у нас на первых местах, я бы не решился просить и представлять ему мои мысли. <...> Грустно, когда некому оценить нашей работы. Но Уваров собаку съел. Я понял его еще более по тем беглым, исполненным ума замечаниям и глубоким мыслям во взгляде на жизнь Гётте. Не говорю уже о мыслях его по случаю экзаменов, где столько философического познания языка и ума быстрого» [23, т. X, с. 234]. — Гоголь имел в виду следующие три работы Уварова: «О Гёте» [40]; «Письмо к Николаю Ивановичу Гнедичу о Греческом экзаметре» [38]; «Ответ Г<-на> Уварова на письмо Г<-на> Капниста об экзаметре» [39].

мы сохраним неприкосновенным святилище наших народных понятий...» [41, с. 71].

Кроме Уварова, размышления о преждевременной старости молодого поколения, испорченного «цивилизованной» роскошью, разделял и Пушкин. Широко известны его слова о герое «Кавказского пленника»: «Я в нем хотел изобразить это равнодушие к жизни и к ее наслаждениям, эту преждевременную старость души, которые сделались отличительными чертами молодежи 19-го века» (письмо к В.П. Горчакову 1822 г.) [34, т. XIII, с. 52]⁹.

Выражение, сходное с пушкинским определением «преждевременная старость» и уваровским — «младенца, носящего все признаки дряхлости», — употребил позднее в одной из своих статей известный поэт и критик, друг Пушкина и Гоголя, славянофил С.П. Шевырев. Статья, написанная им в 1841 г., была посвящена только что появившемуся тогда роману М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». «Преждевременная старость души», изображенная впервые Пушкиным в «Кавказском пленнике», получила в интерпретации Шевырева 1841 г., — в соответствии с выражением Уварова о «дряхлом младенце», — определение «собачьей старости» — по народному названию детского заболевания, при котором больной становится похож на старую собаку (медицинское название болезни — прогерия). Имея в виду Печорина, Шевырев писал: «...Что ж это за мертвец 25-летний, увядший прежде срока? Что за мальчик, покрытый морщинами старости? <...> Есть болезнь физическая, которая носит в простонародии неопрятное название собачьей старости: это вечный голод тела, которое ничем насытиться не может. Этой болезни физической соответствует болезнь душевная — *скука* — вечный голод развратной души, которая ищет сильных ощущений и ими насытиться не может. <...> Евгений Онегин, участвовавший несколько в рождении Печорина, страдал тою же болезнью... <...>. Главный же корень всему злу — западное воспитание, чуждое всякого чувства веры» [45, с. 527–529, 532]¹⁰.

⁹ Негативные черты «байронических» типов, распространенных в обществе и изображенных — как данность — А.С. Пушкиным (и, позднее, М.Ю. Лермонтовым), были среди тогдашнего молодого поколения предметом «культового» подражания. Как замечал князь В.Ф. Одоевский в статье, напечатанной в 1836 г. в пушкинском «Современнике», «произведения мрачного гения, возвысившего презрение к людям до поэтического вдохновения, произвели толпу людей, притворившихся несчастливцами в этой жизни» [29, с. 209].

¹⁰ В похожих выражениях С.П. Шевырев рассуждал тогда же — в связи с «Героем нашего времени» — о современном «трагическом водевиле Франции, смеющемся сквозь слезы и плачущем сквозь смех», — называя этот водевиль «вечно юным дитя ее драмы, страдающим теперь тяжким недугом старости», а также

Позднейшее суждение Гоголя о подверженности западному влиянию как «собачьей старости» дошло до нас в дневниковой записи Е.А. Хитрово от 30 ноября 1850 г.: «Француз играет, немец читает, англичанин живет, а русский обезьянствует. Много собачьей старости» [10, т. 6, с. 580].

Перечисленные реминисценции позволяют судить, что уже в 1834 г. Гоголь, размышляя в первой лекции университетского курса о падении Римской империи, о переходе ее обитателей «прямо из юношеского состояния <...> к старости» [22, т. IX, с. 107, 598], в значительной степени решал современные проблемы отношений России и Запада. В первой же лекции по средневековой истории он ставил перед студентами «онегинские» проблемы, обличая, косвенным образом, как «собачью старость» современное западническое «обезьянство». В этих исторических штудиях во многом вызревало его понятие «мертвой души».

Понятие «собачьей старости» для характеристики подражательных явлений отечественной культуры Гоголь употреблял и в 1840-х гг. Так, обличая увлечение радикального славянофила К.С. Аксакова немецкой философией, сказавшееся в его ученой диссертации о М.В. Ломоносове, Гоголь 21 декабря (н. ст.) 1844 г. писал его отцу, С.Т. Аксакову: «Черты ребячества и черты собачьей старости будут в нем попадаться беспрестанно одни подле других и будут служить вечным предметом насмешек журналистов, насмешек глупых, но в основании справедливых» [23, т. XII, с. 545].

Вероятно, Гоголю было известно уже упомянутое определение, данное Шевыревым в 1841 г. лермонтовскому Печорину — как больному, страдающему «собачьей старостью». Однако Гоголь, вынося сходный приговор диссертации Аксакова, обнаружил прямую связь этого народного выражения с образом одного из собственных произведений — поэмы «Мертвые души». Судя по всему, Гоголь раньше и независимо от Шевырева — возможно, следуя Пушкину и Уварову, — размышлял о «собачьей старости» «онегинского»

о главном «недостатке» отечественной литературы: «...Наш недостаток, <...> которым мы наиболее страдаем в нашей Литературе, есть Русская апатия, следствие наших дружеских сношений с Западом. Посадите молодое, свежее растение под тенью столетнего кедра или дуба, который закроет его юное бытие старою тенью широких ветвей своих... <...> Вы увидите, как молодое растение утратит краски юной жизни, будет страдать преждевременною старостью своего дряхлеющего соседа... <...> Этот характер повторяется нередко в нашей литературе: о нем грезят наши повествователи, и еще недавно один из них, блистательно вышедший на поприще Поэта, нарисовал нам ту же Русскую апатию <...> в лице своего героя, которого мы, по чувству национальному, не хотели бы, но должны признать героем нашего времени» [44, с. 266–267, 290–291].

светского общества. Изучение проблем империи в лекции «Взгляд на состояние Римской империи в последнее время ее существования...» нашло отражение и в художественном произведении. Произошло это уже в 1830-х гг.

Сочетание черт «ребячества» и «старости» в труде Аксакова Гоголь характеризовал еще одним выразительным — вполне «сатирическим» образом, который можно считать своего рода «синонимом» понятия «собачьей старости», — «короткая» нога в большом, не по размеру, «сапоге». Гоголь писал: «...Тут иногда мысли то же, что короткие ноги в больших сапогах, так что формы самой ноги-то не видишь, а становится только смешно, что на ней большой сапог. <...> Там есть очень много того, что похоже на короткую ногу в большом сапоге...» [23, т. XII, с. 545].

По-видимому, таким же «синонимом» к «собачьей старости» является у Гоголя и фамилия героя повести о ссоре помещика Перерепенко — образованная от украинского слова «перерепанка» — перезрелый, треснувший плод [37, с. 135]. В фамильном прозвище этого героя тоже заключен намек на преждевременное старение — и даже содержатся исторические реминисценции с удручающим состоянием древних империй в эпоху их заката и упадка (подробнее см. в разделе VII наст. статьи).

Весь этот значимый, с всемирно-историческим подтекстом образный комплекс, во всех его трех «синонимах», и находит свое отражение в «Мертвых душах». Фамилия Перерепенко и само понятие «собачьей старости» отзываются здесь в образе «съежившегося старичишки» Плюшкина в первом томе поэмы [23, т. V, с. 545], а образ «короткой» — маленькой ноги, ноги мальчишки в большом, «великовозрастном» сапоге, — появляется в описании плюшкинского имения (образ «тринадцатилетнего» мальчика, в не подходящей для его возраста обуви, также отвечает народному названию детской болезни «собачьей старости», когда ребенок, по словам давней знакомой Гоголя А.О. Смирновой, «становится похож на старую собаку» [10, т. 4, с. 625]). Несмотря на то, что образ ребенка в больших сапогах возникает в поэме тоже в комическом, «амбивалентном» контексте, это не снижает его важности и остроты: «...Наконец дверь отворилась, и вошел Прошка, мальчик лет тринадцати, в таких больших сапогах, что, ступая, едва не вынул из них ноги. Почему у Прошки были такие большие сапоги, это можно узнать сейчас же: у Плюшкина для всей дворни <...> были одни только сапоги... <...>. Всякий призываемый в барские покои обыкновенно отплясывал через весь двор босиком, но, входя в сени, надевал сапоги и таким уже

образом являлся в комнату. Выходя из комнаты, он оставлял сапоги опять в сенях и отправлялся вновь на собственной подошве. Если бы кто взглянул из окошка в осеннее время <...>, то бы увидел, что вся дворня делала такие скачки, какие вряд ли удастся выделывать на театрах самому бойкому танцовщику» [23, т. V, с. 120–121].

Сапоги не ради сбережения «собственной подошвы», а лишь напоказ — эту приметку «просвещенности» Гоголь изобразил еще в «Вечерах на хуторе близ Диканьки», в повести «Заколдованное место» (1832), где герой тоже пользуется сапогами не по прямому их назначению, но исключительно для соответствия приличиям «порядочного общества» (см. подробнее: [1, с. 87–88]): «А дождь пустился, как будто из ведра. Вот, скинувши новые сапоги и обернувши в хустку, чтобы не покоробились от дождя, задал он такого бегуна, как будто панский иноходец» [23, т. I/II, с. 275]. Об этой же «бережливости», продиктованной щегольством, Гоголь упоминал в «Вии», в характеристике бурсаков-«богословов»: «Богословы особенно были бережливы и аккуратны: для того чтобы не износить сапогов, они скидали их, вешали на палки и несли на плечах, особенно когда была грязь» [23, т. I/II, с. 416–417]. Образы «Заколдованного места», «Вия» и «Мертвых душ» свидетельствуют об определенной распространенности подобного явления во времена Гоголя. Характерно, что, кроме Гоголя, эта бытовая черта была подмечена другими современниками. Так, Н. Ковалевский в 1841 г. в рассказе «Гоголь в Малороссии. Уездная быль» (рассказ напечатан еще до выхода в свет «Мертвых душ») описал похожую сцену как характерную для провинциальных помещиков, старающихся показать свою «просвещенность» и «цивилизованность»: «“...Доложи своему барину, что к нему прихав — Гоголь”. <...> “О што за увальень! Оконфузить меня, бестия!.. Ну, ступай!” Мальчик намеревался уйти в другую комнату. “Постой! постой! — закричал ему Онуфрий Лукич, — да ты с босыми ногами! — Надень же сапоги прежде...”» [26, с. 22–23].

Понятие «собачьей старости», приложимое к образу «съезжившегося» Плюшкина, применимо к герою именно как характерная черта западного влияния (см. подробнее: [2, с. 543–544]). В черновой редакции «Мертвых душ» в описании плюшкинского дома встречается следующее упоминание о Европе: «Дождь и время отвалили во многих местах со стен щекатурку и произвели на них множество больших пятен, из которых одно было несколько похоже на Европу...» [22, т. VI, с. 305].

Ключевой приметой в образе «мертвой души» Плюшкина является его комната, заваленная старым хламом. Не случайно Гоголь

по поводу разносчика, «забросавшего комнату товарами», позднее заметил: «Так и мы накупили всякой всячины у Европы, а теперь не знаем, куда девать» [10, т. 6, с. 556]. Сходным образом в «Выбранных местах из переписки с друзьями» он замечал, что в «нынешнее» время в Россию «нанесены итоги всех веков и, как неразобранный товар, сброшены в одну беспорядочную кучу» (статья «В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность»; [23, т. VI, с. 195]). Вполне «плюшкинское» накопление бессмысленных схоластических знаний Гоголь отмечал и в 1834 г. в статье «Ал-Мамун»: «Багдад превратился в республику разнородных отраслей познаний и мнений. <...> Для араба поле подвигов было заграждено этим бесплодным чужестранным просвещением» [23, т. VII, с. 350–352]¹¹.

VII

Изучение различных недостатков и пороков древней Римской империи, приведших к ее падению, служило Гоголю как государственно ориентированному писателю-сатирику [14; 16] к осмыслению проблем Российской империи. Удручающая картина крушения Римской империи изображается в большинстве лекций гоголевского курса. Она выступает здесь своего рода пророчеством-предупреждением к судьбе России. В третьей лекции — «Взгляд на земли Западной империи по занятии их народами германскими...» — приводится следующая характеристика «отношения германцев к оставшимся римлянам»: «Цветущие римские деревни, загородные дома, жилища римских патрициев были истреблены. Все высшее сословие, составлявшее класс *Privilegii*, большую часть выселилось в разные времена в Византию, провинции восточные или отчасти вступило в число обитателей городов. Весь низший класс был или истреблен,

¹¹ В 1844 г. Гоголь писал также «Близорукому приятелю» (письмо было вызвано юношеским сочинением Ю.Ф. Самарина [13]): «Мысли твои о финансах основаны на чтенье иностранных книг да на английских журналах, а потому суть мертвые мысли. стыдно тебе, будучи умным человеком, не войти до сих пор в собственный ум свой, который мог бы самобытно развиваться, а захламостить его чужеземным навозом» [23, т. VI, с. 134]. В статье «Христианин идет вперед» Гоголь добавлял: «Ум <...> не двинется вперед, покуда не двинутся в нас все другие способности, от которых он умнеет. Отвлеченными чтеньями, размышленьями и беспрестанными слушаньями всех курсов наук его заставишь только слишком немного уйти вперед; иногда это даже подавляет его, мешая его самобытному развитию» [23, т. VI, с. 54–55]. В статье о русской поэзии Гоголь заключал: «Еще <...> не успели мы вывести итогов из множества всяких элементов и начал, нанесенных отовсюду в нашу землю, еще во всяком из нас bestоловая встреча чужеземного с своим, а не разумное извлечение того самого вывода, для которого повелена Богом эта встреча» [23, т. VI, с. 191] (см. также: [18, с. 282–288]).

или продан и обращен в рабство, или тоже поступил в число обитателей городов» [23, т. VIII, с. 152].

Четвертая лекция — «Состояние Италии под владычеством готов, греческого экзархата, ломбардов; их влияние и отношение к римлянам» — тоже начинается с изображения одного из итогов крушения империи: «Италия после всех означенных переворотов явилась к концу V века опустошенной, лишенной почти всех средств существования для небольшого числа обедневших ее жителей» [23, т. VIII, с. 155].

С не менее плачевной картины начинается пятая лекция — «Взгляд на состояние Рима и начало духовной и светской власти пап»: «Рим, прежняя столица древнего мира, совершенно опустел. Пребывание главного епископа, стечение пилигримов, приходивших поклониться гробу апостолов Петра и Павла, очень мало и медленно споспешествовали к возобновлению ограбленных дворцов его и храмов» [23, т. VIII, с. 158].

Только в девятой лекции — «Состояние Восточной Римской империи во время религиозных споров, битв с персами и завладения земель ее арабами» — Гоголь замечает, что разрушение древней Римской империи сказалось на Востоке (тоже далеко не «идеальном») в меньшей степени, чем на Западе: «В империи Восточной Римской сохранилась еще образованность древнего мира... <...> Верховное владычество императора, <...> непомерное богатство и презрительная бедность напоминали римский мир и представляли резкую противоположность полудикой и младенческой жизни государств, основанных на землях прежней Западной империи» [23, т. VIII, с. 166–167].

Одновременно в качестве отдаленного будущего мировой истории — как бы издали «прозреваемого» создания Российской империи — в лекциях намечается славянская тема. Строки третьей лекции — «Взгляд на земли Западной империи по занятии их народами германскими...» — сообщают о «славянах, ворвавшихся в пространство от Дуная до Балтийского моря и занимавших бесчисленными племенами сплошь всю юго-восточную Европу» [23, т. VIII, с. 153]. Эти строки соотносятся, во-первых, с словами школьного наставника Гоголя, директора Гимназии высших наук в Нежине, И.С. Орлая. Глубоко повлиявший в юности на будущего создателя «Страшной мести» и «Тараса Бульбы» Орлай, уроженец Карпатской Руси, в 1825 г. писал: «Россиянин с одним Славяно-Русским языком может пройти <...> даже до конца берегов Адриатического моря» [30, с. 324]. Во-вторых, строки лекции перекликаются

с замечанием самого Гоголя в письме к матери от 26 августа (н. ст.) 1839 г. из Вены о том, что в Триесте «половина италианцев, половина славян, которые говорят почти по-русски — языком очень близким к нашему малороссийскому. Прекрасное Адриатическое море передо мною...» [23, т. XI, с. 247] (см. подробнее: [10, т. 2, с. 433–437; т. 3, с. 282–283]). Н.И. Надеждин в 1836 г. также писал: «Многие ли у нас знают, что до Адриатического моря Рус<с>кой может ехать с одним своим языком; что н<a>п<ример> в Бринне (Брно), за двадцать миль от Вены, он поедет улицей, на которой написано крупными буквами: “мещанская улица”; что каждое урочище, каждый ручеек, каждый холмик, каждая деревня будет откликаться ему знакомым именем; что в пяти верстах от Триеста встретит он сельцо *Общину*, деревню *Сеносечь*; что Лейбах доныне называется *Любяна*, Эрфурт — *Кожухов*, Грец — *Градец*, Рагуза — *Дубровник*, Лейпциг — *Липск* или *Липецк*? Может быть иные и знают, да думают, что славянская речь существует только в устах простонародия, лишенная всех прав гражданства, как н<a>п<ример> у нас языки Финнов, наречия Мордвы, Чувашей, Лапонцев? Это совершенная неправда. Язык славянский так силен, так общ в Австрийской империи, что когда Иосиф II, для прочнейшего единства своих разнородных владений, решился ввести в них один государственный язык, он колебался между немецким и славянским...» [27, с. 242].

Отдельно истории славянства Гоголь посвятил восьмую лекцию курса — «Состояние Европы неримской и народов, основавшихся на землях, не принадлежавших Римской империи». Здесь Гоголь также отмечал: «Славяне были самые древние обитатели восточной Европы. <...> По уничтожении гуннов <...> племена славянские постепенно занимали места, оставляемые германскими, и наполнили Европу от Рагузы до Балтийского моря и Дании» [23, т. VIII, с. 165].

Скудостью и неудовлетворительностью тогдашних трудов по славянской истории объясняется то обстоятельство, что задолго до подготовки к университетским лекциям, Гоголь в 1832 — начале 1834 гг. изучал историю славян отдельно — в основном по первому тому «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина и четырехтомному изданию И.М. Штриттера, посвященному истории славянства, — по «Известиям Византийских историков, объясняющих Российскую историю древних времен...» [46]. В «Библиографии Средних веков» Гоголь упоминал также о летописях «народов славянских», хранящихся «в Императорской» Публичной библиотеке в Петербурге» [23, т. VIII, с. 140]. (Издание начальных русских летописей началось, трудами петербургской Археографи-

ческой комиссии, в 1840-х гг. [32, т. 1–4]; впоследствии, при жизни Гоголя, вышел в 1851 г. еще один том [32, т. 5]¹². О работе Гоголя с архивными источниками свидетельствует его сообщение в письме к И.И. Срезневскому от 1 июня 1834 г. о том, что в достоверности отдельных исторических сведений он убедился из этих материалов: «Справедливость многих я узнал, нашедши доказательства в здешних архивах» [23, т. X, с. 261].)

На основе этих трудов и источников Гоголь составил для себя в 1832 — начале 1834 г. предварительный <Очерк о славянах> (очерк, в свою очередь, остался не озаглавленным и при жизни писателя не печатался) [23, т. VIII, с. 11–24]. Главные выводы этого очерка он прямо использовал затем в лекции «Состояние Европы неримской и народов, основавшихся на землях, не принадлежавших Римской империи». Тщательность изучения исторической литературы и в этом случае лишней раз свидетельствует об основательной подготовленности Гоголя к чтению университетского курса. Обширный материал, проработанный писателем, был максимально сжат в лаконичных формулировках небольшой лекции.

Во всех гоголевских исторических штудиях с настойчивостью повторяется мысль о пагубности политических разделений. В его лекциях, статьях и отдельных набросках эта мысль применяется к самым разным историческим эпохам и государствам, к историям — русской, украинской, европейской, новейшей и древнейшей (включая библейскую) [6, с. 594–595]. В лекции «Состояние Европы неримской...» Гоголь также писал: «Рассеянная жизнь, открытые пространства России, неимение никаких союзов и взаимной связи между племенами были причиною их беспрерывных покорений многочисленными нациями, умевшими повиноваться одному вождю» [23, т. VIII, с. 165]. Мыслью об отсутствии в древней русской истории объединяющего единодушия проникнуто у Гоголя и горько-ироническое замечание в черновой редакции повести «Портрет» 1834 г. о затруднительности для рассказчика «перечесть по именам удельных князей, наполняющих Русскую историю» [22, т. III, с. 616]. С этими строками со своей стороны перекликается содержание раздела «Италия» гоголевского конспекта 1833 г. «Европа в Средние века» книги английского историка Г. Галлама (эта книга была широко использована Гоголем при составлении лекций): «В конце

¹² Этих изданий Гоголь ожидал. В 1837 г. он, к примеру, писал Н.Я. Прокоповичу: «Если что-нибудь вышло по части русской исто<рии>, издания Нестора, или Киевской летописи, Ипатьевской, или Хлебниковского списка — пожалуйста, пришли» [23, т. XI, с. 124]. К последовавшему многотомному собранию [32] Гоголь проявлял неизменный интерес.

XIII <века> считалось на севере Италии столько же принцев, сколько было свободных городов в предшествующем веке. Равенство сил, домашние революции, потрясавшие их троны, препятствовали им похищать владения у соседей. Но число их уменьшалось. Города желали впоследствии <лучше> прибегнуть к блистательным фамилиям, чем к толпе мелких неизвестных тиранов» [23, т. VIII, с. 263]. Критику владетельных распрей, порождаемых мелкими «тиранами», вызывала, таким образом, у Гоголя не только русская история.

Сетую на распри и ссоры многочисленных русских удельных князей, Гоголь в том же 1834 г. (28 мая) писал приятелю М.А. Максимовичу: «Я с ума сойду, если мне дадут русскую историю» [23, т. X, с. 259]. Спустя две недели, обсуждая планы преподавания в Киевском университете, он пояснял: «Если бы это было в Петербурге, я бы, может быть, взял ее, потому что здесь я готов, пожалуй, два раза в неделю на два часа отдать себя скуке» [23, т. X, с. 262] (курсив мой. — И.В.). В том же 1834 г. в статье «Несколько слов о Пушкине» Гоголь, подводя итог своих размышлений об отечественной истории, замечал: «Русская история, только со времени последнего ее направления при императорах приобретает яркую живость; до того характер народа большею частию был бесцветен...» [23, т. VII, с. 276]. Другими словами, для Гоголя — молодого адъюнкт-профессора Петербургского университета — вся русская история до Петра (титул императора был принят Петром I в 1721 г.), оказывалась, вследствие внутренних неурядиц и княжеских ссор, «скучной» и «бесцветной». Этот вывод, с замечанием Гоголя о том, что преподавание русской истории вызывает у него «скуку», прямо повторяет заключительное восклицание в «Повести о том, как *поссорился* Иван Иванович с Иваном Никифоровичем»: «*Скучно* на этом свете, господа!» [23, т. I/II, с. 497] (курсив мой. — И.В.). (Из пояснений Гоголя в письме к Максимовичу следует, что, не желая посвящать себя курсу русской истории, он избегал этим отнюдь не банальной скуки, но куда более серьезного душевного испытания — возможной, вдали от близких людей, «сердечной тоски», связанной с этими лекциями [23, т. X, с. 263].)

Следуя неожиданной, на первый взгляд, аналогии между раздорами реальных героев истории и героями гоголевской повести о ссоре, можно предположить, что именно вследствие глубокого «прообразовательного» художественного мышления Гоголя один из героев повести о двух Иванах и носит, как уже отмечалось, «говорящую» фамилию Перерепенко («Перерепанка, <...> треснувший

плод, потрескавшийся предмет» [37, с. 135]; «Перерепатися, <...> потрескаться, полопаться» [37, с. 135]). Прозвище героя произведения, посвященного непрекращающейся вражде и ссоре, в этом контексте прямо указывает на «перезрелость и упадок» [23, т. VIII, с. 141], чреватые процессами, которые привели когда-то к саморазрушению Римскую империю — с ее враждующими «правителями провинций», «бесконечными спорами» и «ожесточением между гражданами» [23, т. VIII, с. 142–144].

VIII

В статье «Ал-Мамун», а также в незавершенной драме «Альфред», написанных Гоголем по материалам своего курса средневековой истории, причину крушения империи он наблюдал, в числе прочего, именно в оппозиционности местной власти, в том, что «каждый» из «наместников» правителя «обыкновенно стремится быть деспотом»: «...Полномочные наместники вдруг возрастают, и государство наполняется миллионами деспотов» («Ал-Мамун»; [23, т. VII, с. 349]). Этим затрагивались еще два обстоятельства, сопровождавшие падение монархии: появление сепаратизма («Сильные эмиры <...>, почувствовавши слабость связи Багдада, думали о независимости...») [23, т. VII, с. 352]) и возникновение междоусобиц, проблему которых, особенно в начальный период русской истории, Гоголь переживал, как указывалось, исключительно остро (см. также: [8; 9]). В связи с этим задачу монарха в порочном обществе, где «один силился пред другим во что бы то ни стало взять верх хотя бы на одну минуту» (повесть «Рим»; [23, т. III/IV, с. 186]); где каждый стремится «проехать на другом верхом» (повесть «Вий»; [23, т. I/II, с. 442]), Гоголь видел в том, чтобы «подвести под законы и укротить своевольное неустройство <...> беспокойных магнатов государства, глядящих лесным зверем» (драма «Альфред»; [23, т. VII, с. 373]). Помимо многочисленных примеров из истории удельной Руси, кроме примера из истории Ивана Грозного — «притеснявшего и казнившего», ради единства страны, высокородных бояр (статья «О лиризме наших поэтов»; [23, т. VI, с. 47]), пагубность местной аристократии Гоголь отмечал и в истории Италии VI в. — вскоре после утраты ею бывшего римского единства.

В четвертой лекции курса — «Состояние Италии под властью готов, греческого экзархата, ломбардов; их влияние и отношения к римлянам» — он писал: «...В землях ломбардских произошла аристократическая анархия: 30 герцогов, обративших

свое достоинство в наследственное, тиранствовали каждый в своей провинции, <...> установили в больших городах, на место римских префектов, ломбардских графов, <...> и в 10 лет такого правления опустошили города... <...> Ломбардские герцоги, наскучив беспорядочностию своей аристократии, избрали, наконец, короля...» [23, т. VIII, с. 157]. (Слово «наскучив» в приведенной здесь фразе: «наскучив беспорядочностию своей аристократии», — опять напоминает заключительные строки повести о бесконечной ссоре между Иваном Ивановичем и Иваном Никифоровичем: «Скучно на этом свете, господа!».)

Процитированный фрагмент является пересказом Гоголя одного из разделов упомянутого его конспекта книги Г. Галлама «Европа в Средние века», где подчеркивается и «ничтожность» местных враждующих тиранов: «Ломбарды оставались владельцами Фриуля, Вероны, Лигурии, отчасти Генуи, Умбрии и большей части Тосканы. Это пространство они разделили на 30 герцогств... <...> Каждый из них тиранствовал в своем герцогстве, <...> и в продолжении 10 лет такого правления разорили итальянские города, обратили в пепел церкви, <...> наконец, *наскучив ничтожностью* своей беспорядочной аристократии, избрали короля...» («Италия до Оттона»; [23, т. VIII, с. 183]) (курсив мой. — *И.В.*).

Мысль об анархии была даже вынесена Гоголем в заглавие шестой лекции курса — «Состояние франков под начальством королев-предводителей. Их отношения к завоеванным землям. Анархия при не имеющих власти королях и владычество меров» [23, т. VIII, с. 159].

О борьбе монарха с местной аристократией Гоголь размышлял не только в статье «Ал-Мамун» и в драме <Альфред>. Тема единства страны и проблема монарха как ее настоящего вождя — не «наемника», а «пастыря» (Ин. 10, 12), является одной из ключевых для повести «Тарас Бульба», для позднейших «Выбранных мест из переписки с друзьями» и продолжения «Мертвых душ» (см.: [8; 9; 18]).

IX

В своих чаяниях Гоголь определенно рассчитывал на объединительное начало веры. С наибольшей силой и полнотой сплывающее, религиозно-патриотическое воодушевление было изображено им в «Тарасе Бульбе» [4, с. 491–492]. «Религия, — писал он также в первой половине 1830-х гг. в статье “Взгляд на составление Малороссии”, — <...> более всего связывает и образует народы...»

[23, т. VII, с. 160]. Примечателен указываемый Гоголем в этой статье «состав» народностей, входивших, наряду с основной массой «коренных обитателей южной России», в православное запорожское братство: «Дикий горец, ограбленный россиянин, убежавший от деспотизма панов польский холоп, даже беглец исламизма татарин...» [23, т. VII, с. 166]. Гоголь хорошо понимал, что христианская вера может служить не только к сплочению отдельной нации, но и к объединению — и даже «слитию» — разных народов. Излагая в четвертой лекции курса — «Состояние Италии под владычеством готов...» — историю средневековой Италии, он указывал, что принятие в конце VII века ломбардами христианства послужило «к теснейшему слитию наций римской и ломбардской» [23, т. VIII, с. 158].

В связи с темой государственности Гоголь рассматривал духовные вопросы и в пятой лекции курса — «Взгляд на состояние Рима и начало духовной и светской власти пап». Но здесь Гоголь затрагивал несколько иной — «оппозиционный» аспект этой темы. Главным в осмыслении проблем власти стали в этой лекции наблюдения над своеобразным «демократизмом» католицизма. Характеризуя политику римских пап, Гоголь замечал: «...Утеснение <со стороны> герцогов предало их покровительству (покровительству пап. — *И.В.*) народ, ожидавший только случая отложиться от императора» [23, т. VIII, с. 159]. Размышления о том, что папы в борьбе за первенство часто опирались на народные низы — подрывая этим власть европейских монархов, — имеются также в конспекте «Европа в Средние века» книги Г. Галлама: «Несмотря на дарственные свои земли от Константина, Пипина, Карломана и Людовика, папы боролись в самом Риме с префектами, офицерами, присягавшими императору... <...> Чтобы сохранить свои быстрые приобретения, <...> нужно было унижить в Италии власть императора и поднять демократизм городов» (раздел конспекта «Италия» («По смерти Карла Толстого...»); [23, т. VIII, с. 159]).

В лекции «Взгляд на состояние Рима и начало духовной и светской власти пап» Гоголь отмечал: «Римляне изгнали из города императорских чиновников, установили правление, похожее на древнее республиканское, и главою республики провозгласили папу» [23, т. VIII, с. 159]. Главным результатом («главным происшествием»; [23, т. VIII, с. 260]) папской политики явилось, однако, при этом не возрождение «республики», а, опять-таки, «учреждение мелких тираний на развалинах прав республиканских»: «...Все города, так упорно отказывавшиеся от легких знаков покорности императору, потеряли даже память от независимости и были разделены как вот-

чины их новых повелителей» [23, т. VIII, с. 261–262]; «При начале республик ломбардских их ссоры <...> были ограничиваемы посредничеством императора, и потеря этого влияния, может, была одна из причин, доведших Италию до такого состояния...» («Италия» («По смерти Карла Толстого...»)); [23, т. VIII, с. 260].

Проблему духовной власти Гоголь критически затрагивал также в седьмой лекции курса — «Состояние королевства вестготов в Испании и завоевание ее арабами»: «Законы были переделываемы несколько раз <...> под руководством епископов; исполнены нетерпимости, сильного влияния духовенства, отозвавшегося впоследствии инквизициею. Часто дела государственные были решаемы на епископских соборах» [23, т. VIII, с. 163–164].

X

К проблеме соотношения духовной и светской властей Гоголь обратился вновь в девятой лекции курса, носящей характерное название «Состояние Восточной Римской империи во время религиозных споров, битв с персами и завладения земель ее арабами». «Религиозные споры» составляют главный предмет этой лекции. Гоголь писал: «...В Константинополе образовалось совершенно духовное государство: монахи заседали в советах и вместо важных гражданских дел были предлагаемы прения о предметах религиозных, отлучения и проскрипции» [23, т. VIII, с. 172]. Согласно Гоголю, духовные прения и споры в управлении государством в свою очередь разрушали устои империи, подготавливая ее падение.

Для адекватного понимания этой проблематики следует иметь в виду, что в отношении к суевериям и ересям Гоголь всегда занимал последовательную «просветительскую» позицию, полагая, что со временем, усилиями Церкви и правительства, предрассудки и заблуждения будут искоренены. Начиная с «Вечеров на хуторе близ Диканьки», он добродушно высмеивал невежественные верования и предрассудки, а также нелепые суждения изображенных им, по домашним воспоминаниям, народных псевдо-«богословов» [19].

Но одновременно Гоголь считал, что слишком радикальная политика в духовных вопросах может принести вред, истребив в народе не только суеверия, но и зачатки подлинной веры, которые порой «нечувствительно» смешиваются с заблуждениями. «...Жажда бессмертия уже кипит и в неразвившемся человеке», — замечал он по этому поводу в статье «О движении народов в конце V века» [23, т. VII, с. 329]. Представление об исконной религиозности

человека (в том числе людей, «пробывавших во тьме язычества и лишенных Боговедения») Гоголь высказывал позднее во вступлении к «Размышлениям о Божественной Литургии» [23, т. VI, с. 349]. Согласно убеждениям писателя, даже исполненные языческих суеверий старинные народные сказки («Там чудеса: там леший бродит...» [33, с. 7]) обладают — в сравнении с человеком, утратившим всякую веру, — живительной силой, ибо несут в себе породившую их веру в загробный мир. Отсюда замечание в первой лекции гоголевского цикла: «Политеизм обессиленный, давно сокрушенный в своих началах, исполнялся только наружно. <...> ...Суеверие и даже колдовство воцарилось в недрах этого странно смешанного общества» [23, т. VIII, с. 142]. Это замечание относится к дохристианской эпохе, когда начала древних верований были поколеблены. Мысль о позитивности, плодотворности «светлых» религиозных убеждений, свойственных «и не развившемуся» человеку, Гоголь воплотил еще в 1827 г. в «Ганце Кюхельгартене»: «Под портиком божественный мудрец / Ведет высокое о дольнем мире слово; / Кому за доблести бессмертие готово, / Кому позор, кому венец» [23, т. VII, с. 19] (см. подробнее: [1, с. 24]). Размышляя об утрате всякой веры во времена губительных раздоров древнерусских князей, Гоголь в статье «Взгляд на составление Малороссии» замечал: «Народ приобрел хладнокровное зверство, потому что он резал, сам не зная за что. Его не разжигало ни одно сильное чувство — ни фанатизм, ни суеверие, ни даже предрассудок. Оттого, казалось, умерли в нем почти все человеческие сильные благородные страсти, и если бы явился какой-нибудь гений, который бы захотел тогда с этим народом совершить великое, он бы не нашел в нем ни одной струны, за которую бы мог ухватиться и потрясти бесчувственный состав его...» [23, т. VII, с. 161]. Смешанный с суевериями страх перед потусторонними силами играет также немаловажную роль в ранних гоголевских «сказках»-повестях «Вечеров на хуторе близ Диканьки»¹³.

¹³ В статье «Об архитектуре нынешнего времени» Гоголь также замечал: «... Изумление овладевает духом, когда видишь, как почти дикий <...> человек <...> был <...> проникнут и восторжен мыслью о божестве, что невольно показал разоблачение своего гения и упредил медленные годы векового образования» [23, т. VI, с. 266]. В статье «Скульптура, живопись и музыка» он пояснял: «Великий Зиждитель мира <...> дикому, еще не развернувшемуся человеку <...> вдвинул мысль о одошестве. Простыми, без помощи механизма, силами <...> <тот> vorочает гранитную гору, <...> громоздит ее к небу и повергается ниц перед безобразным ее величием. Древнему, ясному, чувственному миру послал Он прекрасную скульптуру, принесшую чистую, стыдливую красоту, — и весь древний мир обратился в фициам красоте. Эстетическое чувство красоты слило его в одну гармонию и удержало от грубых наслаждений» [23, т. VI, с. 288]. Эта же мысль воплощена Гоголем в еще одном произведении «Арабесок» — в эссе «Жизнь» [18]. В заметке «Собственные

В этом отношении к многочисленным дохристианским суевериям и предрассудкам Гоголь считал единственно правильным постепенное просвещение народа — а не насильственные, раздражающие его — и разделяющие государственное единство — «инквизиционные» меры. На примере арабского калифа Ал-Мамуна он демонстрировал, что нетерпимость в духовных вопросах тоже способна разрушить государство. Говоря о попытках Ал-Мамуна истребить суеверия подданных, он писал: «Первым шагом к образованию своего народа он почитал истребление энтузиазма, того энтузиазма, который составлял существование народа аравийского, того энтузиазма, которому он обязан был всем своим развитием и блестящею эпохою, подорвать который — значило подорвать политический состав всего государства. <...> ...Может быть, с дальнейшим только развитием его <араба> могла нечувствительно очиститься его вера. Но Ал-Мамун не постигал азиатской природы своих подданных. <...> Во всяком случае, он дал поучительный урок. Он показал собою государя, который при всем желании блага, <...> был <...> невольно одною из главных пружин, ускоривших падение государства» [23, т. VII, с. 353–354].

Главная ошибка «космополита» Ал-Мамуна как преобразователя арабской «нации» заключалась, по Гоголю, в том, что, вводя христианство, он принялся истреблять «пламенную религиозность» арабов, тогда как ему надо было лишь направить их духовный «энтузиазм» в нужное русло, — так, как это произошло при крещении народов средневековой Европы: «Вера и глубокое почитание варварскими народами жрецов дают в самом начале силу христианским священникам и духовенству» (заметка «История духовной власти в Средние веки»; [23, т. VIII, с. 187]); «...Председательствовали <...> вместо прежних друидов и жрецов епископы, положившие таким образом начало своего сильного влияния» (лекция «Взгляд на земли Западной империи по занятии их народами германскими...»; [23, т. VIII, с. 154]).

результаты о славянах» писатель размышлял: «Религия славян становилась менее сложной, где терялось первое познание жизни» [23, т. VIII, с. 20]. В статье «О малороссийских песнях» Гоголь особо подчеркивал, что «невывразимой поэзии» народных песен, обязанной религиозному чувству, «еще более помогают остатки обрядов древней Славянской Мифологии, которые они покорили Христианству» [23, т. VII, с. 173]. Позднее, в статье о русской поэзии «Выбранных мест из переписки с друзьями», Гоголь упоминал о «бедных останках орд, распалющихся свое воображенье рассказами о богатырях <...>, живущих по тысяче лет на свете», — т. е. о близком к бессмертию долгожительстве, — и о «нашем сказочном русском богатырстве, которое в виде какого-то темного пророчества носится <...> над нашею землею, прообразуя что-то высшее, нас ожидающее...» [23, т. VI, с. 159].

Такое же неразумие, как опрометчивая политика Ал-Мамуна, проявил, по Гоголю, и византийский император, св. правоверный царь Юстиниан (Иустиниан), который, согласно содержанию лекции «Состояние Восточной Римской империи во время религиозных споров...», ослабил государство насильственными мерами против еретиков. В конечном итоге это прямо послужило последовавшему возвышению арабов (последние в свою очередь терпели крушение своей государственности вследствие религиозных раздоров). В лекции о состоянии Византии «во время религиозных споров» Гоголь писал: «...<К> циркам и бегам на колесницах <...> устремилась вся жизнь общественная. Участие, принятое в двух спорящих ристателях, было так сильно, что цвет платьев их, голубого и зеленого, сделался девизом двух партий, к которым присоединились и религиозные причины. Партию голубых большею частию составляли православные, на стороне зеленых были еретики. <...> ...Император решил прекратить партии сект, уже составивших жизнь государства, острием оружия и силою законов, но истощил собственные силы и обезлюдил провинции. Принятое им покровительство в цирке партии голубых дало им всю дерзость производить разбойничества и притеснения. Зеленые, лишённые покровительства законов, составили ожесточенную оппозицию уже против самого императора и правительства. Бунт и сражение, произведенное ожесточением партий, страшно опустошили Константинополь, истребив около 30 тысяч жителей и обратив в пепел лучшие здания в городе» [23, т. VIII, с. 169–170].

В решении проблем единства страны, а также в отношении к вопросу папской политики Гоголь, как и в других политических вопросах, проявлял себя как мыслитель-государственник — и, одновременно, как смиренный христианин [12; 13; 15; 17]. В статье «О Средних веках» он заключал: «Невольнo преклонишь колена, следя чудные пути Провидения: власть папам <...> дана была для того, чтобы в продолжение этого времени юные государства окрепли и возмужали...» [23, т. VII, с. 180]. Во «Взгляде на составление Малороссии» он пояснял: «...Самодержавный папа, как будто невидимо паутиною, опутал всю Европу своею религиозною властью, где его могущественное слово прекращало брань или возжигало ее, где угроза страшного проклятия обуздывала страсти и полудикие народы» [23, т. VII, с. 160]. «И как только народы достигли состояния управлять собою, — продолжал Гоголь в статье «О Средних веках», — власть папы, как исполнившая уже свое предназначение, <...> стала разрушаться... <...> Власть их <...> была то же, что

подмостки и лес для постройки здания; вначале они выше и кажутся значительнее самого строения, но как только строение достигло настоящей высоты, они как ненужные принимаются прочь» [23, т. VII, с. 180]. В 1844 г. Гоголь писал А.О. Смирновой: «Если вам случится в жизни на кого-либо сильно подействовать, <...> воздвигнуть дух человека, старайтесь не о том, чтобы сделаться ему нужной и необходимой, но о том, чтобы довести его до такого состояния, чтобы он не имел в вас нужды, старайтесь возвести его к нему самому, к его собственной самостоятельности, чтобы он не на вас опирался, а на что-то *крепчайшее*. Одним словом, не так следует поступать, как католические попы, которые доводят человека до нерешительности и бессилия ребенка и стараются только о том, чтобы показать, что они *нужны*, а не о том, чтобы показать истинную *необходимость* [самой] религии» [23, т. XII, с. 443–444]. В статье «Занимающему важное место» «Выбранных мест из переписки с друзьями» он повторял: «Смотрите, <...> чтобы никто не опирался чересчур и слишком на вас, как на собственный посох свой, подобно тому как римско-католические дамы опираются на духовников своих, без воли которых они не смеют переступить в другую комнату и ждут для этого исповеди...» [23, т. VI, с. 152].

Осмысление пороков «тиранической» демократии — а также мнимой монархии, использующей в своем деспотическом правлении «демократические» средства, Гоголь продолжил во второй редакции повести «Портрет», где «великодушная Государыня» Екатерина II говорит о том, что знаменитый итальянский поэт «Дант не мог найти угла в своей республиканской родине»: «Государыня заметила, что не под монархическим правлением угнетаются высокие, благородные движения души, <...> что, напротив, одни монархи бывали их покровителями», что «безобразные политические явления и терроризмы республиканские <...> доселе не подарили миру ни одного поэта» [23, т. III/IV, с. 104].

В конспекте Гоголя «Европа в Средние века» книги Г. Галлама говорится, что «в одной из революций, произведенных <...> разветвлением» республиканских заговоров, «Флоренция изгнала из стен своих Данта Алигиери» («Италия» («По смерти Карла Толстого...»); [23, т. VIII, с. 260]). Имея в виду антиреспубликанские взгляды Данте, Гоголь писал, что в «отношении к империи» итальянцы «никогда не прерывали этой нити» и что этому «помогали много поэты, юрисконсульты, вещавшие итальянцам о верховности императора» [23, т. VIII, с. 264]. В 1846 г. в статье «О лиризме наших поэтов» Гоголь тоже замечал: «Высшее значенье монарха прозрели у нас

поэты, а не законоведцы, слышали с трепетом волю Бога создать ее в России в ее законном виде...» [23, т. VI, с. 46].

В другом разделе конспекта книги Г. Галлама — «Флоренция» — Гоголь добавлял: «Домашние революции и непостоянство успехов в заговорах были так часты во Флоренции <...>, что Дант сравнивает <ее> с больным, который, не находя покоя, думает себя облегчить, переменяя беспрестанно положение в своей кровати (смотри Чистилище, песнь 6, E si ben ti ricordi... , etc.)» [23, т. VIII, с. 267].

Обобщая содержание гоголевской книги, можно сказать, что изучение мировой истории в процессе создания лекций послужило Гоголю основой для того кардинального вывода, который он изложил несколько лет спустя в статье «О лиризме наших поэтов»: «Полномощная власть монарха не только не упадет, но возрастет выше по мере того, как возрастет выше образование всего человечества» [22, т. VIII, с. 678–679]. Приводя слова Пушкина, Гоголь сравнивал Государя с «капельмейстером», без которого, «как ни хороши будь все музыканты», «никуда не пойдет концерт» [23, т. VI, с. 43].

XI

В конце 1833 г. — за полгода до создания курса лекций — Гоголь, обращаясь с молитвенным воззванием к своему Ангелу-Хранителю и — одновременно — к наступающему году, восклицал: «Великая, торжественная минута. Боже! <...> У ног моих шумит мое прошедшее, надо мною сквозь туман светлеет неразгаданное будущее. <...> Я совершу... Я совершу! Жизнь кипит во мне. Труды мои будут вдохновенны» («1834» («Великая, торжественная минута»); [23, т. VII, с. 155–156]). Гоголевское «романтическое» воззвание «1834» стало пророческим: «Жаркая просьба эта несомненно достигла цели и была услышана...» [31, с. 382].

Во всех отношениях 1834 г. стал для Гоголя чрезвычайно значимым. Он характеризовался сразу несколькими переменами в судьбе писателя: выходом из продолжительного, почти полторагодового творческого кризиса; сближением с министром С.С. Уваровым, провозгласившим в своей деятельности следование началам Православия, Самодержавия, Народности; публикацией в только что основанном Уваровым «Журнале Министерства Народного Просвещения» четырех статей и поступлением, благодаря министру, на кафедру всеобщей истории Петербургского университета. Следует сказать, что означенный новыми начинаниями 1834 г. был особенным не только для Гоголя. Согласно официальному «Обозрению рас-

положения умов и различных частей государственного управления в 1834 году», таким он явился для многих современников: «...Русские гордятся своим Государем; они видят, что Россия ныне в политическом отношении занимает первое место между европейскими державами, что она составляет оплот всех государей, желающих сохранения порядка...» [28, с. 116]. В судьбе Гоголя 1834-й год, кроме сотрудничества с Уваровым, — признавшего тогда за литературой исключительную честь быть главной выразительницей Народности [10, т. 2, с. 244–245, 284–285; 8, с. 59], — был ознаменован созданием сразу четырнадцати новых произведений (шести повестей и восьми статей). Всего же писатель издал тогда тридцать произведений [16, с. 226]. Наряду с художественными сочинениями, это исторические, географические статьи, искусствоведческие и критические эссе.

К творческим свершениям Гоголя 1834 г. — к ожидавшим тогда публикации сборникам «Миргород», «Арабески», к подготовленным ко второму изданию «Вечерам на хуторе близ Диканьки» — следует добавить, таким образом, еще одну книгу — оформленный для печати курс лекций по истории Средних веков. Оставшийся неизданным, этот курс занимает важное место среди творческих планов Гоголя, свидетельствует о его глубоких монархических убеждениях и об исключительной работоспособности. Книга заставляет серьезно усомниться в достоверности шаржевых суждений юных студентов и последующих критиков о том, будто Гоголь «нисколько не был приготовлен читать университетские лекции истории» (В.В. Григорьев) и «ничего не смыслил в истории» (И.С. Тургенев) [10, т. 2, с. 350]. Позднейшие ангажированные оценки являются очевидным продолжением той идеологической борьбы за интерпретацию гоголевского наследия, которая была развернута западниками после издания в 1847 г. «Выбранных мест из переписки с друзьями» — «самой патриотической книги нашей словесности» [7]. Исторический курс Гоголя 1834 г. служит еще одним подтверждением слов писателя о том, что «внутренне», в главных своих положениях он не изменялся никогда — шел «тою же дорогою», «не шатаюсь и не колеблясь никогда во мнениях главных» (письмо к С.Т. Аксакову от 16 мая (н. ст.) 1844 г.; [23, т. XII, с. 391–392]), т. е. говорит о неизменности религиозно-политических убеждений художника и непротиворечивой последовательности его творческого пути.

Литература

1. *Виноградов И.А.* Гоголь — художник и мыслитель: Христианские основы мирозосерцания. М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2000. 448 с.
2. *Виноградов И.А.* «Дело, взятое из души» // *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч. и писем: в 17 т. / сост., подгот. текстов и коммент. И.А. Виноградова, В.А. Воропаева. М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009. Т. 5. С. 530–571.
3. *Виноградов И.А.* Гоголь — историк и наблюдатель быта // *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч. и писем: в 17 т. / сост., подгот. текстов и коммент. И.А. Виноградова, В.А. Воропаева. М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009. Т. 8. С. 587–617.
4. *Виноградов И.А.* Комментарий // *Гоголь Н.В.* Тарас Бульба. Автографы, прижизненные издания. Историко-литературный и текстологический комментарий / изд. подгот. И.А. Виноградов. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 385–656.
5. *Виноградов И.А.* Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Полный систематический свод документальных свидетельств: в 3 т. М.: ИМЛИ РАН, 2011–2013. 904, 1031, 1168 с.
6. *Виноградов И.А.* «История государства Российского» в творческом наследии Гоголя // А.П. Сумароков и Н.М. Карамзин в литературном процессе России XVIII — первой трети XIX в. М.: ИМЛИ РАН, 2016. С. 141–183.
7. *Виноградов И.А.* Самая патриотическая книга нашей словесности («Выбранные места из переписки с друзьями Николая Гоголя») // Литературный факт. 2017. № 5. С. 416–426. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2017-5-416-426>
8. *Виноградов И.А.* Блаженны миротворцы. От повести о двух Иванах к замыслу «Мертвых душ» // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2017. № 3. С. 7–18.
9. *Виноградов И.А.* Блаженны миротворцы. От повести о двух Иванах к замыслу «Мертвых душ» (продолжение) // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2017. № 4. С. 51–67.
10. *Виноградов И.А.* Летопись жизни и творчества Н.В. Гоголя (1809–1852). С родословной летописью (1405–1808): в 7 т. М.: ИМЛИ РАН, 2017–2018.
11. *Виноградов И.А.* Значение Рима в наследии Гоголя // Творчество Н.В. Гоголя в контексте европейских культур. Взгляд из Рима. Семнадцатые Гоголевские чтения. М.; Новосибирск: Новосиб. издат. дом, 2018. С. 41–51.
12. *Виноградов И.А.* Феномен западничества в славянофильстве: взгляд Гоголя // Литературный факт. 2019. № 2 (12). С. 189–224. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2019-12-189-224>
13. *Виноградов И.А.* Ю.Ф. Самарин как неизвестный адресат «Выбранных мест из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя. К 200-летию мыслителя-славянофила // Вестник славянских культур. 2019. Т. 54. С. 197–212.
14. *Виноградов И.А.* Послужной список Городничего в «Ревизоре». К характеристике политических взглядов Н.В. Гоголя // Литературный факт. 2020. № 1 (15). С. 237–282. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-15-237-282>

15. *Виноградов И.А.* Н.В. Гоголь и законы Российской Империи: К единству наследия писателя // Два века русской классики. 2020. Т. 2, № 2. С. 66–133. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2020-2-2-66-133>

16. *Виноградов И.А.* Н.В. Гоголь и цензура. Взаимоотношения художника и власти как ключевая проблема гоголевского наследия. М.: ИМЛИ РАН, 2021. 864 с. <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0659-8>

17. *Виноградов И.А.* А.С. Хомяков и Н.В. Гоголь: проблема взаимоотношений // Русско-Византийский вестник. 2021. № 1 (4). С. 32–69. https://doi.org/10.47132/2588-0276_2021_1_32

18. *Виноградов И.А.* «Арабески» Н.В. Гоголя: единство проблематики и композиции цикла // Проблемы исторической поэтики. 2021. Т. 19, № 4. С. 234–304. <https://doi.org/10.15393/j9.art.2021.10262>

19. *Виноградов И.А.* Учителство и проповедь в первой напечатанной повести Н.В. Гоголя («Бисаврюк, или Вечер накануне Ивана Купала», 1830) // Проблемы исторической поэтики. 2022. Т. 20, № 1. С. 54–109. <https://doi.org/10.15393/j9.art.2022.10402>

20. *Георгиевский Г., Ромодановская А.* Рукописи Н.В. Гоголя. Каталог. (Гос. б-ка СССР им. В.И.Ленина.) М.: Соцэкгиз, 1940. 128 с.

21. <Гоголь Н.В.> Соч. Н.В. Гоголя: <в 7 т.> Текст сверен с собственноручными рукописями автора и первоначальными изданиями его произведений Н. Тихонравовым и В. Шенроком. 10-е изд. М.; СПб.: Изд-е А.Ф. Маркса, 1896. Т. 6. 832 с.

22. *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч.: <в 14 т.>. <Л.>: Изд-во АН СССР, 1937–1952.

23. *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч. и писем: в 17 т. (15 кн.) / сост., подгот. текстов и коммент. И.А. Виноградова, В.А. Воропаева. М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009–2010.

24. *Заборова Р.Б.* Рукописи Н.В. Гоголя. Описание. (Гос. публ. б-ка им. М.Е. Салтыкова–Щедрина. Труды Отдела рукописей). Л.: [Б.и.], 1952. 54 с.

25. *Зорин А.Л.* Идеология «Православия-Самодержавия-Народности»: опыт реконструкции. (Неизвестный автограф меморандума С.С. Уварова Николаю I) // Новое литературное обозрение. 1997. № 26. С. 71–104.

26. *Ковалевский Н.* Гоголь в Малороссии. Уездная быль // Пантеон Русского и всех Европейских театров. 1841. Ч. 1. № 1. Отд. 2. С. 16–29.

27. *Надеждин <Н.И.>* Европеизм и народность в отношении к русской словесности // Телескоп. 1836. Ч. 31. № 1. С. 5–60; № 2. С. 203–264.

28. Обзорение расположения умов и различных частей государственного управления в 1834 году // Россия под надзором. Отчеты III отделения. 1827–1869. Сборник документов. Сост. М.В. Сидорова, Е.И. Щербакова. М.: Российский фонд культуры, Российский архив, 2006. С. 113–125.

29. <Одоевский В.Ф., князь>. С.Ф. О вражде к просвещению, замечаемой в новейшей литературе // Современник. 1836. № 2. С. 206–217.

30. <Орлай И.С.> О необходимости обучаться преимущественно отечественному языку и нечто о обучении языкам иностранным // Записки, издаваемые от Департамента Народного Просвещения. 1825. Кн. 1. С. 320–330.

31. *Паламарчук П.Г.* Узор «Арабесок» // *Гоголь Н.В.* Арабески / подгот. текстов, послесл., примеч. П. Паламарчука; <художник> Ю. Селивёрстов. М.: Молодая гвардия, 1990. С. 378–390.

32. Полное собрание русских летописей, изданное по Высочайшему повелению Археографическою комиссиею: <в 23 т.>. СПб.: В тип. Эдуарда Праца, 1841. Т. 3 (IV. Новгородские летописи). 308 с.; 1843. Т. 2 (III. Ипатьевская летопись). 379 с.; 1846. Т. 1 (I. П. Лаврентьевская и Троицкая летописи). 269 с.; 1848. Т. 4 (IV. V. Новгородская и Псковская летописи). 363 с.; 1851. Т. 5 (V. VI. Псковские и Софийские летописи). 277 с.

33. <*Пушкин А.С.*> Руслан и Людмила. Поэма Александра Пушкина. 2-е изд., испр. и умнож. СПб.: В тип. Департамента народного просвещения, 1828. XVI + 159 с.

34. *Пушкин.* Полн. собр. соч.: в 16 т. М.; Л.: АН СССР, 1937–1959.

35. *Семенов В.Ф.* Гоголь — историк–медиевист // Из истории западноевропейского Средневековья. Сб. ст. / Московский гос. пед. ин-т им. В.И. Ленина. М.: [Б. и.], 1972. С. 3–20.

36. *Сенковский О.И.* Сандинавские саги // Библиотека для Чтения. 1834. Т. 1. Отд. III. С. 1–77.

37. Словарь української мови. Зібрала редакція журналу «Кієвська Старина». Упорядковав, з додатком власного матеріалу Борис Грінченко / Словарь украинского языка, собранный редакцией журнала «Киевская Старина». Редактировал, с добавлением собственных материалов, Б.Д. Гринченко. Российской Императорской Академией Наук удостоен второй премии Н.И. Костомарова. У Київі / Киев: Друкарня Акційного товариства Н.Т. Корчак-Новицького, 1909. Т. 3. 506 с.

38. *Уваров С.* Письмо к Николаю Ивановичу Гнедичу о Греческом экзаменте // Чтение в Беседе Любителей Русского Слова. 1813. Чтение 13. С. 56–68.

39. <*Уваров С.С.*> Ответ Г<-на> Уварова на письмо Г<-на> Капниста об экзаменте // Чтение в Беседе Любителей Русского Слова. 1815. Чтение 17. С. 18–42.

40. <*Уваров С.С.*> О Гёте. В торжественном собрании Императорской С.-Петербургской Академии Наук, читано Президентом Академии, 22 Марта 1833. М.: В Унив. тип., 1833. 29 с.

41. <*Уваров С.С.*> Доклады министра народного просвещения С.С. Уварова императору Николаю I. Публикация М.М. Шевченко // Река Времен. М.: Река Времен — Эллис Лак, 1995. Кн. 1. С. 67–78.

42. *Фридендер Г.М.* Библиография средних веков. <Комментарий> // *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч.: <в 14 т.>. <Ленинград>: Изд-во АН СССР, 1952. Т. 9. С. 630–634.

43. *Фридендер Г.М.* Из университетских лекций по истории средних веков. <Комментарий> // *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч.: <в 14 т.>. <Ленинград>: Изд-во АН СССР, 1952. Т. 9. С. 634–635.

44. *Шевырев С.* Взгляд Русского на современное образование Европы // Москвитянин. 1841. Ч. I. № 1. С. 219–296.

45. Шевырев С. Герой нашего времени // Москвитянин. 1841. Ч. I. № 2. С. 515–538.

46. <Штриттер И.М.> Известия Византийских историков, объясняющих Российскую историю древних времён и переселения народов; собраны и хронологическим порядком расположены Иваном Штриттером <в рус. переводе В.П. Светова>. СПб.: При Императорской Академии Наук, 1770–1771. Ч. 1–2. 136 + 142 с.; 1774–1775. Ч. 3–4. 227 + 309 с.

Research Article

Nikolai Gogol's Unknown Book, 1834: Intention, Context, Reminiscences

© 2022. Igor A. Vinogradov

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Abstract: The research is devoted to one of the many creative ideas of Gogol in 1834. The textual analysis shows the unity of the two historical works of the writer, which were previously published as separate works. These manuscripts testify that Gogol's "Bibliography of the Middle Ages" and the course of medieval history written at the same time (of ten lectures) represent a special edition that was being prepared for publication (which remained unpublished for unknown reasons). For the first time, the reader got acquainted with the "Bibliography of the Middle Ages" and Gogol's ten university lectures in 1896, but until that moment these materials, published separately, have not been comprehended as a single whole prepared for publication. The publication of the book, which did not take place in 1834, is put in connection with Gogol's then cooperation with the Minister of Public Education S.S. Uvarov. During this period, thanks to the minister, Gogol entered the department of general history of St. Petersburg University and published four articles in the ministerial journal. The article analyzes the content of Gogol's lecture course and its relation to his other works. The author of the article proposes a possible title for the untitled book, based on the surviving Gogol lecture program.

Keywords: Gogol, biography, creativity, interpretations, evolution of design, lectures, history of the Middle Ages, Russian history, monarchism.

Information about the author: Igor' A. Vinogradov — DSc in Philology, Chief Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9151-4554> E-mail: info@imli.ru

For citation: Vinogradov, I.A. "Nikolai Gogol's Unknown Book, 1834: Intention, Context, Reminiscences." *Literaturnyi fakt*, no. 1 (23), 2022, pp. 8–54. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-23-8-54>

References

1. Vinogradov, I.A. *Gogol' — khudozhnik i myslitel': Khristianskie osnovy mirosozertsaniia* [*Gogol as an Artist and Thinker: Christian Foundations of His Worldview*]. Moscow, IWL RAS Publ., Nasledie Publ., 2000. 448 p. (In Russ.)
2. Vinogradov, I.A. “Delo, vziatoe iz dushi.” [“A Matter Taken from the Soul.”]. Gogol', N.V. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 17 tomakh (15 knigakh)* [*Complete Works and Letters: in 17 vols. (15 Books)*], vol. 5. Moscow, Kiev, Moskovskaia Patriarkhiia Publ., 2009, pp. 530–571. (In Russ.)
3. Vinogradov, I.A. “Gogol' — istorik i nabliudatel' byta” [“Gogol as a Historian and Observer of Everyday Life”]. Gogol', N.V. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 17 tomakh (15 knigakh)* [*Complete Works and Letters: in 17 vols. (15 Books)*], vol. 8. Moscow, Kiev, Moskovskaia Patriarkhiia Publ., 2009, pp. 587–617. (In Russ.)
4. Vinogradov, I.A. “Kommentarii” [“Comments”]. Gogol', N.V. *Taras Bul'ba. Avtografi, prizhiznennye izdaniia. Istoriko-literaturnyi i tekstologicheskii kommentarii* [*Taras Bulba. Autographs, Lifetime Editions. Historical, Literary and Textual Commentary*], publ. by I.A. Vinogradov. Moscow, IWL RAS Publ., 2009, pp. 385–656. (In Russ.)
5. Vinogradov, I.A. *Gogol' v vospominaniakh, dnevnikakh, perepiske sovremennikov. Polnyi sistematicheskii svod dokumental'nykh svidetel'stv: v 3 tomakh* [*Gogol in His Contemporaries' Memoirs, Diaries and Correspondence. Complete Systematic Set of Documentary Evidences, : in 3 vols.*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2011–2013. (In Russ.)
6. Vinogradov, I.A. “Istoriia gosudarstva Rossiiskogo v tvorcheskome nasledii Gogolia” [“History of the Russian State in the Creative Heritage of Gogol”]. *A.P. Sumarokov i N.M. Karamzin v literaturnom protsesse Rossii XVIII — pervoi treti XIX v.* [*A.P. Sumarokov and N.M. Karamzin in the Literary Process in Russia in the 18th — the first Third of the 19th Centuries*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2016, pp. 141–183. (In Russ.)
7. Vinogradov, I.A. “Samaia patrioticheskaia kniga nashei slovesnosti (Vybrannye mesta iz perepiski s druž'iami Nikolaia Gogolia)” [“The Most Patriotic Book of Our Literature (Selected Passages from Correspondence with Friends of Nikolai Gogol)”]. *Literaturnyi fakt*, no. 5, 2017, pp. 416–426. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2017-5-416-426> (In Russ.)
8. Vinogradov, I.A. “Blazhenny mirotvortsy. Ot povesti o dvukh Ivanakh k zamyslu ‘Mertvykh dush’.” [“Blessed are the Peacemakers. From the Tale of Two Ivans to the Concept of ‘Dead Souls’.”]. *Vestnik Moskovskogo universiteta*, series 9: Philology, no. 3, 2017, pp. 7–18. (In Russ.)
9. Vinogradov, I.A. “Blazhenny mirotvortsy. Ot povesti o dvukh Ivanakh k zamyslu ‘Mertvykh dush’ (prodolzhenie)” [“Blessed are the Peacemakers. From the Tale of Two Ivans to the Concept of ‘Dead Souls’ (Continuing)”]. *Vestnik Moskovskogo universiteta*, series 9: Philology, no. 4, 2017, pp. 51–67. (In Russ.)
10. Vinogradov, I.A. *Letopis' zhizni i tvorchestva N.V. Gogolia (1809–1852). S rodoslovnoi letopis'iu (1405–1808): v 7 tomakh* [*Chronicle of N.V. Gogol's Life and Work (1809–1852). With the Genealogic Chronicle (1405–1808): in 7 vols.*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2017–2018. (In Russ.)

11. Vinogradov, I.A. “Znachenie Rima v nasledii Gogolia” [“The Meaning of Rome in Gogol’s Legacy”]. *Tvorchestvo N.V. Gogolia v kontekste evropeiskikh kul'tur. Vzgliaid iz Rima. Semnadsatye Gogolevskie chteniia* [N.V. Gogol’s Creativity in the Context of European Cultures. View from Rome. Seventeenth Gogol Readings]. Moscow, Novosibirsk, Novosibirskii izdatel'skii dom Publ., 2018, pp. 41–51. (In Russ.)

12. Vinogradov, I.A. “Fenomen zapadnichestva v slavianofil'stve: vzgliad Gogolia” [“The Phenomenon of Westernism in Slavophilism: Gogol's View”]. *Literaturnyi fakt*, no. 2 (12), 2019, pp. 189–224. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2019-12-189-224> (In Russ.)

13. Vinogradov, I.A. “Iu.F. Samarin kak neizvestnyi adresat ‘Vybrannykh mest iz perepiski s druz'iami’ N.V. Gogolia. K 200-letiiu myslitel'ia-slavianofila” [“Yu.F. Samarin as an Unknown Addressee of ‘Selected Places from Correspondence with Friends’ by N.V. Gogol. To the 200th Anniversary of the Thinker-Slavophile”]. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 54, 2019, pp. 197–212. (In Russ.)

14. Vinogradov, I.A. “Posluzhnoi spisok Gorodnichego v ‘Revizore’. K kharakteristike politicheskikh vzgliadov N.V. Gogolia” [“The Track Record of the Governor in the ‘Government Inspector’. To the Characterization of N.V. Gogol’s Political Views”]. *Literaturnyi fakt*, no. 1 (15), 2020, pp. 237–282. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-15-237-282> (In Russ.)

15. Vinogradov, I.A. “N.V. Gogol' i zakony Rossiiskoi Imperii: K edinstvu nasledii pisatel'ia” [“N.V. Gogol and the Laws of the Russian Empire: Toward the Unity of the Writer’s Heritage”]. *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 2, no. 2, 2020, pp. 66–133. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2020-2-2-66-133> (In Russ.)

16. Vinogradov, I.A. *N.V. Gogol' i tsenzura. Vzaimootnosheniia khudozhnika i vlasti kak kliuchevaia problema gogolevskogo nasledii* [N.V. Gogol and Censorship. The Relationships between the Artist and the Authorities as a Key Problem of Gogol’s Heritage]. Moscow, IWL RAS Publ., 2021. 864 p. <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0659-8> (In Russ.)

17. Vinogradov, I.A. “A.S. Khomiakov i N.V. Gogol': problema vzaimootnoshenii” [“A.S. Khomyakov and N.V. Gogol: the Problem of Relationships”]. *Russko-Vizantiiskii vestnik*, no. 1 (4), 2021, pp. 32–69. https://doi.org/10.47132/2588-0276_2021_1_32 (In Russ.)

18. Vinogradov, I.A. “‘Arabeski’ N.V. Gogolia: edinstvo problematiki i kompozitsii tsikla” [“The ‘Arabesques’ Cycle by N.V. Gogol: Unity of Composition and Problems”]. *Problemy istoricheskoi poetiki*, vol. 19, no. 4, 2021, pp. 234–304. <https://doi.org/10.15393/j9.art.2021.10262> (In Russ.)

19. Vinogradov, I.A. “Uchitel'stvo i propoved' v pervoi napechatannoi povesti N.V. Gogolia (‘Bisavriuk, ili Vecher nakanune Ivana Kupala’, 1830)” [“Teaching and Preaching in the First Printed Short Novel (‘Povest’) by Nikolai Gogol (‘Bisavryuk, or The Evening on the Eve of Ivan Kupala’, 1830)”]. *Problemy istoricheskoi poetiki*, vol. 20, no. 1, 2022, pp. 54–109. <https://doi.org/10.15393/j9.art.2022.10402> (In Russ.)

20. Georgievskii, G., Romodanovskaia A. *Rukopisi N.V. Gogolia. Katalog. (Gosudarstvennaia biblioteka SSSR imeni V.I. Lenina)* [Manuscripts of N.V. Gogol. Catalog. (State Library of the USSR named after V.I. Lenin)]. Moscow, Sotsekgiz Publ., 1940. 128 p. (In Russ.)

21. Gogol', N.V. *Sochineniia. V 7 tomakh* [Compositions. In 7 vols], vol. 6, text prep. by N. Tikhonravov and V. Shenrok. Moscow, St. Petersburg, A.F. Marx Publ., 1896. 832 p. (In Russ.)

22. Gogol', N.V. *Polnoe sobranie sochinenii: v 14 tomakh* [Complete Works: in 14 vols.]. Leningrad, Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1937–1952. (In Russ.)

23. Gogol', N.V. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 17 tomakh (15 knigakh)* [The Complete Works and Letters: in 17 vols. (15 Books)]. Moscow, Kiev, Moskovskaya Patriarkhiya Publ., 2009–2010. (In Russ.)

24. Zaborova, R.B. *Rukopisi N.V.Gogolia. Opisanie. (Gosudarstvennaia publichnaia biblioteka imeni M.E. Saltykova-Shchedrina. Trudy Otdela rukopisei)* [Manuscripts by N.V. Gogol. Description. (State Publication Library Named after M.E. Saltykov-Shchedrin. Proceedings of the Department of Manuscripts)]. Leningrad, [S. n.], 1952. 54 p. (In Russ.)

25. Zorin, A.L. “Ideologiia ‘Pravoslaviia-Samoderzhaviiia-Narodnosti’: opyt rekonstruktsii. (Neizvestnyi avtograf memoranduma S.S. Uvarova Nikolaiu I)” [“The Ideology of ‘Orthodoxy-Autocracy-Nationhood’: the Experience of Reconstruction. (Unknown Autograph of the S.S. Uvarov’s Memorandum to Nicholas I)”]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 26, 1997, pp. 71–104. (In Russ.)

26. Kovalevskii, N. “Gogol' v Malorossii. Uezdnaia byl'” [“Gogol in Little Russia. County Story”]. *Panteon Russkogo i vsekh Evropeiskikh teatrov*, pt. 1, no. 1, section 2, 1841, pp. 16–29. (In Russ.)

27. Nadezhdin, N.I. “Evropeizm i narodnost' v otnoshenii k russkoi slovesnosti” [“Europeanism and Nationality in Relation to Russian Literature”]. *Teleskop*, 1836, pt. 31, no. 1, pp. 5–60, no. 2, pp. 203–264. (In Russ.)

28. “Obozrenie raspolozheniia umov i razlichnykh chastei gosudarstvennogo upravleniia v 1834 godu” [“Review of the Location of Minds and Various Parts of Government in 1834”]. *Rossiia pod nadzorom. Otchety III otdeleniia. 1827–1869. Sbornik dokumentov* [Russia under Supervision. Reports of the III Branch. 1827–1869 Collection of Documents], comp. M.V. Sidorova, E.I. Shcherbakov. Moscow, Rossiiskii fond kul'tury, Rossiiskii arkhiv Publ., 2006, pp. 113–125. (In Russ.)

29. Odоеvskii, V.F., prince. “O vrazhde k prosveshcheniiu, zamechaemoi v noveishei literature” [“On the Hostility towards Enlightenment Seen in the Latest Literature”]. *Sovremennik*, no. 2, 1836, pp. 206–217. (In Russ.)

30. Orlai, I.S. “O neobkhodimosti obuchat'sia preimushchestvenno otechestvennomu iazyku i nechto o obuchenii iazykam inostrannym” [“About the Need to Learn Mainly the Native Language and Something about Teaching Foreign Languages”]. *Zapiski, izdavaemye ot Departamenta Narodnogo Prosveshcheniia*, book 1, 1825, pp. 320–330. (In Russ.)

31. Palamarchuk, P.G. “Uzor ‘Arabesok’” [“Pattern of ‘Arabesques’.”]. Gogol', N.V. *Arabeski* [Arabesques], text prep., afterword, notes by P. Palamarchuk, artist Y. Selivertov. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 1990, pp. 378–390. (In Russ.)

32. *Polnoe sobranie russkikh letopisei, izdannoe po Vysochaishemu poveleniiu Arkheograficheskoiu komissiei, v 23 tomakh* [Complete collection of Russian Chronicles, Published by the Highest Order of the Archaeographic Commission: in 23 vols.], vol. 1: I. II. Laurentian and Trinity Chronicles; vol. 2: III. Hypatian Chronicle; vol. 3:

IV. Novgorod Chronicles; vol. 4: IV. V. Novgorod and Pskov Chronicles; vol. 5: V. VI. Pskov and Sophia Chronicles. St. Petersburg, The printing house of Eduard Pratz Publ., 1841–1851. 269 p., 379 p., 308 p., 363 p., 277 p. (In Russ.)

33. Pushkin, A.S. *Ruslan i Liudmila. Poema Aleksandra Pushkina [Ruslan and Ludmila. Poem by Alexander Pushkin]*, 2nd ed., rev. and enlarged. St. Petersburg, Printing House of the Department of Public Education Publ., 1828. XVI + 159 p. (In Russ.)

34. Pushkin, A.S.. *Polnoe sobranie sochinenii: v 16 tomakh [Complete Works: in 16 vols.]*. Moscow, Leningrad, Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR Publ., 1937–1959. (In Russ.)

35. Semenov, V.F. “Gogol’ — istorik–medievist” [“Gogol as a Medievalist Historian”]. *Iz istorii zapadnoevropeiskogo Srednevekov’ia. Sbornik statei [From the History of the Western European Middle Ages. Collection of Articles]*, Moscow, Moscow State Pedagogical Institute named after V.I. Lenin Publ., 1972. pp. 3–20. (In Russ.)

36. Senkovskii, O.I. “Sandinavskie sagi” [“Sandinavian Sagas”]. *Biblioteka dlia Chteniia*, vol. 1, section III, 1834, pp. 1–77. (In Russ.)

37. *Slovar’ ukrainskogo iazyka, sobrannyi redaktsiei zhurnala “Kievskaiia Starina” [Dictionary of the Ukrainian Language, Collected by the Editors of the Magazine “Kyiv Starina”]*, vol. 3, ed. by B.D. Grinchenko. Kiev, Drukarnia Aktsiinogo tovaristva N.T. Korchak-Novits’kogo Publ., 1909. 506 p. (In Russian and Ukrainian)

38. Uvarov, S. “Pis’mo k Nikolaiu Ivanovichu Gnedichu o Grecheskom ekzamatre” [“Letter to Nikolai Ivanovich Gnedich about the Greek Exameter”]. *Chtenie v Besede Liubitelei Russkogo Slova*, reading 13, 1813, pp. 56–68. (In Russ.)

39. Uvarov, S.S. “Otvét Gospodina Uvarova na pis’mo Gospodina Kapnista ob ekzamatre” [“Answer of Mr. Uvarov to Mr. Kapnist’s Letter about the Exameter”]. *Chtenie v Besede Liubitelei Russkogo Slova*, reading 17, 1815, pp. 18–42. (In Russ.)

40. Uvarov, S.S. *O Gete. V torzhestvennom sobranii Imperatorskoi S.-Peterburgskoi Akademii Nauk, chitano Prezidentom Akademii, 22 Marta 1833 [About Goethe. In the Solemn Meeting of the Imperial St. Petersburg Academy of Sciences, read by the President of the Academy, March 22, 1833]*. Moscow, Universitetskaia Tipografia Publ., 1833. 29 p. (In Russ.)

41. Uvarov, S.S. “Doklady ministra narodnogo prosveshcheniia S.S. Uvarova imperatoru Nikolaiu I” [“Reports of the Minister of Public Education S.S. Uvarov to Emperor Nicholas I”], publ. by M.M. Shevchenko]. *Reka Vremen [River of Time]*, book 1. Moscow, Reka Vremen — Ellis Lak Publ., 1995, pp. 67–78. (In Russ.)

42. Fridlender, G.M. “Bibliografiia srednikh vekov. Kommentarii” [“Bibliography of the Middle Ages. A Comment”]. Gogol’, N.V. *Polnoe sobranie sochinenii: v 14 tomakh [Complete Works: in 14 vols.]*, vol. 9. Leningrad, Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1952, pp. 630–634. (In Russ.)

43. Fridlender, G.M. “Iz universitetskikh lektsii po istorii srednikh vekov. Kommentarii” [“From University Lectures on the History of the Middle Ages. A Comment”]. Gogol’, N.V. *Polnoe sobranie sochinenii: v 14 tomakh [Complete Works: in 14 vols.]*, vol. 9. Leningrad, Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1952, pp. 634–635. (In Russ.)

44. Shevyrev, S. “Vzgliad Russkogo na sovremennoe obrazovanie Evropy” [“Russian View on Modern Education in Europe”]. *Moskvitianin*, part I, no. 1, 1841, pp. 219–296. (In Russ.)

45. Shevyrev, S. “Geroi nashego vremeni” [“Hero of our time”]. *Moskvitianin*, part I, no. 2, 1841, pp. 515–538. (In Russ.)

46. Shtritter, I.M. *Izvestiia Vizantiiskikh istorikov, ob"iasniaiushchikh Rossiiskuiu istoriiu drevnikh vremen i pereseleniia narodov; sobrany i khronologicheskim poriadkom raspolozheny Ivanom Shtritterom* [*News of Byzantine Historians Explaining the Russian History of Ancient Times and the Migration of Peoples; Collected and Arranged in Chronological Order by Ivan Stritter*], parts 1–2; parts 3–4, trans. in Russ. by V.P. Svetov. St. Petersburg, Imperial Academy of Sciences Publ., 1770–1771, 1774–1775, 136 + 142 p., 227 + 309 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 29.05.2021
Одобрена после рецензирования: 30.07.2021
Дата публикации: 25.03.2022

The article was submitted: 29.05.2021
Approved after reviewing: 30.07.2021
Date of publication: 25.03.2022

ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ И ВОКРУГ

Литературный факт.
2022. № 1 (23)

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 1 (23), 2022

Научная статья
с публикацией архивных материалов
УДК 821.161.1.0
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-23-55-99>

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Проект Советской Академии в Риме (1924): Вяч.И. Иванов, А.В. Луначарский, П.С. Коган и другие

© 2022, А.Б. Шишкин
Университет Салерно, Италия

Аннотация: Весной 1924 г. Вяч.И. Иванов был приглашен в Москву для участия в июньских торжествах в связи с 125-летним юбилеем А. Пушкина. Последующие месяцы в столице отличались необыкновенно интенсивным общением с самыми разнообразными кругами. Его записная книжка лета 1924 г. наполнена именами композиторов (Р.М. Глиер, М.Ф. Гнесин, А.Т. Гречанинов, А.Б. Гольденвейзер, Н.Я. Мясковский, Н.К. Метнер, Л.Л. Сабанеев), поэтов и писателей (В.Я. Брюсов, Ю.К. Балтрушайтис, А.П. Глоба, В.В. Казин, В.Г. Лидин, И.Г. Лежнёв, В.О. Нилендер, И.А. Новиков, С.А. Поляков, И.С. Рукавишников, С.В. Шервинский, А.И. Цветаева), режиссеров (В.Э. Мейерхольд, А.Я. Таиров), литературоведов (М.О. Гершензон, Л.П. Гроссман, В.М. Жирмунский, Б.М. Эйхенбаум), художников (А.А. Арапов, Н.П. Ульянов, Н.Н. Вышеславцев, К.Ф. Юон), а также священнослужителей (С.А. Сидоров, П.А. Флоренский), искусствоведов и музейных работников (В.П. Zubov, Н.Е. Машковцев, Б.Н. Терновец, А.М. Эфрос) и др. Многие из этих творческих личностей так или иначе были связаны с деятельностью Государственной Академии Художественных наук (ГАХН). Именно в рамках ГАХНа Иванов читал ряд докладов и лекций, вызвавших значительный отклик аудитории. Получив 4 июля 1924 г. заграничный паспорт для поездки в Италию, Иванов решил отложить отъезд на месяц.

Как можно думать, задержка в Москве была вызвана составлением проекта создания в Риме Государственного Института Истории, Археологии и Искусствования СССР. Этот проект был поддержан президентом ГАХНа П.С. Коганом и народным комиссаром по просвещению А.В. Луначарским. Предполагалось, что Институт станет как исследовательским, так и образовательным учреждением, следуя моделям уже существующих в Риме Академий — Французской Академии в Риме, Французской Школы археологии, Германского археологического института и проч. Как было сформулировано

в первом проекте устава, поданного Ивановым Луначарскому 24 августа 1924 г., «отсутствие России на той арене, где происходит совместная и соревнующая научная работа культурных народов и их высшее научное общение, является каким-то добровольным исключением себя из современной цивилизации и косвенным подтверждением ложных слухов об упадке нашей культуры».

Ключевые слова: Вяч.И. Иванов, А.В. Луначарский, П.С. Коган, О.Д. Каменева (Бронштейн), М.О. Гершензон, Э. Ло Гатто (E. Lo Gatto), ГАХН, НКВД, Римские Академии, институты русской культуры в Европе.

Информация об авторе: Андрей Борисович Шишкин — профессор славистики, Университет Салерно, Италия, Via Giovanni Paolo II, 132 — 84084 Fisciano (SA), Italy. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8762-7791> E-mail: chichkine@gmail.com

Для цитирования: Шишкин А. Б. Проект Советской Академии в Риме (1924): Вяч. Иванов, А.В. Луначарский, П.С. Коган и другие // Литературный факт. 2022. № 1 (23). С. 55–99. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-23-55-99>

Памяти Роберта Бёрда

Русский читатель обязан Роберту Бёрду образцовым комментированным изданием едва ли не самого значительного послереволюционного текста Вяч. Иванова, написанного в споре с М.О. Гершензоном, — «Переписки из двух углов» (М., 2006). Мастерски воссоздав историко-биографический контекст этой книги, Роберт Бёрд рассмотрел «Переписку» как классический текст в истории европейской мысли XX в. Несколькими годами ранее англоязычный читатель получил в свое распоряжение издание «Viacheslav Ivanov. Selected Essays. 2001» — первое издание «Избранной прозы» поэта на английском языке, предпринятое Р. Бёрдом совместно с М. Вахтелем. Издание получило премию от American Association of Teachers of Slavic and Eastern European Languages и переиздано в 2021 г.

К исследователям «серебряного века» обращена монография Бёрда на английском языке о Вяч. Иванове, новаторская по концепции (за ней последовали три другие — о Тарковском, Достоевском и советском кино 1920–1930 гг.). Наша работа опирается на находки и материалы исследования Бёрда «Вяч. Иванов и советская власть» (1999) и вносит новые данные в этот сюжет.

Одной из официальных целей, обозначенных Вяч. Ивановым как при первой, — неудавшейся, попытке уехать в Италию в 1920 г., так и при второй, в 1924 г., было создание в Риме некоего культурного

института. Можно задаться вопросом: что стояло за этим проектом? Был ли он лишь фикцией, химерой, предлогом для получения разрешения на выезд из советской России, или же, напротив, этот проект мог быть продолжением того значительного культурного строительства, которое поэт усиленно осуществлял, находясь на советской службе сначала в Москве в Наркомпросе, а затем в Баку в Азербайджанском университете? Для ответа на этот вопрос необходимо располагать более широкой источниковедческой базой, чем имеющаяся у нас; доступные нам свидетельства и документы на этот вопрос однозначного ответа не дают. Тем не менее определенное суждение может сложиться, если объединить и выстроить по хронологии и систематизировать тематически данные, касающиеся этого сюжета.

1. В опубликованном Р. Бёрдом письме поэта к Н.К. Крупской от 18 июля 1920 г.¹ осталась непрокомментированной одна загадочная фраза: «Я получил от Наркомпроса заграничную командировку с ученою целью и для исполнения поручений Наркомпроса (отчасти с предполагаемым основанием в Италии, по предложению бывшего министра Торри², института русской литературы и искусства)».

Об инициативе создания подобного института, исходившей от министра просвещения и депутата итальянского парламента Андреа Торре, в настоящее время мало что известно как русским, так и итальянским историкам. Между тем, идея создать институт русской культуры в одной из европейских стран — Франции, а также и Италии — содержалась уже в проекте «Союза духовного общения между интеллигенцией России, Франции и Италии “Взаимопонимание”» 1918 г., — проекте, к которому Иванов был непосредственно причастен [55].

Приблизительно в то же время в Москве по инициативе Одоардо Кампа была создана ассоциация “Studio Italiano”; Иванов был одним из ее членов-сооснователей и деятельных участников. В частности, 4 мая 1920 г. он читал в стенах “Studio Italiano” доклад «Душа Ита-

¹ См.: [5, с. 310]. В 1920–1930 гг. Крупская занимала пост завед. Главного политико-просветительного комитета Наркомпроса РСФСР. В работе А. Меймре, Н.А. Богомолова [28, с. 198–199] публикуется запрос НКВД от 5 марта 1920 г. о транзитной визе через Эстонию для Иванова. Далее авторы статьи замечают: «Как кажется, этого ни в коем случае не могло произойти без согласования с ВЧК, Особый отдел которой возглавлял В.Р. Менжинский, и путь за границу для Иванова был открыт». Это предположение представляется ошибочным: паспорт выдавал не НКВД, а непосредственно Комиссариат внутренних дел по одобрении Иностранным отделом ВЧК–ГПУ.

² Andrea Torre (1866–1940) был министром образования в Италии в мае–июне 1920 г., впоследствии стал сенатором.

лии» [1]. В январе 1920 г. Кампа при содействии А.В. Луначарского основал во Флоренции ассоциацию под названием “Amici della Russia. Società italiana per lo studio delle civiltà slave”, по словам современного исследователя, она была образом и подобием московского “Studio”³. В ее члены были привлечены Дж. Преццолини, Дж. Папини и др. Примечательны строки из письма Луначарского к своему заместителю в Наркомпросе, историку М.Н. Покровскому от 3 мая 1920 г.:

Я сделал формальный запрос Шейнману, о том, может ли он дать нам денег на организацию института для изучения России в Италии. Институт этот предложен писателем Одоардо Кампа от имени группы итальянской интеллигенции и с полным благословением министра народного просвещения Торри. Т. Чичерин очень ему сочувствует, также Балабанова и Радек. Не знаю, как ответит Шейнман. Ответ его т. Гинзбург немедленно передаст Вам. Вяч. Иванова направлю тоже к Вам⁴.

Все о том же флорентийском “Studio” напоминал Иванов А.В. Луначарскому в письме от 2 октября того же 1920 г.: «Если <...> наши отношения с Италией складываются благоприятно для поездки туда нашей миссии, не забудьте о моей горячей просьбе присоединить меня к миссии. Знакомые итальянцы твердо надеялись, что “Studio delle civiltà slave” будет существовать с осени! Пришлите мне несколько строк, чтобы я знал, а *quoi m'en tenir*» [5, с. 315].

За этой фразой из письма стоит очень многое. Прежде всего, примечательно само название проектируемого института: “Studio delle civiltà slave”, зеркально соответствующее названию “Studio Italiano”. Кампа покинул Москву летом 1920 г., но с мая 1920 г. в советской столице оказался инициативнейший журналист и политический деятель Андреа Каффи (в 1919 г. вместе с У. Дзанотти-Бьянко он опубликовал исследование о будущем послевоенной Европы), который пытался вдохнуть новые силы в московскую “Studio”⁵. Как Кампа,

³ О Одоардо Кампа см. статью Д. Рицци: [44, с. 308].

⁴ Текст письма приводится полностью в работе Р. Бёрда «Сотворение изгнания: Вячеслав Иванов между Москвой и Римом» (машинопись) [6]; частично: [7, с. 59]. Упоминаются глава НКВД Г.В. Чичерин (1872–1936), секретарь Исполкома Коминтерна А.И. Балабанова (1878–1965), секретарь Коминтерна К.Б. Радек (1885–1939, погиб в лагере), зам. наркома промышленности и торговли А.Л. Шейнман (1886–1944); установить личность Гинзбурга не удалось.

⁵ См. о нем статью М. Брешани: [44, с. 320–322], а также [51; 30; 39].

так и Каффи лучше всего подходили на роль «знакомых итальянцев» Иванова.

Флорентийская “Studio” оказалась мертворожденным проектом, но идея создания в Италии института для исследований славянского мира не была отброшена⁶. В конце 1920 г. Дж. Преццолини, заручившись, как можно думать, согласием других членов-сооснователей, предложил блестящему молодому русисту и слависту Этторе Ло Гатто место ученого секретаря в создаваемом “Istituto di studi slavi” — именно это название мы находим в письме Э. Ло Гатто к Дж. Маверу от 30 декабря 1920 г. [64, с. 297]. В последующие несколько недель название института было уточнено и расширено: он стал именоваться “L’istituto per l’Europa orientale” (или сокращенно Ipeo) — Институт Восточной Европы. В организационный комитет в конце января 1921 г. вошли Дж. Джентиле, Никола Феста, Дж. Преццолини, У. Дзанотти-Бьянко⁷, Ф. Руффини; от Министерства иностранных дел был делегирован юрист А. Джаннини.

2. В 1920, как и в следующем, 1921 г., поездка Иванова за рубеж не могла состояться. Однако надежда не оставляла поэта; в письме из Баку от 20 февраля 1921 г. к Александре Чеботаревской он замечал: «...чего бы я желал, это возобновления дела о моей заграничной командировке» [40, с. 274].

Командировка во многом зависела от А.В. Луначарского — либерального министра из совсем не либерального правительства, каким он в те годы виделся В. Ходасевичу; впрочем, мягче, но ироничнее

⁶ В письме, посланном к Иванову в Рим уже 1 ноября 1924 г. О. Кампа наивно спрашивал: «Не забыли ли Вы наши проекты создать *Studio Russo*? Времена меняются к лучшему, кто знает, еще немного, и мы сможем действительно осуществить столь великое дело!» («Avete dimenticato i nostri progetti per uno *Studio Russo*? I tempi volgono migliori e chissà che migliorando sempre più non si possa ripensare seriamente a dar vita a cotanta impresa!...») // Римский архив Вяч. Иванова (РАИ). Оп. 5. К. 17. Л. 1; на бумаге с грифом: L’istituto di cultura italiana. Lo studio italiano di Mosca. URL: <https://u.to/6pW7Gw> (дата обращения: 10.10.2021).

⁷ С этими деятелями — крупнейшим итальянским философом, с 1922 г. сенатором Дж. Джентили (1875–1944, см. о нем: <https://u.to/K5j7Gw>), ректором римского университета, классическими филологом Н. Феста (1866–1940, см. о нем: <https://u.to/V5j7Gw>), писателем и издателем Дж. Преццолини (1882–1982, см. о нем: <https://u.to/vpn7Gw>), а также политическим деятелем и археологом У. Дзанотти-Бьянко (1889–1963, см. о нем статью Б. Сульпассо: [44]) — Иванов непосредственным образом общался и переписывался в последующие гг. [62, с. 57–58, 141 и др.]. Что касается Э. Ло Гатто, то отношения с ним оказались самыми значительными в последующие итальянские десятилетия Вяч. Иванова. На русском языке материалы об основателях Института Восточной Европы, а также деятельности О. Кампа собраны в книге Г. Маццителли (см.: [27]).

выразился о просвещенном комиссаре Б. Зайцев: «интеллигент и человек вовсе не кровавый»⁸.

В 1920 г. Иванов неоднократно успешно выступал против Луначарского на своих публичных лекциях-диспутах в Москве, собиравших до трех тысяч слушателей. Темы были самые разнообразные — атеизм и религия [26], защита иврита и еврейского театра «Габима» от нападков Луначарского и его марксистского окружения [52, с. 107] и мн. др. Иной раз полемические речи Иванова могли досадить народному комиссару: примечательно свидетельство одного из ближайших друзей поэта о том, как, возвращаясь в автомобиле с какого-то совместного публичного выступления, «Луначарский как бы вскользь сказал, что некоторые ораторы вливают тонкий яд... намекая на В.И.» [53, с. 584]. Но отношения оставались взаимно уважительными; Луначарский назначал Иванову официальные свидания в Кремле⁹; а твердые и сильные слова А.В. Луначарского в письме к Ленину от 28 июля 1920 г. о порядочности и принципиальной лояльности Иванова многого стоили¹⁰.

11 апреля того же 1921 г. в письме к наркому поэт писал о неких «роковых случайностях» — они повлияли на то, что командировка 1920 г. «была сведена на нет». Стало быть, он не знал о запрете на

⁸ *Ходасевич В.* Белый коридор. Из кремлевских воспоминаний [56, с. 244]; *Зайцев Б.* Давнее. Луначарский. Каменев [18, с. 320]. Ср. двусмысленную некрологическую характеристику наркома в дневнике С. Городецкого от 28 декабря 1933 г.: «Умер Луначарский. Полуразночинец западной формации, полуинтеллигент. Широко талантлив, горько-умен — подлинной культуры не хватало, чтобы стать вождем интеллигенции эпохи великого перелома. Блестящий организатор-импровизатор». *Городецкий С.* Из дневников. Публ. В. Енишерлова // Наше наследие. 2001. № 56. С. 166. Аналитический портрет Луначарского как советского политика и интеллектуала см. в замечательной публикации: *Фрезинский Б.* Сюжет из истории большевистской этики (Обмен письмами: Луначарский — Троцкий, 1926) // In *Memoriam: исторический сб. памяти А.И. Добкина.* СПб.; Париж: Феникс-Atheneum, 2000. С. 100–116 (на с. 115–116 — примечательный некролог Луначарскому, принадлежащий Л.Д. Троцкому).

⁹ Письмо В.И. Иванова к М.О. Гершензону от 5 марта 1920 // «Странное существо человек, загадочнее кошки»: переписка М.О. Гершензона с В.И. Ивановым (1909–1925). Публ. Е. Глуховой [50, с. 70] (в публикации это письмо ошибочно датировано 1919 г. — см. оригинал: URL: <https://u.to/5u8dHA> и далее); [18, с. 321].

¹⁰ Ср.: Вяч. Иванов «много раз своей честью заверял, что ни в каком случае не уронит ни своего достоинства, ни достоинства выпустившей его Советской Республики <курсив мой. — А.Ш.> Еще с Бальмонтом я мог допустить, что он что-нибудь сбрыкнул, что же касается В. Иванова, то это человек гораздо более сдержанный и последовательный. Между тем меня действительно серьезно беспокоит состояние и Арцыбашева и Иванова. Очень просил бы Вас распорядиться хотя бы через т. Фотиеву т. Менжинскому, чтобы относительно этих двух лиц запрет был снят, тогда я возбуду о них новое ходатайство в общем порядке. Заметьте, что за Арцыбашева я отнюдь не ручаюсь». Переписка Ленина и Луначарского (1905–1922) // Литературное наследство. М.: Наука, 1971. Т. 80: В.И. Ленин и А.В. Луначарский: Переписка, доклады, документы. С. 208.

выезд, который содержался в официальном ответе ВЧК от 24 июля 1920 г. на письмо Н.К. Крупской, подписанном начальником Иностранного отдела ВЧК В. Менжинским¹¹.

Новая возможность представилась только в 1924 г. Некоторые подробности восстанавливаются благодаря записной книжке Иванова 1924 г., начатой им непосредственно в момент отъезда из Баку¹². На обороте одного из первых ее листов каллиграфической записью карандашом отмечен не только день, но и час начала и конца путешествия в столицу.

На последнем же листе этой записной книжки (Л. 66) Иванов чернилами (именно чернилами поэт выделял для себя самые важные записи) аккуратным бисерным почерком переписал официальное письмо в Правление бакинского университета от имени Общества Любителей Российской Словесности (см.: Приложение 1). Именно благодаря этому официальному письму в судьбе Иванова и его семьи наметился поворот. Письмо это было датировано 23 апреля 1924 г.

Хронология последующих событий такова. 19 мая ректор Азербайджанского университета А.Д. Гуляев¹³ подписал «удостоверение», официально подтверждающее, что Иванов является профессором университета и отправлен в командировку до 15 сентября 1924 г. (РАИ. Оп. 6. Карт. 1. Папка 17. Л. 2. URL: <https://u.to/Y74cHA>). Следующий документ, датированный 26 мая, как будто отменял предыдущий. На самом деле, из него следует, что ректор Гуляев, с которым Иванов еще с весны 1922 г. дружил, решился на чрезвычайные действия: он обратился в коллегия Наркомпроса Азербайджанской ССР с ходатайством о предоставлении поэту годичной командировки за границу с сохранением содержания. Это предложение было поддержано коллегией 22 мая (РАИ. Оп. 6 Карт. 1. Папка 17. Л. 1. URL: <https://u.to/r74cHA>).

Однако, можно предположить, ни Гуляев, ни Иванов, ни его дочь и сын¹⁴ не были уверены в успехе этого предприятия. Поэтому 27 мая, в день отъезда Иванова из Баку в Москву, Гуляев снабдил

¹¹ [5, с. 316]. Ответ В. Менжинского Крупской см.: [5, с. 311–312].

¹² *Иванов В.И.* Записная книжка лета 1924 г. РАИ. Оп. 1. Карт. 5. № 31.

¹³ Профессор истории философии А.Д. Гуляев (1870–1935) был ректором университета с 1923 по 1926 гг.; в Баку Гуляев и Иванов дружили семьями (см. запись в дневнике М. Альтмана от 18 марта 1922 г.: [2, с. 253]).

¹⁴ Ср. в письме Л.В. Ивановой к Е.Д. Векиловой-Эрн от 24 октября 1924 г.: «...отъезд как-то сделался для меня все же внезапным, отчасти потому что я ему до последней минуты не верила. Ведь уже с 20 года мы все собирались, поэтому когда Вячеслав поехал в Москву на пушкинские торжества, я-то собиралась уехать на дачу к знакомым в Киев. И вдруг, как снег на голову телеграмма и пришлось все спешно ликвидировать в Баку, брать Диму в охапку и ехать в Москву» [23, с. 183].

Иванова еще одним документом, удостоверяющим, что поэт командирован «с научной целью» в Москву, Ленинград и «во все другие города СССР» до 1 января 1925 г. (РАИ. Оп. 6. Карт. 1. Папка 16. Л. 1 URL: <https://u.to/OJW6Gw>).

Итак, оставив дочь Лидию и сына Дмитрия в Баку, Иванов приехал в Москву 30 мая, что засвидетельствовал в своей записной книжке:

Москва

Из Баку 27. V. 3 ч<аса> д<ня>

В Москве 30. V. 6 ч<асов> в<ечера>¹⁵

На первых порах он остановился в Москве на Пречистенке, 16, в Доме ученых, находившемся в те годы в ведении Центральной комиссии по улучшению быта ученых (ЦЕКУБУ). О новом облике поэта по возвращении в родной город оставил яркое свидетельство М.О. Гершензон в письме к Л.И. Шестову от 4 июня 1924 г.:

Событие у нас — приезд Вяч. Иванова. <...> Хорош, как давно не был: молод, свеж, бодр и светло настроен — очарователен; и весь блеск прежнего великолепия знаний, памяти, чудесного произнесения иностранных фраз и цитат, и тонкость и сложность афоризмов; так как принимают его всюду царственно, то окрылен и весело возбужден, и каждого окутывает волной ласки и доброты. <...> Видимся каждый день, я наслаждаюсь им и опять влюбился в него; обыкновенно приходит вечером часов в 9, после дневной беготни и приглашенного обеда, усталый и светлый, и сидит до часу, рассказывая о дневных своих хлопотах и встречах и о жизни в Баку [13, с. 300–301].

Гершензону вторила поэтесса Мария Кудашева, в те годы, как и автор «Грибоедовской Москвы», причастная к Академии Художественных Наук (ГАХН). В ее письме к Волошину от 11 июня 1924 г. есть такие строки:

¹⁵ *Иванов В.И.* Записная книжка лета 1924 г. Л. 3 об. // РАИ. Оп. 1. Карт. 5. № 31. URL: <https://u.to/-78cHA> и далее.

О Вячеславе расскажу. Он милей, обаятельней, чем прежде, и мы с ним дружнее, чем прежде. Вижу его часто; и так странно он приехал; неожиданно, как с неба!¹⁶

6 июня 1924 г. в Большом театре состоялся пушкинский вечер. Среди выступающих были А.В. Луначарский, П.Н. Сакулин и Вяч. Иванов. Позднее свидетельство Ольги Шор о вечере могло быть основано как на ее собственных воспоминаниях, так и на позднейших рассказах поэта:

В переполненном зале Большого Театра, где собрались и представители правительства, и старые интеллигенты (и проживавшие в Москве, и для юбилея приехавшие), и множество всяких «работников умственного и физического труда», — выступили с ответственными речами (как гласили всюду развешанные плакаты) «Нарком А.В. Луначарский и проф. В.И. Иванов». Так опять после многих лет они встретились на эстраде; и опять, как тогда, речи их противоборствовали друг другу; и опять, как тогда, блестящая атеистическая проповедь и горячий призыв к религиозному обновлению России были встречены одинаковым сочувствием слушателей, одинаковым взрывом бурных аплодисментов¹⁷.

¹⁶ Письмо М. Кудашевой к М.А. Волошину // РО ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. № 1035. Л. 48–48 об. Пользуюсь приятной возможностью поблагодарить Г. Обатнина за указание на этот материал. Кудашева в 1920-е гг. работала секретарем П.С. Когана по литературным делам. Примечательно, что в опубликованной четырьмя годами позже в Париже поэтической книге Кудашевой находим цикл из 10 французских стихотворений, посвященных Вяч. Иванову и датированных 1924 г. [63, с. 125–139]. Для общего представления об этой примечательной книге и ее авторе отметим, что в ней — два стихотворения посвящены Л.Д. Троцкому и Б.Л. Пастернаку, два — М. Волошину и Р. Роллану, а Вяч. Иванову — еще другие 9 стихотворений разных лет. О М. Кудашевой-Роллан см. прежде всего: [31; 32; 33].

¹⁷ *Дешарт [Шор] О.А.* Введение [19, с. 172–173]. Ср. также: Иванов говорил «о “Цыганах” и о необходимости для России вновь обрести свой религиозный лик. В. И<ванов> имел большой успех; ему много аплодировали, не меньше, чем Луначарскому, который на том же заседании, непосредственно до В. И<ванова>, прочел речь, утверждавшую как раз обратное» // Письмо О.А. Шор к Ф.А. Степуну от 30 июня 1963 г. [21, с. 120, примеч. 2]. Совсем иначе запомнился вечер В.А. Мануйлову, см.: [21, с. 356]. На следующий день в газете «Правда» появился убийственный разнос «пушкинистов» Л.С. Сосновского (*Сосновский Л.* О Пушкине. За что любил Пушкина Ленин? // Правда. 1924. 7 июня. С. 1). Целью Сосновского, как можно думать, прежде всего была дискредитация Луначарского. Однако, как замечает современный исследователь, эта статья послужила сигналом к политической травле пушкинистов и пушкиноведения [12, с. 122].

Илл. 1. Н.Н. Вышеславцев. Портрет Вяч. Иванова. 1924. (ГРМ)

После заседания была исполнена опера «Евгений Онегин» с Л.А. Собиновым в роли Ленского. 9 июня П.Н. Сакулин писал Собинову: «...сидел вместе с ВИ, и умиленно слушали любимого певца» [49, с. 132].

Видимо, в один из следующих дней Вяч. Иванов был приглашен на официальный прием в Наркомпрос к А.В. Луначарскому. Стиль приема запомнился В.А. Мануйлову:

Вскоре после приезда в Москву состоялось свидание В.И. Иванова с А.В. Луначарским. Вячеслав Иванович пригласил меня сопровождать его, и мы отправились утром из Дома Ученых на Чистые

Пруды, д. № 6, где помещался тогда Наркомпрос. В.И. Иванова пригласили в кабинет Луначарского. Тут, во время их разговора, я увидел, насколько Анатолий Васильевич уважал и, больше того, любил Вячеслава Ивановича. Луначарский был человеком необычайной широты интересов. В свое время он часто бывал по средам «на башне» у Вячеслава Иванова, спорил там с Н. Бердяевым, с Д. Мережковским, с В.В. Розановым¹⁸. И вот теперь, в 1924 году, возобновился разговор людей, хорошо знавших друг друга. Это не была беседа руководителя комиссариата просвещения с одним из деятелей культуры, это была непринужденная встреча добрых знакомых, конечно, не единомышленников, но людей, хорошо понимавших друг друга [21, с. 355].

Илл. 2. Ю. Анненков. Портрет А.В. Луначарского

К сожалению, В.А. Мануйлов никак не обмолвился о самом предмете разговоров у Луначарского. Следует думать, что деловым содержанием встречи должно было быть обсуждение цели и условий

¹⁸ При том, что в хрониках башенных сред имя Луначарского упоминается лишь единожды [8, с. 165], свидетельство В.А. Мануйлова подтверждает близкий друг поэта Е.В. Аничков: «Тут выступали гости — не поэты: профессора Ростовцев, режиссер Зелинский <...> чаще других бывал Луначарский», см.: [3, с. 516].

отъезда Иванова за рубеж. Тогда же, скорее всего, Иванов дал обещание не сотрудничать с русской эмигрантской прессой, — обещание, о котором он не раз вспоминал позднее¹⁹. Примечательно, однако, что поэт намеревался воспользоваться своими короткими отношениями с наркомом, чтобы поднять вопрос о разрешении на отъезд за границу М.М. Морозовой. Об этом находим несколько строк в записной книжке лета 1924 г.:

Переговорить с А.В. Л<уначарским> о Марии Михайловне Морозов<ой>²⁰. Отказано в визе в июле <...> Собиралась в Италию с Кончаловскими. Имеет Кончаловских <?> и сестру в Италии (Л. 31).

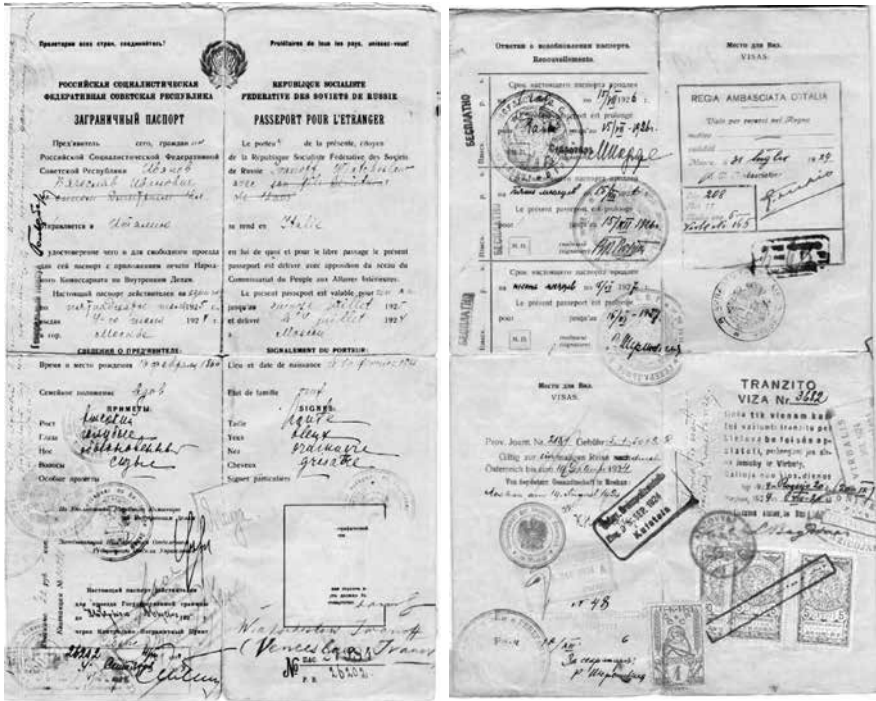
Были ли на встрече начат или продолжен разговор о создании в Италии культурного института? Для ответа на этот вопрос продолжим московскую хронику Иванова последующих недель лета 1924 г. Пока же отметим, что несомненным следствием встречи с Луначарским было решение Комиссии по заграничным командировкам Наркомпроса от 17 июня 1924 г.: комиссия постановила командировать Иванова в Италию и Германию «сроком на один год для научных занятий в области литературы». Подписал документы не сам Луначарский, а его заместитель И.И. Ходоровский²¹. Особенностью политического

¹⁹ Письмо В.И. Иванова к О.А. Шор от 30 апреля 1926 г.: [37, с. 214].

²⁰ Пианистка М.М. Морозова (1904–1964) смогла эмигрировать в 1927 г.

²¹ РАИ. Оп. 6. Карг. 1. Папка 15. Л. 1. URL: <https://u.to/7dUoHA>). О Иосифе Исаевиче Ходоровском (1885–1938, расстрелян) см.: *Д'Амелия А., Рицци Д.* Русское присутствие в Италии: дополнительные материалы // Русско-итальянский архив. XII. Salegno, 2020. С. 289. В связи с обстоятельствами отъезда Иванова из Москвы известны несколько эпистолярных свидетельств М.О. Гершензона: «Вяч<еславу> Ив<анов>ичу О.Д. Каменева в одно утро устроила командировку за границу, с хорошим содержанием, с паспортами и визами на казенный счет, и т. д. Он едет с семьей, т. е. с Лидией и Димой, сперва в Венецию, на неопределенный срок» (письмо к Л.И. Шестову от 16 июня 1924 г.: [13, с. 302]; приблизительно то же повторено в письме к П.С. Когану от 12 июня 1924 г.: [42, с. 406–407]); «Он <Иванов> приехал из Баку в конце мая, и очень скоро ему устроили командировку за границу с немалой суммой денег. Но в Москве его так чествовали и заласкали, что он увяз, как муха в меду, и вот все не едет. Уедет, надо полагать, в конце месяца, едет, все ликвидировав, с семьей своей, сначала в Рим, а там видно будет» (письмо к В.Ф. Ходасевичу от 17 августа 1924 г.: [41, с. 230]). Достоверность ряда свидетельств Гершензона была оспорена О.А. Шор: «Огорчилась, прочитав эти строки в “Нов<ом> журнале”. До сих пор не понимаю, зачем Гершензону понадобилось исказить факты, ему хорошо ведомые. В.И. получил командировку чисто формальную, как право выехать, и, конечно, без копеек денег. Этого-то Г<ершензон> никак не мог не знать, т.к. сам он в качестве заботливого друга организовывал для В.И. выступления, которые могли бы ему принести хоть маленький заработок, необходимый ему для отъезда» (письмо О.А. Шор к Ф.А. Степуну от 24 апреля 1963 г.: [43, с. 161]). Нам представляется,

момента оказалось то, что на этот раз заграничный паспорт был получен в кратчайший срок — и это при том, что к 1924 г. порядок их выдачи заметно осложнился [5, с. 318]! Паспорт оказался готов уже 4 июля 1924 г. и был подписан самим Г.Г. Ягодой, в то время

Илл. 3, 4. Паспорт.

что при истинно дружеских отношениях между поэтом и историком литературы ряд фактологических сведений, исходящих от Гершензона, могли быть неточными, в частности, именно от него пошло сообщение, что Иванов в Баку стал замнаркома по просвещению (письмо Гершензона к Ходасевичу от 21 мая 1921 г.: [41, с. 222]). Что же касается сестры Троцкого О.Д. Каменевой, без сомнения еще влиятельной, то формально в 1924 г. ее положение в советской номенклатуре ограничивалось местом председателя Художественного совета ГАХН [48, с. 43–44, примеч. 125], т. е. во всяком случае было подчиненным правлению Наркомпроса. Примечательно, что О.Д. Каменева в письме к А.Б. Халатову от 20 апреля 1929 г. просила продлить и увеличить пособие ЦЕКУБу для Вяч. Иванова (Бёрд Р. Сотворение изгнания: Вячеслав Иванов между Москвой и Римом. С. 6); ходатайство это успеха не имело.

Для полноты учтем еще свидетельство А. Амфитеатрова 1927 г., что Иванов «выехал и семью вывез из СССР не в порядке бегства, а по паспорту, который ему с трудом выхлопотал Луначарский». А.В. Амфитеатров и В.И. Иванов: переписка. Публ. Дж. Малмстада // Минувшее, исторический альманах. 22. СПб.: Ateneum-Феникс, 1997. С. 484.

заместителем председателя ОГПУ. Судя по записной книжке 1924 г., Иванов предполагал личную встречу с ним; среди записей на листе 9, между 15 и 21 июня, мы находим следующую:

Ягóда Генрих Львович²²

Зампред ОГПУ

Петровка 38

Вернемся к московской хронике лета 1924 г. Последующие публичные выступления поэта проходили в рамках деятельности Государственной Академии Художественных Наук (ГАХН). Уже 9 июня 1924 г. Иванов на пленарном заседании Литературной секции ГАХН читал лекцию «Пушкин и формальная поэтика». Согласно протоколу, присутствовали М.О. Гершензон, Л.П. Гроссман, Н.К. Гудзий, Ю.М. Соколов, М.М. Кенигсберг, Е.Ф. Книпович, Р.О. Шор, Г.А. Шенгели, А.В. Бакушинский, М.П. Никитин, П.А. Кузько, С.В. Шувалов, С.В. Шервинский, Б.И. Ярхо, В.А. Филиппов, В.Е. Сахновский, Д.С. Усов, С.А. Поляков, М.А. Петровский, П.А. Марков, Н.И. Жинкин, Б.В. Горнунг, В.П. Зубов, Н.К. Пиксанов, Г.Г. Шпет²³. Гершензон в письме от 12 июня 1924 г. сообщал Л. Шестову, что Иванов «при огромном стечении публики» читал «очень хороший доклад. Овации конца не было» [13, с. 302]²⁴.

Через месяц, 8 июля 1924 г., Иванов присутствовал в Академии на докладе Б.В. Шапошникова²⁵. В тот же день поэт обратился в правление ГАХН с предложением прочитать в стенах Академии свою неопубликованную трагикомедию «Любовь — мираж?»²⁶. Такое чтение, в отличие от камерного в Доме ученых или у Гершензона²⁷

²² Так! Генрих Львович, вместо «Генрихович»: поэт заранее озаботился выяснить, как произносится фамилия чекиста, но ошибся в его отчетстве.

²³ Государственная Академия Художественных Наук. Отчет. 1921–1925. М.: [Б. и.], 1926. С. 25.

²⁴ Сюжет подробно рассмотрен в статье [34]. В дополнение к сведениям авторов добавим свидетельство, лишь недавно ставшее доступным в печати: «Самого Вячеслава Иванова видел вблизи первый раз. Раньше только издали в Политехнической аудитории. Теперь он, стоя на эстраде в большом зале Академии на черном фоне занавеса, напоминает Тютчева. Даже волосы причесаны так же. Максим выступал на докладе очень удачно. Хорошо покрыл Шенгели и даже Ярхо. Я рад, что в защиту Вяч. Иванова говорил не Борис. У него вышло куда бы хуже» [14, с. 122].

²⁵ *Иванов В.И.* Записная книжка лета 1924 г. // РАИ. Оп. 1. Карт. 5. № 31. Л. 20 об. Знакомство поэта с историком искусства восходит к 1912 г. (см. статью А. д'Амелиа «Шапошников Борис Валентинович»: [44, с. 714]).

²⁶ РГАЛИ. Ф. 94. Оп. 1. Ед. хр. 24. Л. 117.

²⁷ Об этом чтении говорится в письме Гершензона к Л. Шестову от 16 июня: «Вчера он читал у меня свое последнее произведение, род трагикомедии; много

и Г.И. Чулкова, рассматривалось как общественное событие, на которое требовалось разрешение Гублита, т. е. цензуры. С прошением в цензуру Иванов обратился (см.: <https://gachn.de/ru/view/482>), но Гублит чтение воспретил. По мнению Р. Бёрда, в пьесе могли увидеть сатиру на политическую ситуацию начала 1920-х гг.²⁸

Чествованием Вяч. Иванова обернулось его выступление на заседании Академии 12 июля 1924 г.²⁹ На этот раз он докладывал на философском отделении ГАХН, членами которого были Г.Г. Шпет, Б.А. Гривцов, Б.В. Шапошников и А.Г. Габричевский³⁰. Присутствовали Н.И. Новосадский, Г.А. Рачинский, С.А. Котляревский, В.О. Нилендер, М.С. Альтман, В.И. Авдиев³¹.

Протокол содержал примечательные подробности:

Философское отделение «в лице Г.Г. Шпета приветствует Вяч. Иванова, вернувшегося в Москву после трехлетнего отсутствия, и “выражает надежду, что теперешний отъезд его в Западную Европу не будет долгим, и после него В.И. Иванов снова займет в кругах русской духовной культуры место не только сотрудника, но и вождя”.

В.И. Иванов излагает 16 основных тезисов своей книги “Дионис и прадионисийство”, заставшей “московских классических филологов врасплох” вследствие использования в ней “не только древнейших данных, но и результатов последних раскопок” (В.О. Нилендер).

Отвечая на вопросы собравшихся, В.И. Иванов признает “основной наукой гуманитарного знания” филологию (ответ С.А. Котляревскому) и указывает на необходимость преодоления и объединения “отдельных мифологических школ” (и этнографизм<a> Фрезера, и крайн<его> позитивизм<a> Соломона Рейнака») (ответ В.О. Нилендеру)» [61, с. 352].

Записи в книжке 1924 г. передают напряженный, даже лихорадочный ритм последних недель Вяч. Иванова в Советской России. Полученный им заграничный паспорт был действителен для выезда

таланта, главное — восхитительные стихи» [13, с. 302]. На каком-то из домашних чтений присутствовали и З. Райх и В. Мейерхольд. Ср. из письма последнего к поэту: «Зинаида Николаевна и я часто с восторгом вспоминаем нашу встречу в Москве, когда Вы так замечательно и с таким блеском и с таким тонким юмором читали Вашу умную, блестящую комедию на музыке!» [11, с. 262].

²⁸ [5, с. 322, примеч. 3]. Впрочем, окончательное суждение по этому поводу станет возможно после того, как будут выявлены материалы цензурного дела.

²⁹ Государственная Академия Художественных Наук. Отчет. 1921–1925. М., 1926. С. 20.

³⁰ Там же. С. 19.

³¹ Сообщено Ю.Н. Якименко.

из СССР до 4 августа; обстоятельства московской жизни вынудили его запросить продления паспорта еще на месяц, до 4 сентября. Какого рода могли быть эти обстоятельства?

Попытаемся поискать ответ в той же записной книжке лета 1924 г. Не доверяя собственной памяти, Иванов некоторые имена и адреса, как особенно для себя важные, записывал дважды, а то и трижды. Книжка 1924 г. пестрит многочисленными адресами и телефонами самых различных персонажей, с которыми поэт встречался или собирался встречаться; их стоит условно классифицировать. Среди них имена композиторов и музыкантов (Р.М. Глиер, М.Ф. Гнесин, А.Т. Гречанинов, А.Б. Гольденвейзер, Н.Я. Мяковский, Н.К. Метнер, Л.Л. Сабанеев, Б.О. Сибор); поэтов, писателей и переводчиков (В.Я. Брюсов, Ю.К. Балтрушайтис, А.П. Глоба, В.В. Казин, В.Г. Лидин, И.Г. Лежнёв, В.О. Нилендер, И.А. Новиков, С.А. Поляков, В.В. Руслов³², И.С. Рукавишников, А.Н. Чеботаревская, Г.И. Чулков, С.В. Шервинский, А.И. Цветаева); режиссеров

³² 10 июля 1924 г. Иванов посвятил ему стихотворение «Неведомый собрат, сочувственный смиренный...» [9]. Поэтический текст Иванова является ответом на своеобразный «анафорический» сонет Руслова, который здесь уместно процитировать по рукописному автографу (РАИ. Оп. 6. Карт. 12. Л. 1: чернила, два листа in folio, водяные знаки C&I Honig с контрамаркой в виде гербового щита с ульем: Нидерланды, XVIII — до середины XIX века. На Л. 1 титул: Сонет. Вячеславу Иванову от Владимира Руслова. Москва. 1918 — 1924 г.; на Л. 2 парадным почерком, старая орфография):

Сонет.

Твои слова, Поэт, как глыбы Парфенона,
Легко изваяны божественным Творцом
По линиям для нас внемирного закона —
И Время их за то щадит своим резцом.

Твои слова пьянят, как светлый хмель Платона,
С его увенчанным венками слав лицом,
Сковавшего навек в огне Симпозиона
Любовь и знание пылающим кольцом.

Твои слова, как зов той песни лебединой,
Что к нам летит с небес в сверканье белых крыл
Над пламенеющей в закатный час равнины.

Твои слова — венок, что гений нам открыл
Поэзии закон, для всех миров единый:
Что с Красотой Поэт повенчан в небе был!

(М.М. Коренев, В.В. Лужский, В.Э. Мейерхольд, А.Я. Таиров); литературоведов (М.О. Гершензон, Л.П. Гроссман, В.М. Жирмунский, С.С. Игнатов, А.И. Малеин, Б.М. Эйхенбаум); художников (А.А. Арапов, Н.П. Ульянов, Н.Н. Вышеславцев³³, К.Ф. Юон). А также имена священнослужителей (С.А. Сидоров, М.В. Шик, П.А. Флоренский); книжных антикваров и библиографов (Ф.И. Витязев, Н.П. Киселев, П.П. Шибанов); искусствоведов и музейных работников (В.П. Зубов, Н.Е. Машковцев, Б.Н. Терновец, А.М. Эфрос); советского истеблишмента (Н.А. Семашко, О.Д. Каменева); бывших студентов московских и бакинских семинаров (М.С. Альтман, Ф.И. Коган, В.А. Мануйлов, О.А. Мочалова) и др. Отметим, что большинство этих имен отнюдь не входило в круг старых друзей или знакомцев Вяч. Иванова петербургского или московского семилетия³⁴; многие из упомянутых здесь так или иначе могли быть связаны с деятельностью ГАХН середины 1920-х гг. — это в большей или меньшей степени касается П.С. Когана, О.Д. Каменевой, В.П. Зубова, В.Я. Брюсова, свящ. П.А. Флоренского, М.О. Гершензона, А.Б. Гольденвейзера, Н.Я. Мяковского, В.Э. Мейерхольда, А.И. Таирова, О.А. Шор, Б.Н. Терновца, Б.В. Шапошникова, С.В. Шервинского, К.Ф. Юона, Л.Л. Сабанеева³⁵.

Из деятелей ГАХН, чьи имена неоднократно вписывались в книжку 1924 г., можно выделить П.С. Когана, президента ГАХН и — наряду с А.В. Луначарским — ее идейного вдохновителя. Домашний адрес Когана записан сперва неточно, со знаком вопроса, затем уточнен: «Арбат 51, кв. 89. 2 этаж во двор подъезд направо»; вслед за этим на других листах несколько раз вписан его телефон, домашний и в Академии Художественных наук (т. е. всего 4 раза:

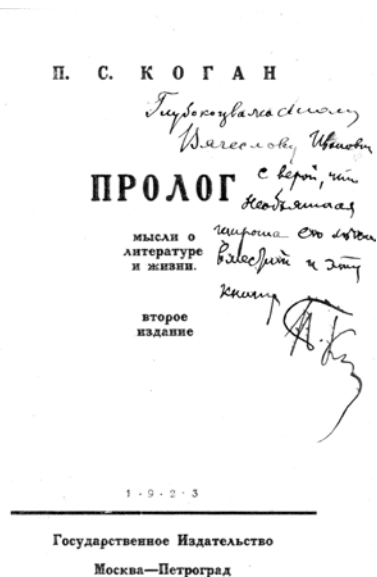
³³ 11 июля 1924 г. Иванов надписал ему на авантитуле своей книги «Кормчие звезды», 1903, четверостишие «Художник-духовник, на книге Вам любезной...» [9, с. 111]. Н.Н. Вышеславцев, а также К.Ф. Юон в эти краткие летние недели создали портреты Иванова (оба — в ГЛМ).

³⁴ Из них Иванов в Москве в 1924 г. общался прежде всего с М. Гершензоном и Ю. Верховским.

³⁵ Добавим к этому списку также Бориса Горнунга, с которым Иванов познакомился в начале июля (дневник Горнунга, от 2 июля 1924 г.: [14, с. 118]; в письме к М. Кузмину от 3–5 сентября 1924 г. он рассказывал о своем шестичасовом разговоре с Ивановым, закончившимся резким расхождением: [25, с. 210]), а также О.А. Шор (в записной книжке 1924 г., л. 22, отмечено: «среда 16. VII. Обеду у О.А. Шор. В 4–5 ч.»; 27 августа поэт подарил ей свою книгу «По звездам», 1909, снабдив ее следующей надписью: «Моему дорогому другу, автору восхитившего меня этюда о Микель-Анджело, моей строгой и пронизательной сочувственнице, О.А. Шор, оставляю эти строки на память. Благодарный Вяч. Иванов» // РАИ) и ее кузена Е.Д. Шора, который летом 1924 г. находился по командировке ГАХН в Германии, но уже в конце 1924 г. вошел в круг знакомцев поэта (см. письмо к нему В.И. Иванова от 25 ноября 1924 г.: [46, с. 533]). С Б.И. Ярхо, по свидетельству О. Мочаловой, Иванов «4 часа говорил <...> о сонетах»: [29, с. 22].

Л. 17 об., 23 об., 25, 38). На какой-то из встреч Петр Семенович подарил поэту свою книгу «Пролог. Мысли о литературе и жизни. 1923», снабдив ее многозначительной надписью: «Глубокоуважаемому Вячеславу Ивановичу с верой, что необъятная широта его любви вместит и эту книгу П. Коган» (РАИ). Хорошо известен отзыв о Когане М.И. Цветаевой: «П.С. Коган ни поэтов, ни стихов не понимал, но любил и читал и делал для тех и других, что мог: и тех, и других — устраивал» [57, с. 239, 241]. Но летом 1924 г. в случае Иванова, как представляется, дело шло о большем, чем просто «устройство» отъезда поэта за границу.

В середине 1924 г., когда в центр московской научной жизни переместился ГАХН [17, с. 89], могло казаться, что эта институция на подъеме. ГАХН был впервые привлечен к обустройству павильона советского искусства на Венецианской биеннале 1924 г. Для Ольги Каменевой, главы Художественного совета ГАХН, а со следующего, 1925 г., председателя Всесоюзного общества культурной связи с заграницей (и при этом бывшего начальника Иванова в Театральном отделе Наркомпроса³⁶), командировка Иванова в Италию в 1924 г. также могла казаться небесполезной. В представлении Каменевой, зарубежная деятельность ГАХН должна была стать идеологической экспансией СССР, по словам же Луначарского, — показать, что

³⁶ О.Д. Каменевой в 1919 г. Иванов посвятил альбомное стихотворение, отметив ее «Нрав опрометчивый и Борджий профиль властный» [20, с. 32]; ср. публикацию этого же текста с разночтением: [21, с. 80–81]. При этом показательно, что, услышав версию о назначении Каменева полпредом в Рим, Иванов писал сыну и дочери 2 декабря 1926 г.: «От старинного друга Муз и покровителя, как и от Ольги Давидовны, я не жду больше ничего доброго» [22, с. 502]. Об отношении Каменева к символизму и, прежде всего, о его, по словам Андрея Белого, «хамски издательском» предисловии к книге последнего «Начало века» см.: [24, с. 304–310].

«Россия не выбыла из числа культурных великих держав» [60, с. 27]. Показательна фраза в программной двуязычной русско-французской брошюре ГАХН (три экземпляра которой неслучайно были переправлены с Ивановым в Рим): «Деятельность ГАХН переходит за границу государственной территории и становится международной»³⁷.

3. Таким образом, летом 1924 г. могло представляться, что для будущих проектов «культурной внешней политики» Наркомпросу и ГАХН было бы желательно иметь в Италии своего эмиссара или, говоря современным языком, агента влияния в лице Иванова. Как известно, первой задачей его командировки в Италию было присутствие на венецианской выставке; в записной книжке 1924 г. неслучайно зафиксирован венецианский адрес Б.Н. Терновца, директора московского Музея нового западного искусства. Однако проект П.С. Когана и А.В. Луначарского в тот особенный момент советской истории мог быть еще более амбициозным.

Примечательно, что создание в Берлине отделения Академии Художественных Наук проектировалось еще в 1922 г.; его руководителем должен был быть В.В. Кандинский, а его сотрудниками — М.О. Гершензон и Е.Д. Шор³⁸. (Сейчас не место говорить о других российских проектах Академии в Италии начала XX века, поскольку известные данные по этому поводу явно недостаточны³⁹.) Обратим внимание на то, что уже в другую советскую эпоху, в начале 1927 г., ГАХН определял официальную цель командировки Ольги Шор в Италию следующим образом — «завязать кое-какие отношения между Академией [ГАХН] и итальянскими институтами, изучающими искусство с научной точки зрения»⁴⁰.

Итак, есть основания предполагать, что летом 1924 г. руководством ГАХН и Наркомпроса было принято решение использовать познания и репутацию Иванова в аналогичном ключе. Чтобы поставить проект на деловой и серьезный лад, Иванову было предложено еще до его отъезда из Москвы разработать обоснование и концепцию задуманной институции. Вероятно, это и послужило причиной, отчего Иванову оказалось необходимым задержать отъезд и просить о продлении выездной визы еще на месяц.

³⁷ Государственная Академия Художественных Наук. Moscow, [S. a.] С. 5. URL: <https://gachn.de/ru/view/53>.

³⁸ [48, с. 52]. Подробнее см.: [47].

³⁹ О проектах Академии художеств создать Академию в Риме в мае 1917 г. см.: *Бенуа А.Н.* Дневник. 1908–1916. М.: Захаров, 2016. С. 309–310, 315. О, скорее всего, авантюрном проекте Академии в Италии И.В. Жолтовского 1922 г. см.: [38, с. 246, 258–261]. О встрече Иванова с Жолтовским в апреле 1926 г. см.: [45, с. 213].

⁴⁰ Письмо Вяч. Иванова к О. Синьорелли от 14 февраля 1927 г.: [54, с. 272].

Проект, точнее «Докладная записка» Луначарскому, создавался Ивановым совместно с П.С. Коганом — во всяком случае, об этом свидетельствует его машинописная копия, сохранившаяся в Римском архиве поэта (см. *Приложение 2*). Как можно судить по дате на ней — 24 августа 1924 г., — работа затянулась вплоть до последних предотъездных дней Иванова. Проект состоял из характеристики целей, описания структуры института (планировались три секции: античной культуры и археологии; истории искусства и истории) и предложения о финансовом обеспечении. Будущая работа научного коллектива в целом соответствовала принятому в ГАХН научному жанру — совместному обсуждению докладов сотрудниками Академии. Учреждаемая организация именовалась как «Институт Археологии, Истории и Искусствоведения в Риме». Замечательна дипломатическая фраза, которая обосновывала необходимость создания такого института в Италии: с одной стороны, она продолжала политические заявления Луначарского, с другой — в ней отчетливо слышатся скорбные чаадаевские интонации, сетования об оторванности страны от хода цивилизационного процесса:

Отсутствие России на той арене, где происходит совместная и соревнующая научная работа культурных народов и их высшее научное общение, является каким-то добровольным исключением себя из современной цивилизации и косвенным подтверждением ложных слухов об упадке нашей культуры.

Необходимо отметить, что проект Академии в Риме отвечал как замыслам 1918 г. (в частности, создания «Союза духовного общения»), так и магистральной линии историософии и публицистики Иванова. Внимательно читая политически взвешенные формулировки проекта, нельзя не посоветовать, что и по истечении столетия русская наука и культура нисколько не продвинулась к его осуществлению.

Уже в Риме Иванов делился со своей дочерью мыслями о значении римской Академии для России. Через 50 лет Лидия Вячеславовна припоминала один из своих разговоров с отцом следующим образом:

В течение 1925 г. Вячеслав предпринимает целый ряд попыток практического устройства нашей жизни. Сначала он увлекается идеей основать в Риме, по примеру Франции, Испании, Германии, русский государственный институт наук и искусств. Он мне объясняет, что страна и правительство — вещи разные: правительство сегодня одно, завтра другое — страна остается. По своему достоинству Рос-

сия должна иметь в Риме «академию», которая бы ее представляла независимо от текущих политических событий [21, с. 155]⁴¹.

Примечательно, что в Италию Иванов вез четыре (!) экземпляра проекта⁴², заранее предвидя, как можно предположить, многосложные переговоры как с отечественными дипломатами, так и с итальянскими институциями. О ходе и стиле переговоров Иванова с полномочным представителем СССР в Италии К.К. Юренёвым⁴³ мы узнаем из трех подробнейших отчетов поэта, посланных Луначарскому. Так как они уже были опубликованы в 1997 г. [35], нет нужды их пространно пересказывать; сейчас ограничимся сообщением нескольких фактов и приведением кратких цитат. Оказавшись в Риме 14 сентября 1924 г., Иванов уже 17 сентября наведался к советнику дипломатического представительства А.М. Макару,⁴⁴ в дом бывшего императорского посольства на виа Гаэта, и условился о встрече с полпредом К.К. Юренёвым. Последний принял Иванова на следующий день, 18 сентября. Иванов представил проект создания Института, а потом еще счел нужным заявить, что находится в распоряжении советского представительства в Риме «в области научного и литературного сближения России и Италии»⁴⁵.

Каков был ответ дипломата? На первый взгляд, его ловкость не может не вызвать восхищения: заявив сперва, что «в принципе» сочувствует проекту Академии, он вслед за тем сообщил, что на самом деле полпредство само «уже» осуществляет обозначенную Институту деятельность — передадим здесь фразу К.К. Юренёва, как она приведена в записке Иванова: «Поскольку Институт ставит себе целью установление связей и взаимную информацию ученого

⁴¹ Иванова также сообщала, что место президента Академии Вяч. Иванов предполагал предложить М. Горькому; сведений об этом в других источниках не выявлено.

⁴² В «Списке документов В. Иванова для вывоза за границу» под № 9 значится «Докладная записка Наркому Просвещения тов. А.В. Луначарскому от Вяч.Ив. Иванова относительно организации “Госуд. Института Истории, Археологии и Искусствования СССР в Риме”» (4 экземпляра) // ГЛМ. Ф. 307. Оп. 1. Ед. 11. Л. 1. См. Приложение 4.

⁴³ Наст. фамилия К.К. Юренёва — Кротовский, род. в 1888 г., окончил Двинское реальное училище, с 1905 г. член РСДРП, потом в революционной деятельности; в 1918–1919 гг. председатель Всероссийского бюро военных комиссаров, затем на дипломатической работе, в 1938 г. расстрелян.

⁴⁴ Александр Михайлович Макар (наст. фамилия — Жвиф, 1877–1961), в 1922 г. — заместитель генерального прокурора Украинской ССР; оставив должность дипломата в Риме в 1926 г., стал позднее полпредом в Норвегии и Мексике, а в 1930-х гг. — членом Верховного суда СССР.

⁴⁵ В.И. Иванов к Луначарскому от 29 сентября 1924 г. [35, с. 551].

мира России, мне было указано, что эта работа уже налажена нашим представительством *во всех областях знания*» (курсив мой. — *А.Ш.*). Иными словами, смысл и значение проекта, за которым стоял Наркомпрос и ГАХН, отмечался с первых минут встречи.

Вторая аудиенция у Юренёва 2 октября 1924 г., скорее всего, поставила крест на проекте. На это Иванов прозрачно намекнул в самом начале своей третьей, и последней, записки Луначарскому от 6 октября. Тем не менее в этой записке Иванов считал необходимым противопоставить возражениям полпреда свои весьма подробные обоснования необходимости и возможности обустройства римского Института. Отказываясь от должности его руководителя, он предлагал на эту роль член-корр. АН СССР Б.В. Фармаковского или академика В.П. Бузескула, а сам соглашался на самое скромное место в филологической секции⁴⁶.

Реальную ситуацию поэт подробно и неформально описал в странном письме к П.С. Когану от 21 октября 1924 г. В переписке Иванова с президентом ГАХН это самый значительный эпистолярный текст, который к тому же превосходно передает стиль общения товарищей из полпредства с малопривычным им профессором, заручившимся в Москве солидным мандатом. Можно предположить, что его внешность и манеры задевали их здоровое классовое чувство. Имеет поэтому смысл привести несколько больших цитат из этого письма:

Позволительно предположить, что Вы в курсе дела и достаточно осведомлены о результате как этих моих обращений, так и направленных в Москву заявлений нашего представительства. Что касается отношения этого последнего к нашему проекту — я, несмотря на одобрение замысла в его «идее», не вынес впечатления действительного сочувствия попыткам его осуществления. Кажется, что я лично не кажусь представительству лицом желательным или достаточно компетентным для направления этого дела. Как бы то ни было, я рассчитываю на Вашу дальнейшую поддержку в этом прекрасном и полезном начинании.

Несмотря на негативное отношение полпредства к проекту Института, Иванов тем не менее заявил советским дипломатам, что, находясь в Вечном городе, готов служить делу культурного диалога и неформально. На это предложение последовало прямое воспреще-

⁴⁶ В.И. Иванов к Луначарскому от 6 октября 1924 г. [35, с. 552–556].

ние вступать в контакты с представителями итальянских культурных и правительственных учреждений, что, отметим, прямо противоречило духу и букве мандата Луначарского от 25 августа 1924 г.:

С другой стороны, я поставил себя в распоряжение представительства на тот случай, если оно пожелает воспользоваться моим пребыванием в Риме для каких-либо действий в целях культурного сближения. Мне было предложено не вступать лично и лично ни в какие отношения с итальянцами, в частности с Istituto per l'Europa orientale, так как представительство имеет в виду само устроить наше первое знакомство⁴⁷.

Последнюю часть фразы надо оставить на партийной совести товарищей из полпредства: в июне 1924 г. было возможно пригласить Муссолини на официальный обед в полпредство в разгар политического кризиса фашистского правительства⁴⁸, однако какие бы то ни было сношения с Istituto per l'Europa orientale вряд ли могли представляться допустимыми. Еще осенью минувшего 1923 г. в Ирео при большом стечении публики прошла серия конференций русских эмигрантов — Н.А. Бердяева, Б.П. Вышеславцева, Б.К. Зайцева, С.Л. Франка, Е.Ф. Шмурло⁴⁹ и др.: как известно, всякого рода открытые контакты с эмигрантами крайне не поощрялись. Отметим, что организатором лекций был ученый секретарь Ирео Э. Ло Гатто. В том же 1923 г. он опубликовал материалы конференции в издаваемом им журнале *Russia*⁵⁰. В момент составления письма к П.С. Когану Вяч. Иванов, надо думать, уже не мог не быть незнакомым с Ло

⁴⁷ Чуть иначе в письме к Чеботаревской от 22 октября: «Посольство удерживает меня от сношений с видными итальянцами, желая наладить их само» [40, с. 288].

⁴⁸ В июне 1924 г. Б. Муссолини был приглашен на официальный обед в советское полпредство в момент обострения борьбы итальянских социалистов и фашистов после убийства последним депутата парламента Дж. Маттеотти; см. подробности в работе [4].

⁴⁹ Евгений Францевич Шмурло (1853–1934) с 1903 г. был ученым корреспондентом имп. Академии наук в Риме; Октябрьскую революцию не принял; с 1918 по 1920 гг. получал жалование в качестве ученого корреспондента от посла Временного правительства в Италии М.Н. Гирса; в 1921–1924 гг. организовал в Риме Русскую академическую группу (см. о нем: *Ковалев М.В.* Евгений Францевич Шмурло: русская итальянистика в эмиграции // Новая и новейшая история; 2016. № 1. С. 155–172). При содействии Ирео А. Каффи переведил капитальный трехтомный труд Шмурло «История России. 862–1917», который институт опубликовал в 1928–1930 гг. (см. статью А. д'Амелия о Шмурло: [44, с. 729]). Вообще, в серии книг Ирео в 1926–1930 гг. было издано 5 исторических книг Шмурло, см.: [65, с. 302–303]. Уже в 1924 г. в состав Славянской библиотеки Ирео вошли книги коллекции Шмурло, см.: [10, с. 360, примеч. 2].

⁵⁰ *Conferenze di russi sulla Russia a Roma // Russia. 1923. № 3–4. P. 505–528.*

Гатто⁵¹; в последующие годы именно в сотрудничестве с ним осуществились очень значительные литературные проекты. В свете вышесказанного мы можем оценить скрытую язвительную иронию в следующих строках письма:

Охотно идя навстречу этому предложению, я чувствую себя однако в некоторой мере стесненным, выдерживая как-бы некое *incognito*, когда о моем приезде уже осведомлены лица, коих он может интересовать; возникает отсюда и довольно ощутительное неудобство для моих частных дел. Посмотрим, к какому результату приведет эта выжидательная тактика «в ноябре»: боюсь, что, при отсутствии, по-видимому, какого бы то ни было определенного плана — ровно ни к какому.

Деловая часть письма заканчивалась таким образом:

Итак, я сижу, тишайшим образом, в нанятых мною мебл<ированных> комнатах, посещаю для своих научных целей Германский Археолог<ический> Институт и *Biblioteca Nazionale* и, ничем не заявляя о своем скромном существовании, наслаждаюсь втихомолку солнцем, кипарисами, фонтанами и всем великолепием вечного города — и надеюсь на великие и богатые милости *Deae Fortunae*, вмешательство коей настоятельно необходимо для того, чтобы не оправдались предсказания любезного М.С. Шефтеля, который обещал мне свое полное содействие при неизбежно предстоящем мне в декабре, за истощением моих средств, отъезде в Россию...⁵²

П.С. Коган вряд ли мог полностью оценить иронический пуант, которым завершалось идилическо-эпическое письмо. «Любезный» М.С. Шефтель, гарантировавший поэту «свое полное содействие» для возвращения в СССР, был в высшей мере сомнительной личностью, а по ряду источников — сотрудником ГПУ, работавшим под прикрытием советского торгпредства⁵³.

К сожалению, ответного письма Когана Иванову не выявлено. Ответа же от Луначарского Иванову пришлось дожидаться 4 месяца.

⁵¹ Последний уже в 1923 г. опубликовал свой перевод первого «Зимнего сонета» Вяч. Иванова (*Poesia russa della rivoluzione*. Roma, 1923. P. 97). Ср. также: [59, с. 760].

⁵² [5, с. 319]. На основании сверки с оригиналом (РГАЛИ. Ф. 237. Оп. 1. Ед. хр. 54. Л. 3–3 об.) внесены несколько поправок.

⁵³ Марк Соломонович Шефтель (1889 – после 1935, погиб в лагере) жил в Риме в 1923–1925. См. о нем статью А. Аккаттоли в: [44, с. 723–724], а также URL: http://www.hrono.ru/biograf/bio_sh/sheftel_ms.php. (дата обращения: 10.10.2021).

ца. Свое послание от 13 февраля 1925 г. нарком начал с уверения, что «идея Института в Риме отнюдь не погребена» и что у него нет сомнения, что руководителем Института должен быть не кто иной, как Иванов. Но заканчивал признанием, что крайне нелегко и непросто в советском государственном аппарате доказывать ценность культурного предприятия, что бюджет 1925 г. находится «под знаком строжайшей экономии», но что в следующем, 1926 г., возможно получение небольшого финансирования для будущего Института. Не исключено однако, что оптимизм наркома имел под собой некоторое основание, а именно: он смог поделиться проектом римского Института с Платоном Керженцевым, назначенным в апреле 1925 г. полпредом в Италию. Керженцев, сын депутата Первой государственной думы, в отличие от своих предшественников на этом посту, имел за плечами курс историко-филологического факультета Московского университета, а впоследствии стал заместителем главного редактора Большой и Малой Советских энциклопедий, возглавлял Комитет по делам искусств при СНК СССР и проч.⁵⁴ Летом 1926 г. Керженцев пригласил Иванова на встречу (инициатором встречи был, возможно, консул В.Н. Рембелинский⁵⁵). Об этой встрече поэт написал в Москву 27 июля 1925 г. Ольге Шор, с крайней осторожностью намекая на то, что разговор шел вокруг проекта Академии:

Недавно виделся я с нашим полпредом П.М. Керженцевым, который через своих знакомых выразил желание со мной увидеться. Он гораздо живее и сочувственнее, чем его предшественник, относится к некоторым научно-организационным предложениям А.В. Луначарского, П.С. Когана и моим, но я то сам к ним значительно охладел и больше волнует меня другое [37, с. 192].

На лето 1925 г. пришла полоса, когда Вяч. Иванов оказывался самым желанным гостем на приемах советского полпредства. П. Керженцев называл поэта «римским старожилом» и ценил его присутствие на дипломатических встречах. Об одном из таких приемов Вяч. Иванов рассказывает в письме детям (от 24 августа 1925 г.), именуя полпредство — хаткой, полпреда — нунцием антихриста, Мейерхольдов — Бубусами (в брошюре «Учитель Бубус», 1925 г., находим следующую характеристику этого лица: «Типичный представитель городской

⁵⁴ См. статью А. Акаттоли о П.М. Керженцеве: [44, с. 326]. О зловещей роли, которую в 1937 г. сыграл Керженцев в судьбе Мейерхольда, см.: [11, с. 259–260, ср. также с. 261, примеч. 9].

⁵⁵ См. в воспоминаниях Вл. Лидина: [21, с. 340–341].

интеллигенции <...> воплощенная беспомощность мелкобуржуазного сознания <...> его склонность к социализму не идет дальше туманной и абстрактной фразеологии» [11, с. 259]), а себя — лукавым царедворцем. Стиль письма шуточный, но за ним ирония и дистанцированность, особенно в отношении деятельности «совсоотечественников»:

В Хатке был парад, открыты салоны, давали чай, сэндвичи, торты, мороженое. Москвичи-экскурсионисты очень меня приветствовали. Керженцов (так!) говорил речь, желал развития образовательных экскурсий в Италию, приветствуемых и здешним Министерством Иностранных Дел. Потом все должны были показывать свои *accomplishments* (достижения — англ.). Пела какая-то певица и певец Лесной, приятель Н.П. Ульянова <...> Играли Протопопов, ученик Яворского, и сам Яворский⁵⁶ <...> Я прочитал переводы сонета о простуженном коте и надписи к “Ночи”⁵⁷ в честь экскурсантов, вчера видевших Сикстинскую капеллу, а завтра имеющих увидеть “Ночь”: это чтение имело огромный успех, пришлось кстати, и меценатствующие наши Бубусы были мною довольны. Потом сам Бубус (Сверх-режиссер), отказавшись прочесть что-нибудь из своих старых ролей, произнес длинную речь о предстоящих постановках Кармен, Ревизора, Гамлета и Цыган, рассказывая подробно свои замыслы. Я должен был служить переводчиком на итальянский язык, и мне пришлось изложить по-итальянски целую лекцию. — “Оценили ли вы, Платон Михайлович, как дипломат и советский деятель, что я в начале сказал присутствующим: *compagni?*” (товарищи — ит.) — О, да! кивает коварному царедворцу <...> с довольной улыбкой нунций Антихриста...<...> О политике за весь вечер ни слова. (Разве только один итальянец, депутат и коммунист, сказал в пустой речи, что “мы” любим реалистическое искусство как в театре, так и политике). Интернационала не было. Были даны мне разные поручения к Муратову, коего Совсоотечественники не хотят отдавать эмиграции и убеждают приехать. Обо мне бесчисленные распросы и также уговоры возвращаться. Проф. Дживелегов спрашивает, не желаю ли я кафедры в моск<овском> университете [22, с. 474–475].

Летом и осенью 1925 г. Луначарский, опираясь на доброжелательное отношение советского дипломатического представительства в Италии, попытался вернуться к проекту Академии в Риме. Какие-то

⁵⁶ Упоминаются известные музыковеды Б.Л. Яворский (1887–1942), С.В. Протопопов (1893–1954).

⁵⁷ Имеются в виду поэтические переводы из Микеланджело, предпринятые Ивановым в 1925 г.

П.М. Керженцев переслал мне на днях № «Красной газеты» (№ 252, 16 окт.), где в «Хронике искусств» сообщается, что «Главнаука возбудила в коллегии Наркомпроса вопрос о организации в Риме института по изучению истории искусств и археологии» и что руководителем его намечен я. Ни я, ни Керженцев (поддерживающий проект) не знаем, в каком положении дело, проводимое А.В. Луначарским [37, с. 207].

Какое конкретно лицо на этот раз остановило проект, вследствие чего он остался химерой, — неизвестно вплоть до выявления соответствующих документов из архивов НКВД и Наркомпроса. Как мы уже отметили, сам Иванов, судя по его июльскому письму 1925 г. к О.А. Шор, на устройство Института надежды старался не возлагать. В том же 1925 г. на римской квартире поэта состоялся откровенный разговор с П.С. Коганом: будущее проекта виделось уже маловероятным. Об этом свидетельствует важная фраза из письма Иванова к Когану от 8 сентября следующего 1926 г.:

Я хорошо помню, как Вы навещали меня в Риме и беседовали со мной в той же комнате, в которой я пишу эти строки, — о сомнительности основания проектируемого нами римского археологического института⁵⁹.

Здесь крайне важно выражение «о сомнительности основания»; иными словами, речь шла об отсутствии в СССР действительного основания, базы для строительства за рубежом культурного и научного представительства, хоть как-то сопоставимого с существующими иностранными Академиями в Риме. Вообще, в 1926 г. Вяч. Иванов оказался свидетелем начала необратимых изменений в жизни советской страны и ее граждан. Летом 1926 г. Вяч. Иванов, еще сомневавшийся, не вернуться ли ему на место профессора в столицу Азербайджана («Русская культура здесь нужна России; мы — ворота Востока», — писал он П.С. Когану всего три года назад, 12 июля 1923 г.), узнал о дерусификации и коренной ломке университета. Небрежная публикация в Москве статьи «Ревизор Гоголя и комедия Аристофана», пожалуй, самой значительной и концептуальной работы Вяч. Иванова 1920-х гг., поставила крест на двадцатилетних дружеских отношениях поэта и В.Э. Мейерхольда и на совместных издательских проектах с З.Н. Райх (прежде всего, собрания поэтиче-

⁵⁹ [5, с. 320], с исправлением единственного неточного прочтения, допущенного Р. Бёрдом при транскрипции этого текста (РГАЛИ. Ф. 237. Оп. 1. Ед. хр. 54. Л. 4 об.).

ских произведений Микеланджело в переводах Вяч. Иванова). Эти отношения и проекты сотрудничества оборвались на знаменательном крещендо в финале последнего письма Иванова, обращенного к Зинаиде Райх, — на нем переписка с Мейерхольдами прекратилась:

Собирался было в Баку, но там не только от моих предметов оставили самую малость, но и весь университет «тюркизируют». «Молодой России», как Вы говорите, я вовсе не нужен⁶⁰.

Иначе эволюционировали отношения с П.С. Коганом. Президент ГАХН навестил поэта в Павии, в Колледжо Борромео 19 мая 1927 г.⁶¹ Молодой ректор Колледжо, священник-модернист отец Леопольд Рибольди,⁶² произвел сильное впечатление на московского гостя. По следам этой встречи П.С. Коган писал Иванову из Милана 27 мая 1927 г.:

Дорогой Вячеслав Иванович,

Не писал Вам — все рассчитывал приехать. Но, по-видимому, не выйдет — вернисаж в понедельник, как и работы перед ним масса⁶³. Очень жаль, что не удастся *еще раз* побывать у Вас — чудный уголок. И какой контраст с московским кипением. Это приют для размышления. Искренний привет Дон-Рибольд. Как то все нескладно вышло,

⁶⁰ См. письмо Иванова к З.Н. Райх от 23 августа 1926 г.: [11, с. 274–275].

⁶¹ Дата устанавливается по дарственной на книгу П.С. Когана «Наши литературные споры» (1927). Здесь Ивановым была просмотрена глава, посвященная Воронскому, на с. 88–89; на с. 90 рядом со словами «Та часть литературы, от которой <...> пойдет ее будущее, занялась не подведением итогов, а организацией сил» поставлен знак восклицания, ниже запись карандашом: «лучше бы написали что-нибудь порядочное» (РАИ).

⁶² Ср. его характеристику в воспоминаниях Л. Ивановой: «Худой, среднего роста, брюнет, с живыми, постоянно загорающимися глазами, с красивыми чертами лица, гибкий; он жадно изучал каждого нового любопытного для него человека, старался вжиться в его судьбу, выдумывал за него цели, к которым тот должен был стремиться, и в своем увлечении часто страшно преувеличивал его способности. Заинтересовавшись человеком, он ему не давал покоя, требуя от него все большего и большего. Он говорил: “Я люблю найти огонь в людях и, когда найду, стараюсь его разжигать”. Он был великодушный, смелый, опрометчивый. Любил сочетать людей, выдумывал иногда совсем неожиданные предприятия. Иной раз талантливо, и все выходило; иной раз неудачно, и кончалось ему во вред. Но он никогда не унывал, не останавливался и, оставляя старые увлечения, предавался новым. Эта потребность постоянного волевого движения, думается мне, была у него отчасти врожденной, а отчасти зависела от отсутствия внутренней душевной гармонии, побуждающего его искать ее вне себя» [21, с. 163].

⁶³ П.С. Коган был командирован Наркомпросом для открытия Советского отдела Международной выставки декоративных искусств в Милане.

не пришлось и с ним побеседовать. Искренне Ваш П.С. Коган.
Привет о<т> Б-а В-а⁶⁴.

Упомянутый в приписке Б.В. — это историк искусства Борис Валентинович Шапошников, лекцию которого в ГАХН посещал Иванов летом 1924 г. Шапошникову, в отличие от Когана, удалось посетить Иванова в Павии несколько раз⁶⁵. Ректор Борромео Дон Рибольди произвел яркое впечатление и на Шапошникова; отметим, что воспоминания последнего о павийских встречах могли бы бросить косвенный свет и на впечатления о насельниках Борромео и П.С. Когана⁶⁶.

На этом последнем свидании двух инициаторов римского проекта речи о возобновлении проекта создания Академии в Италии уже не могло быть: уничтожение ГАХН было лишь вопросом времени⁶⁷. Дыхание сталинского «великого перелома» чувствовалось уже настолько определенно, что П.С. Коган в приватном разговоре позволил себе то, что ни за что не доверил бы бумаге, — посоветовал Вяч. Иванову не возвращаться в свое отечество⁶⁸.

⁶⁴ Письмо Вяч. Иванова к О.А. Шор от 29 октября 1925 г.: [37, с. 207].

⁶⁵ «В воскресенье (15 мая. — *А.Ш.*) приезжал милый Бор<ис> Валент.<инович> Шапошников (от 1 ч. до 7 ч.). Рибольди прислал нам в мою комнату кофе и пришел сам беседовать и много разговаривал с ним об искусстве» (письмо Иванова к Д.В. и Л.В. Ивановым от 17 мая 1927 г. // РАИ. Оп. 4. Карт. 12. Папка 1. Л. 49 об. URL: <https://u.to/zNXfGw>).

⁶⁶ «Не знаешь, чья эрудиция поражает больше: священника ли, знакомого со всеми, даже новейшими течениями европейской поэзии и художественными направлениями, или поэта, одинаково уверенно чувствующего себя в мистике и богословии всех эпох. В Италии мне приходилось встречаться с видными художественными критиками, интеллигентность и образованность которых в области искусства были несоизмеримо ниже, чем у этого священника-богослова. При колледже был сад, которым, так же как и всем дворцом, Вячеслав Иванов очень гордился и охотно показывал. С легкостью, неожиданной в его годы, он почти бегом поднимался на башни, водил по бесконечным коридорам, чтобы показать какой-нибудь вид или эффект освещения. За все <три или четыре> раза, что я у него был, он никогда ни на что не жаловался, поварчивая только на отсутствие заказов на переводы, и, кажется, физически чувствовал себя хорошо. В Павии ему нравилось, и по России он видимо не скучал. Да и что собственно можно придумать лучше, как на склоне своих дней поселиться в маленьком итальянском городке, да еще с таким комфортом и красотой, какая окружала Иванова» [58, с. 95–96].

⁶⁷ См. письма П.С. Когана к Г.Г. Шпету от мая 1927 г.: [16, с. 157–161].

⁶⁸ «Прибавлю тебе, что Петр Семенович Коган не советовал мне ехать в Хатку!» (письмо В.И. Иванова к Л.В. Ивановой от 18/20 июня 1927 г.: [22, с. 555]). «Хатка» в данном контексте обозначает СССР.

Приложение 1

Печать ОЛРС
23 апреля 1924, Москва

Копия

В Правление Гос<ударственного> Бак<инского> Унив<ерситета>

Приступая к организации пушкинских торжеств, в которых примут участие Нарком просв<ещения> А.В. Луначарский и выдающиеся литературные и артистические силы Москвы, Общество Любителей Российской Словесности обращается к Правлению Гос<ударственного> Бак<инского> Унив<ерситета> с ходатайством: командировать в Москву на Пушкинские торжества профессора Вячеслава Ивановича Иванова. Общество Любителей Российской Словесности хотело бы поручить В.И. Иванову как выдающемуся пушкинисту — поэту и исследователю и своему сочлену торжественную речь на пушкинском празднике. Торжество состоится 6 июня.

Предс<едатель> ОЛРС: П. Сакулин

Предс<едатель> Пушк<инской> комиссии: М. Цявловский

Секретарь Пушк<инской> комиссии: Н. Фатов

К ходатайству присоединяется Нарком по Просв<ещению>
А. Луначарский

Автограф Вяч. Иванова чернилами, трижды перечеркнут; в основном новая орфография — РАИ. Оп. 1. Карт. 5. № 31. Л. 66 [электронный ресурс — <https://u.to/qNPFgw>].

Приложение 2

Настоящий план разработан
В. И. Ивановым вместе со мною и
всемерно поддерживается мною
П. С. Коган

Наркому просвещения
Тов. А.В. ЛУНАЧАРСКОМУ

Профессора Азербайджанского
Гос. Университета имени Ленина
Вячеслава Ивановича Иванова

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

Согласно Вашему предложению, представляю нижеследующие соображения относительно организации нашего Института в Риме.

Институт носит наименование «Государственного Института Истории, Археологии и Искусствоведения СССР» (Istituto di Storia, d'Archeologia e di Belli Arti URSS a Roma”).

Институт ставит себе двоякую цель:

1. Он является исследовательским институтом, дающим возможность русским ученым производить научную работу в областях первобытной и античной культуры, античной археологии, истории и истории искусства в месте, наиболее богатым вещественными памятниками, книгохранилищами и архивами и наиболее связанною с непрекращающеюся в течение многих поколений традициею этих изучений. С образованием такого научного центра сюда могли бы быть командированы на известный срок молодые ученые с самыми разнообразными научными интересами для исследовательской работы по отдельным дисциплинам, от филологии до всестороннего социологического изучения современной Италии включительно, под руководством ученых членов Института, как при самом Институте, так и в других научных учреждениях Рима и Италии. Но не только научно-теоретические изучения могли бы найти себе место в Институте: при его помощи можно было бы возобновить прервавшуюся за последние десятилетия традицию командировок наиболее даровитых молодых художников в Италию для изучения как самого мастерства в его эволюции, так и истории искусства по памятникам. Не требует объяснений, какое важное значение для формирования таланта имеет это приобщение к художественным сокровищам Италии, которое до сих пор считается во всем мире необходимым условием законченного художественного образования.

2. Помимо чисто научных и художественных целей, вторая, не менее важная задача Института заключается в пропаганде русской культуры в Италии и чрез нее на всем Западе, что несомненно будет косвенно иметь и значение политическое. Все крупные культурные страны имеют в Риме часто по нескольку научных институтов; таковы, например, знаменитый Германский (первоначально, до 1871 г., интернациональный) Археологический Институт на Капитолии, Германский Исторический Институт, французские институты археологический и исторический (Palazzo Farnese) и художественный (Villa Medici), английская археологическая школа и многие другие. Отсутствие России на той арене, где происходит совместная и соревнующаяся научная работа культурных народов и их высшее научное общение, является каким-то добровольным исключением себя из современной цивилизации и косвенным подтверждением ложных слухов об упадке нашей культуры. Царское правительство, еще в эпоху Николая I, имело в Риме постоянный центр, куда посылались для усовершенствования русские художники и откуда вышли такие создания, как знаменитая картина Александра Иванова и его библейские композиции, картины Брюллова и др. Впоследствии неоднократно поднимался вопрос об основании археологического института в Риме, но выбор места пал

на Константинополь, где был основан для специально византийских изысканий Российский Археологический Институт⁶⁹. Тем не менее и в Риме было приступлено к организации Исторического Института⁷⁰, и только война помешала дальнейшему развитию этих начинаний. Отсюда ясно, что самый акт существования русского историко-художественного Института был бы наглядною пропагандой идеи возрождения и укрепления нашей культурной жизни в Советской России.

Но это политическое значение института могло бы быть усилено путем организации выступлений русских ученых с докладами о различных сторонах нашей научной и художественной жизни. Если к этому присоединить образование при Институте русской библиотеки и информационно-библиографического отдела, то можно было бы достигнуть осуществления интенсивных сношений между Россией и Западом и всестороннего осведомления культурного мира о наших научных и художественных достижениях, о наших учреждениях, обслуживающих культурные задачи страны, о всех выходящих в России книгах и проч.

Организация института

Институт, в соответствии со своими задачами, включает в себе а) информационно-библиографический и лекционный отдел, и б) собственно исследовательский институт. Последний разбивается на ряд секций, которые могут открываться последовательно сообразно с требованиями жизни и практическими возможностями. В первую очередь намечаются секции 1) античной культуры и археологии 2) истории искусства и 3) истории. Во главе Института стоит его Директор, заведующий и одною из секций; каждая секция возглавляется ученым специалистом. Заведующие секций производят постоянную самостоятельную исследовательскую работу, о ходе которой обязаны представлять в НКП отчеты. Институт приглашает для выступления с учеными докладами и руководительных <так! — А.Ш.> советов по их специальности известных ученых; из них образуется кадр ученых членов Института. Молодые начинающие ученые, командируемые для занятий при Институте, составляют категорию его научных сотрудников. Для начала могла быть образована первая секция античной культуры, которая одновременно явилась бы организационным органом для подготовки плана постепенного расширения Института.

Сметные предположения

Точно разработанная смета и проект устава Института могут быть представлены дополнительно по утверждению предполагаемого плана и по

⁶⁹ О нем см.: *Басаргина Е.Ю.* Русский археологический институт в Константинополе. Очерки истории. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. 243 с.

⁷⁰ Имеется в виду инициатива Е.Ф. Шмурло.

назначении Директора Института. На первых порах сметные предположения сведутся к штату из трех человек (Директора и его два помощника, — они же и руководители секций античной культуры, археологии и истории искусств и организаторы лекционного и информационно-библиографического отдела), к известной сумме на приобретение библиотечного ядра и к расходам по приглашению первых докладчиков и по организации сношений и связей.

Что касается помещения, на первых порах небольшого, оно могло бы быть временно предоставлено в здании Посольства (via Gaeta 3) или в одном из принадлежащих прежнему правительству зданий, которые, вероятно, вскоре будут закреплены за Советским Правительством.

Вячеслав Иванов.

24 августа 1924.

РАИ. Оп. 3. Картон 1. Папка 23. Л. 1–5. [URL: <https://u.to/7dHfGw> и далее] Машинопись; второй или третий экземпляр; новая орфография; иностранные слова чернилами рукой Иванова; дата и подпись — автограф Иванова чернилами.

Приложение 3

НАРОДНЫЙ КОМИССАР
ПО ПРОСВЕЩЕНИЮ
25/8 1924
№ 2399 МОСКВА

УДОСТОВЕРЕНИЕ

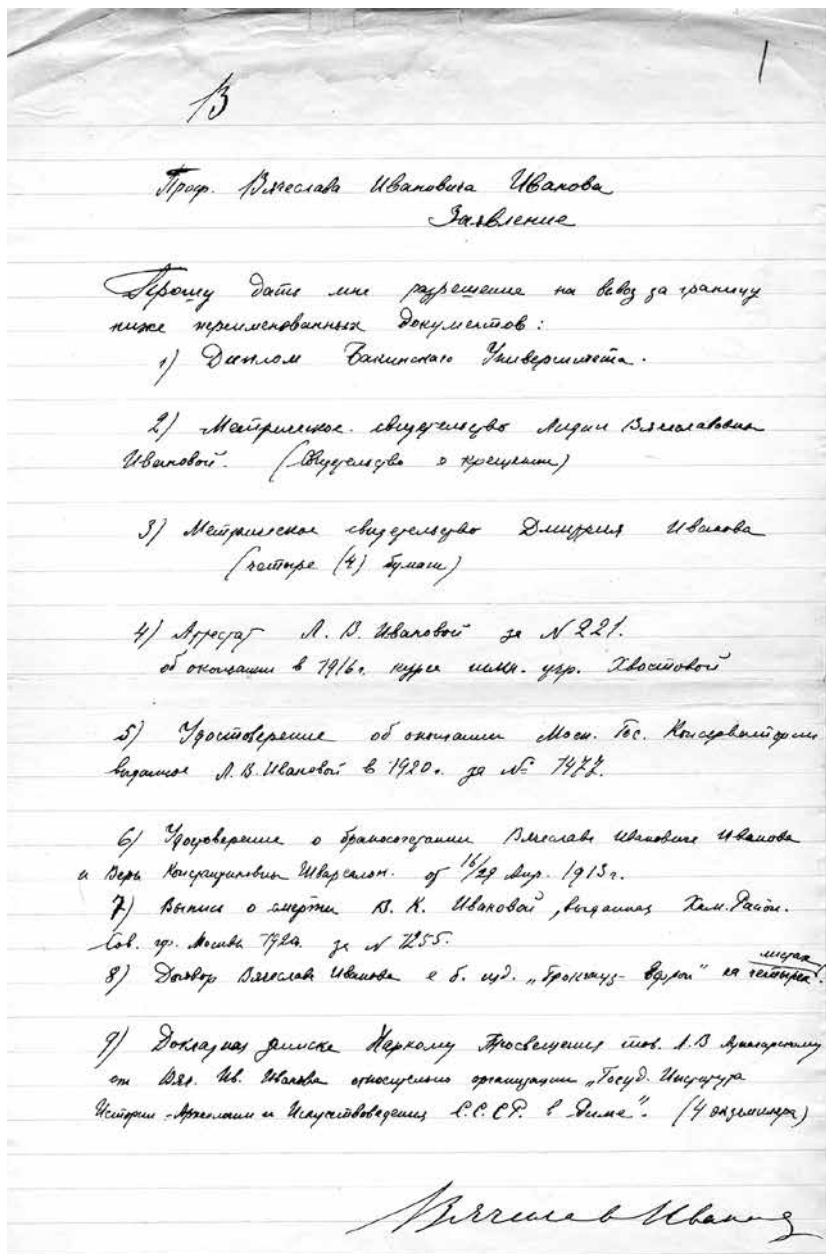
Настоящим удостоверяю, что Народный Комиссариат по Просвещению поручает проф. В. И. Иванову, отправляющемуся в научную командировку в Италию, переговорить с полномочным представителем СССР тов. Юрениным о первых шагах к возобновлению или учреждению особого института [Советского] союза в Риме под наименованием Государственного Института Истории, Археологии и Искусствоведения, а затем в рамках, которые укажет тов. Юренин, и по его директивам приступить к предварительным переговорам об этом с Итальянскими правительственными и культурными учреждениями. О результате этих переговоров в ходе их проф. Иванов должен сообщать непосредственно Народному Комиссару по Просвещению.

Нарком по Просвещению

А. Луначарский.

РАИ. Оп. 5. Карт. 7. Папка 7. Л. 1. Машинопись, подпись — автограф. [URL: <https://u.to/GNHfGw>]

Приложение 4

Илл. 6. Заявление Вяч. Иванова на вывоз за границу документов. 1924.

Архивы

ГЛМ — Государственный музей истории российской литературы имени В.И. Даля (Государственный литературный музей). Москва.

РО ИРЛИ — Рукописный отдел Института Русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Санкт-Петербург.

РАИ — Римский архив Вяч. Иванова. Италия.

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства. Москва.

Литература

1. *Аккатоли А.* Доклад Вяч. Иванова «Душа Италии» (1920) // *Образы Италии в России — Петербурге — Пушкинском Доме.* СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, 2014. С. 221–226.

2. *Альтман М.С.* Разговоры с Вячеславом Ивановым / сост., подгот. текстов В.А. Дымшица и К.Ю. Лаппо-Данилевского; статья и коммент. К.Ю. Лаппо-Данилевского. СПб.: Инапресс, 1995. 384 с.

3. *Аничков Е.* Вячеслав Иванов и вся его плеяда // Вяч. Иванов: pro et contra. Антология. СПб.: Изд-во РХГА, 2016. Т. 1. С. 512–527.

4. *Анфертьев И.А.* Дипломатические последствия обеда Б. Муссолини у советского полпреда К.К. Юренёва. Документы РГАСПИ: 1924 г. // *Исторический вестник.* 2011. № 6. С. 48–63.

5. *Бёрд Р.* Вяч. Иванов и Советская власть (1919–1929): Неизвестные материалы // *Новое литературное обозрение.* 1999. № 40. С. 305–331.

6. *Бёрд Р.* Сотворение изгнания: Вячеслав Иванов между Москвой и Римом (машинопись). URL: <https://u.to/FmodHA>

7. *Бёрд Р., Иванова Е.* Был ли виновен Бальмонт? // *Русская литература.* 2004. № 3. С. 55–85.

8. *Богомолов Н.А.* Вячеслав Иванов в 1903–1907 годах: Документальные хроники. М.: Изд-во Кулагиной; Intrada, 2009. 286 с.

9. *Богомолов Н.А.* Об одном стихотворении на случай // *Русская литература.* 2011. № 4. С. 107–111.

10. *Вассена Р., Гарэтто Э.* Письма Е. Ф. Шмурло (1917–1921) // *Русско-итальянский архив.* (Ольга Ресневич-Синьорелли и русская эмиграция: переписка). IX: I. Салерно, 2012. С. 359–364.

11. Вяч. Иванов в переписке с В.Э. Мейерхольдом и З.Н. Райх (1925–1926) / публ. Н.В. Котрелева и Ф. Мальковаги // *Новое литературное обозрение.* 1994. № 10. С. 257–280.

12. *Гаврилова Е.А.* Пушкинские места псковской земли в 1837/1945 гг.: от дворянской усадьбы к государственному заповеднику: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2016. 225 с.

13. *Гершензон М.О.* Письма к Льву Шестову (1920–1925) / публ. А. д'Амелиа и В. Аллоя // *Минувшее: исторический альманах.* 6. Paris: Atheneum, 1988. С. 237–312.

14. *Горнунг Лев.* Свидетель терпеливый: дневники, мемуары. М.: АСТ, 2019. 768 с.

15. *Городецкий С.М.* Из дневников / публ. В. Енишерлова // Наше наследие. 2001. № 56. С. 166–172.
16. Густав Шпет: философ в культуре. Документы и письма. М.: РОССПЭН, 2012. 676 с.
17. *Дмитриев А.* Как сделана «формально-философская школа» // Исследования по истории русской мысли. Ежегодник 2006–2007. М.: Модест Колеров, 2009. [Т.] 8. С. 71–96.
18. *Зайцев Б.* Мои современники: Воспоминания. Портреты. Мемуарные повести. М.: Русская книга, 1999. 555 с.
19. *Иванов В.И.* Собр. соч. Брюссель: Изд-во Жизнь с Богом, 1971. Т. I. 872 с.
20. *Иванов Вяч.И.* Из неопубликованных стихов / публ. Д.В. Иванова и А.Б. Шишкина // Русско-итальянский архив. III. Салерно, 2001. С. 25–48.
21. *Иванова Лидия.* Воспоминания: книга об отце. Париж: Atheneum, 1990. 428 с.
22. Избранная переписка [В.И. Иванова] с сыном Димитрием и дочерью Лидией. Подг. текста А. Кондюриной и О. Фетисенко // Символ, журнал христианской культуры. 2008. № 53–54. С. 460–630.
23. *Котрелев Н.В.* Из переписки Вяч. Иванова с Максимом Горьким. К истории журнала «Беседа» // *Euroa Orientalis*. 1995. XIV: 2. С. 183–208.
24. *Лавров А.В.* Андрей Белый под советским щитом // Пространство безграничной словесности: Сб. статей к 70-летию В.Е. Багно. СПб.: Нестор-История, 2021. С. 294–310.
25. *Левинтон Г.А., Устинов А.Б.* К истории машинописных изданий 1920-х годов // Пятые Тыняновские чтения, тезисы докладов и материалы для обсуждения. Рига: Зинатне, 1990. С. 197–210.
26. *Марцинковский В.Ф.* Записки верующего. Из истории Религиозного движения в России (1917–1923). Прага: Tiskem «Legiografie», 1929. URL: <https://u.to/desdHA> (дата обращения: 15.10.2021).
27. *Маццителли Г.* Очерки об итальянской славистике: книги, архивы, судьбы. М.: Индрик, 2018. 288 с.
28. *Меймре А., Богомолов Н.А.* Ситуация 1920 г.: взгляд из Эстонии // *Donum homini universali*. М.: ОГИ, 2011. С. 192–201.
29. *Мочалова О.А.* Голоса Серебряного века. М.: Молодая гвардия, 2004. 304 с.
30. *Нечипорук Д.М.* Войтинские и Каффи: история недосказанной дружбы // Россия — Италия: Академический Диалог XVIII–XXI веков. СПб.: Алетейя, 2022. С. 309–322.
31. *Обатнин Г.В.* К типизации литературной карьеры М. Кудашевой (Кювилье) // Транснациональное в русской культуре. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 384–421. (*Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia*; No. 15).
32. *Обатнин Г.В.* М.П. Кудашева-Роллан: русские годы (в печати).
33. *Обатнин Г.В.* Кудашева, Иванов и Беттина фон Арним // Россия и Запад: Сб. статей в честь 70-летия К.М. Азадовского. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 345–402.
34. *Обатнин Г.В., Постоутенко К.Ю.* Вячеслав Иванов и формальный метод (материалы к теме) // Русская литература. 1992. № 1. С. 180–187.
35. Переписка [В.И. Иванова] с А.В. Луначарским о проекте Русской Академии в Риме и командировке в Италию / публ. А. Шишкина // Русско-итальянский архив. [1]. Тренто, 1997. С. 549–557.

36. Переписка Ленина и Луначарского (1905-1922) // Литературное наследство. М.: Наука, 1971. Т. 80: В.И. Ленин и А.В. Луначарский: Переписка, доклады, документы. С. 1–372.
37. Переписка В.И. Иванова и О.А. Шор / публ. А.А. Кондюриной, Л.Н. Ивановой, Д. Рицци и А.Б. Шишкина // Русско-итальянский архив. III. Салерно, 2001. С. 151–456.
38. *Печёнкин И., Шурыгина О.* Палладио по-русски. Новые данные о переводе «Четырех книг по архитектуре» XX века // Искусствознание. 2018. № 3. С. 238–263.
39. Письма А. Каффи к Вяч. Иванову / публ. Л. Каяниди // Русско-итальянский архив. XIII. Salerno, 2022 (в печати).
40. Письма Вячеслава Иванова к Александре Чеботаревской / публ. А.В. Лаврова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1997 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. С. 238–295.
41. Письма М.О. Гершензона к В.Ф. Ходасевичу / публ. Н. Берберовой // Новый журнал. 1960. № 60. С. 222–235.
42. *Проскурина В.* Течение Гольфстрима: Михаил Гершензон, его жизнь и миф. СПб.: Алетейя, 1998. 510 с.
43. *Рудник Н., Сегал Д.* «Начала и концы»: к письму О.А. Шор (О. Дешарт) Ф.А. Степуно // Зеркало. Литературно-художественный журнал. 2002. № 17–18. С. 141–170.
44. Русское присутствие в Италии в первой половине XX века: Энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2019. 864 с.
45. Русско-итальянский архив. III. Salerno, 2001. 574 p.
46. *Сегал Д., Сегал Н.* Начало эмиграции: переписка Е.Д. Шора с Ф.А. Степуном и Вяч. Ивановым // Вячеслав Иванов и его время: Материалы VII Междунар. симпозиума, Вена 1998. Frankfurt/Main: Lang, 2002. С. 457–546.
47. *Сегал-Рудник Н.* Параллельные пути: РАХН и Баухауз, 1922–1923 гг. (в печати).
48. *Сидоров А.А.* Три года Российской академии художественных наук. 1921–1924 // Искусство как язык — языки искусства. Государственная академия художественных наук и эстетическая теория 1920-х годов. М.: Новое литературное обозрение, 2017. Т. II. С. 18–100.
49. *Собинов Л.* Статьи, речи, высказывания. М.: Искусство, 1970. Т. 2. 595 с.
50. «Странное существо человек, загадочнее кошки»: переписка М.О. Гершензона с В.И. Ивановым (1909–1925) / публ. Е. Глухой // Русско-итальянский архив. VIII. Salerno, 2011. С. 27–104.
51. *Талалай М.* Андрей Иванович Каффи: сопротивление большевизму и нацифашизму // Нансеновские чтения 2009 / под ред. М.Н. Толстого. СПб.: РОО ИКЦ «Русская эмиграция», 2010. С. 197–203.
52. *Тименчик Р., Копельман З.* Вяч. Иванов и поэзия Х.Н. Бялика // Новое литературное обозрение. 1996. № 14. С. 102–115.
53. *Троцкий С.* Воспоминания // Вяч. Иванов: pro et contra. Антология. СПб.: Изд-во РХГА, 2016. Т. 1. С. 564–585.
54. Тройная переписка: Вяч. Иванов и Ольга Шор в переписке с Ольгой Ресневич-Синьорелли / публ. К. Кумпан // Русско-итальянский архив. (Ольга Ресневич-Синьорелли и русская эмиграция: переписка). IX: I. Салерно, 2012. С. 251–426.
55. *Федотова С.* Вячеслав Иванов и союз «Взаимопонимание» (1918) // Русская литература. 2019. № 3. С. 171–181.
56. *Ходасевич В.* Собр. соч.: в 4 т. М.: Согласие, 1997. Т. 4. 742 с.
57. *Цветева М.И.* Собр. соч.: в 7 т. М.: Эллис Лак, 1994. Т. 4. 694 с.

58. *Шапошиников Б.В.* Вячеслав Иванов / публ. Е.В. Кочневой // Наше наследие. 2016. № 119. С. 95–97.

59. *Шишкин А.Б., Сульпассо Б.* Переписка Вяч. Иванова и Этторе Ло Гатто // Вяч. Иванов: Исследования и материалы / под ред. К.Ю. Лаппо-Данилевского и А.Б. Шишкина. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, 2010. Вып. 1. С. 759–779.

60. *Якименко Ю.Н.* Роль Академии Художественных Наук в формировании новой картины мира. URL: <https://gachn.de/ru/view/263> (дата обращения: 15.10.2021).

61. *Якименко Ю.Н.* Хронология деятельности Философского отделения ГАХН // Искусство как язык — языки искусства. Государственная академия художественных наук и эстетическая теория 1920-х годов. М.: Новое литературное обозрение, 2017. Т. I. С. 313–437.

62. *Fiore M.* Опись писем разных корреспондентов к Иванову. Часть вторая. Итальянские корреспонденты. Rome, 2013. 179 с. URL: <https://u.to/ndL7Gw> (дата обращения: 15.10.2021).

63. *Koudacheva Marie.* Sur l'Ècume. Paris: E. Figuière, éd., 1928. 182 p.

64. *Lo Gatto Maver A.* Le lettere di Ettore Lo Gatto a Giovanni Maver. 1920–1931 // Europa Orientalis. 1996. XV: 2. P. 289–382.

65. *Mazzitelli G.* Pubblicazione dell'Istituto per l'Europa orientale. Catalogo storico (1921–1944). Firenze University Press. 2016. 374 p.

Research Article

The Plan for a Soviet Academy in Rome (1924): Viacheslav Ivanov, Anatoly Lunacharsky, Petr Kogan and Others

© 2022. Andrei B. Shishkin

University of Salerno, Italy

Abstract: In spring of 1924 Viacheslav Ivanov was invited to Moscow to participate in the June celebrations of the 125th anniversary of Aleksandr Pushkin's birth. The months he spent in the capital reflect an unusually active social schedule. As his address book of the summer of 1924 indicates, he met with a wide range of people: composers and performers (Reinhold Glière, Mikhail Gnesin, Aleksandr Grechaninov, Aleksandr Goldenweiser, Nikolai Miaskovsky, Nikolai Medtner, Leonid Sabaneev), poets and prose writers (Valery Briusov, Iurgis Baltrushaitis, Andrei Globa, Vasily Kazin, Vladimir Lidin, Isaiah Lezhnev, Vladimir Nilender, Ivan Novikov, Sergei Poliakov, Ivan Rukavishnikov, Sergei Shervinsky, Anastasia Tsvetaeva), theater directors (Vsevolod Meyerhold, Aleksandr Tairov), literary scholars (Mikhail Gershenzon, Leonid Grossman, Viktor Zhirmunsky, Boris Eichenbaum), artists (Anatoly Arapov, Nikolai Ulianov, Nikolai Vysheslavtsev, Konstantin Yuon), priests and theologians (Sergei Sidorov, Pavel Florensky), art historians and museum curators (Count Valentin Zubov, Nikolai Mashkovtsev, Boris Ternovets, Abram Efros) and others. Many of these people were in one way or another connected to the activity of the State Academy for the Study of the Arts (GAKhN). It was in fact for GAKhN that Ivanov gave a series of well-received lectures. After receiving his passport to travel to Italy on 4 July 1924, Ivanov decided to postpone his departure for an entire month.

It would seem that this delay was connected to the need to draw up a project for the creation in Rome of a Soviet State Institute for History, Archeology and Art History. The project was supported by Petr Kogan, the president of GAKhN, and by Anatoly Lunacharsky, the head of the People's Commissariat of Enlightenment. The Institute was envisioned as an organization that would serve both researchers and students, following the models of the corresponding academies in Rome — the French Academy, the French School of Archeology, the German Archeological Institute, etc. As Ivanov formulated it in the first plan that he gave to Lunacharsky on 24 August 1924: “The absence of Russia in the arena where cultured peoples are jointly and competitively pursuing scholarly work and cooperating in advanced scholarly colloquy is a kind of voluntary exclusion from contemporary civilization and an indirect affirmation of false rumors about the decline of our culture.”

Keywords: Viacheslav Ivanov, Anatoly Lunacharsky, Petr Kogan, Olga Kameneva (Bronstein), Ettore Lo Gatto, State Academy for the Study of the Arts (GAKhN), The People's Commissariat of Foreign Affairs (NKID), academies in Rome, institutes of Russian culture in Europe.

Information about the author: Andrei B. Shishkin — Professor of Slavic Studies, University of Salerno, Via Giovanni Paolo II, 132 — 84084 Fisciano (SA), Italy. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8762-7791> E-mail: chichkine@gmail.com

For citation: Shishkin, A.B. “The Plan for a Soviet Academy in Rome (1924): Viacheslav Ivanov, Anatoly Lunacharsky, Petr Kogan and Others.” *Literaturnyi fakt*, no. 1 (23), 2022, pp. 55–99. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-23-55-99>

References

1. Akkattoli, A. “Doklad Viach. Ivanova ‘Dusha Italii’ (1920)” [“Report of Vyach. Ivanov ‘The Soul of Italy’ (1920)”]. *Obrazy Italii v Rossii — Peterburge — Pushkinskom Dome [Images of Italy in Russia — St. Petersburg — Pushkin House]*. St. Petersburg, Izdatel'stvo Pushkinskogo Doma Publ., 2014, pp. 221–226. (In Russ.)
2. Al'tman, M.S. *Razgovory s Viacheslavom Ivanovym [Conversations with Vyacheslav Ivanov]*, comp., text prep. by V.A. Dymshits, K.Iu. Lappo-Danilevskii; article and comm. by K.Iu. Lappo-Danilevskii. St. Petersburg, Inapress Publ., 1995. 384 p. (In Russ.)
3. Anichkov, E. “Viacheslav Ivanov i vsia ego pleiada” [Vyacheslav Ivanov and all His Constellation]. *Viach. Ivanov: pro et contra. Antologiiia [Viach. Ivanov: pro et contra. Antologiiia]*, vol. 1. St. Petersburg, Izdatel'stvo RKhGA Publ., 2016, pp. 512–527. (In Russ.)
4. Anfert'ev, I.A. “Diplomaticheskie posledstviia obeda B. Mussolini u sovetskogo polpreda K.K. Iureneva. Dokumenty RGASPI: 1924 g.” [The diplomatic Consequences of B. Mussolini's Dinner with the Soviet Plenipotentiary K.K. Yurenev. Documents of RGASPI: 1924]. *Istoricheskii vestnik*, no. 6, 2011, pp. 48–63. (In Russ.)
5. Berd, R. “Viach. Ivanov i Sovetskaia vlast' (1919–1929): Neizvestnye materialy” [“Vyach. Ivanov and Soviet Power (1919–1929): Unknown Materials”]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 40, 1999, pp. 305–331. (In Russ.)

6. Berd, R. *Sotvorenie izgnaniia: Viacheslav Ivanov mezhu Moskvoi i Rimom (mashinopis')* [*The Creation of Exile: Vyacheslav Ivanov between Moscow and Rome (Typescript)*]. Available at: <https://u.to/FmodHA> (Accessed 20 October 2021). (In Russ.)

7. Berd, R., Ivanova, E. “Byl li vinoven Bal'mont?” [“Was Balmont Guilty?”]. *Russkaia literatura*, no. 3, 2004, pp. 55–85. (In Russ.)

8. Bogomolov, N.A. *Viacheslav Ivanov v 1903–1907 godakh: Dokumental'nye khroniki* [*Vyacheslav Ivanov in 1903–1907: Documentary Chronicles*]. Moscow, Izdatel'stvo Kulaginoi, Intrada Publ., 2009. 286 p. (In Russ.)

9. Bogomolov, N.A. “Ob odnom stikhotvorenii na sluchai” [“About One Poem in Case”]. *Russkaia literatura*, no. 4, 2011, pp. 107–111. (In Russ.)

10. Vassena, R., Garetto, E. “Pis'ma E.F. Shmurlo (1917–1921)” [“Letters to E.F. Shmurlo (1917–1921)”]. *Russko-ital'ianskii arkhiv* [*Russian-Italian Archive*], IX: I: Ol'ga Resnevich-Sin'orelli i russkaia emigratsiia: perepiska [Olga Resnevich-Signorelli and Russian Emigration: Correspondence]. Salerno, 2012, pp. 359–364. (In Russ.)

11. “Viach. Ivanov v perepiske s V.E. Meierkhol'dom i Z.N. Raikh (1925–1926)” [“Vyach. Ivanov in Correspondence with V.E. Meyerhold and Z.N. Reich (1925–1926)”], publ. by N.V. Kotrelev and F. Mal'kovati. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 10, 1994, pp. 257–280. (In Russ.)

12. Gavrilova, E.A. *Pushkinskie mesta pskovskoi zemli v 1837/1945 gg.: ot dvorianskoi usad'by k gosudarstvennomu zapovedniku* [*Pushkin Places of the Pskov Land in 1837/1945: from a Noble Estate to a State Reserve: PhD Thesis*]. St. Petersburg, 2016. 225 p. (In Russ.)

13. Gershenson, M.O. “Pis'ma k L'vu Shestovu (1920–1925)” [“Letters to Lev Shestov (1920–1925)”], publ. by A. d'Amelia and V. Alloia. *Minuvshee: istoricheskii al'manakh* [*The Past: Historical Almanac*], 6. Paris, Atheneum Publ., 1988, pp. 237–312. (In Russ.)

14. Gornung, Lev. *Svidetel' terpelivyi: dnevniki, memuary* [*Patient Witness: Diaries, Memoirs*]. Moscow, AST Publ., 2019. 768 p. (In Russ.)

15. Gorodetskii, S.M. “Iz dnevnikov” [“From Dairies”], publ. by V. Enisherlov. *Nashe nasledie*, no. 56, 2001, pp. 166–172. (In Russ.)

16. *Gustav Shpet: filosof v kul'ture. Dokumenty i pis'ma* [*Gustav Shpet: Philosopher in Culture. Documents and Letters*]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2012. 676 p. (In Russ.)

17. Dmitriev, A. “Kak sdelana ‘formal'no-filosofskaia shkola.’” [“How the ‘Formal-Philosophical School’ was Made”]. *Issledovaniia po istorii russkoi mysli. Ezhegodnik 2006–2007* [*Studies in the History of Russian Thought. Yearbook (2006–2007)*], vol. 8. Moscow, Modest Kolerov Publ., 2009, pp. 71–96. (In Russ.)

18. Zaitsev, B. *Moi sovremenniki: Vospominaniia. Portrety. Memuarnye povesti* [*My Contemporaries: Memoirs. Portraits. Memoir Stories*]. Moscow, Russkaia kniga Publ., 1999. 555 p. (In Russ.)

19. Ivanov, V.I. *Sobranie sochinenii* [*Collected Works*], vol. I. Bruxelles, Izdatel'stvo Zhizn' s Bogom Publ., 1971. 872 p. (In Russ.)

20. Ivanov, Viach.I. “Iz neopublikovannykh stikhov” [“From Unpublished Poems”], publ. by D.V. Ivanov and A.B. Shishkin. *Russko-ital'ianskii arkhiv [Russian-Italian Archive]*, III. Salerno, 2001, pp. 25–48. (In Russ.)

21. Ivanova, Lidiia. *Vospominaniia: kniga ob ottse [Memoirs: a Book about Father]*. Parizh, Atheneum Publ., 1990. 428 p. (In Russ.)

22. “Izbrannaia perepiska [V.I. Ivanova] s synom Dimitriem i docher'iu Lidiei” [“Selected Correspondence (of V.I. Ivanov) with Their Son Dimitri and Daughter Lydia”], text prep. by A. Kondiurina and O. Fetisenko. *Simvol, zhurnal khristianskoi kul'tury*, no. 53–54, 2008, pp. 460–630. (In Russ.)

23. Kotrelev, N.V. “Iz perepiski Viach. Ivanova s Maksimom Gor'kim. K istorii zhurnala ‘Beseda’.” [“From the Correspondence of Vyach. Ivanov with Maxim Gorky. To the History of the Journal ‘Conversation’.”]. *Europa Orientalis*, XIV: 2, 1995, pp. 183–208. (In Russ.)

24. Lavrov, A.V. “Andrei Belyi pod sovetским shchitom” [“Andrey Bely under the Soviet Shield”]. *Prostranstvo bezgranichnoi slovesnosti: Sb. statei k 70-letiiu V.E. Bagno [Space of Boundless Literature: Collection of Articles for the 70th Anniversary of V.E. Bagno]*. St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2021, pp. 294–310. (In Russ.)

25. Levinton, G.A., Ustinov, A.B. “K istorii mashinopisnykh izdaniy 1920-kh godov” [“On the History of Typewritten Publications of the 1920s”]. *Piatye Tynianovskie chteniia, tezisy dokladov i materialy dlia obsuzhdeniia [Fifth Tynyanov Readings, Abstracts and Materials for Discussion]*. Riga, Zinatne Publ., 1990, pp. 197–210. (In Russ.)

26. Martsinkovskii, V.F. *Zapiski veruiushchego. Iz istorii Religioznogo dvizheniia v Rossii (1917–1923) [Believer's Notes. From the History of the Religious Movement in Russia (1917–1923)]*. Praga, Tiskem “Legiografie” Publ., 1929. Available at: <https://u.to/desdHA> (Accessed 15 October 2021). (In Russ.)

27. Matstsitelli, G. *Ocherki ob ital'ianskoi slavistike: knigi, arkhivy, sud'by [Essays on Italian Slavic Studies: Books, Archives, Fates]*. Moscow, Indrik Publ., 2018. 288 p. (In Russ.)

28. Meimre, A., Bogomolov, N.A. “Situatsiia 1920 g.: vzgliad iz Estonii” [“The Situation of 1920: a View from Estonia”]. *Donum homini universali*. Moscow, OGI Publ., 2011, pp. 192–201. (In Russ.)

29. Mochalova, O.A. *Golosa Serebriianogo veka [Voices of the Silver Age]*. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2004. 304 p. (In Russ.)

30. Nechiporuk, D.M. “Voitinskie i Kaffi: istoriia nedoskazannoi druzhby” [“Voitinsky and Caffi: a Story of Unsaid friendship”]. *Rossiiia — Italiia: Akademicheskii Dialog XVIII–XXI vekov [Russia — Italy. Academic Dialog of 18th–21st Centuries]*. St. Petersburg, Aleteiia Publ., 2022, pp. 309–322. (In Russ.)

31. Obatnin, G.V. “K tipizatsii literaturnoi kar'ery M. Kudashevoi (Kiuvil'e)” [“On the Typification of the Literary Career of M. Kudasheva (Cuvillier)”]. *Transnatsional'noe v russkoi kul'ture [Transnational in Russian Culture]*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2018, pp. 384–421. (In Russ.)

32. Obatnin, G.V. *M.P. Kudasheva-Rollan: russkie gody [M.P. Kudasheva-Rollan: Russian Years]* (In print) (In Russ.)

33. Obatnin, G.V. “Kudasheva, Ivanov i Bettina fon Arnim” [“Kudasheva, Ivanov and Bettina von Arnim”]. *Rossia i Zapad: Sbornik stat'ei v chest' 70-letia K.M. Azadovskogo* [Russia and the West: Collection of Articles in Honor of the 70th Anniversary of K.M. Azadovsky]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2011, pp. 345–402. (In Russ.)
34. Obatnin, G.V., Postoutenko, K.Iu. “Viacheslav Ivanov i formal'nyi metod (materialy k teme)” [“Vyacheslav Ivanov and the Formal Method (Materials for the Topic)”]. *Russkaia literatura*, no. 1, 1992, pp. 180–187. (In Russ.)
35. “Perepiska [V.I. Ivanova] s A.V. Lunacharskim o proekte Russkoi Akademii v Rime i komandirovke v Italiuu” [“Correspondence (of V.I. Ivanov) with A.V. Lunacharsky about the Project of the Russian Academy in Rome and a Business Trip to Italy”], publ. by A. Shishkin. *Russko-ital'ianskii arkhiv* [Russian-Italian Archive], 1. Trento, 1997, pp. 549–557. (In Russ.)
36. “Perepiska Lenina i Lunacharskogo (1905-1922)” [“Correspondence between Lenin and Lunacharsky (1905-1922)”]. *Literaturnoe nasledstvo* [Literary Heritage], vol. 80: V.I. Lenin i A.V. Lunacharskii: Perepiska, doklady, dokumenty [V.I. Lenin and A.V. Lunacharskii: Correspondence, Reports, Documents]. Moscow, Nauka Publ., 1971, pp. 1–372. (In Russ.)
37. “Perepiska V.I. Ivanova i O.A. Shor” [“Correspondance between V.I. Ivanov and O.A. Shor”], publ. by A.A. Kondiurina, L.N. Ivanova, D. Ritstsi and A.B. Shishkin. *Russko-ital'ianskii arkhiv* [Russian-Italian Archive], III. Salerno, 2001, pp. 151–456. (In Russ.)
38. Pechenkin, I., Shurygina, O. “Palladio po-russki. Novye dannye o perevode ‘Chetyrekh knig po arkhitekture’ XX veka” [“Palladio in Russian. New Data on the Translation of the ‘Four Books on Architecture’ of the 20th Century”]. *Iskusstvoznanie*, no. 3, 2018, pp. 238–263. (In Russ.)
39. “Pis'ma A. Kaffi k Viach. Ivanovu” [“Letters of A. Kaffi to Viach. Ivanov”], publ. by L. Kaianidi. *Russko-ital'ianskii arkhiv* [Russian-Italian Archive], XIII. Salerno, 2022 (In print). (In Russ.)
40. “Pis'ma Viacheslava Ivanova k Aleksandre Chebotarevskoi” [“Letters of Viacheslav Ivanov to Aleksandra Chebotarevskaya”], publ. by A.V. Lavrov. *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 1997 god* [Yearbook of the Manuscript Department of the Pushkin House for 1997]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2002, pp. 238–295. (In Russ.)
41. “Pis'ma M.O. Gershenzona k V.F. Khodasevichu” [“Letters of M.O. Gershenzon to V.F. Khodasevich”], publ. by N. Berberova. *Novyi zhurnal*, no. 60, 1960, pp. 222–235. (In Russ.)
42. Proskurina, V. *Techenie Gol'fstrima: Mikhail Gershenzon, ego zhizn' i mif* [The Course of the Gulf Stream: Mikhail Gershenzon, His Life and Myth]. St. Petersburg, Aleteiia Publ., 1998. 510 p. (In Russ.)
43. Rudnik, N., Segal, D. “‘Nachala i kontsy’: k pis'mu O.A. Shor (O. Deshart) F.A. Stepunu” [“‘Beginnings and ends’: to the Letter of O.A. Shore (O. Dechart) to F.A. Stepunu”]. *Zerkalo. Literaturno-khudozhestvennyi zhurnal*, no. 17–18, 2002, pp. 141–170. (In Russ.)

44. *Russkoe prisutstvie v Italii v pervoi polovine XX veka: Entsiklopediia* [Russian Presence in Italy in the First Half of the 20th Century: Encyclopedia]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2019. 864 p. (In Russ.)
45. *Russko-ital'ianskii arkhiv* [Russian-Italian Archive], III. Salerno, 2001. 574 p. (In Russ.)
46. Segal, D., Segal, N. "Nachalo emigratsii: perepiska E.D. Shora s F.A. Stepunom i Viach. Ivanovym" ["Beginning of Emigration: Correspondence of E.D. Shor with F.A. Stepun and Vyach. Ivanov"]. *Viacheslav Ivanov i ego vremia: Materialy VII Mezhdunarodnogo simpoziuma, Vena 1998* [Vyacheslav Ivanov and His Time: Proceedings of the VII International Symposium, Vienna 1998]. Frankfurt an Main, Lang Publ., 2002, pp. 457–546. (In Russ.)
47. Segal-Rudnik, N. *Parallel'nye puti: RAKhN i Baukhauz, 1922–1923 gg.* [Parallel Paths: RACHN and Bauhaus, 1922–1923] (In print) (In Russ.)
48. Sidorov, A.A. "Tri goda Rossiiskoi akademii khudozhestvennykh nauk. 1921–1924" ["Three Years of the Russian Academy of Artistic Sciences. 1921–1924"]. *Iskusstvo kak iazyk — iazyki iskusstva. Gosudarstvennaia akademiia khudozhestvennykh nauk i esteticheskaiia teoriia 1920-kh godov* [Art as a Language: Languages of Art. State Academy of Artistic Sciences and Aesthetic Theory of the 1920s], vol. II. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2017, pp. 18–100. (In Russ.)
49. Sobinov, L. *Stat'i, rechi, vyskazyvaniia* [Articles, Speeches, Statements], vol. 2. Moscow, Iskusstvo Publ., 1970. 595 p. (In Russ.)
50. "‘Strannoe sushchestvo cheloveka, zagadochnee koshki’: perepiska M.O. Gershenzona s V.I. Ivanovym (1909–1925)" ["‘A strange creature is a man, more mysterious than a cat’: M.O. Gershenzon and V.I. Ivanov (1909–1925)"], publ. by E. Glukhova. *Russko-ital'ianskii arkhiv* [Russian-Italian Archive], VIII. Salerno, 2011, pp. 27–104. (In Russ.)
51. Talalai, M. "Andrei Ivanovich Kaffi: soprotivlenie bol'shevizmu i natsifashizmu" ["Andrey Ivanovich Kaffi: Resistance to Bolshevism and Nazi-fascism"]. *Nansenovskie chteniia 2009* [Nansen Readings 2009], ed. by M.N. Tolstoy. St. Petersburg, ROO IKTs "Russkaia emigratsiia" Publ., 2010, pp. 197–203. (In Russ.)
52. Timenchik, R., Kopel'man, Z. "Viach. Ivanov i poeziia Kh.N. Bialika" [Viach. Ivanov and Kh.N. Bialik's Poetry]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 14, 1996, pp. 102–115. (In Russ.)
53. Trotskii, S. "Vospominaniia" ["Memoirs"]. *Viach. Ivanov: pro et contra. Antologiiia* [Viach. Ivanov: pro et contra. Antology], vol. 1. St. Petersburg, Izdatel'stvo RKhGA Publ., 2016, pp. 564–585 (In Russ.)
54. "Troinaia perepiska: Viach. Ivanov i Ol'ga Shor v perepiske s Ol'goi Resnevich-Sin'orelli" [Triple Correspondence: Vyach. Ivanov, Olga Shor, Olga Resnevich-Signorelli], publ. by K. Kumpan. *Russko-ital'ianskii arkhiv* [Russian-Italian Archive], IX: I: (Ol'ga Resnevich-Sin'orelli i russkaia emigratsiia: perepiska). Salerno, 2012, pp. 251–426. (In Russ.)
55. Fedotova, S. "Viacheslav Ivanov i soiuz 'Vzaimoponimanie' (1918)" ["Vyacheslav Ivanov and the 'Mutual Understanding' Union (1918)"]. *Russkaia literatura*, no. 3, 2019, pp. 171–181. (In Russ.)

56. Khodasevich, V. *Sobranie sochinenii: v 4 t.* [Collected Works: in 4 vols.], vol. 4. Moscow, Soglasie Publ., 1997. 742 p. (In Russ.)
57. Tsvetaeva M.I. *Sobranie sochinenii: v 7 t.* [Collected Works: in 7 vols.], vol. 4. Moscow, Ellis Lak Publ., 1994. 694 p. (In Russ.)
58. Shaposhnikov, B.V. “Viacheslav Ivanov” [“Vyacheslav Ivanov”], publ. by E.V. Kochnevaia. *Nashe nasledie*, no. 119, 2016, pp. 95–97. (In Russ.)
59. Shishkin, A.B., Sul'passo, B. “Perepiska Viach. Ivanova i Ettore Lo Gatto” [“Correspondence between Viach. Ivanov and Ettore Lo Gatto”]. *Viach. Ivanov: Issledovaniia i materialy* [*Viach. Ivanov: Research and Materials*], issue 1, ed. by K.Iu. Lappo-Danilevskii and A.B. Shishkin. St. Petersburg, Izdatel'stvo Pushkinskogo Doma Publ., 2010, pp. 759–779. (In Russ.)
60. Iakimenko, Iu.N. *Rol' Akademii Khudozhestvennykh Nauk v formirovanii novoi kartiny mira* [The Role of the Academy of Artistic Sciences in the Formation of a New Picture of the World]. URL: <https://gachn.de/ru/view/263> (In Russ.)
61. Iakimenko, Iu.N. “Khronologiiia deiatel'nosti Filosofskogo otdeleniia GAKhN” [“Chronology of the Activities of the Philosophical Department of the State Academy of Arts”]. *Iskusstvo kak iazyk — iazyki iskusstva. Gosudarstvennaia akademiia khudozhestvennykh nauk i esteticheskaia teoriia 1920-kh godov* [Art as a Language — the Languages of Art. State Academy of Artistic Sciences and Aesthetic Theory of the 1920s], vol. 1. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2017, pp. 313–437. (In Russ.)
62. Fiore, M. *Opis' pisem raznykh korrespondentov k Ivanovu. Chast' vtoraiia. Ital'ianskie korrespondenty* [Inventory of Letters from Various Correspondents to Ivanov. Part two. Italian Correspondents]. Rome, 2013. 179 p. Available at: <https://u.to/ndL7Gw> (Accessed 15 October 2021). (In Russ.)
63. Koudacheva, Marie. *Sur l'Ècume*. Paris, E. Figuière, 1928. 182 p. (In French)
64. Lo Gatto, Maver A. “Le lettere di Ettore Lo Gatto a Giovanni Maver. 1920–1931” [?]. *Europa Orientalis*, XV: 2. 1996, pp. 289–382. (In Italian)
65. Mazzitelli, G. *Pubblicazione dell'Istituto per l'Europa orientale. Catalogo storico (1921–1944)*. Firenze, Firenze University Press, 2016. 374 p. (In Italian)

Статья поступила в редакцию: 25.10.2021
Одобрена после рецензирования: 15.11.2021
Дата публикации: 25.03.2022

The article was submitted: 25.10.2021
Approved after reviewing: 15.11.2021
Date of publication: 25.03.2022

Литературный факт.
2022. № 1 (23)

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 1 (23), 2022

Научная статья
с публикацией архивных материалов
УДК 821.161.1.0
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-23-100-145>

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Письма Леонида Андреева к Зинаиде Сибилевой Часть 2 (1892, 1902)

© 2022, Н.П. Генералова, М.В. Козьменко

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург, Россия
Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Москва, Россия

*Подготовка текста Н.П. Генераловой
Комментарии М.В. Козьменко*

Аннотация: Статья является завершением начатой в предыдущем номере (Литературный факт. 2021. № 4 (22)) публикации полного корпуса писем Леонида Андреева к его первой возлюбленной — Зинаиде Николаевне Сибилевой. Роман между ними имел бурное и весьма нелинейное развитие в 1889–1892 гг. В письмах выявляются многие ранее не известные реалии жизни гимназиста и студента Андреева. Но более важным представляется отраженный в них некий дневник «душевных состояний», поток сложных, подчас «пограничных» психологических переживаний адресанта. Полагая (с отсылкой к авторитету Мопассана), что в письмах более точно высвечивается личность человека, что они «раскрывают душу без всяких прикрас», Андреев вместе с тем рассматривал свои эпистолярные опысы (наравне с дневниками) как некоего рода упражнение в писательстве. В данной части работы представлены в основном письма 1892 г.

Ключевые слова: Леонид Андреев, биография писателя, письма, архивные материалы, русская литература начала XX в., культура модернизма.

Информация об авторах: Наталья Петровна Генералова — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, наб. Макарова, д. 4, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия. E-mail: generalovanatalia@gmail.com

Михаил Васильевич Козьменко — кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1229-2210> E-mail: uzium@mail.ru

Для цитирования: Письма Леонида Андреева к Зинаиде Сибилевой. Часть 2 (1892, 1902) / подгот. текста Н.П. Генераловой, коммент. М.В. Козьменко // Литературный факт. 2022. № 1 (23). С. 100–145. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-23-100-145>

Письма печатаются впервые, по рукописным автографам (РО ИРЛИ. Ф. 9. Оп. 2. Ед. хр. 26).

В настоящей публикации сохранены особенности авторского текста. Однако унифицировано устаревшее написание названий учреждений, издательств, печатных изданий. В тексте обычно не раскрываются часто используемые Л.Н. Андреевым и понятные из общего смысла инициалы. Расшифрованы сокращения, которые наиболее часто использовал автор: «кк» («как»), «п. ч.» («потому что»), «кот.» («который») и др. Если сокращенный текст мог быть истолкован неоднозначно, расшифровка приводится в угловых скобках. Пропущенные слова также восстановлены в угловых скобках.

46

7 января 1892. Орел

7 января.

Прости меня, дорогая моя Зинулочка, за то, что я так долго не пишу тебе. Обстоятельства слагаются все время таким образом, что у меня, против моего желания, не бывает минутки свободной. Вот только с нынешнего дня, надеюсь, наступит для меня столь желанное спокойствие, а то совсем измучился с этими проклятыми праздниками. Все время пьянство, безобразия, почти без сна и т. д. В особенности пьянство: до того расстроил я себе им нервы, что несколько ночей подряд уснуть не мог. К счастью, у меня хватило решимости вовремя бросить пить: вот уж пять и <ли> 6 дней я совсем не пью, несмотря на то, что несколько раз представлялись случаи для гениальнейшей выпивки, как напр. отъезд Ильина. Но из всех искушений я вышел с честью. Теперь намерен все время сидеть дома и читать. Только мало радости дома-то. Нужда совсем заела. Мать все плачет, клянет свою жизнь, говорит, что удавится и т. п. Да и на самом деле, на ее месте я обязательно это проделал бы. Тетя Саша на все время уехала к Окуньковым и приедет только проводить меня. Да, а дома сидеть все-таки хочу, и отчасти потому, что отношения со всеми добрыми знакомыми сильно-таки попортились. Арх<ангельский> становится мне все антипатичнее с своим нахальством и пошлостью; с Л. Дмитриевой дело с первого еще дня Рождества на разрыв пошло. Теперь почти не говорим, сухи друг с другом до чрезвычайности. Только с Ильиным курс несколько повысился. Хотя у нас и слова сказано не было о наших отношениях, но эти отношения, благодаря этому, только улучшились. Дело дошло до того, что когда Ильин уезжал, то обещался приехать к 25^{му}, приехать проводить меня. Говорил, что ему не хочется уезжать, что он только теперь понял, что старый

друг лучше новых двух и т. п. Я больше отмалчивался. Был у меня Алек. Петрович. По-прежнему относится ко мне хорошо, даже лучше прежнего. Только один недостаток: совсем обаристократился и слегка говорит о чести и мундире. Просил меня не пить и жить. Пробыл всего один вечер. В Москву хочет ехать 20, так что думаю там еще раз увидеться с ним. Однако, Зинурочка, я не на шутку привык к Петербургу: мне страшно претит Орел с его грязью, порядками и приличиями. Ехать однако в П<итер> особенно не хочется: страшит безденежье. Да, что ж ты не напишешь мне: правда наследство получится или так, брехня? Если правда, то почему ты бездействуешь и не требуешь от Зайцевых своей доли? А то ведь, чего доброго, тетка и зажилить сумеет. Ссылаться на «не хочется, да некогда» нельзя. Удобнее, я думаю, бросить уроки, чем бросить деньги, могущие дать покой тебе и твоим нервам. А нервами, только нервами объясняю я и твои ссоры с В<ерой> И<гнатьевной> и пр. Относительно кружка ты права: это не настоящие люди; это усовершенствованные идиоты. Помнишь, я раз назвал собрание кружка домом сумасшедших, а ты ругалась за это? И помнишь, что я всегда говорил о кружках этих? Что касается сплетни о тебе и Хлоб<ощине>, то происхождения ее не знаю. Наталью за все время видел только раз в кружке, но ни слова не говорил с ней, а с Над<еждой> ни разу не говорил и ничего о них не знаю. Теперь, Зинурочка, поговорю лично о нас. Ты говоришь, что я теперь остался один, а я скажу, что и всегда я был один, точно так же, как и ты у меня. Разных Ал.Ал., В.И., Любочек и прочего считать нельзя. Все это минута и ни <sic> на минуту. И никого никогда я так не любил, как тебя. Ты знаешь: влюбляться можно каждый день, а любить только раз. Так и я. Да и влюбляюсь-то редко. Больше за приятными ощущениями охочусь. Что я тебе мало радости своей любовью даю — это правда, да ведь не в радости дело. И ты, ой как мало радости даешь, да я на это не ропщу. Дело в том, что мы с тобой по-разному с ума сходим и никогда друг друга не поймем, и вечно жаловаться на это будем, и вечно одно только общее у нас останется: любовь. А хорошая это вещь: убедиться навсегда, как доктор Крупов¹, что все сумасшедшие, много легче жить на свете становится. Так хладнокровно относишься тогда и к чужой глупости и подлости, да и над собой всегда посмеяться можно. Да, а я теперь окончательно убедился в этом; убежден так же твердо, как и в том, что я Л.Н. Андреев. Знаю я только одно: что в этом сумасшедшем мире одна сумасшедшая будет всегда дорога мне — это ты. Не сердись, деточка, за слово «сумасшедшая» — по-моему, это синоним слова «человек».

Зиночка, узнай, пожалуйста, у Радина, сколько я могу оставаться в Орле, без опасения получить нахлобучку от университетского начальства? (Прости, что скверно пишу: палец один очень больно <sic!>). Относительно денег скажу, присылай как можно скорее и насколько можешь больше, иначе не знаю, что и делать. Пальто холодное заложено и т. д. Ну прощай, моя деточка. Завтра еще напишу, а то сейчас устал. Ужасно хочется видеть тебя и целовать. Заранее прошу у тебя прощения за многие мои прегрешения. Думаю, что теперь им наступил конец. Целую тебя очень много. Целую в особенности глазки. Почему ты ничего не пишешь о А.А. (ассоциация идей!)? Изменила? Ну прощай, моя милая, хорошая деточка.

Твой Лео.

¹ Герой романа А.И. Герцена «Кто виноват?» (1846).

47

9 января 1892. Орел

9 января.

Скверно я устроен, Зинулочка: когда я был в Питере, меня страшно тянуло в Орел — теперь с такою же силой тянет в П<итер>. Ведь ничего хорошего не ожидаю я от П<итера>: да и не имею никаких оснований ожидать, — а хочется просто улицы посмотреть, по Невскому пошляться, противный пансион увидеть... Теперь я живу в Орле решительно для одной матери; ничто, кроме нее, не заставило бы меня и день лишний проскучать в Орле. А мать уж теперь начинает мало-помалу реветь в ожидании моего отъезда; говорит, что первый раз ей легче было отпускать меня, потому что она не знала, какая жизнь ожидает меня в П<итере>. Я спорю, доказываю ей, что моя жизнь в П<итере> гораздо лучше жизни в О<рле>, что на самом деле правда, но убедить ее, конечно, не могу. С нетерпением ожидаю П<етра> Ф<едоровича>, хочется узнать, как живут там наши, т. е. ты и остальные. Ты представить не можешь, до чего здешняя моя жизнь курьезна и не похожа на петербургскую. Стал совершеннейшим ребенком; играю в дурачка, чуть не в лошадки; положительное отсутствие всяких умственных интересов, одно беспечальное прозябание. Впрочем, может это и есть настоящая жизнь, т. е. именно тот вид жизни, при котором немислимы разные психозы: немислимы проклятые вопросы и т. д. Только, к сожалению, недолго так прожить могу я; тянет к прежнему; голова привыкла работать и не может, к сожалению, отказаться от этой привычки. А пока я до того пропитан окружающей атмосферой, при которой ноги работают больше головы, что даже на-

писать это письмо для меня представляет непосильный умственный труд. Чем это объяснить, Зинуручка, что я вполне за тебя спокоен, т. е. убежден, что ты не изменила мне и любишь по-прежнему? Ведь я всегда тебя в чем-нибудь да подозреваю — а теперь нет. Опять-таки, должно быть, потому, что голова не работает и воображение отсутствует. А очень хочется мне поскорей увидиться с тобой, хотя, боюсь, ругаться много будешь. — У нас в Орле свирепствует оспа; в институте умерла какая-то Успенская; старшая Добровольская была больна, и хотя выздоровела, но сильно обезображена; во всех учебных заведениях прививают оспу, и, говорят, распустят на две недели; знакомые тоже почти все попривили; каждый разговор, вместо погоды, начинается с вопроса: «оспу привили?» Думаю на днях сам привить, а то, как-никак, а рожу все жалко. — Прочел я Карпова «В рабочей слободке»¹ — не понравилось. Сюжет слишком избит; только коверканный язык да обстановка показывают, что действие происходит среди рабочих, а не крестьян. Не знаю, чему радовался В<ейншток> и ему подобные. Ну, Зинуручка, до скорого свиданья. Напишу еще, когда получу от тебя марку, а то, ей-богу, 8 к<опеек> нету. Постарайся, дорогой мой Зиночек, поскорей ответить. Ты не сумеешь представить, как приятны мне твои письма, и как я тебе за них благодарен. Я знаю, насколько ты любишь писать, и потому каждое твое письмо, независимо от содержания, говорит мне о твоей любви. Прощай, моя милая, хорошая, капризная Зинуручка. Целую твои лапочки и глазки.

Твой Л. Андреев.

Деньги посылай на имя матери. Видишь, насколько я эмансипировался от *ложного* стыда?

¹ Имеется в виду драма Е.П. Карпова «Рабочая слободка», впервые опубликованная в журнале «Артист» (1891. № 276).

48

15 января 1892. Орел

15 января.

Да, Зиночка, я далек от твоего идеала — и еще более далек от своего. Не таким бы хотел я быть, да и не таким создала меня природа. Мог бы я быть и умным, и красивым и сильным, мог бы целой головой стоять выше других — а теперь я что? Не умен, не красив, и целой головой ниже других стою. Ко всему обнаруживаю способности — и ничего хорошего сделать не могу. И писатель я, и художник, и мыслитель — и всегда только карикатура на них,

в сущности-то. Такой я теперь, таким и в гроб сойду. Вечно желаю быть великим, и вечно остаюсь бесконечно малым. Постоянно хочу, чтоб люди преклонялись предо мною, — и вместо этого вызываю в них жалость или презрение. Хочу быть во всем и всегда первым — и остаюсь последним, потому что не может быть первым тот, который всем и всему только мешает, который и для себя и для других только обузой служит. Да — и скучно мне от этого. Другой и в моей шкуре прекрасно прожил бы свой век, а мне моя шкура мала, хотя ее хватило бы на десяток Архангельских. Желаний много, а средств нету. Может даже и есть, да не могу я ими воспользоваться, воли нет у меня. Говорят мне: не делайте того-то и того-то; это нехорошо, это вредно и т. д. — а того не знают, что и скучаю я и о самоубийстве думаю потому лишь, что слишком хорошо вижу, как не соответствует моя жизнь той, которую я хотел бы вести. Другие не знают, как нужно жить — и оттого живут скверно, а я знаю, как жить, и живу скверно оттого, что воли нет у меня... Впрочем, довольно об этом. Надоел уж, небойсь, тебе. Ты пишешь, что хоть я далек от твоего идеала, ты «все-таки» желаешь видеть меня. Спасибо и за это, если это правда. Я ведь и на это желание права не имею. У меня сейчас были перед глазами некогда написанные тобой слова: «вы отравляете мне каждую минуту» — и после них даже эта пилюля покажется верхом любви и... привычки. Очень жалею, что тебе, несмотря на твое желание, не с кем изменить мне. Комаров действительно для этой цели не подходит. Идеального в нем ничего нет, кроме самодовольства, впрочем, да на нем далеко не уедешь. Поищи, может и найдется подходящий. Очень обязан тебе за хлопоты с «плодом моего гения», сиречь, с рассказом¹. Хотя я о нем, как и обо всем, что когда-то сделал, очень скверного мнения, и в этих стараниях всунуть его в какую бы то ни было редакцию вижу для себя одно унижение — но голод не тетка, и лучше унижаться, раскрывая перед всеми свою... гениальность, чем протягивая ручку. На твой вопрос, почему у нас с Дмитриевой дела плохи, отвечу, что я не из таких, которые *навязываются* с своей любовью. У меня скорей всегда ее не достаёт. Только ты одна испытала неудобство ее излишка — я говорю про первые два месяца в Петербурге — но в этом были виноваты обстоятельства, которые, надеюсь, не повторятся.

Вообще у меня дела с Орлом плохи. Никак в тон попасть не могу. И дурачком прикидывался, и мазурку-то плясал, и на картах гадал — нет, не выходит дело. Одного не пробовал делать, умные разговоры разговаривать. Раз попробовал было заговорить с печкой, да не отвечает, ну и перестал. Несмотря на это в вольтерьянцы все-таки

угодил, или в сицилисты, по-современному. Как это мне всегда не везет. К одним не попадешь и к другим не пристанешь. Дураки считают меня за «сицилиста и — презирают». Сицилисты считают за дурака и тоже презирают. Должно быть оттого, что я не дурак и не «сицилист», а просто Л.Н. Андреев, т. е. всего понемножку. Думал я было в Орле на масленицу остаться и этим для всех любящих меня одолжение сделать — но теперь вижу, что я тогда сделал бы одолжение, если б в Америку уехал, ибо, как оказывается, на значительном расстоянии я много лучше, чем вблизи. Правда, Зинуручка? На основании всего этого я выведу числа так 28-го; наверное, впрочем, не знаю. Пока до свиданья, голубчик; хотя ты тоже далека от моего идеала, я все-таки с величайшим удовольствием сейчас расцеловал бы тебя; даже больше чем с удовольствием. Прощай. Скоро еще напишу, не ожидая даже твоего ответа, но лучше, если ответишь. Я ведь тоже одинок. Целую тебя.

Как и всегда, твой Л. Андреев.

¹ Речь идет о первой публикации Андреева — рассказе «В холоде и золоте», появившемся в журнале «Звезда» (1892. 19 апр. № 16. С. 418–422). См.: [2, с. 708–709].

49

20 января 1892. Орел

20 января.

Сейчас был у меня П<етр> Ф<едорович> и отдал деньги. Величайшее спасибо тебе за них, Зинуручка. Одного жаль: недостает при деньгах письма, а я его ожидал, даже уверен был в нем. А то, чего не ожидал, получил: меня крайне неприятно поразил вопрос П.Ф. «почему порваны мои отношения с Дмитриевой?» Зиночка, зачем ты говоришь то, что я пишу тебе одной, и подаешь повод к сплетням? Ведь ты скажешь так, без всякого умысла. Просто потому, что у тебя язык не всегда головы слушается — а досужие кумушки из твоих слов слона сделают. В Орле никто, даже мать, не знает, в каких я отношениях с Дмит<риевой>, а тут является из Питера П<етр> Ф<едорович> и задает такой вопрос...

Сию минуту получил твое письмо. Очень хотел бы ответить на него, но решительно не в состоянии: у меня четвертый день страшно болит голова, так что я едва соображать могу. Отвечу в подробностях завтра, а сейчас скажу только одно: я тебя люблю, дорожу, больше чем ты думаешь, твоей любовью, понимаю тебя и твое состояние; очень желал бы для тебя стать другим человеком; поведения своего от тебя не скрываю; ты читала мое письмо, в котором я говорю, что

сильно пил и безобразничал — а в чем эти безобразия заключаются, расскажу по приезде. Отношения мои с Дмит<риевой> хороши, и по обыкновению, с ее стороны лучше, чем с моей. Почему они было порвались, расскажу по приезде. Как ты справедливо заметила, я одинок совершенно, даже более чем ты: ты ведь окружена людьми с одинаковыми с тобой стремлениями...¹ etc., а у меня, как ты знаешь, из таких людей есть один Арбузов, но он далеко. Глупить я давно перестал, но действительно, такое письмо, как твое, может заставить делать глупости, вместо того, чтоб удержать от них. Касательно иронического тона письма и пр. поговорю завтра. Теперь одна просьба: завтра едет в Пет<ербург> Наталья; будь так добра, не говори ей ничего про письма Васильевой, и если Н. спросит, писала ли мне Вас., скажи, что не знаешь. Попроси о том же Варвару. Точно так не говори ничего о Дмит<риевой> и о том, что она присылала мне деньги. Тому, что будет говорить обо мне Н., можешь верить или не верить — дело твое. Не забывай, что за птица Наталья. Я выеду из Орла, вероятно, 28-го и на день заеду в Москву, к Арбузову, но, может быть, останусь в Орле и дольше — единственно ради матери. Во всяком случае, до скорого свидания, моя хорошая Зинулочка. Верь мне, что я люблю тебя, и не суди по тону письма. Старайся читать между строчками. До свидания, крепко целую тебя и желаю тебе здоровья.

Твой Л. Андреев.

Завтра еще напишу.

¹ Дефект текста: слово или два вырваны из листа.

50

23 января 1892. Орел

23 января.

Не написал тебе, Зинулочка, по обещанию благодаря тому, что и вчера и позавчера страшнейшим образом болела голова. До того измучила меня, проклятая, что я уж к доктору нынче идти хотел, да кажется, полегчало нынче немного, хотя есть надежда, что вечером опять разболится. Совсем ошалел я от боли, все время как пьяный ходил. Ну-с, Зинулочка, что я тебе писать-то хотел? Кажется, о том, почему мое письмо иронией преисполнено было? Ответ немногословен. Просто потому, что не желая плакать, я решил смеяться. От слез, известно, голова болит, а смех действует возвышающим душу образом. Вот я и смеялся и над собой, и над твоей любовью. Почему я над собой смеялся — об этом толковать нечего, придется

повторяться, а почему такого отношения удостоилась твоя любовь, об этом сейчас поговорим. Как ты думаешь, что я должен делать, узнавши, что я «далек от твоего идеала»? Без сомнения, восплакать и посыпать голову пеплом. Я так бы и сделал, если б, к сожалению, за последнее время не разучился плакать и не осознал, что это занятие не приличествует моим летам. А так как, по существу дела, равнодушным остаться нельзя было, то я и стал смеяться. Ты этим обижаешься и говоришь: «неужели я недостойна серьезного к себе отношения!» Без сомнения достойна, об этом и речи-то быть не может — а я ведь и всегда серьезно к тебе относился. Поверь, что я понимаю твои стремления, сочувствую им, хотя разделять их, по известным причинам, не могу. Видя в тебе желание учиться, работать, я горжусь тобой, уважаю тебя за это — а если иногда у меня и срывается шутка или насмешка над твоими занятиями, то это объясняется или тем, что выбранное тобой средство не соответствует цели, или же просто тем, что для меня минутами мир представляется одним сплошным фарсом. Затем, ты, кажется, обижаешься за мои слова, будто твоя голова не работает. Если я и говорил тебе это, то вовсе не с целью оскорбить или унижить тебя. Эти слова нужно понимать в том смысле, что твоя голова работает не с такой силою, *как могла бы*, и вызваны единственно желанием твоей пользы. Я даже забываю здесь о себе, о том, что «почем знать, любила б я тебя, если б моя голова работала, как следует?» (Сказано это, Зинуручка, хорошо, только не совсем верно). И если я говорю, что ты не понимаешь меня, так это не значит, что твой ум недостаточен для этого. Вовсе нет. Видишь ли, мысль и чувство бесконечно разнообразны, и твоя головка в этом разнообразии трудится над одним, моя же над другим. И поэтому мы не понимаем друг друга. И переделать это не в нашей власти. Все-таки я люблю твою головку, очень люблю. И знаешь, моя любовь сильнее и долговечнее твоей именно потому, что я люблю тебя такой, как ты есть, не ожидая, что ты когда-нибудь станешь иной. Ты же и любишь-то меня только, кажется, в надежде, что я другим сделаюсь, изменю свое поведение и т. д. И когда эта надежда не оправдается, ты будешь считать себя вправе разлюбить меня. Так-то, голубочка ты моя. Теперь, деточка, о делах поговорим. Выезжаю из Орла 28-го, буду в Питере 31-го в 3 ч. дня. Только как быть относительно квартиры? Страшно это меня смущает. Ведь и остановиться-то негде будет. Если будешь искать, то постарайся найти вблизи трех необходимых вещей: тебя, Университета и фон-Дервиза. Хочется мне ехать в П<итер>, а как подумаю о разных разностях, вроде платы за право ученья, так во-

лосы дыбом становятся. Прощай, моя деточка ненаглядная, люблю тебя, целую крепко, крепко, видеть хочу тебя страшно. Не забывай, пиши. Я еще раз напишу, скажу, когда встретить. Прощай.

Твой Л. Андреев.

51

4 (?) февраля 1892. Петербург¹

Вдумайся в мое письмо.

Ты поступила подло. Когда ты сказала, что пойдешь к А.А., я ответил, что я напыюсь, т. к. <?> у меня тоска. Когда ты, «избирая из двух зол меньшее», хотела не идти, я уступил, решил протосковать два часа, но не пить водки. Ты сказала, что пойдешь к нему в 10 и <в> 1/2 двенадцатого будешь уже со мной. Сейчас третий час. И я знаю, что ты не зайдешь совсем. Сколько ты была со мной? Зинурочка, какая ты скверная, скверная. Ты скажешь, я пошла в 11. А я виноват? Ты скажешь, что предлагала мне еще в 9 ч. идти к себе. Зачем? сидеть с тобой и Реймер²? — это я мог сделать с 5 часов.

Когда вчера я, самый близкий тебе человек, находясь в ужаснейшем состоянии, сказал, что мне тяжело, ты стала упрекать меня за то, что я отнимаю у тебя необходимое для сна время. А сейчас ты его у себя не отнимаешь, не отнимаешь целых часов, тогда как мне ты жалела отдать минуту? И для кого? Для А.А., который день тому назад оскорбил тебя, из<-за> которого ты плакала все утро, и я же утешал тебя. Ты скажешь, что он уезжает, поэтому ты не могла не пойти к нему, не обидевши его. А меня вчера ты не обидела? а сегодня? Вчера ведь для меня тоже особенный день был. Кто ж для тебя этот А.А., которого ты ублажаешь в ущерб себе, ублажаешь, когда это почти ему не нужно, ублажаешь, оскорбляя и мучая меня? Отец он твой? любовник? благодетель?

И кто ж для тебя я? Собака, которой ты бросаешь кость в виде этих обедов, и затем считаешь себя освобожденной от всего, и даже несчастной жертвой. Собака, которую ты то по шерсти погладишь, то пинка ей дашь, смотря по тому, как на тебя найдет. Собака, которая приятна для тебя постольку, поскольку она смиренно лежит в углу и не лает.

Имела ты право идти туда, куда меня не принимают, когда должны принять? Имела — потому что я собака, которую оставляют за дверью, когда идут в гости, где не любят собак. Вдумайся во все это. Хоть на миг отнесись ко мне, как к человеку. Как ты подло, подло поступила и поступаешь. И скажи, как мне поступать с тобой? Потому что не собака я, а человек, которому нужно человеческое отношение.

И ты сейчас довольна. Собака заперта, денег у нее нет, никуда не уйдет. Не беда, если в дверь поцарапает да повизжит. На то и собака. А завтра кусочек сахарцу — и опять на задних лапах служить будет и сама себя запрет снова, если тебе в гости понадобится идти. Смотри только, как бы не сбесилась. Подлый ты человек.

Л. Андреев.

¹ Это письмо представляет собой вырванную страницу из дневника, без даты. Судя по контексту, письмо написано 4 февраля, когда Андреев вновь приехал в Петербург [1, с. 131].

² Эмма Васильевна Реймер — курсистка, подруга Сибилевой. В середине апреля 1892 г. Андреев пережил по отношению к ней кратковременную влюбленность. Как он сам утверждал: «Зин<анда> давно уже стала сходиться с ней, и давно стала твердить мне о том, какая красавица эта Реймер и как хорошо было бы для рассеяния моей скуки познакомиться с ней» [3, с. 260].

51 а

5 февраля 1892. Петербург

Л. Андреев. Письмо от 5 февраля 1892 г. РО ИРЛИ РАН¹

L. Andreev. Letter dated February 5, 1892 from Manuscript Department of Institute of Russian Literature

Вот теперь, Зиночка, я успокоился. Не много времени прошло, всего час один, но я до того стал спокоен и разумен, что вместе с тобою сознаю всю глупость и безобразие этого вырыванья волос и т. п. Но так как, деточка моя, я знаю наверное, что если ты завтра *не придешь*, я буду делать то же самое и даже, пожалуй, хуже, то я предупреждаю тебя об этом, дабы ты не сказала после, что я это сделал спьяну, т. е. именно то, что я сделаю завтра. На всякий случай прощаюсь с тобой и желаю тебе всего лучшего. Желаю найти искомый идеал, желаю тебе скорее забыть меня и все те неприятности, которые в таком изобилии я тебе доставлял. И скажу тебе на прощанье, что я тебя сейчас ненавижу так сильно, как только могу. Но я думаю, что для тебя это не важно. Ты от природы счастливый человек: ты умеешь спать и забывать. Тебе впереди много увлечений еще предстоит, предстоит настоящая любовь со всеми ее радостями, предстоит прижимать к груди и забываться с другим. Прощай! О, если б ты знала, как я тебя сейчас ненавижу, когда вспомню, где ты и что ты.

Л. Андреев.

¹ Лист из дневника. Символический «автопортрет», поверх которого вписано обращение (квази-письмо) к З.Н. Сибилевой. 5 февраля 1892 г. Петербург [1, с. 135].

52

Май 1892 <?>. Поезд Петербург — Москва ¹

Дорогая моя Зинулочка, как я люблю тебя. Мысль о тебе, моей ненаглядной, ни на минуту не оставляет меня. Сейчас 2 часа ночи, но я не могу спать, хотя место есть. Жалею ужасно, что вчера так мало был с тобой, мало простился.

Сейчас пред моими глазами стоит твое личико, задумчивое, грустное, такое, каким оно было вчера и нынче на вокзале. Как ты дорога мне, голубка ты моя, и как мне сейчас грустно без тебя. Бог знает <что> отдал бы я за то, чтоб покрепче обнять и поцеловать тебя. Я знаю, что я обидел тебя, — чем, напишу после — и от этого мне очень тяжело и больно. Да, ты для меня дороже матери и семьи: когда я уезжал из Орла, мысль моя была ведь о том, что меня ожидает, тогда как теперь, уезжая от тебя — и на более короткий срок — я думаю не о том, что меня ждет, а о том, что я оставил в Петербурге, т. е. о тебе. А Никольский еще спрашивал, почему мне тяжело уезжать из Петербурга и почему я не радуюсь, что скоро буду дома! Он не понимал того, что теперь для меня дом там, где ты. Никогда больше я не уеду без тебя. А ты рада, что отделилась от меня? Ведь нет, хорошая моя деточка?

Расскажу тебе про дорогу. Мне было страшно скверно одному — читать я не мог, и я задумал познакомиться с тремя солдатами, сидевшими напротив, что и привел в исполнение при помощи предложенных папирос и кружки чаю. Познакомился я собственно с одним, оказавшимся очень разговорчивым. Все время рассказывал мне про солдатскую жизнь в Финляндии, сообщил несколько анекдотов про начальство и вообще оказался очень веселым собеседником. Притом он ходит мне за водой и полощет чайник. Вообще все соседи мои, которые, так же как и я, едут до М<осквы>, народ очень покладистый, и хотя в вагоне очень тесно, один из них уступил мне место, когда я хотел бы лечь спать. — Очень трудно писать: сильно трясет и кроме того карандаш такой маленький, что я едва держу его своей кочерыжкой.

¹ Письмо написано на листках из записной книжки карандашом, неровным почерком, в поезде. В верхней части первой страницы письма — помета фиолетовым карандашом рукой не установленного лица: *1891 или 1892 г. (?), май (июль?)*.

53

23 мая 1892. Динабург

23 мая.

Вот, Зинулочка, неприятное положение. Сижу в Динабурге уже 6 часов и еще два осталось¹. Город отвратительный, одни жидаы. Нынче вдобавок шабаш, так что шагу сделать нельзя, чтоб не наткнуться на пейсы. Скука смертная. И еще удовольствие — приехать домой в час ночи.

Я тебя, Зинулочка, очень люблю. Как только отъехал я из Петербурга, сейчас же, по обыкновению, стал чувствовать себя виноватым перед тобой. Во всем виноват. Виноват, что вчера на Невском пилил тебя, виноват, что денег у тебя так много взял, виноват вообще в недостатке благодарности за все то, что ты для меня делала. Нельзя сказать пока, чтоб бог меня за это наказывал: дорога до Динабурга прошла очень хорошо. Все соседи-пассажиры оказались такими прекрасными, предупредительными людьми, каких я первый раз встречаю. Добыл у них чайник, пил раз чай — теперь же буду утолять жажду апельсинами, которых я еще не трогал и за которые величайшее тебе спасибо. Благодаря им я обеспечен насчет жажды, — зато мало гарантирован от голодной смерти. Я был настолько голоден и непредусмотрителен, что поел всю колбасу, а здесь ее достать нельзя, зане все лавки закрыты по случаю проклятого шабаша.

А как здесь, Зинурочка, хорошо. Тепло страшно. Дорогой были слышны соловьи. Сейчас я ходил на берег Двины и просидел там два часа. Замечательно славно. Весь берег окаймлен липовой аллеей, запах чудный — и никого нет, главное. А то я утром отправился в здешний сад и с таким удовольствием рассчитывал посидеть в нем, но меня оттуда выгнали барышни — жидовского происхождения преимущественно. Устроили на меня что-то вроде облавы: куда я ни пойду, сейчас же являются вслед за мной и начинают предо мной гарцевать. Главное, будь хорошенькие — а то рожа на роже.

Ну, Зинурочка, целую тебя 1 000 000 раз, и чрезвычайно сожалею, что не могу на самом деле хоть раз поцеловать. Как ты спала сегодня? (Наверно, хорошо). Выиграла у Реймер и у меня пари? И как ты себя вообще чувствуешь? Пиши, деточка, вспоминай обо мне, пей, ешь, спи и веселись, но не изменяй твоему до сих пор верному

Лео.

Поклонись Реймер и А.А.

¹ Динабург — ныне: Даугавпилс. Вероятно, Андреев по каким-то причинам (наличие бесплатных билетов через это направление и т. п.) поехал из Петербурга в Москву (а потом в Орел) не напрямую, а окольным путем.

54

27 мая 1892. Орел

27 мая.

Приехал я в Орел, Зинурочка, и конечно не нашел того, чего ожидал. Только одна погода, да природа хороши, а то все дурно. Сам не знаю, что со мной делается. Был я позавчера в Саду — и возвращаясь домой так тосковал, что просто ужас. Не стану описывать тебе этого состояния — не к чему. Скажу только, что не из отвращения к жизни оно простекало, а наоборот, из страстной любви к ней. Таким образом, хотя чувствую себя значительно спокойней, чем в Орле, <sic!> но до полного душевного спокойствия, о котором я мечтал, еще далеко. И с тобой ссориться еще не перестал. Сегодня во сне так ты меня обидела, что я снова будто дошел до безобразий. Проснулся с самым тяжелым чувством.

Не знаю, сам ли я изменился или орловцы изменились, но будто не такими стали. Я уже успел подивиться, как это мог я, хоть на миг, увлечься Женичкой. У Дмитриевых еще не был, но там по слухам перемен еще больше. Любочка увлекается Кулабуховым, и дело, говорят, пахнет свадьбой. Сколько раз оно ей пахло! Насколько Дмитриева не та, видно из того обстоятельства, что проходя зачем-то

по Пушкирной мимо нас и узнавши от детей, что я приехал, она даже не зашла. Впрочем, я давно уже — хотя ты и не веришь этому, послал ее к черту, и теперь связан одним только чувством благодарности. Изменилась и Васильева и весьма, кажется, значительно эмансипировалась под влиянием Натальи.

Дома дела настолько швах, что я, несмотря на свое нежелание, ходил уже к инспектору и просил урока. Теперь в глубине души молю, чтобы он не дал его. Мать и дети довольны подарками. Мать только жалеет, что не может ничего подарить тебе. Голубочка моя, как я люблю тебя за то, что ты сделала на вокзале. У меня до сих пор из головы это не выходит, и я готов ручки твои, ножки целовать за это. Деточка моя, не забывай так скоро меня, напиши хоть что-нибудь о себе. Ведь я тут тоже совсем один, словом по душе перекинуться не с кем. Очень хочется говорить с тобой, но такая жара и такая лень, что перо из рук валится. Запомни из письма одно: люблю тебя, люблю, хотя это и дурно, потому что ты собираешься изменить мне.

М.И. покрасовел и посерьезнел, как говорят. Боюсь, что одно только это из всего письма ты и запомнишь. Ну да Бог с тобой. До свиданья, моя деточка. Целую тебя ужасно крепко.

Твой Л. Андреев.

Поклон всем.

55

18 июля 1892. Орел

18 июля.

Утром приехал в Орел, сейчас получил твое письмо. Спасибо, дорогая моя Зинуручка, за то, что так хорошо исполняешь свои обещания. Хотел было описать я тебе свою дорогу, но сейчас устал и не владею пером. Напишу лучше тебе о том, как мне тяжело без тебя и какая я свинья. По обыкновению, как только выехал из Петербурга, как только вырвался из подлой атмосферы всяких мелочей и душевных безобразий, сразу стало ужасно совестно и жалко. И чем больше верст отделяло меня от моей хорошей Зинурки, тем сильнее становилось это настроение. И теперь, когда нас разделяет 1000 верст, теперь только понимаю, как любишь ты меня и как много, много виноват я перед тобой. Деточка ты моя милая, как вспомню я твое личико, твои глазки заплаканные — так каждая твоя слезинка, как булавкой укалывает мою глупую совесть. Чтоб ей, этой совести, раньше-то проснуться, — от скольких мучений избавились бы мы! Постараюсь хоть теперь переделать себя. Делай, Зинуручка, что хочешь, будь с кем хочешь знакома, только пиши мне, пиши обо всем. Буду думать,

что ты меня любишь, и с нетерпением ждешь той минуты, когда снова свижусь с тобой.

Меня очень удивило твое известие о холере, хотя там, где много рабочих, это дело вполне возможное. Уж такой несчастный народ эти рабочие: жить последними и умирать первыми. Только во всяком случае, это большого значения не имеет. Если б не надеялись удержать холеры, не стали б держать в секрете. Иначе это было бы просто убийством, а ведь те, кто держит в секрете, пользу хотят принести обществу, а не вред. Жаль только, что эта польза от сохранения болезни втайне, уничтожается слишком, не по разуму, предупредительными людьми. — У нас в Орле пока спокойно. Недавно наделала переполоху какая-то женщина, приехавшая из Саратова и умершая по-видимому от холеры, но теперь опять все спокойно. Мать сильно боится и все заботится, чтоб больше «кислоты» в желудке было, для чего вчера съела целый лимон. До свиданья, деточка, целую тебя много-много. Знаешь, когда пароход отходил от пристани, я сам плакал и не сводил с тебя глаз, пока от самой пристани осталось одно пятно. Прощай.

Твой Л. Андреев.

Сообщи твой адрес (NB).

Пришли, пожалуйста, карточку, как только будет готова. Напиши, какие будут поручения, а то я все позабыл. Завтра напишу и завтра же вышлю книгу. Целую тебя и твои лапки, если их никто не целовал.

56

20 июля 1892. Орел

20 июля.

Сейчас получил твое второе письмо. Еще раз спасибо, Зинуручка. — Опишу тебе свою дорогу. Прежде всего: за весь этот год не было у меня такого счастливого времени, как эти дни, проведенные на море¹. Обстоятельства благоприятствовали удивительно. Погода все время стояла чудная: тепло и солнце ни разу не пряталось. На второй день поднялся очень сильный ветер, устроивший нечто вроде бури, но это было только довершением всех моих желаний. Но расскажу по порядку. Едва только вышли мы <в> залив, у меня завязалось знакомство с двумя субъектами. Один, довольно молодой, с рыженькой бородкой — ты его приняла за немца — оказавшийся англичанином, по фамилии Тикстон, другой — обрусевший немец — Эбергард. Оба люди очень душевные; в особенности Тикстон. Все мы очень приятно изумились, узнав, что цель поездки у всех одна: посмотреть море.

Эб. и Т. ездили по всей Европе, но на море еще не бывали. С Т. скоро я совершенно сошелся. Он знает В.И., Коссову, Ткачевского, бывал когда-то в Орле. Отец его одно время был управляющим мальцевских заводов². Весь первый день мы просидели на палубе и восторжались морем. Следили за тем, как меняется его вид: вода из мутно-желтоватой становится ярко-зеленой, а небольшие короткие волны заменяются длинными, с белыми, как снег, каймами. Красиво замечательно. Но особенно чудное впечатление произвел на нас вид острова Хохланда. Солнце в виде багрового шара опускающееся в волны, ярко-зеленое; изумрудное море и голубовато-фиолетовый остров, высокий и лесистый — как будто прямо с какой-нибудь картины Айвазовского. За Хохландом началась качка. Эбергард заболел морской болезнью, мы же с Тикстоном, напившись чаю, гуляли до 12 часов по палубе и толковали и женщинах и любви. Он рассказал мне про свою любовь к одной даме — оказалось, что в любви мы очень схожи характерами: оба самоучители. Потом отправились спать. Я разделся, зажег свечку, взял книгу — и благополучно заснул, с мыслями о тебе, под мерное раскачивание парохода. (В каюте помещался я один). На другой день мы были в Ревеле. Мы трое шатались часа 2–3 по городу, любовались его средневековым видом, взобрались на тысячелетнюю башню, которая стоит на самом высоком месте и откуда открывается роскошный вид на Ревель, гавань и море. Когда пароход вышел из Ревеля, я ушел спать. Пробуждение было самое приятное. Ложась, я закрыл окошечко в каюте, позабыл завинтить его наглухо. Во время сна поднялся страшный ветер, и одна глупая волна с размаху влетела в каюту. Можешь представить мое изумление, когда я почувствовал холод, и открывши глаза, узрел на койке воду, вокруг воду, одним словом, «много воды». Я положительно не понимал спросонья, что это значит, пока вторая волна не привела меня окончательно в чувство. Хороши ж были после этого мои вещи и я сам! Сахар — соленый, лимон — кисло-соленый, и я сам что-то вроде малосоленного огурца, с которого капает рассол. Книга, которую ты на днях получишь, обратилась в какую-то гущу, все, что было в корзинке — тоже. К счастью, я убрал твои карточки туда, где их не могла достать вода. Вышел на палубу — настоящее светопредставление. Пароход бросает во все стороны, как щепку, все пассажиры рвутся, как и где попало. Эбергард совершенно больной, желтый, как казенное здание, заявляет, что он сию минуту умрет. Тикстон еще держится, но видно ненадолго. Звонок к обеду. Никто не хочет идти, так как внизу действительно невыносимо: положительно теряешь голову: то тебя бросит вверх, то стремглав летишь куда-то в бездну, то тебя тянет под стол — одним словом,

какая-то пляска св. Витта. Однако за стол уселись-таки 11 человек, я в том числе. К второму блюду оставалось 5, остальные разошлись, кто куда, рваться, а третье ели только двое: я и еще один, не раз уже бывавший в море. Нужно впрочем сознаться, что и я третьего блюда не доел, а поспешил удрать на палубу, а то можно было заболеть от одних звуков, которые неслись из всех кают и которым так хорошо подражал Архангельский. Удивительная вещь, отчего я не заболел? Тикстон в тысячу раз здоровее меня, да и то рвался напропалую. Весь этот день я просидел на палубе. Видел те самые не волны уже, а валы, которые рисует Айвазовский, окачивался ежеминутно брызгами, так как эти валы хватали до самой палубы — учился ходить по исчезающей из-под ног поверхности, бегал с заме<ча>тельной быстротой, но против своего желания, то поперек, то вдоль парохода, смотря по тому, куда его наклоняло, пел «это сногшибательно!» — одним словом, чувствовал себя на седьмом небе. Действительно, Зиночка, чудная вещь это море! Никогда я его не забуду. Можно описать и волны, и качку — но нельзя описать того чувства, чувства *силы*, желания борьбы, которое охватывает тебя, когда ты видишь вокруг себя бесчисленные легионы пенящихся волн, медленно и грозно идущих на корабль, и этот корабль, то исчезающий в волнах, то гордо и высоко... задирающий свой нос. — Но пока довольно. В следующем письме окончу.

В Орле насчет холеры спокойно. Все надлежащие меры приняты и зависящие распоряжения сделаны. Вчера вечером была у меня Варвара, и вчера же и уехала. Она в Орле была с понедельника. У В.И. она останется до 20 августа. Я себя чувствую довольно хорошо, хотя и хуже, чем в Петербурге. Слабость какая-то. Приступили к лечению, но не вполне. Думаю с этой же недели заняться делом, т. е. писаньем. Одного жаль — нет тебя со мной, Зинурочка — или я совсем не приеду в П., или же приеду возродившимся. Ей-богу! А пока прощай. Целую твои лапочки, твои глазки, которым совсем не нужно плакать, твою миленькую рожицу, которую я так люблю, в которой для меня — полмира.

Прощай. Твой Лео.

Мать и тетка кланяются.

¹ Подробности этого (первого в жизни Андреева) морского путешествия останутся достаточно загадочными. Не совсем ясен даже основной маршрут: из контекста письма можно предположить, что судно вышло из Петербурга, прошло мимо острова Гогланд (Хохланд) и сделало первую остановку в Ревеле (Таллинне). Далее оно могло либо вернуться в Петербург, либо двигаться далее на запад, например, в Ригу. В дневнике — пропуск между 6 июня и 29 июля 1892 г. [3].

² Имеется в виду группа предприятий, принадлежащих промышленнику Сергею Ивановичу Мальцеву, которые занимались машиностроительным, стекольным, рудоплавильным и иными производствами и частично располагались в Орловской губернии.

57

23 июля 1892. Орел

23 июля.

Получил вчера твое загадочное письмо, весьма меня заинтересовавшее. С нетерпением ожидаю от тебя объяснений по поводу того, почему плакала Надежда, о чем должна она разговаривать с А.А. и что вообще означает эта катавасия.

Я эти дни провел чрезвычайно хорошо. Физически чувствовал себя настолько здоровым, что всю свою болезнь стал считать ничем иным, как выдумкой врачей или же результатом своей мнительности. В душе моей царил такой мир, такое божественное спокойствие, что я возмнил себя окончательно и безоговорочно излечившимся от всех своих психозов, включая в их число и излишек любви к Вам, дорогая Зинаида Николаевна. Но радость моя по этому поводу оказалась слишком преждевременной. Вчера в 11 ч. вечера, на боковой аллее город<ского> сада на мою душу без всякой видимой причины спустился мрак. Явилась неведомо откуда бессонница — не спал ночь и днем нынче заснуть не мог. Если и засыпал на минуту, так видел всякую чертовщину, как, например, тебя в объятиях А.А. Явилась во мне неизвестно почему какая-то пустота: все как будто осталось таким же, а недостает мне чего-то — да и только. И что убийственнее всего — я опять стал предаваться известным плодотворным размышлениям на свою обычную тему — почему чхнула Зинаида. Только ты, Зинулочка, не бойся этого. Прежде всего, в видах здоровья, я решил теперь всячески противиться всем нелепостям, которые лезут мне в голову. Затем — если даже сопротивление окажется недостаточным, и *mania Sinaidina* вполне овладеет мной — то на это есть и лекарство — 1000 верст и несколько месяцев, отделяющих нас. Поболее месяц, а там как рукой снимет.

Теперь расскажу о моих неприятностях более реального свойства. 1). Вследствие большого пропуска с следующей недели на урок придется ходить каждый день, что, при существующей жаре и пыли, по своей приятности равно любой из казней египетских. 2). Не везет мне с твоими сестрами. Скоро придется поссориться с Натальей, которая вздумала навязывать мне ту должность, которую обыкновенно исполняла Попова, т. е. гулять с ней, пока она не поймает Антонова или что-нибудь в этом роде. Я уже раз заметил ей, что не гожусь

для подобных ролей, но она не внемлет. (Не говори об этом Н<адежде>, так как она, передавая Наталье все, даже тон моего голоса, когда я требую от тебя «чаю и конфект», не замедлит передать и это). 3). Разумовский¹... но о Разумовском и обо всем остальном напишу завтра. Сейчас темно и спешу в сад. Целую крепко-крепко.

Твой Лео.

Пришли, пожалуйста, карточку и брошюру. Если самой лень, попроси будущего зятя.

Напиши свой адрес.

¹ Леонид Петрович Разумовский — орловский знакомый Андреева, который, очевидно, учился с ним в Петербургском университете.

58

25 июля 1892. Орел

25 июля 92.

Написал я вчера тебе, Зинурочка, письмо очень большое, но такое желчное и сердитое, что решил лучше не посылать его, чтобы не омрачить твоего настроения в этот единственный в году день. Лучше напишу я тебе письмо маленькое, но такое, какого заслуживает моя дорогая лапочка.

Поздравляю тебя, Зинурочка. Хороший это день — день рождения. Невольно как-то является у каждого мало-мальски сознающего себя человека желание проверить себя, подвести итог всему прожитому, перечувствованному. Невольно лезут в голову настойчивые вопросы: вот уж мне и 20 лет. Что я сделал хорошего за эти года? Развил ли я в себе мысль, чувство — или дал заглохнуть и тому хорошему, что дала природа? Был ли я, в своих поступках человеком, или только исправно функционирующим организмом? Хороший это день — о многом заставляет он подумать... И счастлив, кто может утвердительно ответить на эти вопросы, и немного на свете этих счастливых.

Скоро и у меня наступит этот день. Побаиваюсь я его таки. Хорошо еще, что пока можно говорить: не беда, что ничего не сделано: жизнь впереди. Да — а скоро она и сзади останется. Вот чем-то тогда утешать себя станем? Ну да оставим будущее в стороне.

Твое последнее письмо произвело на меня чрезвычайно сильное, сногшибательное впечатление — трагикомического свойства. Неужели все это серьезно? Неужели Н<адежда> серьезно влюбилась в А.А., а сей последний не менее серьезно в тебя? И неужели А.А. так-таки без улыбки заявил Н<адежде>, что

Я другому отдана
И буду век ему верна?¹

а она, со слезами огорчения, стала пить уксус и сырую воду и подвергать себя продуванию у открытого окошка? Чудны дела твои, господи! Недостает, чтоб Хлоб<ощин> безнадежно влюбился в Надежду. И А.А., значит, вовсе не ревновал меня, а только огорчался, видя, как скверно обращаюсь я с тобой? Как и все идеалисты, он нетерпим — и не может понять, что у всякого — свой идеал. Бедненький! Ну достаточно об этой ерунде. Я недоволен тобой по двум причинам: зачем ты не постарайся переменить квартиру и зачем ты продолжаешь вести эту безобразную жизнь. В остальном я тобой доволен и люблю крепко.

Холера: в Орле еще нет. По отзыву врачей, она явится только весной будущего года. Меры к предупреждению ее принимаются довольно энергичные — для Орла, конечно. В Ливнах и вообще Орловской губернии случаи уже бывали. Посылаю тебе маленькую вырезку из «Ор<ловского> в<естника>». Пока до свидания, Зинурочка. Целую до бесконечности. Не скучай, не бойся, не изменяй, не забывай меня и пиши. Ты удивляешься, почему я редко пишу? Это письмо — уже четвертое, и каждое — гораздо больше твоего. Завтра еще напишу. Скажи А.А., что я его хвалю за вкус и чрезвычайно доволен, что ему нравится моя Зинурка.

Твой Л. Андреев.

Мать поздравляет. М.И. поехал в Рославль на холеру.

¹ Строки (слова Татьяны Лариной) из «Евгения Онегина» А.С. Пушкина (глава 8, ст. XLVII).

59

26 июля 1892. Орел

26 июля.

Сегодня воскресенье, т. е. день, в который по договору я должен получать от тебя большое письмо. Очень неприятно, что первое же воскресенье я лишен этого удовольствия. Наверно, тебе помешали писать — только это очень тяжело: видеть, что твое настроение находится в зависимости от того, вздумается ли прийти к З.Н. г-ну Хлобощину и т. д., или нет.

Я чувствую себя очень скверно. Опять нездоровье, опять хандра. Снова полная апатия, полная неспособность к действию. Благодаря последнему является страх перед грядущей холерой. Из всего, что

я читал о ней, вижу, что нужно сильно бороться с ней, чтоб остаться здоровым. А я не могу бороться. Для того, чтоб ввести чистоту, принять дезинфекционные меры — нужно говорить, думать, делать. А я не могу этого. Я не могу даже сказать: сходи купи карболовки¹. Это смешно, а для меня ужасно. Ты — да и ни один здоровый человек, не поймет этого состояния летаргии — но оно ужасно, ужасно.

Я начал говорить тебе о Разумовском. Дело вот в чем. Ему нравится С<офья> Васильева, а ей — я. Он напивается пьян, безобразничает в саду и старается вызвать меня на ссору. Боюсь, что не всегда сумею сдержаться. Ты спрашивала меня, бываю ли я с барышнями? Да, каждый вечер гуляю в саду с Васильевыми. Но ты можешь быть спокойна. Софья слишком любит меня, чтоб я мог в нее влюбиться, а Зинаида² — та слишком уж строит из себя неприступность, так что пропадает охота к ней приступить. Варвара, как я уже тебе писал, уехала в прошлую субботу к В.И., приедет сюда 20го августа.

Зиночка, почему ты так долго не посылаешь карточки? Мне очень хочется посмотреть ее. Ответь на некоторые вопросы. А.А. о своих чувствах говорил Надежде, или лично тебе? Каковы твои отношения с ним? Продолжаешь ли ты посещать сады — и опиши подробно, как ты проводишь день, весь день. Я лечусь довольно хорошо. Каждый день промываю желудок, принимаю души, глотаю пилюли. Курить не бросал, и не брошу. Вчера прочел в одной брошюрке (Булатова), что катар во время холеры опасен. Все это ерунда, все мне надоело — и жить больше всего, именно жить так, как я принужден. Прощай, Зиночка. Целую тебя. Пиши мне по обещанию, не мучай.

Твой Л.А.

Арбузов писал мне. В Петербург переводиться не хочет, почему — и «сам не знает».

У нас сегодня крестный ход по городу. Как это противно.

Сахаров, Семенов и Максимал <?> — санитары.

¹ Карболовая кислота — фенол, антисептик.

² С Зинаидой Ивановной Васильевой (сестрой Софьи) у Андреева будет роман в Орле в августе — декабре 1892 г. (см.: [3] и Дн5).

Как ты и ожидала, получил твое письмо нынче, перед самым уходом на урок. Распечатал — ну, думаю, утешусь, в том, что вчера первое же воскресенье без письма обошелся — не тут-то было.

С первых же слов поражает меня твое легкомысленное отношение к таким серьезным вещам, как то: получу ли я письмо в воскресенье или понедельник. Зиночка, радость моя, заметь, что обещания даются для того, чтоб исполнять их, но ни в коем случае не для того, чтоб было что нарушить. Ты же понимаешь свои обещания в этом именно смысле, и не только не думаешь обнаруживать надлежащих признаков раскаяния — на что я уповал, но даже не объясняешь причины, почему ты так поступила. Ты скажешь, деточка, что это мелочь — но ты, значит, не понимаешь значения мелочей. Что такое копейка? Мелочь. А ведь из копеек составляются миллионы. И ты наверное согласна со мной, что человеку, стянувшему пятак, ничего не стоит стянуть и целковый, если плохо лежать будет. Таким образом, видя, что ты так свободно обращаешься с мелочью, могу ли я питать сладкую уверенность, что и в крупном ты не надуешь меня?

Неприятно и то, что продолжается, как оказывается, и поднесь эта препустая и пребезобразная жизнь. Я никак не ожидал, чтобы найти квартиру было таким трудным делом.

Неприятно и то, что так рано начинаются у тебя экзамены. Отчасти оно хорошо — заставит тебя хоть из-под палки, заняться делом и на время оставить в покое несчастную холеру, отчасти, — для меня — и дурно. Боюсь, что под предлогом занятий, ты станешь сокращать твои «большие» письма и радовать меня разве только по двенадцатым праздникам.

Неприятно, наконец, и то, что от твоих произведений пахнет иногда потом, как говорили про Достоевского. Но ему это было простиительно: несчастная журнальная кляча, обязанная к известному сроку доставить известное количество листов, Достоевский волей-неволей должен был вымучивать из себя фразы. Но ты, Зиночка, не Достоевский, а я не редакция. Мы просто две половины, по воле судеб и по твоей трусости, разделенные тысячью верст, и вполне естественно тяготеющие друг к другу и желающие все знать друг о друге. Без тебя я не чувствую себя полным человеком — приходится обманывать себя и хоть письмами удовлетворять потребность быть с тобой. И мне так же приятно говорить о самом себе, иначе — самому писать письма, как и получать таковые от тебя.

Взяв с тебя обещание каждую неделю писать мне большие письма, я предполагал именно, что эти письма не только не составят для тебя обязанности, но явятся весьма приятным делом — и, кажется, ошибся. Поэтому, Зиночка, я возвращаю тебе твое слово. Пиши, когда хочешь и сколько хочешь. Только, обязательно, раз в неделю присылай рапорты, т. е. краткий и толковый отчет о своих поступках.

Для того, чтоб писать рапорты, не нужно ни желания, ни потребности жить со мной одной жизнью — и ты таким образом, не насилуя себя, избавишь меня от многих огорчений.

Зиночка, не сердись на меня за это письмо и не упрекай в несправедливости. Пойми только, чего я хочу. Одного хочу я — чтоб ты без меня была таким же неполным человеком, как я без тебя. Т. е. хочу, в смысле: *хотелось бы*. Мне без тебя скучно — а ты в своем письме чуть ли не радуешься, что я так далеко от тебя и не могу ругаться. Вот и ошиблась — хотя, собственно, это письмо и не ругательное. До свидания. Целую тебя.

Твой Л. Андреев.

Мне очень неприятно было писать его.

61

29 июля 1892. Орел

29 июля.

Среда.

Ненадолго, однако, хватило тебя, дорогая моя Зиночка. Только две недели прошло с того дня, как ты плакала, расставаясь со мной, давала честные благородные слова и обещания. И я еще раз имел глупость поверить тебе, и еще раз наказан за это. Зачем это? Скажи, зачем ты обещала часто писать? Ведь я ж сам просил тебя отказаться от этого обещания, зная, что ты не исполнишь его, и только лишний раз помучаешь меня. И я был прав. Вот опять мучаешь меня. Ты знаешь, до чего стал я нервен. Такое пустяшное обстоятельство, как неполучение вовремя письма, способно испортить мне весь день. И ведь ты же знаешь об этом. Я говорил тебе: «Не обещай лучше: не исполнишь обещания — и мне будет тяжело». Так зачем же это, зачем? И неужели у тебя так много дела и мало времени, что ни любовь ко мне, ни опасение за мое здоровье не могут принудить тебя написать письмо?

И как вспомню я, как ты клялась, как оскорблялась при одном предположении, что обещания будут не исполнены — просто не знаю, что я готов сделать с собой. И я тебя сейчас ненавижу, ненавижу.

Следующий раз вместо такого письма, я совсем прекращу переписку с тобой. Утешайся А.А.

Л. Андреев.

Брошюрки, наверное, пропали дорогой. Ты давно уже написала мне, что они «сегодня *высланы*», но я до сих пор не получал их. Да, ты сильно заботишься обо мне ввиду холеры. Пожалуй, если я попрошу, вышлешь даже аптечку... к декабрю.

62

30 июля 1892. Орел

30 июля.

В холерное время всякое волнение и всякое сильное чувство — как я читал в расклеенных по городу объявлениях и как, наверное, прочту со временем в твоих брошюрках — очень вредны, так как предрасполагают организм к заражению. Ввиду этого и дорожа несколько своей жизнью, я пришел к печальному выводу — что наша с тобой переписка более продолжаться не должна. Не знаю, как действуют на тебя мои письма, подобные этому — но на меня твои письма производят действие обуха. опишу тебе в немногих словах, каков я за эти два дня. По части физиологии изменения таковы: внезапное отсутствие сна, аппетита, головная боль и дрожь в руках. Психологии, как мало доступной твоему пониманию, я касаться не стану. Скажу только, что с удовольствием поменялся бы своей головой с любым из субъектов, заседающих в желтом доме. Ты изумлена, конечно? «Опять началось!», прежде всего думаешь ты, и с недоумением, отчасти притворным, спрашиваешь: «да из-за чего ж это? Уж не я ли...», далее следует перечисление твоих жертв. Бедная Зиночка! как это на самом деле возмутительно: уж не ты ли, вправду, всем жертвуешь, — даже письма через день пишешь (буквально: собиралась, клялась и обещалась писать) — а все мне, тирану и кровопийце мало! — Постараюсь вывести тебя из недоумения. Почему я вчера так огорчился и расстроился — ты уже знаешь из моего письма, полученного тобою вчера. Сегодня же — меня ошарашило твое письмо. Сiju я сегодня утром, смотрю на твое письмо — и думаю: неужели *это* писала та самая Зинаида, которая говорила, что «не может» расстаться со мной, которая так боялась за меня, любила меня, все готова была сделать для меня. Неужели она писала это бездушное натянутое письмо, из каждого слова которого видно только одно: что ей страшно скучно писать и как можно скорее хочется отбыть тяжелую повинность? Ты думаешь, я ошибаюсь в оценке твоего письма? Я расскажу тебе, как ты писала его. В понед<ельник> ты получила мое письмо. Под свежим впечатлением его, ты села с самым серьезным намерением написать мне «хорошее» письмо. Но не кончила ты еще первой страницы, как свершилось нечто. Был ли это Д.П., пришедший к *вам*, был ли это вернувшийся из Гатчины А.А., или же наконец тебе стало просто скучно, и явилась охота поваляться с книжкой на кровати — покрыто мраком неизвестности. Известно только то, что ты отложила в сторону, после некоторого колебания, письмо, решившись продолжать его вечером или на другой день.

Колебалась, потому, что таким образом, ты не исполняла своего обещания и я должен был получить письмо вместо среды — в четв<ерг>. Но ты сказала себе: «Это пустяки — один день ничего не значит!» Ты, положим, знала, что *значит*, ибо на разъяснение этого обстоятельства я потратил достаточно времени — но ведь совесть у тебя довольно гибкая и доверчивая: чему угодно поверит. (Заметь, что предполагая о твоём колебании, я высказываю очень хорошее мнение о тебе: ты могла попросту и без затей бросить надоевшее письмо). Затем на другой день ты стала продолжать письмо. Приступая к этому неприятному занятию, ты очевидно думала только одно: «чем бы наполнить эти три страницы?» — и начала придумывать. Так как ты на это не мастер (это ясно из того, что ты, напр. о Варв<аре> говоришь два раза одно и то же), то ты постаралась писать как можно более разгонистым и безалаберным почерком, чтоб побольше занять места. Ты всегда поступаешь так, когда не о чем или *некогда* писать. Затем, дойдя до желанного и стереотипного «целую тебя», ты почувствовала несказанное облегчение и с радостной мыслью: «теперь я свободна на полтора дня!» отдалась предстоящим удовольствиям и вполне заслуженному отдыху. Впрочем, забыл еще: видя внизу листа свободное местечко, ты поспешила им воспользоваться и... послала поклон Анастасии Николаевне¹. Счастливая А.Н.! — наконец-то дождалась она этой чести. — Я думаю, Зиночка, что у тебя хватит честности и беспристрастия, чтоб согласиться со всем этим. Впрочем, на это трудно рассчитывать.

Во всяком случае результат один: *таких* писем получать от тебя я не желаю. Я не шутя говорю тебе, что мучаюсь страшно. Помнишь, что я говорил тебе перед отъездом: «нам нужно порвать. Ты не можешь быть такой, какой нужно — а я не могу не мучаться». Когда я уезжал, видел твои слезы и твою любовь (?), я стал думать иначе. Я думал, что при твоей помощи я избавлюсь от нервов и во всяком случае ради твоей любви *во что бы то ни стало* изменю себя. Теперь я вижу, что ничему этому не бывать. Вижу, что твои обещания — ложь, ложь передо мной и перед собой. Вижу, что твоя любовь — я ее, моя радость, не отрицаю — *твоя любовь не из таких, из-за которой стоило бы менять себя*, стоило бы ломать свою натуру, вырывать с корнем то, что издавна в ней укрепилось. Вижу, что для тебя твоя лень, твое легкомыслие и эгоизм дороже моей жизни, моего спокойствия и счастья. Я тебя не виню в этом, Зиночка. «Могий вместити — да вместити»². Ты не можешь вместить той любви, какая нужна для меня, искалеченного. Слишком искалечена сама ты, слишком сильна в тебе любовь к себе, к своему телу,

к своим ощущениям. Ты бежишь от холеры, оставляя ей на закуску любящих тебя, ты с презрением отвертываешься от мелочей, зная, что эти мелочи стоят другим жизни. Я уверен — умри я сегодня, ты завтра будешь в Аркадии. Это уже было: я был в больнице, а ты в... отчаянии, можно подумать — нет, не в отчаянии, в опере.

И я не смогу дальше выносить этой «любви». Ты видишь, я пишу связно — а почему, ты знаешь? Потому что я должен был выпить водки, чтоб стать живым человеком. А что значит для меня водка?

Вот что я скажу тебе: если еще раз повторится то же, т. е. я не получу от тебя письма или получу такое, как сегодня — я прекращу с тобой переписку и... остальное. Употреблю всю силу воли, какая есть во мне — но постараюсь разлюбить тебя и забыть. Быть может я не выдержу... но лучше сразу, чем понемногу.

Л. Андреев.

Ответ на это письмо должен быть во вторник. Посылаю тебе твое письмо: не хочу иметь этой мерзости.

Прочти письмо во второй раз.

¹ Мать Андреева.

² Мф. 19: 12.

63

7 августа 1892. Орел

7 августа.

Зиночка! Я ушел от тебя под таким скверным настроением, что оно остается и до сих пор; и хочется рассеять его письмом — хоть немного. Что такое стряслось с нами обоими, с чего сыр бор загорелся — в толк не возьму. Якобы причина, т. е. неисполненное мною обещание, так в сущности ничтожна, что дело очевидно не в ней. В чем же дело? Из-за чего мучались мы оба, чем оскорблялись и т. д.? Не думаю, чтоб все мои резкие слова заставили тебя усомниться в моей привязанности; не сомневаюсь и я в твоей. Из-за чего ж мы страдали?

Зина, нам нужно столкнуться насчет будущих отношений. Оставить их в таком неопределенном виде невозможно. Выясним дело. Прежде всего определю в точности мое чувство к тебе. Если ты сделаешь так же относительно себя, можно будет сговориться насчет и отношений, как результата.

Я тебя люблю сильно. Несмотря на все упреки в непонимании, ты для меня самый близкий человек. Когда я окидываю мыслью всю разношерстную толпу знакомых и друзей, любвей, бывших и насто-

ящих, я чувствую, что все это *чужие*, с которыми можно поболтать, сыграть партию в любовь, в дружбу — и сыгравши, раскланяться и уйти. И уйдя, забыть об их существовании, как они забывают о твоём, лишь только вышел ты за дверь. С тобою не то. Далека ли ты или близка, я связан с тобой, связан чем-то, столь же крепким, столь же непобедимым, как любовь моя хотя бы к матери. Эта любовь не в рассудке, не в сердце — она в кровь и плоть мою вьелась. Рассудком я буду признавать одну, сердцем другую, а всем существом своим буду льнуть к тебе. Ты спрашивала, кого я больше люблю, тебя, или ту, неизвестную. На это нельзя ответить и этого нельзя спрашивать. Любовь к тебе и любовь к кому бы то ни было — вещи разнородные, количественно несравнимые.

К характеристике моей любви к тебе нужно прибавить, что она не свободна от чисто физического влечения. Когда к любви примешивалась страсть, влечение было крайне сильно. Теперь оно слабее, но оно есть. И оно-то составляет камень преткновения. Не будь его — отношения были бы ясны. Мы были бы прекраснейшими друзьями, такими, как бывают друзья с детства. Но оно есть — и дружба к черту. Одинаково к черту, будет ли влечение удовлетворяться или нет. Если оно не будет удовлетворяться, будет (для меня, по крайней мере) мука мученическая. Мне мало видеть тебя, говорить с тобой, — мне нужно ласкать тебя. А в ласках границ не может и не должно быть. И если я усилием воли подавлю в себе проявление этого чувства, то самого чувства тем не уничтожу. И останется вечная и мучительная неудовлетворенность. Следовательно, чтобы сохранить отношения, необходимо следовать влечению. Но и здесь препятствия. Разберем (говорю начистоту и только за себя; ты за себя скажешь сама). Самое важное — мы любим других. Т. е. для меня есть женщина, обладания которой я хочу; у тебя есть мужчина, которому ты готова отдаться. Результаты этого таковы: наше сближение не может дать надлежащего наслаждения, т. е. будет являться досадная мысль: «а если это не он, а *тот*? или та?» Другая досадная мысль: «вот сейчас она моя, а явится *тот*» и т. д. Но за исключением этих досадных мыслей препятствий нет (по-моему). Ты говоришь — это дурно. Почему дурно? Ведь мы любим друг друга? Ведь *это* является не целью наших отношений, а неизбежным следствием. Если это дурно, то ведь дурно и целовать тебя. И по-моему *это* было бы дурно тогда, если бы сходились единственным, или главным образом для *этого*.

Оборву, Зиночка, свое рассуждение, ибо хочу спать, поздно, с трудом пишу. На прощание попрошу тебя обдумать все это хорошенько. Быть может наши решения сойдутся. О своем решении

скажу в пятницу. Зайду с вокзала за тобой. Кажется, у меня будет Велигорский, ну да как-нибудь ухитримся поговорить. Мне ты не отвечай, так как я не успею получить письмо. Целую тебя.

Л. Андреев.

Я чувствую, что ты переживаешь реакцию и принимаешь по поводу меня всякие суровые решения. Подожди разговора.

64

9 августа 1892. Орел

9 августа.

Итак, все кончено. Думал я с тобой пройти рядом весь жизненный путь, а вместо того дороги наши теперь уже пошли по разным направлениям. Что ж! может так и лучше. Мы оба молоды и, глядишь, сумеем найти лучшее. Трудно будет заполнить ту пустоту, которая образуется теперь в моей жизни — да и это вопрос времени. Для тебя не существует даже этого вопроса. Ты давно уже не любишь меня, а привычку, которая связывала тебя со мной, легко оставить. Таким образом, все делается к лучшему в этом лучшем из миров¹.

Ты, быть может, удивишься — хотя ты могла представить, и я тебя предупредил в телеграмме — этому внезапному разрыву. Объясню вкратце причину. Ты не можешь или не хочешь изменить себя и говоришь: бери меня такой или оставь. «Такой» я взять тебя не могу — отсюда понятно дальнейшее. Затем: твои последние письма и поступки убедили меня в твоей нелюбви. Что делалось со мной, когда я убедился в этом, говорить поздно, да и не к чему. Сейчас я чувствую себя так, как будто я только что встал после тяжелой болезни. Но в моих руках заключалось еще одно средство к спасению. Ты клятвенно обещала приехать сюда *по первому моему требованию*. Ведь ты помнишь это? Я потребовал и прибавил, что иначе — прощай. Ты не приехала. В оправдание ты привела много. И «совестно» перед Надеждой, и денег нет и еще что-то, чуть ли не то, что в Петербурге холера, а в Орле ее нет. Да это все равно. Когда я требовал тебя сюда, я знал и про Н., и про деньги — да и ты, давая обещание, тоже ведь знала об этом. Я не думаю, чтоб ты, говоря «приеду», рассчитывала выиграть 100 000. Да что и говорить про эти «причины» — было бы смешно, если бы не было так грустно! Все это ложь перед самой собой.

Писать я тебе больше не буду, да и ты, думаю, тоже. Нам остается одно: забыть как можно скорее друг друга. Я думал перевестись в Москву, но меня удерживает освобожд<ение> от платы и стипендия. Желая тебе всего лучшего. Я не помню того зла, которое

сделала ты мне, и помню одно хорошее. Один последний совет. Не сходишь ни с кем *так*, как со мной. Этот совет я хотел дать тебе перед смертью — да это все равно: *для тебя* я умер. Исполни, если не трудно, одну просьбу. Вышли нашу общую карточку. В свою очередь при первом требовании вышлю твое кольцо и что потребуешь. — Не думал я, что таким печальным образом придется мне ознаменовать свое совершеннолетие. Прощай.

Л. Андреев.

¹ Слова Панглоса из «Кандида» Вольтера.

65

23 августа 1892. Орел

23 августа.

Ты думаешь, Зиночка, что нам не следует рвать? Как хочешь. Можно все оставить по-старому. «Зиночка... Лапочка... целую... твой и твоя...» Что ж — мне все равно. Только не будет ли для тебя хуже? Сейчас я, положим, даю тебе полную свободу: люби, изменяй, пиши по вторникам или четвергам, живи на Екатерингофском или хоть у самого черта в аду — дело твое. Но что будет, когда я пожалую в Питер? Опять скажу: Зиночка, сядь здесь? Зиночка, смотри направо! Зиночка — смейся, иначе я убью себя! Что ж тогда будут делать Зиночка и Линочка? Зиночка в кроватку — Линочка в Золотой Якорь. Зиночка в негодовании, Линочка в слезах. Опять будут ломаться этажерки, разбиваться стаканы, руки и головы. Но ведь это скучно. Жизнь, черт возьми, должна быть разнообразна! И, главное, мне жаль тебя. Линочка сумасшедший, Линочка негодяй, Линочка пародия на человека. Если б он не был таким негодяем — он давно бы должен был лежать в «земле сырой» — но он негодяй, у него не хватает «пороху» и он отливает много пуль — а Зиночка? Зиночка человек, Зиночке нужен свет, Зиночка стремится к чему-то, чего-то желает — зачем же стану я ей на дороге? Зиночка — направо! Зиночка налево! Боже мой, как это скучно! Но дело не в этом. Дело в том, что я ничего не могу дать тебе — да и ты мне. Я могу только тормозить тебя — а под пьяную руку убить даже. А ты? Что для меня *ты*? Я имею несчастье быть человеком. Мне нужно что-нибудь делать, кого-нибудь любить, из-за чего-нибудь страдать, чем-нибудь наслаждаться. Вот я и делаю: учусь, бегаю по урокам, пишу какие-то глупые вещи. Нужно любить — я и любил тебя — из-за тебя страдал, наслаждался. Но все это комедия. Не нужно мне ни ученье, ни ты. Все это для отводу только глаз. А что мне нужно

взаправду — ей-богу, не знаю. И мне поэтому жаль тебя. Тебя любят многие — ты могла быть счастлива с ними — а вместо этого ты должна страдать и служить для меня — только игрушкой, только средством самообольщения.

Быть может, твое последнее письмо вызвано жалостью. Ты думаешь — без тебя я совсем окочурюсь. Напрасно. Для меня легко найти новую «Зиночку», новую игрушку, новые причины для страданий и наслаждений. И одинаково буду страдать я — с тобой и без тебя. Но если действительно тебе скверно без меня — я опять твой. Мне наплевать. Писать тебе опять письма? Могу. Опять из-за тебя страдать, пить водку и ходить по трактирам? Могу!

Мне все равно. Жизнь загублена, душа продана черту. И будет ли этот черт З. Сибилевой или ?.. Васильевой — мне все равно. Будем пить и пировать, смеяться и плясать! Я подлец, я живу на содержании у тебя — наплевать! Жалко одно — пропал человек!

Итак, Зиночка, если хочешь, я опять твой. Только жаль мне Хреникова — он наверное поспел пропеть мне вечную память — и вдруг я опять воскрес. Утешь его...

Целую тебя.

Твой Л. Андреев.

Поклонись Э<мме> В<асильевне>. Как все это глупо, подумаешь.

66

1 сентября 1892. Орел

1 сентября.

Твое письмо, Зиночка, произвело на меня тяжелое впечатление. Мне очень жаль тебя, голубочка моя. Как бы хотел я сам утешить тебя, поцеловать твои глупые глазки — а вместо того приходится писать банальные фразы. Скажу только, что скучать тебе незачем и не к чему и причин на это никаких быть не должно. Сама ты рассуди: все эти неприятности, вроде холеры, неспособности готовиться к экзаменам, нашей с тобой перепалки — все это «момент преходящий». Пройдет месяц, два — все войдет в свою колею. Станешь по-прежнему учиться, ходить в оперу и т. д. Ведь жизнь не стоит ни минуты: нынче горе, завтра радость, нынче тень, завтра — свет, и так до конца. Чего ж грустить, зачем *всю* жизнь окрашивать в цвет минутного настроения.

Если тебя допекают грустные мысли по поводу меня — так ты это оставь. Совсем не хочу я этого. Достаточно и того, что свою жизнь отравил. Приучи себя к мысли, что я и ты — два совершенно особых чело<ека>, и гибель одного вовсе не влечет гибели другого.

Я хандрю, я схожу с ума, медленно разрушаюсь от тысячи различных болезней — ты будь весела, живи полной жизнью, делай счастливыми себя и других. Моя песня спета — я уже кончил жить. Тот процесс, который переживаю я теперь, жизнью нельзя назвать. Это — отражение жизни, скучный постоянный самообман. Я уж не верю теперь минутным вспышкам настоящей жизни, внезапным подъемам духа, скоропреходящему желанию трудиться, быть умным и славным. Слова погубили меня. Нет у меня ни чувств, ни желаний, ни мыслей — одни слова и слова. Ну да все это известно. Одним словом — Леон<иду> Н<иколаевичу> — капут. Но отсюда не следует, что и З.Н. — тоже.

Я очень рад, что ты меня любишь и верю этому. Я сам люблю тебя — но не по-прежнему. На меня хорошо, кажется, подействовала наша размолвка. Я покипел, как следует, побесновался — и уразумел, что был неправ. Не в частностях — в частностях я, как не по летам и курсу опытный юрист, был прав, но в целом. Я не должен был требовать, чтоб твоя здоровая жизнь была принесена в жертву моему изломанному существованию. Если б эта жертва могла еще исцелить меня — а то ведь я знаю, что нет. Ну да довольно об этом. Мне противно говорить о себе, высказывать все эти ни к чему ровно не ведущие рассуждения. И подумать только, что эти «рассуждения» до сих пор заменяют для меня жизнь!

Отвечу на твои вопросы, но с оговоркой: не огорчайся только. Прежде всего лечение мое окончено давно уже. Попросту надоело чинить себя, когда отовсюду открываются новые дыры. Здоровье плохо. Прежняя слабость, катар — и вдобавок по временам мучительные головные боли. И наконец — я был как-то сильно пьян; был у меня Болховатин, нашел порок сердца и обещал, что я следующий раз умру. Обещанию этому я ни на грош не верю, если б все эти обещания исполнялись, я давно уже был бы на том свете, или, по меньшей мере — в сумасшедшем доме. Далее — одно время я стал было опять попивать со скуки — но теперь почему-то бросил. Должно быть, потому, что сейчас у меня «подъем духа». Усиленно пишу свои рассказы и мечтаю о славе.

Когда приеду в Петербург — не знаю. Может, не скоро, а может через неделю. Все зависит от того, сколько продолжится этот подъем. Если долго, останусь в Орле, чтобы писать — писать я задумал много — а нет, прикачу в Петербург, как снег на голову. В общем — без Петербурга скучаю. Сказал бы — и без тебя, да ты это сама знаешь. Приехал бы, может, и раньше, да опасаясь, как бы у нас не началось старого. Хоть и решил я совсем изменить себя — да ведь ты хорошо знаешь, чего стоят мои решения? Думаю, ничуть не меньше, чем твои

обещания. Прости, Зинулочка, за шутку. — Варвары нет в Орле, она у Зайцевых в деревне. Наталья говорила, что она (Варв.) *не поедет совсем* в Петербург. Что это значит?

Меня страшно поразила смерть Ашуркова. Я до сих пор не верю, не верю ей. А как она должна была подействовать на тебя?.. Бедная моя Зиночка!

Не тревожься, Зиночка, что редко пишу. Это признак хороший — значит, делом занялся. Есть у меня один грех — да теперь не скажу, может, ты не стоишь того. — Голубочка, пришли мне пожалуйста карточку: ужасно посмотреть хочется. На днях, должно быть, еще напишу. Холеры у нас нет. Теперь, когда умер Ашурков, не поворачивается даже язык пошутить над ней. Прощай. Целую твои лапочки, написавшие мне такое большое письмо.

Твой Л. Андреев.

Поклонись Реймер. Скажи: жив курилка! А *groros*¹: ты не изменила мне? Не совсем уместный вопрос — но ведь ты знаешь меня. Еще одно — не забывай, что находящиеся у меня деньги — твои.

¹ Кстати (франц.).

67

9 сентября 1892. Орел

9 сентября.

Итак, Зиночка, ты довольна мной? Ну что ж — слава Богу! Я готов поддерживать тебя *и словом и делом*. Учись, развивайся, забудь ту Зиночку, которая готова бывала для своей личной жизни, для «Линочки» совершить христианский поступок любви и «всепрощения»: забудь ее! Будь Зиночкой, работающей для общего блага, будь Зиночкой, забывающей индивидуальные страдания для страдания «человечества», будь Зиночкой, отвергающей чистую любовь и принимающей ухаживания! Будь ей! Слушай Соколова, пихающего тебя на какое-нибудь дело (узкой) благотворительности, будь... Да что тут разговаривать. Ты и я — два полюса. Ты — человек развитой, непосредственный, готовый, при виде слез ближнего, пролить свои слезы и утешить его, ближнего — а я... я — я, Леонид Николаевич, готовый всегда выпить рюмку водки, готовый забыть все человечество для какой-нибудь нищенки, говорящей: «барчук, хочешь за 3 коп. получить удовольствие», готовый в страдании ближнего почерпать свое удовольствие.

Итак, — ты довольна мной! Напрасно. Не нужно быть довольным мной. Зина, я не хочу лгать. Я люблю тебя по-прежнему. По-прежнему

му в одной тебе заключается и смысл моей жизни и ее удовольствия. Коли ты изменила мне, не любишь меня:

Пропадай ты жизнь молодецкая!

А если ты меня любишь... Пстой! — Вправду ли ты любишь меня? Вправду ли дорог для тебя процесс именно моей жизни со всеми ее страданиями?

Нет, Зиночка, нет. Дорого для тебя одно: дорого то, что я до сих пор «*сравнительно*» вел тебя к лучшей жизни. А то: не все ли равно для тебя: я или А.А.? Да он даже лучше — не правда ли? Я для тебя ничего не делал: — а он... он заваривал чай, он чистил твои башмаки, приносил конфет...

Пстой! Я пьян. Я не понимаю, о чем говорю. Для меня ясно одно. Я люблю тебя, одну тебя. Для меня дорого твое тело, твое лицо и глаза. Много я видел теперь тел, кроме твоего, много глаз улыбались мне, — но ни одного не хочу я! Тебя, тебя хочу я! Слышишь, Зина?

А впрочем, как хочешь! Все мне надоело. И ты, и жизнь. Раньше или позже — вот вопрос.

Слушай, Зинаида, я теперь пьян — я постоянно пьян. Я выступил на поприще общественной жизни. Я дежурю в дешевых столовых — знаешь, образованы для простого народа, я участвую в спектакле для Дома Трудолюбия в спектакле 15 сент. в городском театре, я... Ну да ты, вкупе с Н.Н. С., поймешь меня — я работаю для себя, не для народа. Я, как будущий писатель, хочу наблюдать, хочу узнать жизнь. И для этого я стал участвовать во всей этой... ерунде. Я ухаживаю за тьмой новых барышень, и пользуюсь успехом — все для этого. Я пьянствую с Мишкой Ольгиным¹ и с прочими — все для этого. У меня был роман с З. В.², с луной, лодкой и прочей грошовой поэзией — все для этого. Я хочу узнать людей, презирать их — и потом описывать. Я уж написал один рассказ³. Скоро пошлю в «Русскую мысль». Если его не примут — я устрою кавардак.

Объясни мне: что значит «я принимала ухаживания А.А., но не изменила!» «Я знаю, что не могу жить *с тобой*»?

Если хоть раз А.А. прикоснулся к тебе — губами или чем бы то ни было — я не покажусь в Петербурге. Если ты не хочешь жить со мной на одной квартире — я уйду в Москву. Так ты это и знай. Будем жить разной жизнью — но на одной квартире.

Впрочем — погоди! я — пьян. Отчего, почему, зачем — лишний вопрос. Может оттого, что я счастлив.

Ах, Зина! Если б ты хоть раз испытала то, что я, читая твое: «с тобой жить нельзя: ты слишком мрачен!»

Все это ерунда. Я жизнерадостен. Про меня орловские девицы говорят: ах, как он смешон и оригинален. В меня влюбляются. Я за

это время покорило много сердец. Я знаю, что если захочу — все эти подлецы, пьяницы, дураки, жизнерадостные идиоты и круглогрудые идиотки будут у моих ног. Я знаю это — и мне скучно.

«Мне скучно, черт!»⁴

Прощай, Зина. Ты любишь *меня*? Если любишь — пожалеешь. Я приеду в октябре. Напиши: *будем мы жить вместе или отдельно*. Я хочу вместе — но дело твое, ты решай!

Мне жаль Ошуркова. Я не могу забыть его. Зачем не я?! Зина, я страдаю, безумно страдаю. Я плачу. Прощай.

Мы будем пить, и пировать

Смеяться и плясать

а с другой стороны:

Зачем ты безумного губишь?⁵ Целую.

Твой Л. Андреев.

Ответ пожалуйста до 1-го октября? (относительно денег — я пропью их, *но возвращу все-таки!*)

Я напишу, когда поеду в Петербург, вексель с поручительством матери, т. е., если я умру, ты взыщешь долг *с матери*.

Разумовский рассказывает про меня здесь, что я не люблю тебя и только пользуюсь тобой и содержанием. Эти рассказы заставили меня много мучаться⁶.

¹ Михаил Федорович Ольгин (1869–1931) — приятель Андреева по гимназии, а затем и по юридическому факультету Московского университета, по окончании которого работал на разных судебных должностях в Орловской губернии. Прототип персонажей Андреева из произведений о студенческой жизни (Мишки в «Днях нашей жизни», Котельникова в «Младости», Костюрина в «Иностранце»), автор воспоминаний [4].

² Роман с Зинаидой Ивановной Васильевой продолжался с середины августа до ее отъезда в Москву 6 сентября [3, с. 275–290].

³ Речь идет, видимо, о первоначальной редакции рассказа «Загадка», наброски к которому сохранились на последних листах дневника за март–сентябрь 1892 г. [3]. Рассказ был опубликован: Орловский вестник. 1895. 21 нояб. (№ 312); 24 нояб. (№ 314); 25 нояб. (№ 315), 26 нояб. (№ 316). Подпись: Л.А. См.: [2, с. 35–50, 463–470, 712–715].

⁴ Начало «Сцены из Фауста» А.С. Пушкина (1825).

⁵ Переделанная первая строка популярного мещанского романса «Безумная», приписываемого Матвеем Ожегову: «Зачем ты, безумная губишь, Того, кто увлекся тобой...» (1880–1890 гг.).

⁶ Последняя фраза записана на отдельном клочке бумаги, возможно, оторванном от другого письма.

11 сентября 1892. Орел

11 сентября.

Извини меня, Зиночка, за прошлое письмо. Писал я его пьяный и нагородил, кажется, всякой чепухи, на которую ты не должна обращать внимания.

Я очень рад, что твое нравственное состояние улучшилось и с своей стороны, готов сделать все, чтоб не испортить его. Прошу тебя поэтому не придавать значения моему «требованию» жить вместе, на одной квартире. Это остатки прежнего Л.Н., проявившиеся под спиртовой реакцией. Живи как хочешь и где хочешь. Если та жизнь, какую установишь для нас ты, покажется мне тяжелой, я уеду из Питера, переведусь, наконец, совсем в Москву, вообще как-нибудь постараюсь избавить и тебя и себя от лишних мучений. Я махнул рукой на свою жизнь; я счастливым быть не могу, а *как* я буду несчастлив, не все ли равно? Деточка, не хочу я, чтоб на моей совести лежал упрек и за твою гибель. Я и так слишком, слишком презираю себя, чтоб еще увеличивать это презрение. Мне страшно тяжело, голубочка. Прости, что я пишу тебе это. Мы слишком разные люди, ты не поймешь меня, и я только отравлю тебе лишнюю минуту жизни. Но ведь ты у меня одна, перед которой я могу обнажить свою душу, раскрыть ту грязь, которая ее наполняет. И мне так надоело ломать постоянную комедию перед людьми.

Да, я глубоко пал; я подлец — все мое несчастье в том, что я хотел бы быть честным. У меня сложился идеал честного, настоящего человека и я глубоко страдаю, видя что на деле — я подлец, в каждом поступке, слове, даже мысли. Я презираю себя за это, ненавижу, но не могу перемениться. Я даже не пробую этого. Я не верю в свои силы; я слишком умен, чтоб не видеть всей своей неспособности к какому-нибудь труду. Знаю, что ничего не выйдет из моего писательства, знаю, что им я только обманываю и себя и людей. И во всем обманываю. Люди считают меня честным и я должен поддерживать это заблуждение. Ты говоришь: «Линочка, я знаю, что ты отдашь мне когда-нибудь деньги» — и я говорю «конечно», и презрение мое к себе возрастает, потому что *я знаю*, что никогда не отдам, потому что никогда не буду в состоянии работать. И каждая копейка из этих денег, которую я трачу, увеличивает и возобновляет мои страдания. А не тратить не могу. Да, нехорошо презирать себя.

Вот еще возьми: сколько времени мучает меня то письмо, которое я написал тебе, в особенности то место в нем, где я говорю о Васильевой. Я не должен был говорить, это скверно, а я сказал, чуть ли даже не похвастался. И так каждую минуту. Каждую минуту мучает меня

сознание, что я делаю не то, что нужно. И каждую минуту мне кажется, что все это ложь, т. е. все что я делаю. Я совершенно раздвоился, и одна половина мучает другую. И никуда не уйдешь от этого раздвоения. Целую ли я, напиваюсь пьян, устраиваю оргию в публичном доме — я, теряя сознание, думаю одно: я не должен этого делать, это ложь, ложь и ложь.

Ну да что толковать. Важно одно: я презираю себя. Я боюсь заглянуть в будущее.

Так-то, Зиночка. Только ты не огорчайся, не стоит этого. Лучше скажи мне: как твои экзамены? и вообще занимаешься ли и чем? Объясни мне что значит: «я принимала ухаживания А.А., но не изменила тебе»? Понимаешь, я тебя ревную, хотя не должен бы... видишь, опять не должен? Деточка, я все ведь по-прежнему люблю тебя, хотя тоже не должен бы. Мне так хотелось бы повидать тебя, но боюсь. Боюсь себя. Теперь я охотно верю, что ты любишь меня, а тогда стану сомневаться.

Зиночка, неужто ты уже растранижила все свои деньги? Это свинство. Во всяком случае ты не ожидай стипендии и бери у меня, коли очень понадобятся.

Вот еще просьба: начинаются холода, а пальто мое в Петербурге, в закладе. Не можешь ли ты попросить выкупить его и переслать сюда? Если можешь, я пришлю денег. И скажи: *стоит* мне ехать в Петербург в октябре, как я хочу? Отвечай откровенно. Потом объясни, как ты намерена устроить нашу жизнь, не в принципе, а на практике? Прощай, деточка. Желаю тебе всего лучшего. Каков оказался брат А.А.? Так ли демоничен, как он обещал?

Целую тебя.

Твой Л. Андреев.

69

17 сентября 1892. Орел

17 сентября.

10 ч. вечера.

Зина, меня сейчас одолевают скверные мысли и скверные чувства. Извини, что я нарушу ими твой покой. Но именно он, этот покой, мучает и бесит меня. Это скверно, но я ничего не могу поделать; мысль, что ты счастлива без меня и помимо меня, — мне очень тяжела. Когда ты несчастна, когда я вижу твои слезы — я все готов сделать для тебя; но когда я подумую, что ты весела, смеешься, забывши меня, «прини-

маешь ухаживания», в то время, как я сижу один, полный физической и душевной боли — мне очень тяжело. Я сейчас сижу дома, один; мать ушла куда-то на именины, только одни детишки за стеной зубрят уроки. Я тоже мог бы пойти куда-нибудь, но мне тяжело показываться к людям; мне кажется, что я восстановил их своим безобразным поведением, что им неприятно будет видеть меня. И вот я дома — вдвоем с мучительной тоской о зря потраченной жизни, с мыслями о бездне тех страданий, которые ожидают меня в будущем. И ничего, ничего не вижу я в этом будущем; в прошлом — одни бесплодные страдания, водка, безобразия, ложь и позор, в будущем — то же, и ни одного луча света. Чего бы только не отдал я за надежду, что не все еще пропало, что есть еще «что-то», для чего стоило бы жить. Надежды нет, никакой надежды. Можешь ты это понять — *никакой* надежды? Мне страшно оставаться с собой, одному с своими мыслями. Мне *не о чем* хорошем думать. Прежде я думал: вот сейчас скверно, но я буду трудиться, делать то и то — и жизнь пойдет хорошо. Но теперь я не верю этому, я знаю, что впереди меня ожидает та же водка, та же бессмысленная жизнь, которая заставила меня презирать себя. Никакого исхода. Есть один, но у меня не хватает силы. Вчера я решил было совсем — но настало утро, и мне страшно захотелось жить, как живут все, любить себя, интересоваться чем-нибудь.

Нынешний вечер я долго, без цели шатался по улицам, потом пришел домой, стал читать, но не могу. А тут пришла мысль о тебе. Вспомнил, что Надежда нынче именинница, и у вас, значит, гости. Разом представилась вся эта картина; как будто перед собой увидел я тебя, оживленную, с блестящими глазами, разговаривающей с кем-нибудь. Ты весела, ты забыла про меня. А потом дальше... воображение все работает. Вижу тебя вдвоем с «ним»... ну и так далее. Не хочу говорить.

Зиночка, милая, разоидемся с тобой совсем, совсем. Не могу я этого выносить. Измучаю я тебя и себя этими письмами, ревностью, хандрой. Я сейчас хочу, чтоб ты любила меня *больше всего на свете*, как любит меня мать, но если б ты полюбила меня *так* — я перестал бы замечать это и ценить, как я не ценю любви матери. Я человек невозможный. Такие, как я, созданы только для гибели своей и окружающих. Укажи хоть что-нибудь хорошее, что есть во мне или что я сделал для других. Один только вред, для себя и других. Я мучаю тебя, я постоянно мучаю мать, развращаю примером детей, мучаю окружающих своим буйством, хандрой. Найди мне хоть одного человека, которому я сделал бы хоть что-нибудь хорошее — и я перестану презирать себя. Ни одного не

найдешь. Я как прокаженный, заражающий всех своей болезнью; находиться со мной под одной крышей — значит получить патент на страдания.

Ты ведь понимаешь, что это правда. Поэтому разойдемся с тобой. Я предупреждаю тебя, любя тебя. Понимаешь, я сейчас *делаю, говоря это, единственно хорошее в своей жизни*. Мне страшно тяжело просить тебя об этом; как будто просить отрубить себе руку. Но я прошу тебя, разойдемся. Я могу спяну причинить тебе *много зла*. Я предупреждаю тебя, хочу раз поступить честно. Я поступаю против себя. В душе я хотел бы лучше убить тебя, чем отдать другому.

Тебе легко будет разойтись со мной. Ты меня не любишь. Ты обманываешь себя. И прежде, когда ты так много делала для меня, ты меня не любила. Ты была просто задавлена мной, ты была, так сказать, загнипнотизирована мной. Я душил тебя, как петлей; постоянными последовательными упреками, требованиями я лишил тебя воли.

Зиночка, не спорь со мной. Я это *знаю*.

Итак, вот чего я прошу. Ответь на это письмо и скажи, что согласна порвать, а я уж постараюсь, чтоб мы никогда не встречались. Только не говори, пожалуйста, что еще любишь меня, не мучай.

Ну больше говорить не о чем. Я тебя люблю, но я знаю, что это для тебя значит — «прощай радость...»¹. Я мучаюсь страшно, но я это заслужил. Я раньше стоял выше жизни: презирал ее и людей; теперь я ниже ее: я презираю себя и люблю жизнь. У меня не поднимаются руки для самоубийства, и за это я ненавижу себя. Но я их заставляю подняться... когда-нибудь. Прощай, деточка моя. Мать сейчас сказала мне (она вернулась), что ты была 11-го именинница. Если это так, то прости меня. Я никогда не помню этих проклятых чисел. Мать (по-своему следящая за нашими отношениями) говорит, что должно быть ты рассердилась на меня и поэтому так долго не пишешь. Не думаю, чтоб это была правда.

Когда придет Над<ежда>? Или она останется в П<етербурге>, как у нас говорят? У меня находится квитанция от посланного к тебе багажа; нужна она тебе?

О том, как живу, писать нечего. Скоро Над<ежда> получит от Нат<альи> письмо, из которого ты наверно узнаешь все, даже больше.

Целую тебя всю, как когда-то, крепко, крепко. Прощай.

Твой Л. Андреев.

Посылаю заказным, потому что не знаю наверно твоего адреса, ты не пишешь.

¹ «Прощай, радость, жизнь моя!» — русская народная песня, особенную популярность приобрела позже, в исполнении Ф.И. Шаляпина.

70

28 сентября 1892. Орел

28 сентября¹.

Мне кажется, ты несколько неверно судишь. Быть может, ты меня неверно поняла. Я требовал, чтоб ты была моей работой только по отношению к раздражающим меня *мелочам*, вроде долгого молчания, неисполнения пустяшной просьбы и т. п. Во всем же крупном, дающем направление жизни, я, *по обыкновению*, согласен уступать тебе. Это понятно. Для меня почти безразлично, в какую сторону пойдет моя жизнь вслед за твоей — поэтому я так легко соглашаюсь, вопреки собственному желанию и матери, ехать за тобой хоть в тот же Петербург. Для меня, по несчастью, в жизни остались одни мелочи — и за них-то я ратую. И удивительное дело — в тебе я нахожу сильного противника, не согласного без бою уступить ни одной мелочи. Это странно. Судя по твоим письмам, словам, у тебя в жизни есть серьезные цели и задачи: учиться, работать для людей и т. д. Я тебе не препятствую в стремлении к этим целям, и не намерен препятствовать — из-за чего ж у нас разговор идет? Дело в том, что для тебя так же дороги все эти мелочи, как и для меня, беспутного. Своим стремлением «к свободе», желанием учиться ты только прикрываешь свою распущенность и эгоизм. Ты не можешь пересилить себя, своей лени в таком пустом деле, как посылка карточки, письма и т. п. — и заявляешь, что я своими требованиями лишаю тебя свободы. Ты курсистка, ты стремишься к чему-то бесконечно хорошему, ты краснеешь, когда Н.Н. спрашивает тебя: «читали это?» — и в то же время живешь ты так, что только дикарю впору. Ведь только для дикаря всякое желание является законом. Человек развитой понимает, что нужно ограничивать проявления своего эгоизма, иначе не мыслимо общество и общественная жизнь. А ты — считала ли ты нужным когда-либо ограничить себя? Никогда. Ты даже в теорию возводила этот бесшабашный разгул эгоизма.

И на наши отношения ты переносишь тот же взгляд. Ты говоришь: лучше я разорву, но никогда не стану стеснять себя, никогда не стану исполнять обещаний, никогда не буду пересиливать свою лень и распущенность, хотя бы другому они стоили жизни. Ведь это самое

значит твое: «хочу быть госпожой»? Да, ты не можешь быть ничьей рабой, потому что ты уже в рабстве — у своего безволия и эгоизма. Извини, что я написал тебе все это. Ведь тебе редко, небось, говорят правду, да и не все эту правду знают. И мне хотелось бы, чтоб ты несколько поразмыслила над собой и беспристрастно решила вопрос: кто больше не пускал тебя вперед — я или сама ты?

Не думай, что я писал по злобе. Мне, как и всякому, просто неприятно видеть, как человек идеализирует себя и из своих пороков делает достоинства.

Разрыв, после твоего письма, я считаю состоявшимся. Как теперь поведу я свою горемычную жизнь — покажут обстоятельства.

Все твои поручения будут исполнены. Относительно выкупа пальто ты несколько запоздала. 3-го я уезжаю из Орла².

Л. Андреев.

¹ Ср. запись в дневнике от 28 сентября 1892 г.: «Получил сегодня от З<инаиды> письмо. Вот его содержание:

“Я тебя очень люблю; плакала два дня, получивши твои письма, но рабой быть не хочу и не могу. Достаточно того, что была ей (?) два года, когда могла бы иметь своих рабов. "Я все для тебя готова сделать, но не как раба, а как госпожа". Мне очень тяжело будет разорвать с тобой, но я готова изменить себя и лучше страдать от разрыва (все равно ведь с тобой страдать придется), чем быть рабой”.

Ответил ей на это, что считаю разрыв состоявшимся.

Иначе невозможно было ответить. Если принять ее «барскую» любовь, это значит дать ей новые силы для совершения тех мелочей, которые меня мучают. Для того, чтоб ответить так, а не иначе, достаточно прочесть ее объяснение: “не писала оттого, что тяжело было отвечать на твои письма и не было бумаги и чернил”. Недурно?

Несмотря на мое: “считаю разрыв состоявшимся” — разрыв еще, конечно, не состоялся. За этой бумажной войной последует еще война словесная, так как от З<инаиды> слова отскакивают, а меня всегда ранят» (*Дн5*. Л. 7 об.).

² Из Орла Андреев выехал 5 октября, т.к. первой целью его поездки была встреча в Москве с приятелем А.П. Арбузовым. Из Москвы он 11 октября выезжает в Петербург для свидания с Зинаидой Сибилевой. В Орел он уехал приблизительно 11 ноября. (*Дн5*. Л. 9–16 об.).

Итак, Зинулочка, повторяю еще раз: нам нужно разорвать. Я хочу все, или ничего. Всего ты дать мне не можешь, потому что не любишь меня, а удовольствоваться тем, что ты даешь мне теперь и обещаешь дать в будущем — я не в состоянии. Я хотел бы довольствоваться малым, я пробовал это — но не могу. Мне нужно, чтоб *вся* ты принадлежала мне, чтобы ты была вполне моей рабой, и телом

и душой. Меня бесит, мучает каждый твой поступок, несогласный с моим желанием, и я ничего не могу с собой поделать. Я говорю себе: «это мелочь; не нужно так подавлять твою свободу», говорю это — и в то же время мучаюсь от этой мелочи и не могу выносить ее. Я старался до сих пор пересилить себя, но безуспешно. Меня, как и прежде, мучают эти мелочи: что ты долго не пишешь; что, несмотря на мои просьбы, ты не хочешь на минуту побеспокоить себя и прислать мне карточку, и т. д. И как ни тяжело, страшно тяжело будет для меня навсегда расстаться с тобой — но лучше расстанемся. Тогда по крайней мере я постараюсь забыть тебя, постараюсь как-нибудь иначе устроить свою жизнь. тогда я раз навсегда решу, что ты для меня потеряна; постараюсь не думать о тебе, забыть о твоём существовании. А то ведь это безобразие — ты, к счастью, этого не испытала: день и ночь думаю я о тебе, страдаю при мысли, что ты меня не любишь, возмущаюсь при воспоминании о разных «несправедливостях», оказанных тобой мне и т. д. Это положительно невыносимо. И я говорю тебе последний раз: так как ты не можешь — и не должна — быть моей рабой, то разойдемся. Иначе все это худо кончится.

Я медлил посылать это письмо. Мне слишком горько думать, что этим письмом кончаю все. Но ничего не поделаешь. Это единственное, что остается.

И помни, Зиночка: если ты ответишь, что любишь меня и не хочешь рвать, то дашь мне этим право требовать от тебя *всего*. И беда будет, если ты не исполнишь хоть одного требования. Или все, или ничего. На половине мириться я не хочу и не могу.

На письмо можешь и не отвечать. Все равно ответ может быть только один, т. е. что ты согласна на разрыв.

3^о октября я уезжаю в Питер. Если до тех пор не будет письма, я считаю дело оконченным. Будь уверена, что я ничего не имею против тебя: ты не виновата в том, что не можешь быть такой, как я хочу. В заключение просьба: отнесись посерьезней к сказанному мной. Понимаешь: я испытывал себя и убедился, что *не могу* дать тебе свободы, как ты ее понимаешь, и мы *должны* разорвать, иначе я замучаю и тебя и себя.

Наталья просит, чтоб обязательно уведомили ее, хоть телеграммой, о дне приезда Над<ежды>, и если это будет не скоро, то чтобы Над. прислала ей доверенность, так как Наталье нужны деньги, а у ней всего 80 руб. Действительно, у вас там происходит какая-то чертовщина. Что думает делать Над., и что вы обе с ней делаете, — покрыто мраком неизвестности. (Видишь, вот образец того языка,

Дома застать меня можно от 4 до 6 ч. дня. За вещами самое лучшее пришлите Хлобощина или С. Хренникова. Адрес: Кирочная, 7, 24¹. Будьте любезны, пришлите заодно мои карточки.

¹ Ср.: «В Петербурге я остановился у Никольского» (*Дн5*. Л. 18 об.). Никольский — товарищ по орловской гимназии.

73

6 апреля 1902. Петербург

6 апреля 1902 г.

Дорогая Зинаида Николаевна!

Вздорное и так напугавшее меня известие сообщил мне И.И. Немолякин, с которым я встретился в Одессе и который ничуть не стал симпатичнее. Ваше письмо очень обрадовало меня: вы живете и живете, по-видимому, очень хорошо. У вас даже и почерк стал другой: спокойный и веселый.

Сейчас я очень занят работой и потому напишу вам коротко, только о фактической стороне моей жизни. Что я стал писателем — вы знаете; как я пишу и как к моим писаниям относятся — тоже знаете. Теперь, чего не знаете. В феврале этого года я женился на А.М. Веллигорской (сестре Е.М. Добровой), ездил с нею по Крыму, недели две прожил у Горького и теперь только вернулся. Очень люблю свою жену и думаю быть счастливым с нею. Вот, собственно, и все. Могу еще прибавить, что больше года бросил пить — и уже совсем.

Мои все живы; Зина также в этом году вышла замуж. Мать поскрипывает. Велела передать, что очень кланяется Вам. Она вас любит. Любит вас и Шура, и мы часто и помногу говорим о вас. В денежном отношении дела мои пока еще не особенно важны: приходится жертвовать своим делом и для заработка заниматься газетной работой (пишу в «Курьере» под псевдонимом Д. Линч и Л.-ев), но есть надежда на улучшение. Книжки мои пошли хорошо — в три недели продано 5000 втор<ого> издания¹ — и это освободит меня для чистой литературной работы. А литературу я люблю — до смерти!

Быть может, в мае будем с Шурой в СПб и тогда увидимся. Очень рад и очень благодарен, что написали.

Ваш Леонид Андреев.

¹ Речь идет о первом сборнике писателя: *Андреев Л.Н.* Рассказы. 2-е изд., доп. СПб.: Изд-е т-ва «Знание», 1902. Т. 1. 268 с.

Принятые сокращения

Сокращенно даются ссылки на рукописные подлинники дневников Л. Андреева, хранящиеся в Русском архиве в Лидсе (РАЛ; Leeds Russian Archive). Лидский университет (Великобритания). Выражаем глубокую благодарность хранителю Русского архива в Лидсе Ричарду Дэвису за предоставление расшифровок рукописей дневников Л. Андреева, а также за большую помощь в подготовке публикации.

Дн5 — Дневник. 1892.09.26 — 1893.01.04 // РАЛ. MS.606/ E.6.

Литература

1. *Андреев Леонид*. Дневник 1891–1892 гг. / публ. Н.П. Генераловой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1991 г. СПб., 1994. С. 81–142.

2. *Андреев Л.Н.* Полн. собр. соч. и писем: в 23 т. М.: Наука, 2005. Т. 1. 808 с.

3. «Дневник» Леонида Андреева / публ. Н.П. Генераловой // Литературный архив: Материалы по истории русской литературы и общественной мысли. СПб., 1994. С. 247–294.

4. Воспоминания Михаила О-на (Ольгина) о Леониде Андрееве (Девяностые годы прошлого столетия части московского студенчества) / вступ. ст., подгот. текста и коммент. Л.В. Ивановой // Леонид Андреев: Материалы и исследования. М.: Наследие, 2000. С. 151–161.

Research Article and Publication of Archival Documents

Leonid Andreev's Letters to Zinaida Sibileva. Part II (1892, 1902)

© 2022. Natalia P. Generalova, Mikhail V. Koz'menko

Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian
Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract: This is the first complete publication of Leonid Andreev's letters to his first lover, Zinaida Nikolaevna Sibileva. The course of their relationship between 1889 and 1892 was stormy and very uneven. The letters reveal many previously unknown features of Andreev's life as a schoolboy and student. But they are more important for what might be called the diary of their writer's "inner states" reflected in them, the stream of his complex, sometimes "liminal" psychological experiences. Accepting (on Maupassant's authority) that letters illuminate someone's personality

more clearly, that they “expose the soul without any embellishments”, Andreev nevertheless regarded his epistolary output (as well as his diaries) as a kind of exercise in creative writing.

Keywords: Leonid Andreev at school and university, letters as a source of information and an “exercise in creative writing,” early 20th-century Russian literature, modernism.

Information about the authors: Natalia P. Generalova — DSc in Philology, Leading Research Fellow, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, Makarov Emb. 4, 199034 St. Petersburg, Russia. E-mail: generalovanatalia@gmail.com

Mikhail V. Koz'menko — PhD in Philology, Leading Research Fellow, A.M. Gor'ky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia. E-mail: uzium@mail.ru

For citation: “Leonid Andreev's Letters to Zinaida Sibileva. Part II (1892, 1902).”, text prep. by N.P. Generalova, comment. by M.V. Koz'menko *Literaturnyi fact*, no. 1 (23), 2022, pp. 100–145. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-23-100-145>

References

1. Andreev, L. “Dnevnik 1891–1892 gg.” [“Dairy. 18912–1892”], publ. by N.P. Generalova. *Ezhгодnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 1991 g.* [The Yearbook of the Manuscript Department of the Pushkin House for 1991]. St. Petersburg, 1994, pp. 81–142. (In Russ.)

2. Andreev L.N. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 23 t.* [Complete Works and Letters: in 23 vols.], vol. 1. Moscow, Nauka Publ, 2005. 808 p. (In Russ.)

3. “Dnevnik' Leonida Andreeva” [“Dairy' by Leonid Andreev”], publ. by N.P. Generalova. *Literaturnyi arkhiv: Materialy po istorii russkoi literatury i obshchestvennoi mysli* [Literary Archive: Materials on the History of Russian Literature and Social Thought]. St. Petersburg, 1994, pp. 247–294. (In Russ.)

4. “Vospominaniia Mikhaila O-na (Ol'gina) o Leonide Andreeve (Devianostye gody proshlogo stoletii chasti moskovskogo studenchestva)” [“Memoirs of Mikhail Oh-na (Olgin) about Leonid Andreev (1890s of the Last Century, Part of Moscow Studensheep)”], introd., text prep. and comm. by L.V. Ivanova. *Leonid Andreev: Materialy i issledovaniia* [Leonid Andreev: Materials and Researches]. Moscow, Nasledie Publ., 2000, pp. 151–161. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 19.10.2021

Одобрена после рецензирования: 05.11.2021

Дата публикации: 25.03.2022

The article was submitted: 19.10.2021

Approved after reviewing: 05.11.2021

Date of publication: 25.03.2022

Научная статья
с публикацией архивных материалов
УДК 821.161.1.0
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-23-146-163>

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Воспоминания Е.А. Гиляровой о работе цензором и редактором

© 2022, О.А. Симонова

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия

Аннотация: Изучение истории цензуры в СССР привлекает большое количество исследователей, однако публикации воспоминаний цензоров встречаются не так часто. Воспоминания Е.А. Гиляровой представляют один из наиболее интересных периодов советской печати — 1930-е гг. Во вступительной статье к публикации рассматривается значение мемуаров цензоров для истории литературы. Приводится краткая биографическая справка о Гиляровой, которая, будучи видной большевичкой, сотрудницей Наркомпроса, в 1930-е гг. была репрессирована. Впоследствии она внесла вклад в изучение истории большевистского движения, опубликовав свои мемуарные заметки и составив несколько сборников об участниках революции и Гражданской войны. В публикуемых воспоминаниях Гилярова описывает внутренний распорядок работы в Горлите, формы непосредственного взаимодействия с писателями. Приведенный эпизод с повестью Б.А. Лавренева «Мир в стеклышке» показывает, как цензура изменила текст произведения: впоследствии он воспроизводился без заключительной авторской сентенции. В повествовании о работе в ГИХЛ Гилярова уделяет наибольшее внимание фигуре К.И. Чуковского. Описывается редакторская работа над его книгой о Н.А. Некрасове, рассказывается о запретах книг Чуковского на рубеже 1920–1930-х гг. Публикуемый текст позволяет составить более объемное представление о довоенном развитии советской литературы, сделать выводы о влиянии на него факторов цензурного и редакторского вмешательства и показать это влияние на конкретных примерах.

Ключевые слова: цензура в СССР, редакторское дело, Горлит, ГИХЛ, К.И. Чуковский, Н.А. Некрасов, Б.А. Лавренев.

Информация об авторе: Ольга Алексеевна Симонова — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4802-7750> E-mail: osimonova@yandex.ru

Для цитирования: Симонова О.А. Воспоминания Е.А. Гиляровой о работе цензором и редактором // Литературный факт. 2022. № 1 (23). С. 146–163. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-23-146-163>

История цензуры в России и Советском Союзе — активно развивающаяся область знаний. Библиография работ, относящихся к истории цензуры в СССР и работе Главлита, обширна. Достаточно упомянуть исследования А.В. Блюма [1], Т.М. Горяевой [6], М.В. Зеленова [8], П.С. Рейфмана [19], М. Фэйнсоды [28], Ф.К. Ярмолича [27] и др., десять выпусков сборников «Цензура в России: история и современность» (издаются Научно-исследовательским отделом книговедения РНБ совместно с Институтом истории естествознания и техники РАН, 2001–2021). С 2012 г. в Ленинградском государственном университете ежегодно проводится международная научная конференция памяти А.В. Блюма «История книги и цензуры в России. Блюмовские чтения» (вышло пять выпусков материалов конференций).

Историк литературы, обращаясь к истории цензуры, обнаруживает влияние внелитературных факторов на создание и изменение художественного произведения. А потому воспоминания цензоров становятся для исследователя неоценимым источником сведений о редакционно-издательском и литературном процессе соответствующей эпохи. Не являются исключением в этом смысле и публикуемые ниже заметки Елены Александровны Гиляровой (1896–1988), посвященные работе в Леноблгорлите — ленинградском отделении Главного управления по делам литературы и издательств (Главлита) и в Государственном издательстве художественной литературы (ГИХЛ). Заметки представляют собой главу из воспоминаний Е.А. Гиляровой, написанных в 1977–1978 гг. и ныне хранящихся в Центральном государственном архиве историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Полный текст этих воспоминаний, а также биографическая справка, составленная М.М. Никифоровой¹, и некоторые другие материалы² помогли восстановить канву жизни Е.А. Гиляровой.

Е.А. Гилярова родилась в Рязани. Ее отец — священник Александр Дорофеевич Гиляров (ум. 1912) служил в Рязанском духовном училище, преподавал в Рязанском и Кишиневском епархиальных

¹ Фонды личного происхождения СПб НИЦ «Мемориал». Ф. Б-1. Оп. 1. Гилярова Елена Александровна // Электронный архив фонда Иофе. URL: <https://arch2.iofe.center/case/660#persons> (дата обращения: 07.11.2021).

² [Гилярова (Брюкнер) Е.П.]. Часть II. Страдания и радости русской приемной дочери немецкого военнопленного Карла Германовича Элрета // Элрт К., Брюкнер К. Две мировые войны в жизни одного поколения. URL: <http://mirpeterburga.ru/upload/iblock/182/182eb13b456d1e98c4121d3cc548c4e9.pdf> (дата обращения: 08.11.2021); Блинущев А. Истории политрепрессированных: семья Гиляровых. URL: <https://7x7-journal.ru/posts/2021/01/10/istorii-politpressirovannyh-semya-gilyarovyh> (дата обращения: 07.11.2021).

женских училищах, был директором Коммерческого училища, затем инспектором классов и законоучителем во Владикавказском епархиальном женском училище. Мать — Анна Павловна Гилярова (1874–1953), дочь священника Спасо-Преображенской церкви города Рязани П.С. Миролубова, окончила Царскосельское епархиальное училище.

Кроме Елены, в семье было шесть детей: сестры Александра, Мария, Татьяна, братья Павел, Николай, Виктор (последний во время Гражданской войны эмигрировал в США). В 1912 г., после смерти отца, Е.А. Гилярова и ее старшая сестра Александра вынуждены были уроками зарабатывать на жизнь, помогая матери поставить на ноги младших. Мать получила специальность инструктора-птицевода, работала, чтобы дать детям высшее образование. По окончании гимназии Гилярова в 1913 г. поступила на филологическое отделение Высших (Бестужевских) женских курсов в Петербурге, которые окончила в 1918 г.

Став еще в гимназии атеисткой, Гилярова углубилась в изучение марксизма. Размножала на машинке большевистские листовки, укрывала подпольщиков. В 1916 г., на год прервав учение, она отправилась сестрой милосердия сначала в Галицию, потом на русско-турецкий фронт, под Трапезунд. На фронте она вела большевистскую пропаганду среди солдат, ее избрали в Совет рабочих и солдатских депутатов.

Весной 1917 г. Гилярова вернулась в Петроград, вступила в партию. Ее адрес-явка был в записной книжке В.И. Ленина. Незадолго до Октябрьской революции она создала в помещении Василеостровского райсовета курсы по подготовке медицинских сестер. Работницы, окончившие курсы, вступали в отряды Красной гвардии и впоследствии шли на фронт красными сестрами. В октябре 1917 г. Гиляровой самой пришлось выехать под Пулковку, где в непосредственной близости от передовой она развернула пункт медицинской помощи. В 1919 г. работала на Украине в подполье, была арестована деникинской контрразведкой, но бежала.

В 1921 г. Гилярова родила дочь Лидию, ставшую впоследствии медиком (в годы Великой Отечественной войны Лидия служила в ленинградском госпитале в звании старшего лейтенанта медицинской службы).

В 1920-е гг. Е.А. Гилярова трудилась в органах Наркомпроса, в 1933 г. окончила философское отделение Института Красной профессуры, преподавала философию. В 1935 г. была исключена из партии и снята с работы «за связь со шпионом» К.С. Сырбом, но

уже в следующем году ее восстановили в партии. Это позволило ей устроиться редактором в ГИХЛ. В июле 1937 г. Гилярова была арестована, снова исключена из партии и после суда выслана в г. Бугуруслан. В ссылке в Бугуруслане, позже в Стерлитамаке преподавала литературу. Ее братья Павел и Николай, а также муж сестры Татьяны Е.А. Тер-Маркарьянц, работавшие в «Остехбюро», были расстреляны в 1938 г.³

В 1954 г. Гилярова вернулась из ссылки в Ленинград, в 1956 г. была реабилитирована, стала персональной пенсионеркой. Последние годы своей жизни писала воспоминания об октябрьских днях [2, с. 255–260; 7, с. 99–105; 16, с. 128–136; 17, с. 122–132, 454–460], о революционере Александре Круссере [4; 5], была составителем сборников, посвященных участию женщин в революции [7; 12]. Часть ее мемуаров, рассказывающих о семье, сестре Александре, пребывании на фронте Первой мировой войны, работе в Наркомпроме, обучении в аспирантуре Института Красной профессуры⁴, трагических событиях 1937 г.⁵, остается до сих пор неопубликованной.

Глава из воспоминаний Гиляровой публикуется по авторизованной машинописи, хранящейся в ЦГАИПД СПб (Ф. Р-4000. Оп. 18. Д. 355. Л. 44–50). Документ представляет собой машинопись с обильной авторской правкой чернилами, с подписью и датой на последней странице. Вся авторская правка учтена в публикации. Орфография и пунктуация приведены в соответствие с нормами современного русского языка.

Гилярова Елена Александровна

**Работа в органах печати с осени 1933 г. до начала 1936 г.
(Горлит и ГИХЛ)**

Перед окончанием ИКП в 1933^м году⁶ меня хотели направить работать в Горком КПСС, но я просила оставить меня только

³ Подробнее см.: *Блинушов А.* Истории политрепрессированных: семья Гиляровых. URL: <https://7x7-journal.ru/posts/2021/01/10/istorii-politprepressirovannyh-semya-gilyarovyuh> (дата обращения: 07.11.2021).

⁴ ЦГАИПД СПб. Ф. Р-4000. Оп. 18. Д. 355.

⁵ Фонды личного происхождения СПб НИЦ «Мемориал». Ф. Б-1. Оп. 1. Гилярова Елена Александровна // Электронный архив фонда Иофе. URL: <https://arch2.iofe.center/case/660#persons> (дата обращения: 07.11.2021).

⁶ Гилярова училась в аспирантуре Института Красной профессуры с 1930 по 1933 г. Институт Красной профессуры (ИКП) — специальное учебное заведение ЦК ВКП(б) для подготовки высших идеологических кадров партии и преподавателей общественных наук в вузах.

преподавателем в вузах — чтобы закончить начатую диссертацию⁷ (в эти годы ввели защиту диссертаций для получения ученых степеней). Мне ответили, что мне всё равно придется совмещать преподавание с деятельностью другого рода. И я получила осенью направление в Горлит⁸ — начальником сектора литературы и искусства. Директором сначала был тов. Орлов⁹, потом Кочергин К.И. (товарищ по ИКП)¹⁰.

Это был интересный период знакомства с писательской средой Ленинграда, где были и очень талантливые художники слова, с ними я встречалась не только иногда при прохождении печати через цензуру, но и бывала на всех собраниях писателей и даже 2 дня на I съезде писателей в августе 1934 года¹¹.

⁷ Гилярова писала диссертацию на тему «Социал-фашисты о государстве» (о работах Каутского, Кунова, Макса Адлера) под руководством профессора А.С. Айзенберга. Но защититься ей не удалось, так как большинство членов комиссии было репрессировано. После окончания ИКП Гилярова как преподаватель имела звание профессора; в 1946 г. ВАК выдал ей удостоверение старшего научного сотрудника (ЦГАИПД СПб. Ф. Р-4000. Оп. 18. Д. 355. Л. 40–41).

⁸ Имеется в виду ленинградское отделение Главного управления по делам литературы и издательств (Главлита), которое было создано в 1922 г. и вело вопросы цензуры произведений печати и радиовещания. В марте 1932 г. произошла реорганизация аппарата ленинградской цензуры: объединение Горлита и Леноблслита в ленинградский Облгорлит, в компетенцию которого входило и руководство районными отделениями цензуры.

⁹ Орлов Макар Александрович (1893–1937?, погиб в заключении) — до октября 1934 г. — начальник Горлита, в 1934–1936 гг. — директор Ленинградского отделения ГИХЛ.

¹⁰ Кочергин Константин Иванович (1901–1996) — с марта 1932 г. по октябрь 1934 г. работал заместителем начальника Леноблгорлита, а с октября 1934 г. по август 1936 г. начальником, одновременно выполняя работу начальника военной и иностранной цензуры. Закончил аспирантуру Института Красной профессуры в Ленинграде. Историк-философ, зав. кафедрой истории партии. В августе 1936 г. был исключен из рядов КПСС якобы за связь с врагами народа. Арестован 5 февраля 1937 г., осужден к пяти годам ссылки в Казахстан. Отбывал ссылку в Кокчетаве с семьей. См.: [18]; Электронный архив фонда Иофе. URL: <https://arch2.iofe.center/person/20124> (дата обращения: 07.11.2021); *Зеленов М.В.* Кочергин Константин Иванович. 1934–1937 // Открытый текст. Электронное периодическое издание. URL: http://opentextnn.ru/censorship/russia/sov/org/mestnaia/lenoblit/ma_nagers/?id=3892 (дата обращения: 07.11.2021); *Деревянко С.С.* Константин Иванович Кочергин (1901–1996), литератор, историк, редактор, цензор // Петербург-Классика. 2001. № 6 (82). С. 104; [К.И. Кочергин. Некролог] // Санкт-Петербургские ведомости. 1996. 23 окт. С. 23.

¹¹ Первый Всесоюзный съезд писателей проходил с 17 августа по 1 сентября 1934 г. За это время прошло 26 заседаний. На каких именно побывала Гилярова, выяснить не удалось.

В нашем секторе были 4 цензора по художественной литературе: Семенов¹², Тарасенков¹³, Козлова Любовь¹⁴, Рубин¹⁵. По искусству — всё больше по плакатам и т. д. (фамилий этих цензоров не помню).

Я распределяла присылаемые нам ГИХЛом¹⁶ (Государственным издательством художественной литературы) книги, рукописи, гранки, иногда в верстках, реже при переиздании апробированных книг — готовой книгой. Свое мнение цензоры докладывали мне (некоторые книги я сразу читала сама). Я или порой только санкционировала их вычерки, или отвергала их мнения.

К этим годам в разнообразных группировках, санкционированных на основе постановления ЦК от 24 года¹⁷, писатели в основном проявляли себя как подлинно советские авторы: Либединский («Накануне», «Комиссары»¹⁸), Маяковский (в Москве), сатирик

¹² Он, в частности, цензурировал «Избранные повести» М.М. Зощенко (Сов. писатель, 1937) [20, с. 260].

¹³ Тарасенков Анатолий Кузьмич (1904–1956) — советский литературовед, поэт и редактор, литературный критик, библиофил, обладатель крупнейшего собрания поэтических сборников XX в., которое после его смерти было взято за основу для издания библиографического труда «Русские поэты XX века» (М., 1966). В 1930-е гг. служил цензором Лениблгорлита.

¹⁴ Опечатка автора. Далее в тексте фамилия указана верно. Козлова — цензор Лениблгорлита. Упоминается в сборнике: [20, с. 260].

¹⁵ Об этом цензоре информации не найдено.

¹⁶ ГИХЛ — Государственное издательство художественной литературы, основано 1 октября 1930 г. в Москве на базе литературно-художественного сектора Госиздата и издательства «Земля и фабрика». В 1934 г. было переименовано в Гослитиздат. В 1937 г. с ним было объединено расформированное издательство «Academia».

¹⁷ Ошибка в дате. Имеется в виду постановление Политбюро ЦК РКП(б) «О политике партии в области художественной литературы» от 18 июня 1925 г., где были четко определены взгляды партийного руководства на основные вопросы литературной жизни: «...соотношение между пролетарскими писателями, крестьянскими писателями и так называемыми “путучиками” и другими; политика партии по отношению к самим пролетарским писателям; вопросы критики; вопросы о стиле и форме художественных произведений и методах выработки новых художественных форм; наконец, вопросы организационного характера. <...> партия должна высказываться за свободное соревнование различных группировок и течений. <...> недопустима декретом или партийным постановлением легализованная монополия на литературно-издательское дело какой-либо группы или литературной организации. <...> партия не может предоставить монополии какой-либо из групп, даже самой пролетарской по своему идейному содержанию» [3, с. 55–57].

¹⁸ Либединский Юрий Николаевич (1898–1959) — писатель и журналист, участник групп «Октябрь», МАПП, один из руководителей РАПП, был одним из тех, кого называли зачинателем советской литературы. Гилярова упоминает его повести «Комиссары» (1926), «Накануне» (1933).

Зоценко, Пришвин Н.¹⁹, А. Толстой, О. Форш, Н.С. Тихонов, Ю. Тынянов и др. Однажды писатель Козаков²⁰ высказал мне как мнение многих: «Мы все писатели — за построение социализма — зачем нам цензура?» Пришлось объяснять: «Руководство коммунистической партии признаете нужным? — Через редакцию и цензуру партия и руководит, через центр Горлита присылает нам по острым вопросам свои указания. Мы, иногда советуя исправить что-то или вычеркивая, предотвращаем резкую оценку книги после выхода ее. Помогаем вам».

В основном в это время шла борьба с «серой книгой». Случаи с запретом целого произведения были очень редки. Была снята пропущенная редакцией, помнится, повесть, где коровы и другие животные добились построения социализма²¹. Это не был жанр детской сказки, от эпической повести веяло иронией к социализму.

Велась борьба с натурализмом. Так, в одном произведении о морях²² полностью воспроизводилась многоэтажная матросская ругань. Когда мы ввели ее в рамки цензуры, автор жаловался, что из его книги «душу вынули».

Призыв в художественную (не просто мемуарную) литературу рабочих от станка давал разные результаты. Даже при помощи писателей или редакторов книга не всегда получалась интересной, художественной. Однако помню восторженный отзыв редактора, поддержанный мной, о готовящейся к изданию книге Н. Островского «Как закалялась сталь»²³, ставшей учебником жизни для молодежи и до настоящего времени.

...Еще в 20-е годы в оценках Наробраза бывали перегибы: например, — попытки найти вредную классовую сущность в детских

¹⁹ Описка автора — Пришвин Михаил Михайлович (1873–1954) — русский писатель.

²⁰ Козаков Михаил Эммануилович (1897–1954) — русский писатель и драматург. В 1920-е гг. входил в литературную группу «Содружество», в 1927 г. был одним из инициаторов создания кооперативного «Издательства писателей в Ленинграде», входил в его правление (в 1934 г. издательство было объединено с Московским товариществом писателей в издательство «Советский писатель»). В 1936–1940 гг. был главным редактором журнала «Литературный современник».

²¹ О каком произведении идет речь, неизвестно.

²² Название и автор произведения неизвестны.

²³ В апреле 1932 г. журнал «Молодая гвардия» начал публикацию романа, в ноябре того же года первая часть вышла отдельной книгой в издательстве «Молодая гвардия», в 1934 г. вышла вторая часть.

сказках Чуковского²⁴. Цензор детской книги т<оварищ> Чувычелов²⁵ и в 30-е годы жаловался, что их боятся даже переиздавать. А я охотно читала многие из них и покупала для дочери. Известна была резкая оценка В.И. Лениным²⁶ критической статьи К. Чуковского о романе Горького «Мать»²⁷, где Чуковский утверждал, что, увлекшись политической социализма (большевизма), Горький перестал быть художником.

При мне на собрании писателей К. Чуковский каялся: «Я, мол, детский писатель, а вообразил себя литературным критиком и сделал политическую ошибку в оценке романа “Мать”»²⁸.

Позже, в 1936 году, когда я перешла из Горплита в ГИХЛ (после исключения из партии — была восстановлена и приглашена директором ГИХЛа тов. Орловым в качестве старшего редактора отдела художественной литературы), я узнала, что К. Чуковский в трудном

²⁴ В ноябре 1927 г. Научно-педагогическая секция ГУСа (Главного ученого совета при Наркомпросе) запретила поэму К.И. Чуковского «Крокодил». Тон задавала Н.К. Крупская, руководившая Главполитпросветом (1920–1930). 1 февраля 1928 г. она опубликовала в газете «Правда» заметку «О “Крокодиле” Чуковского»: «Приучить ребенка болтать всякую чепуху, читать всякий вздор, может быть, и принято в буржуазных семьях, но это ничего общего не имеет с тем воспитанием, которое мы хотим дать нашему подрастающему поколению. <...> Я думаю, “Крокодил” ребятам нашим давать не надо, не потому, что это сказка, а потому, что это буржуазная мать» (цит. по: [25, т. 2, с. 609]). В этой же статье Крупская критиковала работы Чуковского о Н.А. Некрасове. К.Т. Свердлова, ближайшая соратница Крупской в Наркомпросе, входившая в ГУС, охарактеризовала произведения Чуковского как идеологию вырождающегося мещанства (*Свердлова К. О «чуковщине» // Красная печать. 1929. № 9–10*). См. об этом: Борьба с «чуковщиной»: Документы по истории литературы 20-х годов / Предисл. и публ. Е. Чуковской // Горизонт. 1991. № 3. С. 17–25.

²⁵ Чувычелов Дмитрий Иванович (1904–1970) — цензор, сотрудник Главплита, главный редактор, затем, в 1941–1959 гг., — директор Ленинградского отделения Детгиздата. Зловещая фигура в истории детской литературы. В конце 1930-х гг. был политредактором при ленинградской редакции Детгиза С.Я. Маршака. Именно по его доносам в 1937 г. редакция была разгромлена: арестованы Т.Г. Габбе и А.И. Любарская, сняты с работы Л.К. Чуковская и З.М. Задунайская (*Блюм А.В. Как громили «вредительскую группу» Маршака: доносы цензора Чувычелова // Мир образования. 1996: № 1. С. 72; [20, с. 262–266]*). О Чувычелове см.: *Любарская А.И. За тюремной стеной / Предисл. и коммент. А. Разумова // Нева. 1998. № 5. С. 168–171; Глоцер Вл. Вот какой Хармс! Взгляд современников // Новый мир. 2006. № 2. (Горгиевская С. Чрезвычайно светский человек); также — в воспоминаниях Л.К. Чуковской («Прочерк»), В.А. Каверина («Литератор: дневники и письма»), Е.Л. Шварца («Телефонная книжка»).*

²⁶ В статьях В.И. Ленина подобная оценка не обнаружена.

²⁷ В обзоре «Русская литература [в 1907 году]» Чуковский написал про М. Горького: «...этот талант вдруг стал адептом крошечной, узенькой, коротенькой мысли, которую он так вяло и безвкусно принялся пропагандировать в невозможной своей “Матери”» (Речь. 1908. № 1. 1 (14) янв.), цит. по: [25, т. 6, с. 555]). Вообще, в своих дореволюционных работах Чуковский часто критиковал Горького. Подробнее об этом см.: [26].

²⁸ Хронологическая ошибка. Чуковский был литературным критиком до революции, а при новой власти стал детским писателем. Его оценка романа «Мать» Горького была сделана еще до того, как он написал свои сказки для детей.

материальном положении — его «не печатают». — Орлов сказал мне, что писатель болен, и просил выяснить, может ли он без крупных изменений переиздать свою раннюю 20-х годов книгу о Некрасове²⁹. Орлов просил меня пересмотреть эту книгу и решить ее судьбу³⁰. Напомнил о революционном демократизме Корнея в 1905 году³¹, о близких связях его ранее со многими писателями (Горьким, Л. Андреевым, Маяковским), встречаясь <так!> с ними на своей даче «Чукоккале»³² и т. д.

Прочитав книгу, я убедилась, что 2 главы надо значительно переделать.

В одной главе о светских связях Некрасова, о прочтении им в Английском клубе приветственного стихотворения генералу Муравьеву-вешателю, новому губернатору Петербурга³³, — Чуковский называл Некрасова изменником своим прежним убеждениям революционера-демократа³⁴. Факт приветствия известен из биографии Некрасова, известно, что он допустил эту сделку с совестью в расчете

²⁹ Речь идет о книге: [24]. Чуковский — один из основоположников некрасоведения и крупнейший исследователь поэтического мастерства Некрасова. В начале 1920-х гг. им была предпринята научно-популярная серия «Некрасовская библиотека», в составе которой отдельными брошюрами были напечатаны очерки, вошедшие потом в книгу: [23]. Для переиздания 1930 г. книга была существенно переработана в связи с критикой Н.К. Крупской в 1928 г. его очерка «Поэт и палач». См.: [25, т. 8, с. 613–614].

³⁰ Книга Чуковского о Некрасове под редактурой Гиляровой не была издана. В 1936 г. в Детгиздате вышел сборник стихотворений с предисловием Чуковского [22], где утверждения, за которые критиковала Чуковского Крупская, были сглажены.

³¹ В 1905 г. Чуковский начал издавать сатирический журнал «Сигнал», однако после четырех выпусков издание было закрыто, а сам Чуковский попал под суд за «Оскорбление величества», однако был оправдан.

³² Имеется в виду Куоккала (фин. Kuokkala, ныне Репино) — поселок, входивший в состав волости Териоки Выборгской губернии. В начале XX в. Куоккала была популярным дачным местом у творческой интеллигенции Петербурга. Здесь находились дачи И. Репина, Л. Андреева, Н. Евреинова, К. Чуковского; здесь любили отдыхать М. Горький (дача «Линтула»), В. Маяковский и мн. др. «Чукоккала» — рукописный альманах К. Чуковского, ведшийся с 1914 по 1969 г. В нем оставили автографы и рисунки многие писатели и художники XX в.

³³ Муравьев (Виленский) Михаил Николаевич (1796–1866) — русский государственный, общественный и военный деятель при Николае I и Александре II. Граф (с 1865 г.). Участник Отечественной войны 1812 г., гродненский гражданский губернатор (1831–1835), курский гражданский и военный губернатор (1835–1839), гродненский, минский и виленский генерал-губернатор (1863–1865). Известен жестким подавлением польских восстаний в Северо-Западном крае, прежде всего восстания 1863 г. Губернатором Петербурга не был. В 1866 г. — председатель Верховной следственной комиссии по делу Д.В. Каракозова. Н.А. Некрасов, пытаясь спасти свой журнал «Современник» от закрытия, после обеда в Английском клубе продекларировал Муравьеву посвященные ему хвалебные стихи. На участие журнала и на отношении правительства к общественным деятелям в обстановке после покушения на императора этот поступок не повлиял, но испортил репутацию поэта.

³⁴ Гилярова пересказывает содержание очерка Чуковского «Поэт и палач».

предохранить от закрытия свой передовой журнал «Современник»³⁵. Революционная молодежь, масса студентов в эти годы отвернулась от Некрасова, а «Современник» все же был запрещен³⁶, хотя не сразу, а после журнала «Русское слово»³⁷. Незадолго до смерти Некрасов с болью писал: «Не торговал я лирой, но, бывало, неверный звук из лиры исторгала моя рука»... «За каплю крови, общую с народом, прости меня, о Родина, прости»³⁸. Поэтому факт политической ошибки сознательной сделки Некрасова нельзя было обобщать как полную измену идеям революционной демократии.

Мне пришлось посетить больного Чуковского на его квартире у Бассейной ул<ицы>³⁹. Через темноватый коридор я прошла в большую комнату, тоже затемненную, и увидела его в кресле, похудевшего, в халате, ноги лежали на шкуре медвежьей (кажется). Поздоровалась я, отрекомендовалась и села на предложенное кресло. Чуковский начал с расспросов, откуда я родом, где училась, жила. «А, значит, баба рязанская», — улыбнулся он. Тогда как раз прошел кинофильм о Рязанских бабах⁴⁰. Я расспросила о здоровье. Потом начался деловой разговор о книге.

Я начала с более существенной главы, где автор делал вывод, что Некрасов — кулацкий поэт⁴¹. Основывался он на поэме «Кому на Руси жить хорошо» — в главе «Пир на весь мир», где рисуется широкое хлебосольство богатого или зажиточного крестьянина, всех

³⁵ Литературный и общественно-политический журнал, основанный А.С. Пушкиным и выходивший в Санкт-Петербурге в 1836–1866 гг. Под редакцию Некрасова журнал перешел с 1 января 1847 г. Руководителями журнала с 1853 г. был также Н.Г. Чернышевский и с 1856 г. — Н.А. Добролюбов.

³⁶ «Современник» был закрыт 28 мая 1866 г. по Высочайшему повелению императора Александра II.

³⁷ «Русское слово» — ежемесячный журнал (1859–1866); основан в Петербурге как литературно-научный, с 1863 г. — литературно-политический. Изд.-ред. — гр. Г.А. Куселев-Безбородко, с 1863 г. — Г.Е. Благоветлов. Ред. — Я.П. Полонский и А.А. Григорьев, в конце 1859 г. — А.И. Хмельницкий, с 1860 г. — Г.Е. Благоветлов. В конце мая 1866 г. по Высочайшему повелению журнал был запрещен.

³⁸ Неточная цитата из стихотворения Некрасова «Умру я скоро. Жалкое наследство...» (1867). В оригинале: «Не торговал я лирой, но, бывало, / Когда грозил неумолимый рок, / У лиры звук неверный исторгала / Моя рука... <...> / За каплю крови, общую с народом, / Прости меня, о родина! прости!» [15, т. 2, с. 263].

³⁹ Последний ленинградский адрес Чуковского — Манежный переулок, дом 6, где он жил с 1919 по 1938 г. — находился недалеко от Бассейной улицы, которая с 1918 г. по настоящее время носит название: улица Некрасова.

⁴⁰ «Бабы рязанские» — советский фильм 1927 г. режиссеров О. Преображенской и И. Правова о жизни русской деревни.

⁴¹ Вероятно, имеется в виду очерк «Тарбагатай» (первоначальное название «Некрасов и деньги»), в котором Чуковский пишет о Некрасове: «Зажиточный мужик был его идеалом. Пышными и радостными красками описывал он эту зажиточность» [25, т. 8, с. 387].

зовущего на свой большой праздник; приводил он там и стихи о радостном труде крестьян — в хороший день — когда работа спорится и доставляет удовольствие, хоть, может, и на помещицьем поле⁴².

Я оспаривала его вывод, ссылаясь, во-первых, на значение обрисовки широкой русской природы, подчас так проявившейся и у зажиточного крестьянина; на возможность радости труда, трудолюбия народа; во-вторых, приводила другие стихи Некрасова о тяжелой доле крестьян и особо женской доле; а также об эксплуатации их помещиками и богачами из крестьянского рода.

Пришлось мне сделать вывод о необходимости переработки указанных двух глав; в некоторых остальных — о небольших изменениях. Корней Чуковский внимательно выслушал, не возражая. Кроме того, я сказала, что ценю стремление автора отчасти осветить художественные особенности поэзии Некрасова: «И было бы так хорошо, хоть и необязательно, расширить анализ эстетической формы стиха, ритма, рифм, звуковой стороны». Мы расстались после того, как он поблагодарил меня за посещение.

Прошло немного времени, и вдруг в нашу редакторскую комнату в ГИХЛе (сейчас — Дом книги на Невском⁴³) быстро вошел, даже «влетел» улыбающийся, бодрый Корней Иванович Чуковский. Восторженно сказал мне: «Правда» — центральная — заказала мне написать статью о «Некрасове». Я горячо поздравила его — подумала: «Прощен». К годовщине Некрасова появилась в «подвале» «Правды» его статья⁴⁴. А в 50-е годы я с интересом приобрела, прочла большую заново написанную книгу о Некрасове⁴⁵ — Корнеем Чуковским. В ней были интересные главы о художественном новаторстве великого писателя. Позже ему была оказана большая честь в Англии⁴⁶. Он, видимо, заслужил ее, но пришла мысль мне и о том, что этой

⁴² Возможно, ошибка мемуаристки. Чуковский в своей книге не рассматривает эти фрагменты из поэмы «Кому на Руси жить хорошо», а приводит схожие отрывки из поэмы Некрасова «Дедушка» (1870) о зажиточной деревне Тарбагатай: «Как там возделаны нивы, / Как там обильны стада! / <...> Сыты там кони-то, сыты, / Каждый там сытно живет» [25, т. 8, с. 387–388].

⁴³ «Дом книги» (Дом компании «Зингер») — здание в Санкт-Петербурге, расположенное по адресу: Невский проспект, д. 28. До 1917 г. здание принадлежало компании «Зингер». С 1919 г. в здании находился «Петрогосиздат», а в 1920-е – 1930-е гг. — и другие издательства. С 1938 г. в нем располагается «Дом книги».

⁴⁴ Чуковский К. Н. А. Некрасов: (К 115-й годовщине со дня рождения поэта) // Правда. 1936, 4 дек.

⁴⁵ Речь идет о книге: [21].

⁴⁶ В мае 1962 г. Чуковский ездил в Англию и участвовал в церемонии присуждения ему почетной степени доктора литературы Оксфордского университета *honoris causa*.

«честью» хотели подчеркнуть «незаслуженность» нанесенных ему «обид» в советской стране в прошлом.

Я высоко ценила творчество Б.А. Лавренева, его пьесу «Разлом»⁴⁷ смотрела дважды в Большом драматическом театре с актером Монаховым⁴⁸ в главной роли. Однако был в Горлите в 1935 году не очень приятный эпизод, при прохождении сборника (переиздания в основном) его рассказов⁴⁹. Цензор Козелова предложила снять из сборника рассказ <<Мир в стеклышке>>. Напоминаю его сюжет: В коммунальной квартире живут очень разные люди, есть бывшая фрейлина царицы, — теперь старушка, ее недоброжелательно чуждаются соседи; но живет здесь же молодая, любящая друг друга пара; помнится, комсомольцы, муж и его жена, красивая, но больная туберкулезом. Она пожалела одинокую старуху из «бывших», в чем-то оказала ей помощь. Когда молодая женщина умерла, а муж ее метался по организации похорон, бывшая фрейлина зашла к ним в комнату проститься с умершей, лежавшей уже в гробу, то поразились контрасту сохранившейся красоты умершей и бедности ее одежды и заплатанных туфель. В приливе благодарности она одевает ей на ноги свои бывшие бальные туфли — в которых когда-то танцевала в царском дворце (ее реликвия)⁵⁰.

Б.А. Лавренев заканчивает рассказ обращением к читателям⁵¹ быть человечными к обедневшим «маленьким людям», независимо от их положения в прошлом.

⁴⁷ В преддверии 10-летия Октябрьской революции ленинградский Большой Драматический театр (БДТ) обратился со специальным заказом к писателю и драматургу Борису Андреевичу Лавреневу (1891–1959) написать пьесу, на основе которой можно было бы создать на сцене грандиозное представление с большими массовками. Подробнее см.: [9].

⁴⁸ Имеется в виду спектакль режиссера К.К. Тверского «Разлом» по пьесе Б.А. Лавренева в БДТ (преьера состоялась 7 ноября 1927 г., художник М.З. Левин). Роль Годуна, 32-летнего председателя судебного комитета крейсера «Заря», в БДТ сыграл 52-летний Николай Федорович Монахов (1875–1936) — русский советский актер театра и кино, певец, артист оперетты, Народный артист РСФСР.

⁴⁹ Речь идет о книге: [10].

⁵⁰ Гилярова очень приблизительно пересказывает сюжет повести. В коммунальной квартире практически все жильцы — «бывшие» люди, в том числе молодая пара, которая переживает кризис в отношениях: героиня Леля влюбляется в соседа Бориса Павловича. Именно он после смерти Лели и ареста ее мужа организует ее похороны. В эпизоде с туфлями у бывшей фрейлины, которой не дано было стать матерью, проявляется чувство материнской нежности к покойнице, старушке кажется странным и несправедливым, что молодые умирают раньше, чем старики.

⁵¹ Автор имеет в виду следующие строки: «Вот вы, живущие в большом шумном мире, с раздвинутыми горизонтами, с несказанным и необъятным простором, любящие медную музыку грома и светочи мировых молний; вы, люди макрокосма, на мгновение взяли в руки, предназначенные для владения землею, маленький

Последнее обращение по-особому звучало в 1935 году, когда после трагической гибели С.М. Кирова в Ленинграде началась высылка⁵² не только бывших оппозиционеров — членов партии, но и беспартийных из состоятельных при царизме людей, подозреваемых в антисоветизме.

Я предложила сохранить рассказ в сборнике его сочинений, но снять обобщающее заключение. Объяснила, что случаи изменения психологии «бывших» людей вполне возможны, но широкие обобщения их невозможны, особенно в данной исторической ситуации. Об этом я и писала в отчете, экземпляр которого Горлит посылал всегда в ОГПУ, потом НКВД.

Сборник благополучно выдержал издание, рассказ «был спасен». Но потом редактор ГИХЛа тов. Друзин⁵³ рассказал мне (он знал, что у меня есть семья, дочь) о возмущении Б.А. Лавренева. Последний сказал: «Снять это заключение могла только черствая старая дева». Я улыбнулась. Но при встрече с ним на собрании писателей мы поздоровались по-обычному, я не сочла нужным объясняться.

Директор Института красной профессуры и начальник Главлита тех лет Борис Михайлович Волин (член КПСС с 1904 г.⁵⁴) однажды, приехав в наш Горлит, «чуть не вынес мне выговор», по его словам. В одготомнике Н.А. Некрасова⁵⁵ я, по сигналу цензора, сняла одно стихотворение⁵⁶. Некрасов в кратком (6 или 8 строк) стихотворении,

хрустальный шарик, и в нем заискрился перед вами крошечный, мной сотворенный микрокосм, игрушечный мир в стеклышке. / Но не бросайте презрительно хрустальную слезу. Вглядитесь! В мире, опалово отраженном и уменьшенном в стекле, жизнь творится по образу и подобию вашей, только в малых масштабах, для малых сердец. / Но и в нем, в мимолетном и фантазмагорическом мире в стеклышке, как и в вашей гигантской, нужной миру и перестраивающей его трудом и кровью, жизни, — есть вечные людские спутницы-сестры: любовь, ненависть, смерть...» [11, с. 65]. После 1931 г. в переизданиях повести это обращение к читателям вследствие вмешательства цензуры не воспроизводилось.

⁵² После убийства 1 декабря 1934 г. члена Политбюро, Оргбюро и секретаря ЦК ВКП(б) С.М. Кирова в Ленинграде начались массовые репрессии, обосновывавшиеся необходимостью «окончательного искоренения всех врагов рабочего класса». Всего в 1935 г. из Ленинграда и Ленинградской области были выселены 39 660 человек, 24 374 человек были приговорены к разным наказаниям.

⁵³ Друзин Валерий Павлович (1903–1980) — советский литературовед, критик и педагог, редактор.

⁵⁴ Волин Борис Михайлович (Иосиф Ефимович Фрадкин, 1886–1957) — советский ученый, журналист, партийный и государственный деятель. С 20 июня 1931 по 26 июня 1935 гг. — начальник Главлита, в эти же годы — директор Института красной профессуры, в 1935–1936 гг. — заведующий отделом школ ЦК ВКП(б), в 1936–1937 гг. — первый заместитель наркома просвещения РСФСР.

⁵⁵ Неясно, о каком сборнике идет речь; возможно, об издании: [14].

⁵⁶ Речь идет о стихотворных строках из письма Некрасова к М.Н. Лонгинову от 1 июля 1857 г. из Петергофа: «Наконец из Кенигсберга / Я приблизился к стране, / Где не любят Гутенберга / И находят вкус в говне. / Выпил русского настою, /

возвращаясь из-за границы, писал, что сразу на границе узнал свою Родину по словам ... дальше в рифмах стоят многоточия, но по ближайшей рифме соседней строки становятся ясным<и> нецензурные слова.

Конечно, в полном собрании сочинений, или, допустим, в много-томнике такое стихотворение должно иметь место; но это был одно-томник, который попал бы сразу в школы или был куплен родителями для подростков. Многие и щеголяли бы этим стихом наизусть. Я была вызвана в кабинет начальника Горлита (К.И. Кочергина), где объяснила тов. Волину свои мотивы; Кочергин меня поддержал. Но зато на заседании со всем составом Горлита Б.М. Волин солидно предупредил, что здесь сидят цензоры, независимо от пола, поэтому он будет, не стесняясь, называть слова (вместо многоточия), которые надо или не надо вычеркивать. Я подумала, что он решил «проучить» меня. В основном он говорил о борьбе с «серой» книгой в Москве в Главлите, одобрял у нас исторические романы А. Толстого и Ю.Н. Тынянова⁵⁷.

Действительно, перед этим мы — работники редакции и Горлита — были в гостях у еще молодого, умного писателя и критика Юрия Тынянова, первую книгу которого о Пушкине (после уже известных романов «Кюхля», «Смерть Вазир-Мухтара»⁵⁸) наши органы пропустили, и приветственно у него отпраздновали. К сожалению, он не закончил роман о Пушкине, скончавшись рано, в 1943 году.

Е. Гилярова
27 / III 78 г.

Литература

1. Блом А.В. Советская цензура в эпоху тотального террора. 1929–1953. СПб.: Академический Проект, 2000. 311 с.
2. В огне революционных боев (Районы Петрограда в двух революциях 1917 г.): Сборник воспоминаний старых большевиков-питерцев / гл. ред. Ф.Н. Петров. М.: Мысль, 1967. Вып. 1. 583 с.
3. Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) — ВКП(б), ВЧК — ОГПУ — НКВД о культурной политике. 1917–1953 / под ред. А.Н. Яковлева. М.: Международный фонд «Демократия», 1999. 868 с.
4. Гилярова Е., Иткис М. Александр Круссер (Ист.-биогр. очерк). Кишинев: Карта молдовеняскэ, 1962. 94 с.

Услыхал «е...а мать», / И пошли передо мною / Рожи русские плясать» [13, т. 14, кн. 2, с. 79].

⁵⁷ Речь идет об изданных Гослитздатом в Ленинграде романах А.Н. Толстого «Петр Первый» (кн. 1, 2, 1934) и Ю.Н. Тынянова «Пушкин» (ч. 1, 1936).

⁵⁸ Роман Ю. Тынянова «Кюхля» опубликован в 1925 г., «Смерть Вазир-Мухтара» — в 1929 г.

5. *Гилярова Е., Иткис М.* Боец ленинской гвардии [А.С. Круссер]. Кишинев: Картя молдовеняскэ, 1968. 143 с.
6. *Горяева Т.М.* Политическая цензура в СССР, 1917–1991 гг. М.: Фонд первого президента России Б.Н. Ельцина; РОССПЭН, 2009. 405 с.
7. Женщины города Ленина: Воспоминания и очерки / сост.: Е.А. Гилярова, М.Н. Попова, М.Я. Разумова, М.Г. Савченко. Л.: Лениздат, 1963. 408 с.
8. *Зеленов М.В.* Аппарат ЦК РКБ(б) — ВКП(б), цензура и историческая наука в 1920-е годы. Н. Новгород, 2000. 538 с.
9. *Иванов А.В.* Спектакль К.К. Тверского «Разлом» (Большой Драматический театр, 1927): сюжет, жанр, композиция, способ актерского существования // Манускрипт. Тамбов: Грамота, 2018. № 11 (97). Ч. 1. С. 143–148.
10. *Лавренев Б.А.* Избранное. М.: Сов. писатель, 1937. 549 с.
11. *Лавренев Б.А.* Мир в стеклышке // Пролетарий: Художеств.-лит. альманах. 1928, кн. 2. С. 5–65.
12. Ленинградки: Воспоминания. Очерки. Документы / сост.: С.Ф. Виноградова, Е.А. Гилярова, М.Я. Разумова. Л.: Лениздат, 1968. 415 с.
13. *Некрасов Н.А.* Полн. собр. соч. и писем: в 15 т. Л.; СПб.: Наука, 1981–2000.
14. *Некрасов Н.А.* Избранные стихи / под ред., с вводной ст. и коммент. В. Евгеньева-Максимова. [Л.]: Мол. гвардия, 1935. 403 с.
15. *Некрасов Н.А.* Полн. собр. стихотворений: в 3 т. Л.: Сов. писатель, 1967. (Библиотека поэта).
16. Октябрю навстречу: воспоминания участников революционного движения в Петрограде в марте-сентябре 1917 г. / сост. А.В. Гоголевский, З.В. Степанов; науч. ред. Л.М. Спирин; [вступ. ст. А.В. Гоголевского]. Л.: Лениздат, 1987. 398 с.
17. Петроград в дни Великого Октября: Воспоминания участников революционных событий в Петрограде в 1917 г. Л.: Лениздат, 1967. 550 с.
18. *Потемкин В.К.* Константин Иванович Кочергин (1901–1996) — заместитель и главный цензор Ленинграда в 1932–1936 гг. // История книги и цензуры в России. Третьи Блюмовские чтения. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2015. С. 222–248.
19. *Рейфман П.С.* Цензура в дореволюционной, советской и постсоветской России: в 2 т. М.: Пробел-2000, 2015–
20. Цензура в Советском Союзе, 1917–1991. Документы / сост.: А.В. Блюм; коммент.: В.Г. Воловников. М.: РОССПЭН, 2004. 575 с.
21. *Чуковский К.* Мастерство Некрасова / [предисл. авт.]. М.: Гослитиздат, 1952. 644 с.
22. *Чуковский К.* Некрасов Н.А. // *Некрасов Н.* Стихотворения. [М.; Л.]: Детиздат, 1936. С. 3–39.
23. *Чуковский К.* Некрасов: статьи и материалы. Л.: Кубуч, 1926. 394 с.
24. *Чуковский К.* Рассказы о Некрасове / [предисл. авт.]; с прил. ст. о поэзии Некрасова. 2-е изд. кн. «Некрасов». М.: Федерация, 1930. 315 с.
25. *Чуковский К.И.* Собр. соч.: в 15 т. М.: Terra-Книжный клуб, 2001–2009.
26. *Шерр Барри П.* «Две души» — М. Горький и К. Чуковский // Горький, Шмелев, Тэффи и другие. Юбилейный сборник к восьмидесятилетию Лидии Алексеевны Спиридоновой. М.: ИМЛИ РАН, 2015. С. 13–28.
27. *Ярмолич Ф.К.* Цензура на Северо-Западе СССР. 1922–1964 гг.: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2010. 209 с.
28. *Fainsod, M.* Censorship in the USSR — A Documented Record // Problems of Communism. 1956, vol. V, no 2, March-April. P. 12–19.

Research Article and Publication of Archival Documents

E.A. Gilyarova's Memoirs about her Censor' and Editor' Work

© 2022. Olga A. Simonova

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Abstract: The study of the history of censorship in the USSR attracts a large number of researchers, but publications of censors' memoirs are not so common. The memoirs of E.A. Gilyarova represent one of the most interesting periods of the Soviet press, i. e. the 1930s. The introductory article to the publication examines the significance of the censors' memoirs for the history of literature. A brief biographical note is given about Gilyarova, who, being a prominent Bolshevik, an employee of the People's Commissariat of Education, was repressed in the 1930s. Subsequently, she contributed to the study of the Bolshevik movement's history by publishing her memoirs and compiling several collections about the participants of the Revolution and the Civil War. In the being publishing memoirs, Gilyarova describes the internal routine of work in Gorlit, (the General Directorate for Literature and Publishing which carried out censorship in USSR), direct interactions with writers. The above episode with the B.A. Lavrenev' novel "The World in a Piece of Glass" shows how censorship changed the text: subsequently it was reproduced without the final author's conclusion. Also, Gilyarova remembers how she took off an obscene poem from Nekrasov's poetry collection. In the narrative about her work at the GIHL, Gilyarova pays the greatest attention to the figure of K.I. Chukovsky. She describes the editorial work on his book about N.A. Nekrasov, tells about the prohibition of Chukovsky's works at the turn of the 1920s — 1930s. The present text allows us to form a more comprehensive picture of the pre-War development of Soviet literature, to make conclusions about the influence of censorship and editorial interference factors on it and to show this influence on concrete examples.

Keywords: Censorship in the USSR, Editorial Work, Gorlit, GIHL, K.I. Chukovsky, N.A. Nekrasov, B.A. Lavrenev.

Information about the author: Olga A. Simonova — PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4802-7750> E-mail: osimonova@yandex.ru

For citation: Simonova, O.A. "E.A. Gilyarova's Memoirs about her Censor' and Editor' Work." *Literaturnyi fakt*, no. 1 (23), 2022, pp. 146–163. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-23-146-163>

References

1. Blium, A.V. *Sovetskaiia tsenzura v epokhu total'nogo terrora. 1929–1953* [Soviet Censorship in the Era of Total Terror. 1929–1953]. St. Petersburg, Akademicheskii Proekt Publ., 2000. 311 p. (In Russ.)
2. Petrov, F.N., editor. *V ognе revoliutsionnykh boev (Raiony Petrograda v dvukh revoliutsiakh 1917 g.): Sbornik vospominanii starykh bol'shevikov-pitertsev* [In the Fire of Revolutionary Battles (The Districts of Petrograd in Two Revolutions of 1917): A Collection of Memoirs of Old Bolsheviks from St. Petersburg], issue 1. Moscow, Mysl' Publ., 1967. 583 p. (In Russ.)
3. Iakovlev, A.N., editor. *Vlast' i khudozhestvennaia intelligentsiia. Dokumenty TSK RKP(b) — VKP (b), VChK — OGPU — NKVD o kul'turnoi politike. 1917–1953* [Power and Artistic Intelligentsia. Documents of the CK RKP(b) — VKP(b), VChK — OGPU — NKVD on Cultural Policy. 1917–1953]. Moscow, Mezhdunarodnyi fond “Demokratiia” Publ., 1999. 868 p. (In Russ.)
4. Giliarova, E., Itkis, M. *Aleksandr Krusser (Ist.-biogr. ocherk)* [Aleksandr Krusser (Historical and Biographical Essay)]. Chişinău, Kartia moldoveniaske Publ., 1962. 94 p. (In Russ.)
5. Giliarova, E., Itkis, M. *Boets leninskoi gvardii (A.S. Krusser)* [Fighter of the Lenin Guard (A.S. Krusser)]. Chişinău, Kartia moldoveniaske Publ., 1968. 143 p. (In Russ.)
6. Gorjaeva, T.M. *Politicheskaia tsenzura v SSSR, 1917–1991* [Political Censorship in the USSR, 1917–1991]. Moscow, First Russian President B.N. El'tsin's fond, ROSSPEN Publ., 2009. 405 p. (In Russ.)
7. *Zhenshhiny goroda Lenina: Vospominaniia i ocherki* [Women of Lenin's City: Memoirs and Essays], comp. by Giljarova, E.A., Popova, M.N., Razumova, M.Ja., Savchenko, M.G. Leningrad, Lenizdat Publ., 1963. 408 p. (In Russ.)
8. Zelenov, M.V. *Apparat TSK RKB(b) — VKP(b), tsenzura i istoricheskaia nauka v 1920-e gody* [Apparatus of the Central Committee of the RKB — VKP(b), Censorship and Historical Science in the 1920s]. Nizhnyi Novgorod, 2000. 438 p. (In Russ.)
9. Ivanov, A.V. “Spektakl' K.K. Tverskogo “Razlom” (Bol'shoi Dramaticheskii teatr, 1927): siuzhet, zhanr, kompozitsiia, sposob akterskogo sushchestvovaniia” [“K.K. Tverskoy's Play “Fault” (Bolshoi Drama Theater, 1927): Plot, Genre, Composition, Method of Actor's Existence”]. *Manuskript*. Tambov: Gramota Publ., no. 11 (97), pt. 1, 2018, pp. 143–148. (In Russ.)
10. Lavrenev, B.A. *Izbrannoe* [Selected Works]. Moscow, Sovetskii Pisatel' Publ., 1937. 549 p. (In Russ.)
11. Lavrenev, B.A. “Mir v steklyshke” [“The World in a Piece of Glass”]. *Proletarii: Khudozhestvenno-literaturnyi al'manakh*, book 2, 1928, pp. 5–65. (In Russ.)
12. *Leningradki: Vospominaniia. Ocherki. Dokumenty* [Leningradki: Memories. Essays. Documents], comp. by Vinogradova, S.F., Giljarova, E.A., Razumova, M.Ja. Leningrad, Lenizdat Publ., 1968. 415 p. (In Russ.)
13. Nekrasov, N.A. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 15 t.* [Complete Works and Letters: in 15 vols.]. Leningrad, St. Petersburg, Nauka Publ., 1981–2000. (In Russ.)
14. Nekrasov, N.A. *Izbrannye stikhi* [Selected Poems], ed., introd. and comm. by V. Evgeniev-Maksimov. Leningrad, Molodaia Gvardiia Publ., 1935. 403 p. (In Russ.)
15. Nekrasov, N.A. *Polnoe sobranie stikhotvorenii: v 3 t.* [The Complete Collection of Poems: in 3 vols.]. Leningrad, Sovetskii Pisatel' Publ., 1967. (In Russ.)
16. Spirin, L.M., editor, Gogolevskij, A.V., Stepanov, Z.V., compilers. *Oktiabriu navstrechu: vospominaniia uchastnikov revoliutsionnogo dvizheniia v Petrograde v marte-*

sentiembre 1917 g. [Towards October Revolution: Memoirs of the Revolutionary Movement's Participants in Petrograd in March-September 1917]. Leningrad, Lenizdat Publ., 1987. 398 p. (In Russ.)

17. Petrograd v dni Velikogo Oktiabria: Vospominaniia uchastnikov revoliutsionnykh sobytii v Petrograde v 1917 g. [Petrograd in the Days of the Great October Revolution: Memoirs of Members of the Revolutionary Events in Petrograd in 1917]. Leningrad, Lenizdat Publ., 1967. 550 p. (In Russ.)

18. Potemkin, V.K. “Konstantin Ivanovich Kochergin (1901–1996) — zamestitel' i glavnyi tsenzor Leningrada v 1932–1936 gg.” [“Konstantin Ivanovich Kochergin (1901–1996) — Vice- and Chief Censor of Leningrad in 1932–1936”]. *Istorii knigi i tsenzury v Rossii. Tret'i Bliumovskie chteniia* [History of Books and Censorship in Russia. The Third Blium Readings]. St. Petersburg, LGU im. A.S. Pushkina Publ., 2015, pp. 222–248. (In Russ.)

19. Reifman, P.S. *Tsenzura v dorevoliutsionnoi, sovetskoi i postsovetskoi Rossii* [Censorship in pre-Revolutionary, Soviet and post-Soviet Russia], in 2 vols. Moscow, Probel-2000, 2015– (In Russ.)

20. *Tsenzura v Sovetskom Soiuzе, 1917–1991. Dokumenty* [Censorship in the Soviet Union, 1917–1991. Documents], comp. by Blium, A.V., comm. by Volovnikov, V.G. Moscow, ROSSPEN Publ., 2004. 575 p. (In Russ.)

21. Chukovskii, K. *Masterstvo Nekrasova* [Nekrasov's Mastery]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1952. 644 p. (In Russ.)

22. Chukovskii, K. “Nekrasov N.A.” [“Nekrasov N.A.”]. Nekrasov, N. *Stikhotvoreniia* [Poems]. Moscow, Leningrad, Detizdat Publ., 1936, pp. 3–39. (In Russ.)

23. Chukovskii, K. *Nekrasov: stat'i i materialy* [Nekrasov: Articles and Materials]. Leningrad, Kubuch Publ., 1926. 394 p. (In Russ.)

24. Chukovskii, K. *Rasskazy o Nekrasove* [Stories about Nekrasov]. Moscow, Federatsiia Publ., 1930. 315 p. (In Russ.)

25. Chukovskii, K.I. *Sobranie sochinenii: v 15 t.* [Collected Works: in 15 vols.]. Moscow, Terra — Knizhnyi klub Publ., 2001–2009. (In Russ.)

26. Sherr, Barri P. “‘Dve dushi’ — M. Gor'kii i K. Chukovskii” [“‘Two Souls’ — M. Gorky and K. Chukovsky”]. *Gor'kii, Shmelev, Teffi i drugie. Jubileinyi sbornik k vos'midesiatiletiu Lidii Alekseevny Spiridonovoi* [Gorky, Shmelev, Teffy and others. Jubilee Collection for the Eightieth Anniversary of Lidia Alekseevna Spiridonova]. Moscow, IWL RAS Publ., 2015, pp. 13–28. (In Russ.)

27. Iarmolich, F.K. *Tsenzura na Severo-Zapade SSSR. 1922–1964 gg.* [Censorship in the North-West of the USSR. 1922–1964: PhD Thesis]. St. Petersburg, 2010. 209 p. (In Russ.)

28. Fainsod, Merle. “Censorship in the USSR — A Documented Record.” *Problems of Communism*, vol. V, no. 2, March–April, 1956, pp. 12–19. (In English)

Статья поступила в редакцию: 09.11.2021

Одобрена после рецензирования: 15.01.2022

Дата публикации: 25.03.2022

The article was submitted: 09.11.2021

Approved after reviewing: 15.01.2022

Date of publication: 25.03.2022

Новое об Артуре Хоминском (письма к М.П. Алексееву)

© 2022, А.Л. Соболев

Независимый исследователь, Москва

Аннотация: В статье впервые публикуются материалы творческого наследия Артура Сигизмундовича Хоминского (1888 — после 1917) из архива академика М.П. Алексеева. А. Хоминский — киевский поэт и прозаик, автор пяти сборников стихов и прозаической книги «Уют Дженкини» (1914). Он называл себя основателем «Общества А. Блока» в Киеве, но в собственных творческих экспериментах порой был гораздо радикальнее мэтра русского символизма. Вместе с М. Алексеевым, поэтом М. Рыльским он был организатором литературоцентричного кружка «Киевских антропофагов», существовавшего в 1914–1915 гг. Письма Хоминского Алексееву помогают раскрытию неординарной творческой личности автора и содержат интересный материал к характеристике киевской литературной жизни 1910-х гг. В приложении публикуются новые стихотворные и прозаические тексты А. Хоминского.

Ключевые слова: биография писателя, литературные общества и кружки, творческое наследие, литературный авангард 1910-х гг., А. Хоминский, А. Блок, М.П. Алексеев, публикация архивных документов.

Информация об авторе: Александр Львович Соболев — независимый исследователь, Москва, Россия. E-mail: trirodov@gmail.com

Для цитирования: *Соболев А.Л.* Новое об Артуре Хоминском. (Письма к М.П. Алексееву) // Литературный факт. 2022. № 1 (23). С. 164–181. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-23-164-181>

В заглавии этой заметки есть что-то тавтологическое: как любое движение с Северного полюса поневоле направлено на юг, так, по сути, всякие биографические сведения, сообщаемые о поэте Артуре Сигизмундовиче Хоминском, окажутся, за редким исключением, новыми. Предварительный очерк его жизнеописания был обнародован нами в 2013 г.: тогда удалось предварительно определить

год его рождения (1888), найти единственное его упоминание в педагогических летописях (он значился среди выпускников Киевской первой гимназии) и осторожно предположить, что он приходится внуком вологодскому губернатору С.Ф. Хоминскому [3, с. 388–393; 4, с. 187–193]. Тогда же были напечатаны два его письма к А.А. Блоку:

1.

Глубокоуважаемый Александр Александрович!

Простите меня за мою дерзость, но я, как молодой, начинающий поэт и основатель в Киеве скромного общества Вашего Имени — должен был рано или поздно обратиться к Вам, чьи стихи были для меня именно «Нечаянной радостью» в моей слишком серой и унылой жизни и пробудили во мне то щемящее и жуткое осознание тоски, которое мы, грустные избранники, чувствовали и чувствуем всегда при приближении Ее, Неуловимой и Вечно-Милой Софии, тысячи страниц я мог бы писать о том, чем Вы были для меня, что я пережил, читая Ваши книги, но зачем? Вы, может быть, не захотите пробежать взглядом и эти тихие строки, когда в жизни Вам расточали несравненно более хвалебные дифирамбы.

Тем не менее было бы для меня несказанным Счастьем получить от Вас хотя бы несколько строчек, хотя бы одну только подпись на белом листе — в ожидании еще сильнейшего Счастья, когда я, быть может, скоро явлюсь в Петербург выразить Вам лично свое <бес?>предельное¹ восхищение.

Остаюсь нижайшим из Ваших почитателей всегда в восторженном поклонении

Артур Хоминский

Почта Наровля Минской губ., ул. Наровля

3 февраля 1912.

[3, с. 390]

2.

Киев 13 марта 1912 г.

Глубокоуважаемый Александр Александрович!

Мне было очень тяжело встретить в Петербурге с Вашей стороны такое нежелание лично уделить мне несколько минут, тем более, что таковая встреча для Вас была бы не слишком обременительной (знал я, что Вы никого не принимаете, но полагал быть счастливым исключением т.к. наши письма друг другу могли бы оказаться силь-

¹ Текст оригинала поврежден.

нее болезни и „нелюдимости“ с Вашей стороны), для меня она была бы апофеозом лучших воспоминаний о Вас.

Но таковому свиданию не суждено было исполниться и, само собой разумеется, в дальнейшем никаких попыток к какому-либо общению предпринимать не буду, т. к. считаю Ваше обращение со мной странным и незаслуженным, если не сказать некорректным и диким.

Пребываю, как всегда, в совершенном почтении

Артур Хоминский.

[3, с. 390–391]

За прошедшие годы этот скромный набор пополнился двумя группами материалов. А.С. Слащева разыскала записи в метрических книгах, свидетельствующие о его крещении (так, кстати, была установлена точная дата: 5/17 января 1888 г.), а также впервые сообщающие имя его матери, Францишки Горватт, умершей через месяц после рождения сына². В 2018 г. Б. Цымбал на текстологической конференции в Москве обнаружил фрагмент мемуаров неназванного лица, где описывался литературный кружок «Киевских антропофагов», сложившийся вокруг юного М.П. Алексеева, будущего историка литературы и академика³: одним из основателей этого кружка был назван Хоминский.

В 2021 г. Александра Андреевна Поляновская, внучка М.П. Алексеева, разбирая семейный архив, пригласила автора этих строк взглянуть на материалы Хоминского, отложившиеся среди других бумаг, относящихся к киевскому периоду биографии фондообразователя. Вклад Хоминского состоял из пяти писем, нескольких книг с автографами, одного стихотворения и одного прозаического отрывка. Значение их для биографии поэта феноменально: даже не беря во внимание, что известный нам корпус его эпистолярия разом увеличился втрое, сам реестр сообщаемых в них сведений поистине бесценен: мы узнаем не только его киевские адреса (часть которых еще предстоит прокомментировать), но, например, впервые слышим о его пребывании на фронте или о роли дяди, богатого киевского домовладельца Э.А. Горватта, в его судьбе. Среди поневоле огорчительных последствий этого приращения данных — крепнущая убежденность в том, что 1917 г. он вряд ли пережил: доза морфия, упоминаемая в последнем из писем, если и не смертельна сама по себе, то явно свидетельствует о лавинообразно нарастающей наркотической зависимости.

² Сейчас все эти сведения внесены в превосходную статью о Хоминском в русской Википедии.

³ Текст доклада известен нам в пересказе А.С. Слащевой.

Материалы печатаются полностью, без изъятий. Письмо № 1 начертано на визитной карточке Хоминского (содержащей только фамилию и имя: без адреса и телефона); № 2 и 5 на бумаге верже прекрасной выделки; № 3 на бумаге в клетку большого формата; № 4 на листе тетради в линейку; тексты, печатаемые в приложении — на почтовой линованной бумаге. К эпистолярному комплексу примыкают хранящиеся в том же собрании четыре его книги: «Счастье» (Звенигородка, 1913), «Обман» (Звенигородка, 1913), «Моя осень» (Киев, 1914) и «Уют Дженкини» (Киев, 1914) с одинаковыми инскриптами «Дорогому другу М.П. Алексееву от автора», врученные в один день 17 декабря 1914 г.

Пользуемся случаем принести глубокую благодарность А.А. Поляновской за доступ к семейному архиву, А.С. Слащевой за консультации и Н.Б. Василевской — за помощь в расшифровке франкоязычного фрагмента.

А. Хоминский — М. Алексееву
1914 или 1915? Киев

Дорогой Михаил Павлович! Примите мои наилучшие пожелания (экз.)¹. Жалею, что не застал дома. Пришел к Вам проститься, т. к., ввиду невозможности дольше оставаться (деньги) в Киеве, уезжаю сегодня же в Чернобыль, где проведу несколько неопределенных дней, пока не начнется работа². Будьте добры, передайте О<бщест>ву К<иевски>х А<нтропофаго>в мой привет и пожелания³. Жму Вашу руку. До скорого и радостного свидания. Вам преданный Артур Хоминский.

Вероятно, буду на Горыне⁴. Попрошу С.В.Х.⁵

¹ Вероятно, имеется в виду экзамен или экзамены: в 1914 г. Алексеев закончил гимназию Киевского общества содействия среднему образованию (ранее гимназия В.П. Науменко) и поступил на историко-филологический факультет Киевского университета.

² Как следует из письма 3, Хоминский оставил свою состоятельную семью и зарабатывал на жизнь собственным трудом; никакие подробности нам неизвестны.

³ Таинственное, хотя и не вовсе безвестное киевское литературное общество. Кроме автора, адресата и еще нескольких лиц в него входил впоследствии знаменитый поэт М. Рильский, писавший в автобиографии 1914 г.: «В гімназії приятелює з Мих. Алексеєвим (тепер — дослідник історії літератури) та ін. З. Алексеєвим Рильський засновує напівжартівливе Т-во «антропофагів» — поетів, митців і т. п. Рильський — єдиний там представник української поезії — здебільшого мовчить, зате естетствують Вол. Маккавейський, Зуммер, Фореггер та інші» (Рильський М. Зібрання творів у двадцяти томах. Т. 19. Київ, 1988. С. 9).

Заятно, що назвине кружка зажило собственою жизнью, обрастая фантазийними подробностями, ср.: «Екстравагантні божевілля Бодлера принадними здались в свій час і для Р<ильського> й, подібно першому, покладавши радість свою в тому, щоб драгувати філістерське суспільство, й свою гордість, щоб здаватись одіозним, він запропонував в свій час гуртку літер. молоді м. Києва назватись антропофагами. Ми пам'ятаєм, як колись, років 8–9 тому назад, один студент розповідав нам про цей гурток київської л<ітератур>ної молоді, й свідчився, що в цьому гуртку антропофагів молоді гурмані, купуючи в Анатомічному] Театрі, людське м'ясо, заказують із нього котлети для своїх вечер» [2, с. 107].

⁴ Река, протекавшая по территории Волынской и Минской губерний.

⁵ Неизвестное нам лицо. Можно осторожно предположить, что это Синк<литокия?> Васильевна Хоминская, значащаяся в справочнике «Весь Киев» на 1916 г. в качестве жительницы д. 2/35 по ул. Павловской.

2. А. Хоминский — М. Алексееву

1915. Киев.

Дорогой Михаил Павлович!

Узнав от М.Н. Мухина¹, что Вы приехали, решаюсь воспользоваться Вашим любезным приглашением. Буду у Вас в 6 ½ час. вечера. Ваш А. Хоминский. 1915.

¹ Неизвестное нам лицо.

3. А. Хоминский — М. Алексееву

6 октября 1916. Киев

Адрес квартиры: Львовская 10, кв. 83¹,
для писем: Главная почтовая контора (на Крещатике)
до востребования.
Киев. 19.6.10.16.

Глубокоуважаемый Михаил Павлович — мой милый, молодой друг!

Письма, которые до него не дошли...

Целое сочинение, целая книга — не помню, какого автора². Здесь же только два-три послания, мною писанные. Они не были никогда на Фундуклеевской 52 кв. 17³.

Однажды я хотел обратить Ваше внимание на малознакомое сочинение Марлинского: (кажется, Вы работаете над ним⁴, «над» ли?): «Личность и творчество Михаила Алексева (1896 (?) – 1979)»⁵. Были весьма дельные замечания, обоснованные советы, и т. д.

Простите, если невосдеянно <sic!> скажу Вам «ты». За последнее время я пишу только «ей» одной:

«Но для тебя, для сильно милой,
Палаты, замки и миры
Из ничего я создал силой
Своей игры.
С тех пор к иному средоточью
Душа идет, в иной предел —
Пьянила радость, радость ночью...
Так я хотел!
Загадки, сказки и молитвы,
Слова восторженной хвалы —
Острой отточенной бритвы,
Острой иглы.
Тебе — восторги вдохновенья!
Узоры вязи неземной
И фантастические звенья
Тебе одной!»⁶

Нет цензуры, но есть доказательства, что именно я написал Уют Дженкини⁷.

Ах, Уют Дженкини! Я не знаю, со мной что делается! Все кричу о своем закате (Миранова⁸ беззакатная), что мой расцвет был 1909–1913, а вдруг в 1915 я, старая обезьяна, собака паршивая, дрянь абсолютная, последний из прохожих на мировой улице кончил 8-ой рассказ, написал великолепный по акции (действию, фабуле) и психологии 9-ый рассказ: «Там взлеты птиц в начале мая» и снова вихрем носятся образы для 10-го, последнего «Дженкинский лес и Дженкинский Уют»⁹. Будет апофеозом. Начинается так: девушка пела на реках, где темно. (Птичь?¹⁰ Горынь?) А кончается... Ах, какой конец цикла... Радостный, бриллиантово-сияющий. В тайниках Уюта было много-много сил, бездна жизнерадостности, живучести, счастья, как возможности.

Возможно, что последним не будет 10-ый, а 15-ый, 20-ый, т. е. что всю жизнь буду писать об Уюте, ведь я живу, чтобы грезить о нем, чтобы люди постигали невозможное. Моих переживаний не узнает никто, после моей смерти. Я совершенно бесплоден, как Зина Дорн¹¹ — она отдавалась всем, но детей не имела. Если есть дрянные Киевские поэты, читающие «под Хоминского», то нет никого, переживающего под него. Маккавейский¹² был абсолютно прав, когда называл меня: *Taedii Tubicen ultimus* (тоски бытия последний трубач) (в акростихе А-р Х-ий):

Арифмометр тревог, плененный хворой лирой,
 Работорговцу душ^I нетрезвого вчера^{II}
 Ты отвечал затем кивком главы двудырой,
 Усыновляя ложь. Бессилен веера
 Рдяных Аврор сокрыть за сукнами шатра
 Хамелеон Ноябрь, потом, где «сердцу сыро»,
 Отмежевав погост, ты все же тайно вырой
 Могилу для луны единой, что добра^{III}.
 И словно некий Лир, надев гнездо вороны^{IV}
 На голую^V главу, вменяя суете
 Скитальную искать дорогу в пустоте^{VI},
 Кочевья предпочтя несправедной короне^{VII},
 Ионовой судьбы не избежишь ироний
 И ты, во чреве тьмы взывавший о ките!

В. М-а-к-к-а-в-е-й-с-к-о-м-у — тоже 14255букв, *resp.*¹³ я отвечу ему сонетом (диагональным, амфибрахическим). И Вам М-и-х-а-и-л А-л-е-к-с-е-е-в. 6+8=14. А ей: Л-+-±-а Н-+-±-+-±-+-±-+-±-а. 4+10=14¹⁴. (+ = гласная, ± = согласная). Всякие «имя и фамилия» можно «подогнать» по 14. В «ее» случае вместо «святыцевого» имени надо взять уменьшительное.

И в письмах, и при встречах я Вам мог бы сказать много-много. Ведь с трудом (у меня все является последствием рассуждений) додумавшись до идеи общества, именуемого глупым именем «Антропофагов»¹⁵, общества несуществующего, Вами созданного (слава Вам) и Вами убиенного (стыд Вам), могущего, при легком аромате масонства (оно рождалось, *sic!*) и еще более легкой возможности «компилятивного усовершенствования», олицетворить, *resp.* дать намек, если не О.С.Н.П. (Общества Стояния на Перекрестках)¹⁶, то, во всяком случае, чего-то немножеченечко <*sic*> «внемирного»²⁵⁵— я радовался бы пьяной, несказанной радостью, расцвел бы «стыд-

^I Н. Mallarme (здесь и далее подстрочные примечания принадлежат А.С. Хоминскому).

^{II} 1854–1898.

^{III} Я не желаю рыть луне могилу, не желаю, да и только!

^{IV} Ого! я не согласен.

^V Глава, *resp.* башка у меня всегда стрижена под 000.

^{VI} Я бы сказал скитальные... к п–те.

^{VII} Эту фразу я понимаю так: загрязненному владению 4000+3900+2544/3 десятинами отцовских угодий я предпочел скитания в пределах бывшего Киевского генерал-губернаторства.

ливо раскрывающимся золотистым цветком»¹⁷, озарил бы и стал бы озаренным чрез людей, кем-то (В.М.¹⁸) названных «без воспитания, без средств и без таланта», а мною горячо любимых именно потому, что в них я видел сосенок, не «подрубленных под смолистый корень»¹⁹, а являющихся намеками, прообразами того, к чему я не могу прийти, ибо я слишком стар, 40 годами умом, опытом и *taedium*’ом старше вас всех, того, что я (подчеркиваю слово: «я») называю «воспитанием». На самом же деле «прекрасные возможности» сменились идиотской наркотизацией (*pantheon*’ную²⁰ радость я ревниво переживаю один, запершись, ибо радость = 10 рублям: одному 10 рублей, а, поделившись с кем-нибудь, уже каждому по 5255 рублей) и тем, о чем, в числе иных, я хочу Вам в настоящих бледных внутреннем смысле, фиолетовых снаружи, строчках сказать, очень прося Вас, глубокоуважаемый Михаил Павлович и дорогой друг, не обидеться и выслушать меня, т.е. принять мою платформу (о как люблю я это слово):

Я ненавижу, проклинаю то, отчего я стараюсь как можно реже с Вами видеться, то, что необходимо, по-видимому, при каждом визите к Вам, то состоящее из 7 букв (одно «н», два «а» — самого слова не скажу) понятие. Одним словом то, что было всегда, было вчера, и будет вечно. Видите ли, не сердитесь, я не слушаю указаний жизненных того круга людей, из которого происхожу (польское дворянство), но даже это последнее учит, что то, проклятое, не «принято». *Passé encore, si Vous étiez dans les mêmes conditions, que moi, c’est à dire, si Vous n’étiez pas marié — je pense, que Vous l’êtes, — si Vous n’aviez pas de parents — ça, c’est la chose principale — alors Vous auriez le droit de proposer a nous tous d’aller chez Francis. Mais, ayant en vue le status praesens <sic!> — ça me choque toujours terriblement, et pardonnez moi — voulez Vous bien me pardonnez, comment ai je l’audace de Vous le dire, mais, après tout, j’évite de regarder en face M-lle Nathalie Pavlovna, car, il me semble, qu’elle comprend ma position maladroite, resp. que je suis obligé de non refuser. Ni un quart d’heure de vains efforts de comprendre, pourquoi Vous voulez y allez, ni la colère elle même, en un mot rien ne peut m’expliquer, est-ce indispensable, est-ce que sans ça Vous n’etes pas visible ?.. Et puis, le coté pécuniaire de l’affaire! Je ne dis rien de vos hôtes, je ne suis pas dans leurs poches, et le contenu de leurs porte — monnaie’s ne m’interesse pas du tout, mais, voyez Vous, je me nourris maintenant par diverses combinaisons avec le Mont-de-Piété (ломбард), et, ayant une famille richissime, qui n’aime pas à penser à moi, resp. m’aider, j’ai une difficulté énorme de faire, comme Vous tous. Ça se voit, que je ne veux pas Vous voir portant toutes*

les dépenses quoique je proposais Vous rappeler vous; mais le mieux, c'est de ne pas le dire. Mais, si Vous êtes habitué a ça, et sans la chose, il vous est difficile de recevoir quelqu'un de Vos camarades, je tâcherai, pour l'avenir, de Vous voir en solitude, et de n'arriver jamais le jour, quand Vous avez quelqu'un chez soi. Encore, une fois, je Vous prie très humblement de me pardonner ma (on) hardiesse; pour cette cause j'ai déchiré maintes lettres, car, involontairement, j'accoste l'affaire, si inutile, si incompréhensible, si desagreable pour moi. Seulement, je voudrais savoir, est ce que ça Vous amuse, est ce que notre conversation reçoit quelque grain de sel, est-elle plus piquante, plus animée, plus spirituelle au... dehors²¹. I think, that your sweet-home is the best of all, that in your little room, full of books, our talking can be pretties, deepest... T-is enough!²²

В. Маккавейский не замечает других. Для меня ближняя личность дебри, в которых я люблю, слишком люблю блуждать. Именно, обоюдное «вытаскивание кишочек» души заставило сперва «ее» полюбить меня, затем затянуло меня. Именно затянуло. Ее слова: Ваша любовь ко мне затянула, а не захлестнула Вас. Конечно взаимным упрекам нет конца. Все письма уничтожены, но тянувшаяся с февраля «вязь» была кружевом, узором красоты несказанной, 29 % которой были для меня чувствами неопределенными. Из них-то началась моя любовь (ее из переживаний мистического свойства в ветреный летний вечер, когда низкие, свинцовые тучи плывут над закатными чарами вишневых садов; в прозрачности единственного октября, тихом и жутком умирании природы, которые (переживания) рождались из моих «совершенных» стихов, и в ее раннем отношении, перед моим длительным отъездом на фронт, чувство некоей безысходности заставило ее, тревожно подошедшую ко мне, жать и ломать мои руки. Пришла какая-то странная, непонятная, звериная душой, вошла в мою душу, забрала в ней все, уничтожила мою ежедневную правильность, расписание дня и породила в вечности не кончаемую работу для ума и роскошь для тела. Для меня, все, как казалось, пережившего, испытывавшего, знавшего, беспомощно встречавшего октябрь природы и души!

Примите выражения моих лучших к Вам чувств.

Артур Хоминской <sic!>.

¹ Этот адрес принадлежал Эдуарду Артуровичу Горватту, дяде Хоминского по материнской линии. Из его усадьбы в Наровле Хоминский в 1912 г. писал А.А. Блоку.

² Имеется в виду книга Э. фон Гейкинг «Письма, которые до него не дошли» — популярнейший в начале XX в. немецкий роман, вышедший анонимно (первое русское издание: СПб.; М., 1904).

³ Адрес квартиры Павла Петровича Алексеева, отца М.П. Алексеева, инженера-железнодорожника и крупного киевского домовладельца.

⁴ Алексеев действительно занимался в юности исследованием личности и творчества А.А. Бестужева-Марлинского (см.: [1, указат.]. Ср. в стихотворении М. Рылского: «А друг мой Миша Алексеев / Мне вслух Марлинского читал» (*Рылский М. Сочинения. М., 1962. Т. 1. С. 95; пер. Н. Ушакова*).

⁵ Хоминский любил подобного рода прогнозы, предсказав, в частности, себе в своем романе 1957 г. смерти. В действительности Алексеев прожил на два года дольше обещанного, скончавшись в 1981 г.

⁶ Вероятно, это собственное стихотворение Хоминский цитирует в романе: «И жизнь ему казалась роскошной сказкой, “у ног давно и сильно милой”» [4, с. 68].

⁷ Роман Хоминского (Киев, 1914).

⁸ Имя героини «Уюта Дженкини».

⁹ Оба этих текста нам неизвестны.

¹⁰ Река Минской губернии.

¹¹ Имя героини «Уюта Дженкини».

¹² Владимир Николаевич Маккавейский (1893 или 1891–1920?) — поэт. Довольно подробный обзор библиографии посвященных ему исследований собран в заметке о его прижизненных изданиях (URL: <https://lucas-v-leiden.livejournal.com/310409.html>). Приводимое ниже стихотворение печатается впервые.

¹³ От лат. *respective* — соответственно.

¹⁴ Диагональный акростих — весьма редкий тип русского стиха. Анонсированные Хоминским сонеты нам неизвестны, равно как и имя той, которую он обозначает инициалами Л.Н.

¹⁵ См. примеч. 3 к п. 1.

¹⁶ Еще одна отсылка к «Уюту Дженкини».

¹⁷ Источник цитаты не установлен.

¹⁸ Вероятно, тот же В.Н. Маккавейский.

¹⁹ Из «Песни про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» Лермонтова.

²⁰ Применявшееся в медицине наркотическое вещество на основе алкалоидов опия.

²¹ Добро бы, Вы находились в тех же условиях, что и я, то есть не были бы женаты (а я думаю, вы женаты) и не имели бы родителей — это принципиальная вещь — тогда Вы имели бы право позвать всех нас к Франсис. Но, учитывая [мое] нынешнее положение — это меня по-прежнему страшно оскорбляет — и, простите меня, пожалуйста, простите, что я осмеливаюсь Вам это сказать, но, после всего, я избегаю смотреть в лицо Наталье Павловне, поскольку мне кажется, что она понимает неловкость моего положения и то, что я вынужден соглашаться. Ни четверть часа тщетных попыток понять, почему вы хотите туда пойти, ни сама по себе ярость, одним словом, ничто не может объяснить мне, почему это необходимо — или без этого Вы невидимы? А потом еще денежная сторона дела. Я ничего не говорю о Ваших гостях, я не лазал по их карманам и вовсе не интересуюсь содержимым их кошельков, но, видите ли, ныне я пробаляюсь исключительно перегонами с участием ломбарда, хотя и имею богатейшую семью, не желающую думать обо мне, *gesp.* [соответственно] помогать мне — и мне невероятно трудно жить так, как все Вы. Конечно, я не хотел бы переложить все расходы на Вас: впрочем, лучше не говорить об этом. Но если Вы привыкли к такому и без этого Вам трудно принимать кого-то из своих товарищей, я буду стараться в будущем заставить Вас в одиночестве и никогда не приходить, когда у Вас есть кто-то дома. Еще раз смиренно прошу Вас простить мне мою смелость;

по этой причине я порвал множество писем, поскольку невольно я узнал о чем-то, столь бесполезном, непостижимом и неприятном для меня. Только я хотел бы знать, может быть, Вас это забавляет, а наша беседа приобретает какую-то изюминку, становится пикантнее, живее, одушевленное... за дверями дома (*фр.*). Не все реалии этого отрывка поддаются комментарию: так, мы не знаем Франсис (хотя по аналогии с одноименным парижским заведением можем предположить существование киевского «chez Francis», не попавшего в адресные книги). Наталья Павловна Алексеева (в замуж. Горбунова; 1898–1998) — театральная художница, сестра М.П. Алексеева. В своих ненапечатанных воспоминаниях она кратко упоминает о дружеском кружке брата: «В саду собирался студенческий клуб, здесь стоял садовый стол и 3 скамьи, где собирались друзья Миши и занимались своими увлечениями, литературными спорами. Лучший друг Миши Максим Рильский, впоследствии известный украинский поэт. Другой друг Андрей Грабар, впоследствии профессор Парижского университета. Бывали здесь и знаток литературы Саша Попов, и скульптор Хижняк, и пианист Гольдштейн, и много других друзей. Говорили и горячо спорили о литературе» (собр. А.А. Поляновской).

²² Я думаю, что ваш милый дом лучше всего, и что в вашей маленькой комнате, полной книг, наши разговоры могут быть самыми лучшими, глубокими... Этого достаточно (*англ.*).

4. А. Хоминский — М. Алексееву

10 февраля 1917. Киев

Глубокоуважаемый и дорогой Михаил Павлович!

Не откажите, горячо Вас прошу, принять от меня официальное доказательство моего Вам долга — вексель на 25 рублей — сумму, которую, верьте, я Вам, действительно, должен до близкого времени, когда с благодарностью смогу Вам ее отдать.

Горват¹, которого я во время его краткосрочного пребывания в Киеве не видел, распорядился выкупить из ломбарда на его счет наинужнейшие мои вещи (зимнее пальто, белье, костюм), но денег для меня не передал. А это хуже всего. К тому же свободной комнаты в его доме для меня нет, и я нечеловеческими усилиями должен оплачивать номер в гостинице по 2 руб. в сутки.

У меня в целости и сохранности находится Ваше, одолженное мне, пальто. Оно мне очень-очень нужно сейчас. (Действительно). Если Вы прикажете Вам его сейчас отдать — я это сделаю, но, если Вам оно не к спеху нужно, то прошу подождать. Когда оно Вам будет нужно?

Об этом покорнейше Вас прошу известить меня по адресу: Киев, Главная Почтовая Контора (на Крещатике) до востребования Артуру С. Хоминскому.

Остаюсь в наиболее горячих к Вам чувствах Артур Хоминский.
Киев 19.10.2.17.

P.S. Придется ли мне когда-нибудь работать у Вас (библиотека)?

<Приложение:>

Вексель на 25 руб.

Город Киев 9-го февраля 1917-го года.

По сему векселю повинен я заплатить Михаилу Павловичу Алексееву, или кому он прикажет, двадцать пять рублей (25 руб.) в срок им, М.П. Алексеевым, назначенный.

Артур Сигизмундович Хоминский

¹ Почти наверняка — Э.А. Горватт (см. примеч. 1 к п. 3).

5. А. Хоминский — М. Алексееву

3 мая 1917. Киев

Киев, Львовская 10 кв. 79

19.3.5.17.

Глубокоуважаемый и дорогой Михаил Павлович!

Получив настоящее письмо, Вы меня проклянете... Но что ж? Наиругательнейшие слова все же будут слишком слабыми. К величайшему прискорбью, я должен сознаться, что невольно я Вам нанес огромный урон. От сегодняшнего дня постараюсь как-нибудь его возместить.

У меня, вместе с другими вещами (квитанция ломбардная на одеяло, белье и т.д.) украли Ваше пальто! В период, когда мое жалкое имущество путалось между Львовская 5, Караваевская 18 и местечками (я забыл название) в Подольской и Волынской губ., когда отсылали, переносили и т.д. мои вещи, исчезло оно. Не знаю, какими словами я должен у Вас просить прощения, умоляю на коленях Вас не предавать этот случай огласке, ибо он может получить тягостное для меня толкование. Клянусь Вам, его у меня украли, (благодаря моей рассеянности, безалаберности). Я глубоко виноват перед Вами, не могу заслужить извинения. Назначьте цену — если не хотите, я уже назначил и буду частями высылать Вам — первый взнос пошлю завтра. Прошу у Вас прощенья, и быть может, чем-нибудь смогу загладить свою вину перед Вами.

Я не могу говорить о внешнем, о мировом, оно слишком ужасно. Ждать, только ждать.

Михаил Павлович! Не встречайтесь со мной, а если увидите, то назовите подлецом и плюньте в рожу. Я — беспредельный подлец, ибо волнами 2-х % раствора опиатов я залил огонь, некогда горящий в груди, уничтожил бессмысленно эту «вышину исключительных сверхчеловеческих переживаний», на которую всходила моя тре-

вожная душа. А если в такие незабываемые минуты и оставалась частичка моего физического, обыденного я, то мне было страшно. Кружилась голова на такой высоте.

Теперь «низкие, свинцовые тучи над закатными чарами вишневого сада»¹ — для меня ничто. Михаил Павлович! Вы молоды, знаете ли Вы эту жуткую тревогу в пасмурный день, невыразимое, сладчайшее ощущение, дуновение чего-то, неизмеримо давно забытого, когда уткнешь лицо в красное сукно (Уют Дженкини, стр. 88) и нюхаешь запах дороги, ожидания, прохладной, широкой лестницы и золотого, никогда не существовавшего детства...?

Все умерло, все кончено. Остались morphine muriatici 0,8 pro die², сознание бесцельности, и стыд. Я плачу.

Все кончено. Что делать? Биться, кричать, умолять, чтоб меня ударили, каяться, иль дальше тянуть цепь неспрадных дней, впрыскивать и молчать, молчать без конца? Что делать?

Простите, если можете, простите. Я могу пойти к кому угодно, но как меня встретят? А Вы, Вы, Вы «это» знаете?

¹ Вероятно, автоцитата. Эта же фраза встречается и в письме 3, и в печатаемом ниже прозаическом фрагменте.

² Соли морфия... в течение дня.

Приложения

* * *

Тайная, тихая, темная
Ты под туманным плащом
Жизнь бесконечно бездомная
Сон о великом ничем.

Годы не двинутся заново
Молодость канет, дразня
Нежная Diva — Миранова¹
Ты убаюкай меня.

Под золотой диадемою
Темная ночь залегла
Душу влекла ты во сне мою
Пламенем дивным сожгла

В лунных полях необъятности
Дремлет Дженкинский Уют
Где о твоей беззакатности
Хором согласным поют.

Весь озарен небылицами
Мертвенный зритель пути
Месяц двурогий над птицами
Знаю, мне надо идти.

Ночью, стеною безвольною
Вдаль по лесистым горам
Где над тоской колокольною
Непочивающий храм.

Дышит предвечною усладою
Синяя сень алтаря,
Над золотой анфиладою
Грустно восходит заря.

Тихая радость забудется,
Нету ни песен, ни слов,
О неужели не сбудется
Мир голубеющих снов?

Ночью, в бреду, у истока я
Знаю, клянусь и люблю,
Только прими, темноокая,
Эту молитву мою.

* * *

Вообще, это было бессмыслицей.

Дома, нагроможденные, чтобы забыть пламенную цель слияния с природой, а над ними — царящее «понятие об абсолютно собачьем холоде».

Я жил напротив зоологического сада и порой наслаждался воздушным и детски-наивным обманом.

Тоскливыми вечерами на решетки под высокими и спокойными соснами не садились летние павлины — одни лишь неясности прилетали откуда-то из глубины мертвых садов и траурно перекликались со своими подругами — вечными узницами.

Была надпись: Ulula v. Sygnium aluco², дар такого-то, и дальше: просят не кормить и не беспокоить животных.

На уклонях серыми пластами лежала странная, тоскливая жуть. Она не таяла от лучей солнца. Солнца не было, свивались неозаренные дни.

Недалеко от выхода вновь начинались проблески города, отвратительные, низенькие домики, чуть-чуть видные из моего окна. В одном из них по недоразумению поместилась мастерская часовщика. В окнах красовались дешевые до смешного будильники с музыкой, местной работы. Вверху пьяная рука присяжного маляра изобразила на жести часы, каких теперь никто не носит. Стрелки, во вкусе 18-го века, показывали 27 минут второго... 27 минут второго чего? дня или ночи?

От них пролегалась серая нить к моим кошмарам.

Мне снились каменные площадки, одна над другой. Они соединялись по ветру качавшимися лестницами, и, задыхаясь, царапая ногтями по мертвому граниту, я взбирался наверх, чтоб отыскивать каких-то товарищей, никогда не существовавших политехников. И люди, принимавшие меня за вора, сильно и долго хохотали внизу.

И вдруг — великолепный Grand Hotel. Двое шикарных юношей приглашали меня к себе. С ними я говорил без конца о правильных осмысленных утренних занятиях и, приходя на другой день, узнавал, что нас всех заключают в тюрьму за кражу часов, где стрелки застыли на 27-ми минутах второго. Воры! ах, опять воры!

Я просыпался, тревожно глядел на свои, потом на те, далекие, часы и везде улыбалось то же неумолимое, жестокое время.

Широко-открытыми глазами глядя в полумрак, я дожидался утра, такого, как и раньше, и знал, что где-то, в степи, под саваном грустных снегов, скучают обрывы и, громыхая цепью, томится лихой волкодав.

Наступал день.

За стеной моей комнаты влюбленная в современность курсистка тихо декламировала стихотворение — пролет Сологуба:

Ты печально блистала
Среди ярких подруг...³

.....

Она читала только для себя. И казалось, что за этим стихотворением в сборнике должно следовать что-то еще более совершенное. И действительно, это было великолепное: Звезда Маир...⁴

Мне доставляло мучительно острое наслаждение часами лежать в одиночестве и грезить о былых годах моей молодости, отошедшей в вечность.

О приволье необозримых лесов, плавающих в прозрачной осиянности осеннего дня, где в жуткой тишине я погружался, спешил, задыхаясь с бьющимся сердцем, чтоб встретить ту, которая должна была прийти из синевы этого единственного октября и убаюкать меня дремотной истомой свершившегося чуда.

Я знаю, она придет; я каждую осень торопливо ишу ее по лесам, по холодным утчным заводям, по откосам, там где слишком ранние утреннички раскинули свое легкое, играющее серебро.

Я грезил о летних вечерах, то ветреных, когда низкие, свинцовые тучи плывут над закатными чарами вишневых садов, то фиолетовых до невозможного, когда из-за скалистых берегов над рекой, великолепно, как на картине, поднимается громадная луна, такая ясная, такая золотая... Кажется, она это делает нарочно.

В моих воспоминаниях мелькали однообразно серые люди. Я их не люблю... Они ушли в трясины быта, которого не надо, потому, что все загадки давным-давно решены.

Но природа отомстит, восторжествует над человеком. Она заманит его в безбрежный простор, в чистое поле и там доконает, в конец изведет мукой несказанной, лаской нежно-жестокой, как счастьем сознания о свершившемся чуде...

Киев. 4-го марта 1915.

Листы в самодельной обложке, на которой рукой автора написано: «В редакцию журнала “Геммы” от Артура Хоминского (Михайловский проулок 28 кв. 14)». Журнал этот в свет не вышел.

¹ См. примеч. 8 к п. 3.

² Неясность.

³ В оригинале «Ты печально мерцала...».

⁴ Сологуб много и охотно менял композицию своих сборников, благодаря чему легко выяснить, какой из них был в руках героини: стихотворение «Звезда Маир сияет надо мною...» следует после «Ты печально мерцала...» лишь в первом томе собрания сочинений — либо издательства «Шиповник» (СПб., [Б. г.]), либо издательства «Сирин» (СПб., 1913).

Литература

1. Михаил Павлович Алексеев. [Биобиблиография ученых АН СССР] / вступ. ст. Ю.Д. Левина; библиография составлена Г.Н. Финашиной. М.: Наука, 1972. 128 с.
2. *Петров В.* Розвідки: у 3 т. / упорядкування, передмова та примітки: Вячеслав Брюховецький. Київ: Темпора, 2013. Т. 1. 594 с.
3. *Соболев А.Л.* Летейская библиотека. М.: Трутень, 2013. Т. I: Биографические очерки. 496 с.
4. *Хоминский А.* Возлюбленная псу. Полн. собр. соч. / изд. подгот. А.Л. Соболев. М.: Водолей, 2013. 200 с.

Research Article and Publication of Archival Documents

New Materials about Arthur Khominsky (His Letters to Mikhail P. Alexeev)

© 2022. Alexander L. Sobolev
Independent researcher

Abstract: Arthur Sigismundovich Khominsky (1888 — after 1917) was a Kyiv poet and prose writer, the author of five poetry collections and a prose book “The Comfort of Jenkin” (1914). He called himself the founder of the “Alexander Blok Society” in Kyiv, sometimes being more radical in his own creative experiments than Russian symbolism Maitre. Together with Mikhail P. Alexeev and the poet Maxim F. Rylsky they organized the literary group “Kyiv Anthropophages”, which existed in 1914–1915. The article and comment are attached to the publication of Arthur Khominsky’s creative heritage from the archive of Alexeev who became an Academician later. Hitherto unknown Khominsky’s letters to Alexeev as well as his poetic and prose texts not only help to complete his image as an extraordinary author but contain interesting facts about literary life of the 1910s.

Keywords: writer’s biography, literary societies and groups, creative heritage, literary avant-garde of the 1910s, Arthur Khominsky, Alexander Blok, Mikhail P. Alekseev, publication of archive documents.

Information about the author: Alexander L’vovich Sobolev — independent researcher, Moscow, Russia. E-mail: trirodov@gmail.com

For citation: Sobolev, A.L. “New Materials about Arthur Khominsky (His Letters to Mikhail P. Alexeev).” *Literaturnyi fakt*, 2022, № 1 (23), pp. 164–181. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-23-164-181>

References

1. *Mikhail Pavlovich Alekseev. (Biobibliografiia uchenykh AN SSSR)* [Mikhail Pavlovich Alekseev. (Biobibliography of Scholars of the Academy of Sciences of the USSR)], introd. by Iu.D. Levin; bibliografy compiled by G.N. Finashina. Moscow, Nauka Publ., 1972. 128 p. (In Russ.)
2. Petrov, V. *Rozvidki: u 3 t.* [Explorations: in 3 vols.], vol. 1, comp., foreword and notes by V. Briukhovets'kii. Kiïv, Tempora Publ, 2013. 594 p. (In Ukrainian)
3. Sobolev, A.L. *Leteiskaia biblioteka [Lethan Library]*, vol. I: Biograficheskie ocherki [Bibliographical Essays]. Moscow, Truten' Publ., 2013. 496 p. (In Russ.)
4. Khominskii, A. *Vozliublennaia psu. Polnoe sobranie sochinenii [Beloved to a Dog. Complete Works]*, ed. prep. by A.L. Sobolev. Moscow, Vodolei Publ., 2013. 200 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 09.12.2021
Одобрена после рецензирования: 15.01.2022
Дата публикации: 25.03.2022

The article was submitted: 09.12.2021
Approved after reviewing: 15.01.2022
Date of publication: 25.03.2022

Литературный факт.
2022. № 1 (23)

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 1 (23), 2022

Научная статья
УДК 821.161.1.0
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-23-182-217>

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

«Старик Патрикеич». Введение в культурную биографию «шинельного пиита» конца XVIII – начала XIX в. *

© 2022, И.Ю. Веницкий

Аннотация: В статье устанавливается реальный адресат сатирического послания Д.И. Фонвизина к бездарному пииту Ямщикову (конец 1770 – нач. 1780-х гг.) и реконструируется литературная легенда этой колоритной личности, рассматриваемая в контексте культурной истории образа низового стихотворца, навязывающего свои творения богатым и влиятельным патронам. В научный оборот вводится не известная до сих пор драма Тимофея Патрикеевича Ямщикова под названием «Постоянная любовь с курантами Скворца. Курьёзно-сурьёзная драма», впервые поставленная в Санкт-Петербурге в 1796 г. В конце XVIII – начале XIX в. цитаты из этого произведения приводились современниками как примеры «апофеоза глупости», а сама фигура «старика Патрикеича» стала комическим символом поэтического безобразия. Текст комедии даёт нам уникальную возможность услышать голос самого Ямщикова, сформулировавшего в ней творческое кредо «маленького автора», осмеиваемого представителями литературной элиты. Факт существования сочинителя Патрикеича перестраивает наше представление о социальной структуре и динамике русской литературы XVIII – начала XIX вв., вводя в последнюю образ поэта-гаера — вдохновенного армейского виршеплета, несущего в мир свое простое слово.

Ключевые слова: Д.И. Фонвизин, П.А. Вяземский, Тимофей Патрикеевич Ямщиков, Матвей Хуйдашев, «шинельные стихотворцы», «антипоэзия», литературные полемикки конца XVIII – первой трети XIX вв.

Информация об авторе: Илья Юрьевич Веницкий — доктор филологических наук, профессор русской литературы, Принстонский университет, Princeton, NJ 08544, США, бывший сотрудник Гоголевской группы Ю.В. Манна.

Для цитирования: Веницкий И.Ю. «Старик Патрикеич». Введение в культурную биографию «шинельного пиита» конца XVIII — начала XIX в. // Литературный факт. 2022. № 1 (23). С. 182–217. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-23-182-217>

* Выражаю искреннюю признательность Ольге Краевой, Кириллу Зубкову, Алексею Балакину, Константину Лаппо-Данилевскому, Екатерине Ляминой и Татьяне Артемьевой за помощь в реализации этого проекта.

*Дед Патрикеич стишки написал,
Эти стишки он в Пушкидом отослал.
Бросили их, не читая, в окно —
Дедушка старый, ему все равно.
(Народный филологический стишок)*

*В каком-то доме был Скворец,
Плохой певец...
(И.А. Крылов)*

«Эффект Кабанова». Зачин

В книге о культурном значении русской «антипоэзии» (то есть поэтических текстов, считавшихся законодателями и хранителями литературных вкусов верхом бездарности и глупости) и ее символическом «короле», стихо- и рифмолюбивом графе Дмитрие Ивановиче Хвостове (см.: [7]), я привел свое студенческое воспоминание, которое, как мне представляется, уместно повторить в зачине предлагаемой работы. Однажды мы с другом, будущим плодовитым писателем А.В., попали на вечер художественной самодеятельности в подмосковном доме отдыха, где работала бабушка А.В. Публика была в основном пожилая, а программа типичная для таких культурных мероприятий: аккордеон, народный танец, хоровая цыганочка и незатейливые фокусы. В общем, было довольно скучно. Но тут объявили новый номер — чтение собственных стихотворений очень немолодого отдыхающего, которого ведущий представил коротко и несколько фамильярно: «Старик Кабанов!»

На сцену вышел добродушный дедушка, лукаво подмигнул своим ровесникам и ровесницам и начал читать без бумажки навсегда запомнившиеся мне вирши:

Я пошел сегодня в лес,
В лесу видел много чудес.
Там встретил одну старушку —
Мою очень давнюю подружку.
Потом мы с ней пошли обедать,
Потому что больше было нечего делать.
А потом мы увидели Анну Петровну
И побежали от нее подобру-поздорову,
И будем мы рады и счастливы до разъезда,
Пока не проглотит нас городская бездна, и т. д.

Публика, включая директора дома отдыха Анну Петровну, была в восторге и долго ему хлопала. После концерта мы с другом встретили этого автора в коридоре. Он прошел мимо нас, глядя с простодушным лукавством прямо в глаза. Похоже, что он ждал признания молодежи, и мы хором и совершенно искренне его поблагодарили за доставленное удовольствие.

В книге о гр. Д.И. Хвостове я назвал такое добродушно подмигивающее исполнение стихотворений «приемом старика Кабанова», рассчитанным на свою — не бог весть какую, но радушную — аудиторию. Этот эффект, как мне кажется, симптоматичен для русской любви к рифмованию (эхолалии), ориентирующейся на давнюю традицию скоморошечьего балагурства (достаточно заглянуть в современный рунет или русский Фейсбук, чтобы убедиться в том, насколько жива и активна эта традиция, которую не вывела у нас ни царская полиция, ни советская идеологическая инквизиция, ни эстетическая оппозиция). В каком-то смысле «народный» поэт-балагур (или его стилизатор), имеющий свой круг социально и эстетически близких поклонников, является символической скрепой в истории русской поэзии: каждый раз возникая в новых — характерных для своего времени — ипостасях, он неизменно осмеивается «высокой» (культурной) традицией. Об одной из таких ипостасей и ее сатирически-любовном восприятии «культурными авторами» конца XVIII – первой трети XIX вв. речь пойдет ниже.

«Чудо странное»

В 1838 г. князь П.А. Вяземский — известный поэт, сатирик, критик и хранитель литературных преданий XVIII в. — опубликовал найденный в фонвизинских бумагах отрывок из «Послания к Ямщикову», включенный им десять лет спустя в приложение к жизнеописанию драматурга. В этом отрывке с многочисленными купюрами, напоминающем по своей иронической разговорной манере известное «Послание к слугам моим...» Фонвизина, знаменитый сатирик обращается к бездарному «низовому» стихоплету:

Натуры пасынок, проказ ее пример,
Пиита, философ и унтер-офицер!
Ограблен мачехой, обиженный судьбою,
Имеешь редкий дар — довольным быть собою.
Простри ко мне глагол, скажи мне свой секрет:
Как то нашлось в тебе, чего и в умных нет?
Доволен ты своей и прозой и стихами,

Доволен ты своим рассудком и делами,
 И, цену чувствуя своих душевных сил,
 Ты зависти к себе ни в ком не возбудил.
 О чудо странное! Блаженна та утроба,
 Котора некогда тобой была жерёба!
 Как погреб начинен и пивом и вином,
 И днем и нощию объятый крепким сном,
 Набивший нос себе багровый, лучезарный,
 Блажен родитель твой, советник титулярный!
 Он, бывши умными очами близорук,
 Не ищет проникать во глубину наук,

 Не ищет различать и весить колких слов.
 Без грамоты пиит, без мыслей философ,
 Он, не читав Руссо, с ним тотчас согласился,
 Что чрез науки свет лишь только развратился,
 И мнит, что
 Блаженны, что от них такой родился плод,
 Который в свете сем восстановит их род...
 [29, с. 316–317].

По словам автора ЖЗЛовской биографии Фонвизина М.Ю. Люстрова, зачин этого ядовитого псевдопанегирического послания к не искушенному талантом и образованием стихотворцу «строится по образцу торжественных славословий, где после длинного перечня удивительных качеств адресата следует почтительная просьба раскрыть секрет его успеха» [22, с. 44–45]. О самом этом адресате «известно лишь, что он — “пиита, философ, унтер-офицер” и, естественно, имеющий тяжелую наследственность самодовольный дурак». Люстров также обращает внимание на то, что некоторые строки этой сатиры на «микроскопического» сочинителя, приемного (нелюбимого) сына природы, кощунственно «отсылают к тексту молитвы “Богородице Дево, радуйся”» («благословен Плод чрева Твоего»), в свою очередь восходящему к 11-й главе Евангелия от Луки («Бысть же егда глаголаше сия, воздвигши некая жена глас от народа, рече ему: блажено чрево носившее тя, и сосца, яже еси ссал»¹).

¹ В пер. Сергея Аверинцева: «И было, когда говорил Он это, некая женщина, возвысив голос из толпы, сказала: «Блаженна материнская утроба, носившая Тебя, и грудь, вскормившая Тебя!» (Лк 11: 27) [1, с. 146]. «Утроба» вместо «чрева» используется в «Сказании Авраама Парицына об осаде Троице-Сергиева монастыря»: «Блажена утроба твоя, поносивши Свѣта свѣтлѣйша солнца тысящами тысящей

Фонвизин таким образом травестийно уподобляет бездарного пиита, сына вечно пьяного титулярного советника, Спасителю («Блаженны, что от них такой родился плод, // Который в свете сем восстановит их род»). Разумеется, в фонвизинской литературной пародии (предвосхищающей, как замечает Люстров, один из «ноэлей» кн. Горчакова и — можно добавить — «Гавриилиаду» Пушкина [22, с. 45]²) чудесное явление на свет безгрешного «антипоэта» Ямщикова (так сказать, эталона пиитической безграмотности и глупости) изображается как антитеза рождению Христа.

В русской поэзии второй половины XVIII в. — периода борьбы за эстетические ценности формирующейся европеизированной культуры — этот образ занимает особое место. Фонвизинский литературный «антихрист» Ямщиков предстает здесь как своего рода комическая энтелехия пиитического уродства («апофеоз глупости», как позднее говорили поэты-арзамасцы) — «демократический» аналог литературной мифологии вельможного метромана Д.И. Хвостова. Рассмотрим историко-культурную генеалогию этого образа и постараемся реконструировать реальную основу фонвизинской сатиры. Кому она адресована? Существовал ли этот комический пиит и философ на самом деле и какую функцию он выполнял в истории русской поэзии и литературного быта? В чем его «секрет»?

«Уличный стихотворец»

Полный текст «Послания к Ямщику» не был обнаружен, но оно, как указывает Н.П. Степанов, «было явно завершено Фонвизиным, ходило в рукописи и произвело литературный скандал» [34, с. 209]. Исследователь ссылается на воспоминания М.Н. Муравьева, в которых это послание упоминается в числе других примечательных событий его литературной юности: «Гордый Петров приневоливал Вергилиеву Музу пить невскую воду, Фонвизин унижал свое колкое остроумие “Посланием к Ямщику”, Капнист ссорился с рифмокропателями» [34, с. 209]. Текст «Послания к Ямщику» был не только известен современникам³, но и преломился в опубликованном

и тем тмами! Благословени руцѣ твои, поносившеи Спеншаго море словом!» [4, с. 352].

² Ср. тот же акафист в «авторской версии» пушкинского Гавриила: «О радуйся, невинная Мария! / Любовь с тобой, прекрасна ты в женах; / Стократ блажен твой плод благословенный: / Спасет он мир и ниспровергнет ад... / Но признаюсь душою откровенной, / Отец его блаженнее стократ!» [27, т. 4, с. 133].

³ Кажется, что к фонвизинской характеристике Ямщикова восходит монолог Милона из неопубликованной комедии Н.Н. Сандунова 1802 г.: «Я живописец

тем же П.А. Вяземским «Послании к творцу посланий», адресованном Фонвизину его не менее едким противником А.С. Хвостовым в 1782 г. (что позволяет датировать фонвизинский текст концом 1770-х – началом 80-х гг.).

В 1855 г. С.П. Жихарев связал героя сатирического послания Фонвизина с неким «известным уличным стихотворцем стариком Патрикеевом», «которого необыкновенной способности низать рифмы завидует сам остроумный Марин, а оригинальными виршами так восхищается мой друг Кобяков» [36, с. 128]. Этот Патрикеев обмолвился раз «пресправедливым двустишием»:

Горем беде не пособишь,
Натуру свою лишь уходишь [36, с. 128].

В примечаниях к фрагменту о Патрикееве Жихарев приводит цитату из посвященного И.И. Дмитриеву сатирического послания С.Н. Марина (1807; подражание второй сатире Буало, адресованной Мольеру):

О, еслиб я умел свою принудить Музу,
Чтоб тяжких правил сих сложить с себя обузу!
Когда я с Пиндаром сравнить кого готов,
Державин на уме, а под пером Хвостов;
Сам у себя весь век я, находясь в неволе,
Завидую твоей о, Патрикеев, доле.

Жихарев также указывает, что в свое время Патрикеев «был в моде и служил потехою многим умным людям, в том числе и Фонвизину, на которого написал он, так называемую им, эпиграмму:

Открылся некий Дионистр (т. е. Денис)
Мнимый наместник и министр,
Столпотворению себя уподобляет!» [36, с. 128]⁴

без глаз; музыкант без слуха; математик без алгебры; философ без познания; пишущий без грамоты; секретарь без юриспруденции; судья без правды; министр без политики, и хотя часто все это случается нынче встречать, но никто не будет столь чистосердечен, как я, чтобы точную о себе сказать правду» [18, с. 143] (здесь и далее курсив в цитатах мой. — И.В.). Впрочем, у послания и комедии может быть и общий, скорее всего французский, источник, который нам не удалось пока установить.

⁴ Скорее всего, под несуществующим «Дионистром» здесь понимается сиракузский тиран Дионисий, которому уподобил Фонвизина его литературный противник кн. Горчаков в эпиграмме 1783 г. Как пишет Степанов, «“Денис-тиран” Д.П. Горчакова — откровенный каламбур, спроецированный на цикл преданий о сиракузском тиране Дионисии-старшем... Горчаков в своей эпиграмме имеет в виду литературную репутацию Дионисия: могущественный властитель, он бездарно выступал на поприще трагического поэта, но, несмотря на это, упорно добивался

Автор «Недоросля», продолжает мемуарист, отвечал ему стихами, оканчивавшимися так:

Счастлива та утроба,
Котора некогда тобой была жереба! [36, с. 128]⁵

Наконец, вспоминает Жихарев, «верхом совершенства в нелепом сочетании рифм были стихи, поднесенные Патрикеичем Калужскому преосвященному». Они начинались обращением к адресату:

Преосвященному пою Феофилакту,
Во красноречии наук
Кой Вильманstrandскому подобен катаракту... [36, с. 129]⁶.

«а оканчивались желанием, чтоб преосвященный заглянул любезно на его послание *безмездно*; но в выноске замечено, что последнее выражение употреблено только для рифмы, а сочинитель не прочь от подарка».

Замечательно, что цитируемый Жихаревым Сергей Марин в своем переложении второй сатиры Буало на русские нравы заменяет имя французского третьестепенного поэта Жака Пеллетье, якобы ежедневно писавшего сонеты в честь заказчиков, на имя Патрикеича: «Завидую твоей, о Патриеич! доле». У Буало:

Enfin passant ma vie en ce triste métier.
J'envie, en écrivant, le sort, de Pelletier [39, с. 23].

Ср. в более раннем переводе этой сатиры князем Кантемиром:

поэтической славы» [34, с. 226–227]. В свою очередь, «министр» в эпиграмму Патрикеича мог попасть из басни И.И. Хемницера «Дионисий и министр его» (1782).

⁵ Эти стихи из «Послания к Ямщикову» пользовались особой популярностью у современников. Михаил Бестужев в своих воспоминаниях о Н.А. Бестужеве рассказывает об «экспромте» язвительного преподавателя русского языка и мифологии в Академии художеств Д.М. Василевского, которого один барин, «до пошлости глупый и назойливый до нестерпимости», попросил написать себе в альбом стишок: «Изволь, — отвечал Василевский с злою улыбкою сатира, — будет всем сестрам по серьгам, — и, не выпуская еще из рук пера, черкнул: “Благословенна мать, блаженна та утроба, / Котора некогда была тобой жереба”» [8, с. 233].

⁶ По остроумному предположению комментатора, «Вильманstrandским катарактом» Патрикеич на своем образном языке называет известного писателя А.П. Сумарокова (1718–1777), который о месте и времени своего рождения говорил в стихах: “Где Вильманstrand, я там близости рождён”. Добавим, что под катарактом в эпиграмме, очевидно, разумеется не бельмо на глазу, а пороги водопада, возможно, знаменитой Иматы.

Всю жизнь так мне провождать печально, обидно,
Трудясь, Пелетиеву счастью завидно [36, с. 346]⁷.

Таким образом, русский «уличный пиит» вписывается в неоклассическую традицию как образец поэта-приживальщика.

Действительно, образ пиита-паразита, торгующего «подносными» посланиями, часто встречается в комедиях конца XVIII в. Достаточно вспомнить Рифмохвата в комедии И.А. Крылова «Сочинитель в прихожей» (1786), пишущего на заказ трагедии, комедии, поэмы, рондо, баллады, сонеты, эпиграммы, сатиры, письма, романы и еще похвальные стихи⁸. В конце XVIII в. Андрей Кайсаров высмеивал «в пьянстве состарившегося» «рептильного» стихотворца Ивана Тодорского, «достойно прославляющего подвиги» старого вельможи Салтыкова [21, с. 57]. Князь П.А. Вяземский вспоминал, что сатирик Иван Дмитриев называл подобных поэтов «шинельными» («стихотворцы, которые в Москве ходят в шинеле по домам с поздравительными одами») [10, т. 9, с. 155]⁹. В начале 30-х гг. Вяземский уподобил таким «шинельным одописцам» своих друзей, Пушкина и Жуковского, за стихи, посвященные разгрому польского восстания [10, т. 9, с. 155].

Не исчез этот образ и в более позднюю эпоху. Так, он романтически преломляется в пушкинских «Египетских ночах» (1835), на этот

⁷ Над Пеллетье Буало смеялся и в других сатирических произведениях («Le reste, aussi peu lu que ceux de Pelletier. N'a fait de chez Sercy, qu'un saut chez l'épicière»). Ср. в русском переводе: «Мы знаем, что Серси колбасникам весь год / Сонеты Пеллетье на вес распродает» (пер. Э.Л. Линецкой; цит. по: <http://lingvo.asu.ru/france/texts/boileau/02.html>).

⁸ О генеалогии и коннотациях топоса одержимого рифмами пиита в русской поэзии XVIII — первой трети XIX в. см.: [23, с. 141–208]. Комическая маска поэта-педанта, пишущего на заказ «ученые» вирши, рассматривается нами: [5, с. 210–223].

⁹ Одним из таких торговавших рифмованными дифирамбами стихотворцев, по воспоминаниям Вяземского, был некий Фомин — постоянный посетитель дмитриевского салона в начале 1830-х гг.: «Сей Фомин ходил всегда в черном фланелевом капоте, вероятно, доставшемся ему, замечал Дмитриев, после траурного церемониала; за недостатком пуговиц капот сверху зашпилен был булавкою с каким-то цветным камешком. Дмитриев особенно любовался ею, угадывая, что она подарена была поэту кухаркою или прачкою, которую он воспел» [10, т. 7, с. 172]. Этого «несчастливого» рифмача, писавшего каждый год стихотворение «по случаю нового года торжества», упоминает в своих «Записках» и А.О. Смирнова-Россет [33, с. 265]. Возможно, что именно этого назойливого автора имел в виду и А.С. Пушкин в письме к жене, написанном около 16 декабря 1831 г.: «Как смели пустить к тебе Фомина, когда ты принять его не хотела? Да и ты хороша. Ты плясешь по их дудке; платишь деньги, кто только попросит; эдак хозяйство не пойдет. Вперед, как приступят к тебе, скажи, что тебе до меня дела нет; а чтоб твои приказания были святы» [25, с. 27]. По мнению Б.Л. Модзалевского, этим визитером был Николай Ильич Фомин (ум. ок. 1848) — третьестепенный литератор, бывший чиновник, затем актер и стихотворец, начавший свою литературную деятельность элегией «Плач Россиянина над гробом незабвенного монарха Александра I Благословенного». Он «писал и прозой, столь же плохой» [26, т. 3, с. 60, 453].

раз демонстративно связываясь с европейской традицией. «У нас нет оборванных аббатов, которых музыкант брал бы с улицы для сочинения libretto, — гордо заявляет итальянскому импровизатору русский аристократ Чарский, озвучивая пушкинские мысли середины 30-х гг. о коренном отличии русской аристократической литературы от буржуазной западной. — У нас поэты не ходят пешком из дому в дом, выпрашивая себе вспоможения» [27, т. 8.1, с. 266].

Наконец, в 1830–1840-е гг. образ полуграмотного «низового» сочинителя и философа, постоянно ищущего денег и покровителей, становится не только мишенью насмешек и орудием литературных полемик, но и предметом культурного (социологического, физиологического и антропологического) осмысления (статьи о «низовых» сочинителях пишут Ф.В. Булгарин и В.Г. Белинский), и даже самоосмысления. Так, один очень маленький и очень плохонький поэт-мещанин Александр Михайлович Пуговошников в 1833 г. написал для своего альманаха «Феномен» манифест, в котором постарался доказать, что без плохих поэтов никто бы и не узнал, что хорошие поэты существуют, причем первые необходимы не только для создания эстетической дистанции, но и для того, чтобы показать, как думают, чувствуют и выражают свои эмоции «маленькие люди», не обладающие культурным капиталом своих привилегированных соотечественников. Пуговошников заключал, что если бы плохих поэтов не было, то поэзия погрузилась бы «в какое-то неподвижно-мертвое оцепенение» [7, с. 184]¹⁰.

Вернемся к адресату послания Фонвизина, ставшему в русской сатирической традиции своего рода *эпонимом* бедного, бездарного и на редкость комичного (для смешливых вельмож-меценатов) уличного стихотворца. Существовал ли этот «русский Пеллетье» Ямщиков на самом деле?

Пролетарий рифменного труда

Судя по воспоминаниям современников, незадачливый стихотворец («антипоэт», в нашей терминологии) с фамильярно-домашним именем был лицом, хорошо известным в конце XVIII — начале XIX в. Замечательно, что над его анекдотическими стихами смеялся в своих записках сам «король графоманов», русский вельможа Д.И. Хвостов:

¹⁰ Как указал нам в электронном письме Михаил Макеев, такая самодеятельная поэзия была очень распространена и в 1840-е гг.: «не просто люди писали, но и печатали за свой счёт листочки с поздравительными стишками начальству». Вариантом этой традиции является «рифмованная реклама, которой отдал дань и молодой Некрасов» (предвосхитив тем самым В.В. Маяковского).

Известный Патрикееч [*зачеркнуто*: Ямщиков], написав для театра гаерскую, что под качелями, драму, принес ее к графу Аркадию Ив. Моркову, который был болен и у которого случился лейб-медик Роджерсон. Драма начиналась следующими стихами:

Послушайте, друзья, какой я видел сон.
Его не может знать и доктор Роджерсон.

Лейб-медик вслушался в свое имя и, узнав для какого театра драма изготовлена
и каким стихотворцем, подарил деньголюбивому певцу пятьсот рублей с тем, чтобы он его имя вымарал [14, с. 385].

В 1810–1820-е гг. имя Патрикееча стало нарицательным и активно использовалось в литературной борьбе. В 1814 г. сатирик А.Е. Измайлов рассказывал о статском советнике [Н.И.] Кайгородове — большом любителе словесности, который «пишет комедии, акrostихи, буриме и проч. и проч.» «и стихи сочиняет и *говорит на виршах, не лучше покойного Патрекевича*» (так!). «От скуки и то хорошо, — заключал Измайлов, — есть чему посмеяться» [28, с. 45]. (Это письмо, как заметил В. Симанков, позволяет приблизительно установить дату кончины легендарного старика-стихоплета — не позже 1814 г. [32, с. 26]). В своем полемическом «Рассуждении о Басне» (1816) Измайлов иронизировал над культом Сумарокова: «Если Сумароков наш Лафонтен, то и Тредьяковского можно назвать Фенеломом, а *Патрекейча (так!) Молиером*»¹¹.

В «Северной Пчеле» от 15 мая 1828 г. было помещено направленное против Степана Шевырева «Письмо к Издателям», в котором, в частности, говорилось:

Я только прошу вас сообщить ваше мнение, справедливо ли названы *мыслью*, и не будет ли справедливее назвать *бестолковщиною* — стихи Г[осподина] Шевырева, отнести ли этот философско-аллегорический вздор к Изящной поэзии, или к новейшим подражателям блаженной памяти стихотворца Патрикееча?

В 14-м номере «Сына Отечества» за 1830 г. в разделе «Альдебаран» было напечатано шутовское «Введение в биографию Патрикееча», пародировавшее «Введение в жизнеописание Фонвизина» князя Вяземского и включавшее, как показал М.И. Гиллельсон, насмешки

¹¹ Сын Отечества. 1816. Ч. 33. С. 169.

над литературным аристократизмом пушкинско-дельвиговской партии [11, с. 195]. Автор(ы) пародии заявляли, что на смену поэтам «придворной славы» (Ломоносову, Петрову, Державину) и «поддельным стихотворцам идилическим» (Богдановичу и другим) в русской словесности явились «стихотворные полотеры» (здесь: литераторы, объединившиеся вокруг «Литературной газеты»). «Сии предварительныя замечания», сообщалось в статье, «нужны были для приступления» к собственно биографии Патрикееича (о нем в этой статье не было сказано ни слова). Публикация завершалась обещанием: «Продолжение будет напечатано в предисловии к Сочинениям Патрикееича»¹². К сожалению, ни обещанное предисловие, ни сочинения Патрикееича в журнале Греча и Булгарина не появились.

Не входя в существо и детали резкой литературной полемики начала 1830-х гг., укажем, что А.С. Пушкин воспользовался тем же приемом уподобления оппонента безграмотному низовому литератору, ответив на «биографию Патрикееича» апологией А.А. Орлова — лубочного сочинителя «на потребу толкучего рынка»¹³.

Надо сказать, что в русской литературной мифологии Патрикееич служил не только эталоном бездарного стихоплета (тип, восходящий к Бавию и Мевию в античной сатирической поэзии) и «шинельного» пиита-приживальщика, но и представителем веселой братии уличных

¹² Сын Отечества и Северный архив. № 14. СПб., 1830. Т. 11. С. 115.

¹³ Феофилакт Косичкин. Торжество дружбы, или Оправданный А.А. Орлов // Телескоп. № 13. 1831. Обратим внимание на любопытную пушкинскую «рифму» в русской литературной мифологии уличных («лубочных») поэтов. П.В. Анненков, рассказывая о том, что поэт рассердился, когда к его жене допустили «литератора Фомина, бедного, бесталанного надоедателя», приводит слова Н.Н. Пушкиной о том, что ее муж в свое время составил на этого Фомина «брошюру, направленную против Булгарина». Модзалевский исправил ошибку Анненкова, указав на то, что «Пушкина, по-видимому, спутала Фомина с А.А. Орловым» [26, т. 3, с. 452–453]. Но эта ошибка памяти представляется значимой в контексте рассматриваемой нами темы: можно говорить о своего рода эстафете «лубочных» авторов в русском литературном баснословии — от Патрикееича до Фомина и А.А. Орлова. Примечательно, что Взятковский немедленно подхватил пушкинскую шутку, сообщив ему в письме от 11 сентября 1831 г., что накануне «у новорожденного Дмитриева читали мы Косичкина и очень смеялись»: «Я ничего не знал о нем потому, что живу в деревне и не велел присылать себе никакого вздора, следовательно и Телескоп. Дмитриеву минуло вчера 71. Славная старость. Он тебя очень любит и очень тебе кланяется. Вчера утром приходит к нему шинельный поэт и, вынимая из-за пазухи тетрадь, поздравляет его: Дмитриев, занятый мыслью о дне своего рождения, спрашивает его: а почему Вы узнали? — Шинельный поэт заминается и наконец говорит: признаться, вчера в газетах прочел. Дело в том, что он поздравлял с Варшавою и принесил оду Паскевичу» [26, т. 3, с. 401]. Нет никаких сомнений, что этим «шинельным» гостем Дмитриева был упоминавшийся выше надоедливый «уличный» поэт Фомин (функциональная «реинкарнация» Патрикееича в 1830-е гг.) — тот самый (по крайней мере, по Модзалевскому) литератор, который потом навесил Пушкина и выманил деньги у его молодой супруги (в делах опеки над детьми Пушкина находится счет Фомина на проданные им А.С. Пушкину старые книги).

стихотворцев — беззаботным, безденежным, нетрезвым и несчастным «пиитическим пролетарием», на которого образованная элита смотрит свысока, но и не без своего рода антропологического любопытства. Как писала Л.Я. Гинзбург в статье о «сервильном» поэте второй половины XVIII в. Василии Рубане, за таким «утилитарным стихотворством вырисовывается социальное лицо автора — лицо литературного наемника и разночинца» [12, с. 422]. Постараемся его рассмотреть поближе.

Явление Патрикеева

Вопреки свидетельствам современников, исследователи, писавшие о «Послании к Ямщикову» Д. Фонвизина, склоняются к тому, что его адресат имеет чисто литературный характер. Так, в 1914 г. В.П. Семенников связал загадочного Ямщикова с героем упоминавшейся Николаем Новиковым фонвизинской сатиры «Матюшка-разнощик» (текст последней затерялся). Исследователь обратил внимание на следующие стихи из «Послания к творцу послания» литературного недруга Фонвизина А.С. Хвостова:

Особым ты пером и кистию своею
Как яблочник писал к разнощику Матвею,
Задумал пошутить, и унтер-офицер
В минуту сделался проказ твоих пример,
Которым для затей так счастлива жеріоба,
Благословенная соделалась утроба [30 с. 73].

Из этих стихов В.П. Семенников сделал вывод, представляющийся нам весьма произвольным:

Фонвизин задумал шутливо описать («пошутить»), «как яблочник писал к разнощику Матвею», и в результате — «в минуту» был выведен какой-то унтер-офицер, являющийся примером литературных «проказ» Фонвизина. Значит, этот унтер-офицер фигурирует в «Матюшке-разнощике» [30 с. 73].

Более того, Семенников предложил считать отрывок из «Послания к Ямщикову» фрагментом не дошедшего до нас «Матюшки», которого он датировал 1761 г.: «В таком случае этот “Матюшка”, вероятно, и есть выведенный в послании “пиита, философ и унтер-офицер”»

[30, с. 74]¹⁴. С уподоблением Ямщикова жихаревскому Патрикеичу, жившему еще в начале XIX в., Семенников категорически не согласился, ибо «очень трудно допустить, чтобы этот Патрикеич в течение целого полу столетия был каким-то уличным стихотворцем» [30, с. 74]. По мнению ученого, под именем «Ямщиков» скрывался «кто-нибудь из писателей 60-х гг., но кто именно, на основании сохранившегося отрывка, сказать невозможно» [30, с. 74].

В свою очередь, Алоис Стричек полагает, что «фамилия Ямщиков вызывает ассоциацию с конюшной, автор возносит гимн утробе, которая ожеребилась этим чудом природы». Действительно,

¹⁴ Позволим себе предложить иную гипотезу (безусловно, нуждающуюся в отдельной разработке). Вяземский в 1844 г. опубликовал приведенный стих из послания А.С. Хвостова в такой транскрипции: «Как яблонишник писал разнощику Матвею». В примечании к этому стиху публикатор указал, что автор имел в виду «Послание к Матюшке разнощику» (Послание к творцу посланий, или копия к оригиналу // Библиотека для чтения. СПб., 1844. Т. 63. С. 28). Рукопись хвостовского послания к Фонвизину не сохранилась, но можно допустить, что «яблонишник» в авторском тексте писался не с маленькой, а с большой буквы. В таком случае загадочное «Послание к Матюшке» может быть одним из нецензурных сатирических посланий знаменитого Ванюшки Яблонишника (Ивана Даниловича), среди корреспондентов которого был, в частности, некий Матвей Хуйдашев. Соответственно, «особое перо» и «кисть», о которых говорит Хвостов, может означать в таком случае образ, встречающийся в русской непристойной поэзии («пером владеет как елдой», «О! Если б кисть мою в нея [т. е. в «раквину» Книгини-Венеры. — *И.В.*] я обмакнул»). Как пишет Андрей Зорин, в посланиях Яблонишника «отражены нравы и фольклор полубогемной петербургской компании того времени, имевшей как аристократический, так и плебейский состав. При всем площадно-кабацком характере своего остроумия тексты, группирующиеся вокруг фигуры Ивана Даниловича, существенно уступают основному массиву барковьяны по части грубости и откровенности» [13, с. 7]. Некоторые послания Яблонишника (который «честь ваша, шит и царь / такая ж пьяная как вы, и гнусна тварь») весьма сатиричны и созвучны фонвизинским. Например: «В полиции судьи что деньги с нас берут / по улицам бурлить валяться не дают». Интересно, что имена Олсуфьева и Фонвизина находятся в одной обойме в полемике об авторстве «анонимно напечатанного памфлета, направленного против купца-старовера В.А. Чупятова» (в свою очередь связанного с циклом об Иване Даниловиче). Бьянка Сульпассо пишет, что «помимо общности тематики и вкуса к реалистичным подробностям», этот текст «связан с “Циклом Ивана Даниловича” упоминанием имени Олсуфьева и, таким образом, с общим историческим контекстом». Более того, «на протяжении многих лет было три основных кандидата на его авторство: Фонвизин, Чулков и сам А.В. Олсуфьев. К авторству Олсуфьева склонялся П. Вяземский, которому Пушкин сообщил о памфлете, озаглавленном “Аввакум скитник”, написанном Фонвизинным» [40, с. 55–73]. Иначе говоря, не является ли затерявшееся послание Фонвизина к «Матюшке-разнощику» неизвестной нам частью цикла посланий Ивана Даниловича Яблонишника? Как связано оно с отрывком из «Послания к Ямщику» (соблазнительно зияющим купюрами) — другой вопрос. Я думаю, что это разные, хотя и принадлежащие одной традиции тексты. Достаточно обратить внимание на сходство лирического героя последнего с характеристикой Яблонишкова в цикле: «пьяница, проказник, враль, купец, / картежник и рифмач, безграмотный хитрец», «чужих детей отец, глубокой богослов, / расказщик, суевер, квасник и философ», «глава, краса и честь забавных дураков, / вот ванька яблонишник, данилыч наш каков» [40, с. 58].

в контексте русской сатирической и комической традиции XVIII в. имя адресата фонвизинского послания звучит как говорящее (т. е. специально придуманное): грубоватые, нетрезвые, бесшабашные и удалые ямщики — частые герои произведений, обыгрывавших, в числе прочих мотивов, «*ямщикий вздор*» и «*мужицкой бред*». «Что же касается Ямщикова, — заключает Стричек, — то из воспоминаний современников мы ничего не могли о нем узнать. Настоящая ли это фамилия или прозвище? Не известен поэт, сколько-нибудь напоминающий Ямщикова» [35, с. 126].

Между тем мы имеем дело с совершенно реальной фамилией (по удивительному совпадению вписавшейся в традицию изображения неотесанного ямщика) и, скорее всего, реальным лицом, полностью обойденным вниманием исследователей.

Так, в примечании Николая Остолопова к стиху «Завидую тебе, о Патрикеевич! доле!» из упоминавшейся выше сатиры Марина, перепечатанной в третьей части «Словаря древней и новой поэзии» (СПб., 1821), говорится, что это «[и]мя невымышленное»:

Патрикеевич умер недавно; он писал много, но более известен сочинением: Скворец с курантами, Драма, в трех действиях с осмужкой (с. 106).

Идентифицировать этого автора помогают опубликованные в начале XX в. воспоминания Екатерины Федоровны Юнге, дочери графа Ф.П. Толстого. Приведем соответствующий отрывок из этих мемуаров:

Из последних [«вольнопрактикующих шутов» екатерининских времен, — *И.В.*] известный всему Петербургу *Тимофей Патрикеевич Ямщиков*, про которого Державин [Фонвизин! — *И.В.*] сказал:

Натуры пасынок,
Чудес ея пример,
Пиита, философ
И унтер-офицер.

Ямщиков подносил свои стихи юмористического содержания разным лицам, причем была приписка в конце: а мне за труды следует «синяшка» или «краснушка» или «белянка», смотря по состоянию

того, кому подносились вирши¹⁵. Он подносил свои оды и послания митрополиту Платону, Потемкину, Безбородке. В стихотворении, поднесенном маленькой Наде Толстой, были следующие строки:

Две ручки, как тучки,
Сходятся и расходятся
и при своем лучезарном корпусе
Находятся» [38, с. 144].

В основе воспоминаний Е.Ф. Юнге лежали мемуары ее отца, известного художника графа Ф.П. Толстого, полностью опубликованные в 2001 г. В них Толстой сообщал, что «отставной армейский унтер-офицер» Тимофей Патрикеев Ямщиков «имел вход во все дома, не исключая и самых знатных вельмож, всем подносил свои уморительные стихи во всех формах поэзии и одно смешнее другого по своей глупости»:

Над ним смеялись, его дурачили - и давали требуемые им деньги. Окроме од, посланий и других стихов, он написал объяснение, почему разные размеры стихов так называются. Например: «Александрийские стихи называются так потому, что пишутся во весь александрийский лист»¹⁶. Он часто бывал и у нас и подносил стихи не только родителям и старшей сестре, и меньшей даже, четырехлетнему ребенку, из которых я помню три следующие строчки (см. выше. — *И.В.*) [15, с. 51].

Среди сочинений Патрикеева, вспоминал Ф. Толстой, была также трагедия «в семи действиях с осьмушкой» [15, с. 51].

Замечательно, что о виршах Патрикеева помнили вплоть до конца 1850-х гг. Так, приведенные выше очаровательные стихи о ручках Наденьки Толстой (достойные пера Николая Олейникова), в слегка измененной форме, приводятся в напечатанной в «Русском вестнике» повести Е. Нарской (псевдоним писательницы княжны Н.П. Шаликовой — дочери известного сентименталиста и свояченицы редактора журнала М.Н. Каткова):

¹⁵ Граф Ф.П. Толстой уточнял в своих мемуарах, что «синяшка, красняшка и беляшка по цвету красок означали 5-, 10- и 25-рублевые ассигнации».

¹⁶ Александрийский лист здесь означает высший сорт бумаги большого формата (das Royalpapier).

— А вот вам еще quatrain, продолжал Ваня (он так любил смех Клавдии)? — Слушайте:

Ваши ручки
Как две тучки
Сходятся, расходятся
И при корпусе находятся.

— Бесподобно! проговорила смеясь Клавдия [24, с. 148–149].

Возможно, что слухи о легендарном унтер-офицере, пиите и философе нашли отражение в образе отставного штабс-капитана Игната *Тимофеевича* Лебядкина в «Идиоте» Достоевского (достаточно вспомнить его стихи о ножке).

Наконец, на основании воспоминаний Е.Ф. Юнге, русская писательница, скрывавшаяся под псевдонимом Ал. Алтаев, «материализовала» образ Патрикеева в своем историческом романе «Пасынки Академии» (публ. 1961), где описывается литературный вечер у Толстых, на котором присутствуют поэт Федор Глинка и баснописец Крылов. Приведем этот фрагмент целиком:

У бильярда, на середине комнаты, кончили стучать шарами. Федор Николаевич Глинка, маленький, худенький, черненький — «совсем блошка», говорила про него смешливая Машенька, — не дал, видно, спуска своему партнеру — стихотворцу еще екатерининских времен. Федор Николаевич считал себя большим поэтом и любил всех поучать. А старик Тимофей Патрикеевич всю жизнь мастерил вирши «на случай»: восшествия на престол, именин высоких особ или получения ордена... За это ему платили кто «красенькую», кто «синенькую» — рублей десять или пять, а то и «трояк», смотря по достатку, и приглашали пообедать, поужинать. Зато истинное утешение он доставлял главным образом неприятательным вдовам своими надгробными эпитафиями и очень гордился этим.

Глинка снисходительно спрашивал:

— Что же ты пишешь теперь, дружок?

— Трагедию, — тоже не без чувства собственного достоинства ответил Патрикеевич, — александрийскими стихами. Ибо стихи такого рода следует писать только во весь александрийский лист.

Кругом улыбнулись такому своеобразному определению формы стихосложения.

— А сколько действий в твоей трагедии? — продолжал расспросы Глинка.

— Семь действий с... одной осьмушкой.

Машенька едва удержалась, чтобы не фыркнуть.

Крылов спокойно посмотрел на обоих из своего уголка и бросил вполголоса Толстому:

— Вот она, житейская истина. Один в благополучии, а другой, почитай что, в нищете. И оба равно плохие поэты.

— Да-с, — с гордостью проговорил Тимофей Патрикеевич, — началом сей трагедии я самым великим Державиным был отмечен в оное время.

— Ох-ох-ох! — вздохнул на весь кабинет Крылов. — И каждой-то зверушке найдется на земле место...

Он закрыл глаза и точно погрузился в привычную полудрему [2, с. 347].

Не можем удержаться от соблазна указать на историческую иронию (ироническую рифму), связанную с этим описанием. Ал. Алтаев — псевдоним писательницы Маргариты *Ямщиковой* (1872–1959). Ямщиковой она была по мужу, от тирании которого в свое время убежала (без паспорта и вещей) с маленькой дочкой¹⁷. Видимо, фамилия Патрикееича, приведенная в воспоминаниях Е.Ф. Юнге, обратила на себя внимание писательницы, таким странным образом посмеявшейся над своим ненавистным супругом.

Скворец с курантами

Следует заметить, что, по крайней мере, одно произведение легендарного Патрикееича было известно библиографам с начала XX в. Через год после того, как В.П. Семенников опубликовал свою заметку о Фонвизине и Патрикееиче, в журнале «Искусство и театр» вышла статья «Выставка памятников русского театра. (Собрание Л.И. Жевержеева)», включавшая раздел «Неизданная драма 1796 года». Здесь сообщалось о том, что среди наиболее ценных экспонатов XVIII в. в коллекции Жевержеева находится рукописная пьеса-буффонада «с красочными рисунками от руки очаровательных гротесковых сцен» (в рукописи отсутствовало несколько листов) [9, с. 994].

¹⁷ Биографы писательницы пишут, что «молодая женщина поняла, какую трагическую ошибку она совершила», выйдя замуж за студента Андрея Ямщикова: «Муж не сумел стать ее подлинным другом. Ему были чужды ее литературные занятия, он уничтожал ее рукописи и слышать не хотел, чтобы жена продолжала свой писательский труд и была независимым от него человеком. Маргарита Владимировна никогда не мирилась с принуждением» [20, с. 8].

Этот «рукописный отрывок не бывшей в печати драмы» называется «Постоянная любовь с курантами Скворца. Курьёзно-сурьёзная драма. В трех действиях с осьмухою в стихах, с балетами и хорами на Греческие манеры». «Драмма», престранное название которой мы

объясним далее, была поставлена в первый раз в Санкт-Петербурге в 1796 г.¹⁸. Совершенно очевидно, что это та самая «трагедия с осьмухою», которую упоминает в своих мемуарах граф Ф.П. Толстой.

В статье в журнале «Искусство и театр» был воспроизведен титульный лист этого произведения, украшенный акварельным рисунком с загадочной подписью: «Изображение Скворца с курантами. Не любящего заниматься: пустыми финты-фантами».

Титульный лист
(«Жевержеевская» копия)

¹⁸ Л.И. Жевержеев. Ф. 247; 25 ед. хр.; 1796–1941. Рукопись значителен как сочинение неизвестного автора. О популярности этой балаганной пьесы свидетельствует тот факт, что в архивах сохранилось несколько списков последней. В Библиотеке Академии наук имеется рукопись в обложке из мраморной бумаги, озаглавленная «Тимофей Ямщиков. Постоянная любовь с курантами скворца» (1.5.22; поступила в составе собрания Ф.А. Толстого в 1854, очевидно, в числе пожертвованной купца А.П. Алексеева, купившего после смерти графа у его наследников более 400 рукописей). Любопытно, что в описи она следует сразу за списком фонвизинского послания к слугам (Описание рукописного отдела БАН СССР. Т. 4, вып. 2. Стихотворения, романы, поэмы и драматические сочинения. XVII — первая треть XIX в. (Составитель И.Ф. Мартынов). Ленинград, 1980. С. 74–75). В «Описи старинных славянских и русских рукописей собрания П.И. Щукина» (т. 1, с. 348) упоминается поступивший из библиотеки Алябьевых «Сборник Стихов 1801 года», писанный скорописью, в состав которого вошли «Постоянная Любовь, драма Т.П. Ямщикова» и «Экспликация или истолкование аллегорических слов». Список драмы «Постоянная любовь» имеется в собрании рукописей Научной библиотеки им. Н. Лобачевского в Казани [3, с. 96, ед. хр. 2202].

Далее шла колоритная «Дидикация»:

Вот вам, государи мои, для потехи
Представляются здесь игры и смехи.
И есть ли они не сделают в карманах ваших помехи,
То сочинителю дайте что-нибудь на орехи.
Стихи в драмме сей, кажется, весьма не плохи,
И сочинитель предлагает здесь последняя ума своего крохи.....
[9, с. 994].

Действующими лицами драмы названы Крепкоумов — «заслуженный офицер; к тому же и сочинитель», Розолия (sic!) — любовница Крепкоумова, Тугокарманов — отец Розолии (sic!), Тугокарманова — жена его; Помогалов — друг Крепкоумова, Разстройкина — жена Помогалова, Подъезжалов — будущий жених Розолии, а также Слуга.

В сообщении об этой драме были приведены уморительные выдержки, вроде следующих:

Склонись, дражайшая! на мой унылый глас¹⁹:
Согласие твое мне будет слаще, нежели ананас.

<...> Скажись больною ты: и головку подвяжи,
Брюшко свое сожми,
И тем догадки всех умов затми;
Хотя от того восстанут бурны ветры,
Но пренебрегай ты их, спустя душисты петиметры.
Так медики велят..
Сильных духов в себе неудержать [9, с. 994].

По словам автора статьи, эта «курьюзо-сюрьюзная драма» «весьма характерна как памятник быта екатерининской эпохи, когда манией театрального сочинительства, с легкой руки Екатерины, обуреваемы были многие, едва умевшие лепетать вирши». Но если «богатые вельможи устраивали в своих поместьях и дворцах домашние театры, выступали музыкантами в оркестрах», то «мелкие чиновники кропали пьесы», и «эта страсть стала настолько

¹⁹ Не является ли этот выпененный стих пародией на соответствующие строки из барковского «Дурносова и Фарносова»: «Сердечным пламенем несчастной весь горю, / Устами я воплю, не ж...й говорю: / Склонись, дражайшая, склонись в любовь и верность, / Почувствуй штанную мою к тебе усердность»? URL: <https://facetia.ru/node/4193> (дата обращения: 10.10.2021).

заразительной и распространенной, что начали высмеивать с сцены “канцеляристов Чернилиных”, из-за театра вовсе отбившихся от службы, и “мещан Петуховых”, занятых, вместо дела - домашними спектаклями» [9, с. 994]²⁰.

Драма о скворце, написанная, по всей видимости, для «публичного» театра под управлением полицейского ведомства, упоминается и цитируется по полной ее рукописи из БАН в книге В.Д. Кузьминой «Русский демократический театр XVIII века» (1958). Представленная в первый раз в Петербурге в 1796 г. пьеса, как полагает исследовательница, была «сложена среди офицеров-преображенцев (сохранившийся список на бумаге 1805 г. поступил в отдел рукописей из библиотеки Ф.А. Толстого)» [19, с. 197]²¹.

Не останавливаясь на содержании пьесы (расстроенная женитьба заслуженного офицера и сочинителя Крепкоумова на дочери купца Тугокарманова Розолии), Кузьмина в своем кратком комментарии обращает внимание «только на те элементы, которые свидетельствуют о несомненном знакомстве автора со зрелищами “площадных театров”». Так, в стихах Крепкоумова «И пад к ея ногам / Не покоряясь никаким языческим богам» исследовательница справедливо усматривает вариацию стихов из популярной народной драмы о царе Максимилиане и его сыне Адольфе («Нет, я по-старому ваши кумирческие боги / Подвергаю под свои ноги»). Само произведение Скворца, подчеркивает исследовательница, «написано раешным стихом» и начинается с «гаерского пролога». В финале потешной пьесы Крепкоумов (видимо, альтер эго самого автора, исследовательнице, пользовавшейся списком из Библиотеки Академии наук, не известного) просит зрителей, в соответствии с законами жанра, «глупости наши извинить» [19, с. 197].

Пронзительная хохонюшка

Нам удалось познакомиться с текстом этой драмы в двух списках, относящихся к началу XIX в. Сразу следует заметить, что и «бановская», и «жевержеевская» рукописи (последняя хранится в петербургском музее Театрального искусства: СПбГМТИ ГИК. # 4063/1) включают в себя уморительную «Экспликацию или истолкование аллегорических слов и выражений, помещенных в сей

²⁰ «Чернилины» и «Петуховы» - отсылка к героям «мещанской комедии» Я.И. Благодарова «Смешное сборище» (1790).

²¹ Заметим, что один из «почитателей» Патрикеева С.Н. Марин служил в лейб-гвардии Преображенском полку. Возможно, что он был знаком с Т.П. Ямщиковым.

драмме». Из этой экспликации следует, что «с *Курантами скворец*: значит ученой человек» (таким образом разъясняется не только часть названия пьесы, но и подпись к рисунку на титульном листе, изображающему ее сочинителя, – не самого ли Ямщикова?). В числе других аллегорий указаны *Паркерсон* («бывший в Преображенском полку штаб-лекарь»), *Миллионюшка* («милая моего сердцу»), *Блафонюшка* («зонтик от дождя и солнца»), *В сердце наставить плошки* («высокая аллегория», означающая «обрадовать и осветить сердце во мраке недоверенности»), *Нелюбящая альянцов богатырка* («ненавидящая праведной любви»), *в мозгу иметь оковы* (не иметь порядочного понятия о сурьезных и курьезных делах), *Иосиф Флавий* («писатель жидовской истории»), *Быть спелой сливой* (то есть «быть замужем»), *Вкус иметь к жареным котлетам* («быть разборчиву во вкусе»), *Иметь такой разумок как астраханская дыня* («человек обширного разума»), *Пурганция* («лекарство от любви»), *Украсить камеру русыми власами* («быть Венере во всем покорну»), *Душистые петиметры* («благоуханные ветры»; см. соответствующую цитату из драмы выше), *Сердечный салат* («благоразсуждение физическое и моральное») и совершенно замечательная *Пронзительная хохонюшка* («то же, что радость, утехи, веселие и смех»). Есть в этом словарики также *Прескверная грыжа* («презрения достойный человек»), *Потрясса парик* («разумеется испугаться»), *Душевной збитень* («моральное нравоучение для души»), *Душистая помада* («мазь для влюбленного сердца»), *Речной судак* («робкая душа»), *Любовный мак* («ничто иное, как усыпление в любви»), *Рыба-кит* («смирной и кроткой человек») ²² и феерическая *Пустая Бененота* («самохвалка») (л. 17–19) ²³.

Экспликация завершается раешным обращением к исполнителям драмы:

Всем Актерам моя нотация,
 Чтоб прочтена была сия экспликация
 Пред начатием прямаго действия,
 Чтоб зрителям могла служить в понятиях во предместие (л. 19).

²² Ср. слова Крепкоумова: «Я обещаюсь отныне любовь мою забыть / И буду кроток и смирен, как морская рыба Кит».

²³ «Ты настоящая пустая бененота / И выдаешь себя в разсудке за обермота». Здесь и далее мы цитируем драму по «БАНовскому» списку с сохранением орфографии и пунктуации текста.

Текст драмы снабжен сносками на аллегорические дефиниции, приведенные в комментариях — «экспликации»²⁴.

Нет никаких сомнений, что граф Д.И. Хвостов, рассказывая анекдот о Патрикеиче-Ямщикове и докторе Роджерсоне, имеет в виду именно эту гаерскую драму «под качелями» (в Петербурге XVIII–XIX вв. в праздники устраивались гуляния и игрища с балаганами, «русскими горами» и качелями, сооружавшимися на Марсовом поле, Адмиралтейской и Дворцовой площади). Действительно, первое явление пьесы Ямщикова открывается описанием чудесного сна главного героя, сидящего «ф шлафроке и колпаке» «в креслах в мрачной задумчивости», которое цитирует по памяти Д.И. Хвостов (примечательно, что последний вписал первые стихи драмы в жанр великосветского анекдота: у Ямщикова сон видит не лейб-медик императрицы Роджерсон, а рифмующийся с ним какой-то штаб-лекарь Преображенского полка):

*Какой я видел сон! О! преужасный сон!
Чудиться б ему мог и самый Паркерсон.
Хотел бы я узнать,
Ктоб мне мог в существе его изтолковать?
Представилось мне,
Не на яву, а во сне,
будто стою против дому,
И меня предстоящими туда зовому,
К возлюбленной моей Розолушке,
К бесценной моей Милюнушке.
В туж минуту подошел к окну стремительно,
И стало для меня весьма убедительно,
С разпущенными власами
Смотреть на меня быстрыми глазами.
В какой я был тогда радости и восхищении
И в несказанном нашел себя смущении... (л. 3)²⁵*

²⁴ Таким образом разъясняются широко употребляемые в пьесе «снижающие» сравнения: «утоплю тебя, как муху в чаю», «рассудок, как астраханская дыня», «ежится, как речной судак», «наказать сего влюбленного Вулкана, похожего во всем на калмыцкого барана» (см.: [19, с. 199]).

²⁵ Свой сон Крепкоумов воспринимает как вещей и поэтический: «Может быть авантажная Муза моя / Тихонько мне на ухо поя / Желая меня предварить / Чтоб внезапно сердце мое огнем не спалить / Представило мне оной Сон во сне / Так ясно как лотки плывут по реке Десне». Последний образ по-своему замечателен.

Что касается странного указания в названии пьесы на балеты и хоры «на греческие манеры», то речь здесь идет о включенных в нее музыкальных номерах, когда актеры, «*приплясывая на греческия манеры, припевают полным хором*» «заумные» вирши (приводим их по жевержеевской рукописи):

Доста
Мардоста,
Деста демандилий;
Иссе поликари (л. 6)²⁶.

Танец и хор «в греческой манере» («жевержеевская» копия)

В хранящейся в БАНе полной рукописи драмы (в количестве 20 листов) эти заумные строки даны в другом варианте:

²⁶ Эта «заумная» песенка, по всей видимости, представляет собой отголосок знаменитого поющего и пляшущего шествия «турок» в «Мещанине во дворянстве» Мольера: «Се ти сабир, / Ти респондир; / Се нон сабир, / Тацир, тацир...», «дара, дара, бастонара» (пер. В. Лихачева). Рефрен «деста — доста» встречается в старинной песне македонских болгар «Нена и Юда» (Българска старина: повремено списание издаваемо в неопределено время. Букурешт, 1865. Кн. 1. С. 168).

Доста мардоста
Дай мне рублей до ста
Доста димандрилий
Естли б заплатили
Исса поликарий
Мне государи (л. 6, л. 11).

К этому куплету в драме дается пояснение в стихах:

Вот перевод
Греческого хора,
Я кладу вам в рот
А вы кричите фора, 3 раза
Дав сто рублей сора. 3 раза (л. 6).

Наконец в этой рукописи обнаруживается и уже известный нам по воспоминаниям Толстых и повести княжны Шаликовой мадригал о ручках. Только здесь он адресован не четырехлетней Наденьке Толстой, а прекрасной Розолии, «носок»-Комету, «роток», наполненный жемчужными зубами, «бородку», подобную смарагдовым лучам, «субтильны груди» и другие прелести которой воспевают г-н Крепкоумов в лирическом монологе «Огромное здание природы краса неизреченна...»:

Прекрасны твои ручки
Равно как две светлыя тучки
Сходятся и расходятся,
А все таки при стройном корпусе твоём находятся.
Когда погляжу на милья твои локотки
Тогда облизываюсь и делаю Глодки
А когда посмотрю на прелестныя твои ношки
Тогда не могу видеть ни крошки
Высокие твои клаблучки
Мои плутовочки, и т.д. (л. 4–5).

На эту лирическую живопись, достойную царя Соломона, Розолия отвечает изящным комплиментом:

Премудрая ты тварь наш С курантами Скворец
Что доказывает тем что ты замысловатых дел Творец (л. 5).

Но самое замечательное заключается в том, что автор драмы об умном Скворце с курантами *цитирует в ней... ту самую сатиру на Ямщикова (то есть на себя самого), с которой мы начали наш поиск Патрикеева*. И не только цитирует, но и по-своему отвечает на нее. В шестом явлении первого действия язвительная госпожа Разстройкина обращается к г-ну Крепкоумову (Ямщикова несколько раз приводит эту фамилию в написании «Крепко-умов»):

Я хотела вам показать
 Что я гаразда и стихи писать
 Я целое утро сим занималась
 И вот что из гоовы моей выливалось

(вынимает из кармана бумажку и читает с критической насмешкою)

*Натуры пасынок проказ ея пример!
 Пиит и филозов и обер-офицер!
 Вот участь лестна<я?>, блаженна та утроба
 Котора некогда тобой была жеріоба! ха, ха, ха, ха*

Что господин Крепкоумов каковы мои стишки
 Не делают ль они в уме вашем прышки! (л. 5)

На эти стихи «Крепко-умов» отвечает своими:

Не худы сударыня, ей ей не худы!
 От них почти ослабли все мои уды
 Но позволте матушка и свои вам показать
 Которы поутру я старался написать

(вынимает из пазухи и читает с политическим видом)

Тебе ль несмышленная нашатырка
 Нелюбящая аліанцов богатырка²⁷
 Над протчими умами хитрить
 И собою мудрить
 Стихи замысловатыя вымышлять
 И таковым даром промышлять

²⁷ Напомним, что, согласно экспликации, «нелюбящая альянцов богатырка» означает «ненавидящая праведной любви».

Твое дело песни петь
Да на печи сидеть
Еще сказки врать
И за них по грошу брать, ха, ха, ха, ха (л. 5).

В ответ на эту контр-сатиру возлюбленная Крепко-умова Розолия хлопает в ладоши и восклицает:

Браво, браво, браво
Отделал ты ее к поправлению здраво (л. 6).

В свою очередь, вредная г-жа Разстройкина решает отомстить Крепкоумову за его «едкую Сатиру», выставившую ее «в посмешище всему пространному Миру». Дабы прикрыть свое негодование, она принимает «на себя веселый вид / чтоб он не мог издеваться как Иосиф Флавий жид», и противопоставляет злоязычному Крепкоумову богатого и знатного Подъезжалова:

Забудь Крепкоумова Страсть
Которая вся имела над тобою власть.
Он тебе нимало не в пару
Хоть и много в нем жару
Он стар, угрюм, к тому ж безроден
И потому в мужья тебе совсем не годен
А Подъезжалов в цветущих еще летах
И имеет большой вкус в жареных котлетах (т. е., согласно
эксplikации к драме, человек со вкусом. — *И.В.*) (л. 8).

Полагаю, что приведенный выше выпад Крепкоумова против злоязычной Разстройкиной вполне можно считать своеобразным ответом на фонвизинское послание начала 1780-х гг., направленное против Тимофея Патрикеева Ямщикова. Фонвизинский мотив (в передаче Жихарева) звучит и в монологе оскорбленного Крепкоумова:

Я вижу что вы собрались меня кретиковать (так! — *И.В.*)
И как неприятеля разсудок мой атаковать
Но вопрошу вас кого вы тем изволите забавлять
Не сказать ли вам нотацию
Которая превосходит всякую нацию
Кто столпотворению себя уподобляет
Того натура пустые замыслы всегда опровергает (л. 10).

(Ср. «эпиграмму» против Фонвизина, приводимую по памяти Жихаревым: «Открылся некий Дионистр (т. е. Денис) / Мнимый наместник и министр, / Столпотворению себя уподобляет»).

Показательно, что в финале драмы о Скворце ее главный герой произносит длинный монолог, в котором защищает достоинство стихотворца, обращая в свою пользу колкости зоила:

Куплю себе овечку
 Подобно во всем милому моему сердечку
 Котору стану куртизанить
 И любовным сыром пармазанить <...>
 Лучшее мое упражненье да будет авторство
 Пушусь для всех людей в глубокое мытарство (?)
 Стану писать в стихах и прозе
 Чтоб не чувствовать тартарского хлада по морозе
 Пушусь я писать эпиграммы
 Забавны или полезны драммы
 Поемы и цедульки
 Приличные и прекрасные Федорульки (?)
 Примусь писать я надписи и стансы
 Пусть дивятся им и дикие американцы²⁸
 Во всем я уподоблюсь с курантами Скворцу
 И не поддамся никогда насмешливому бойцу
 Я буду жить как филозоф
 Которому да удивится весь Азов
 А вы мои любезны Государи
 Будьте так любезны как молдавские Господари
 Забудьте всю прошедшую досаду
 И примите сие за любезного здания вашего Фасаду
 Не меньше ли (?) и вы почтенные зрители
 Которые в любовной неудачи моей свидетели (л. 17).

Не будет преувеличением сказать, что курьезно-серьезная драма «уличного стихотворца» Ямщикова завершается превращением ее протагониста, несчастного любовника-остроумца (в своем роде предшественника Александра Андреевича Чацкого), в меланхолического поэта-изгоя, развлекающего гогочущую публику своими «худыми трелями» под аккомпанемент греческого хора «доста-мардоста рубликов до ста»:

²⁸ Находящийся в настоящий момент в штате Нью-Джерси автор этой статьи в самом деле дивится приведенным пророческим строкам.

И пустимся паки
 Как гончия собаки
 В Греческие хоры
 И тем закончим сии курьезно-сурьезные вздоры (л. 16).

Введение в биографию (открытый финал)

Возникает закономерный вопрос: не был ли замечательный создатель этой потешно-печальной драмы, ученый «Скворец с курантами» Тимофей Патрикиевич Ямщиков литературной маской или «шутовской персоной» (пародической личностью)²⁹, характерной для той эпохи (см. нашу статью о «коллективном» непристойном поэте Панцербитере [6, с. 260–299]).

По всей видимости, не был. В «Петербургских ведомостях» за 1770–1772 гг. несколько раз упоминается некий *Патрекей Ямщиков*³⁰ — петербургский домовладелец и тутулярный советник (в сатирическом послании Фонвизина: «Блажен родитель твой, советник титулярный!»)³¹. 21 июля 1770 г. в газете помещено было объявление о продаже дома в Ораниенбауме «титулярного советника Патрекея Ямщикова» («о цене спросить в той ямской у него самого»). В 1771 г. сообщалось, что «по определению главного магистрата канторы Февраля 14 дня по полудни в 4 часа в аукционной камере» продан будет с публичного торгу «титулярного советника Патрекея Ямщикова дом с имеющимися в нем пожитками, состоящий в Ямской Московской слободе». В июне 1772 г. «Ведомости» сообщали о том, «[в] Ямской Московской титулярного советника Патрекея Ямщикова имеются для продажи четыре деревянные дома, из которых три двора постоянные, да пятый дом в Ораниенбауме с огородом; желающим купить, о цене спросить в тех домах, что в Московской Ямской». В другом объявлении говорится, что

²⁹ В именном указателе к переписке А.С. Пушкина «Патрикеич» трактуется как псевдоним.

³⁰ См.: <http://vedomosti.rasl.ru/?r=101&id=87588>. Патрикий Гаврилович Ямщиков. Ф. 286. Герольдместерская контора. Оп. 2.

³¹ В «Дополнениях к деяниям Петра Великого» Голикова приводится анекдот о добродетельном отце семейства Ямщикове, которого царь облагодетельствовал своим посещением. Последнее вспоминалось «потомками сих Ямщиковых» в конце 1780-х гг. (*Голиков И.И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России*. М.: В тип. Николая Степанова, 1843. Т. 15. С. 85). В Москве и Петербурге в конце XVIII в. жили купцы-старообрядцы Ямщиковы. Но в каком отношении к ним находится Тимофей Патрикеич, мы не знаем.

Сего Августа 25 числа по полуночи в 10 часу в Ямской Московской слободе продан бытъ имеет чрез аукцион по определению главного магистрата канторы титулярного советника Патрекея Ямщикова деревянной дом, также и движимое имение...³²

Не на это ли событие (распродажа отцовского имущества после его банкротства или смерти) намекает Фонвизин в своем послании: «обиженный судьбою...»?

Что касается самого Тимофея Ямщикова, то единственное упоминание о человеке с таким именем в интересующую нас эпоху мы находим в бумагах «Сенатского архива» от 17 декабря 1796 г. (самое начало законодательной деятельности нового императора, «перезаформатировавшего» екатерининскую уложенную комиссию в новый рабочий орган 16 декабря 1796 г.):

Титулярному советнику Тимофею Ямщику, находящемуся в комиссии о сочинении проекта нового уложения, под ведением нашим состоящей, повелеваем производить жалованья по двести рублей на год, включая в то число и тот оклад, что он ныне получает, и обращая оное ему в пенсию по смерти. <...> ПАВЕЛ. Копия. 186. л. 58 [31, с. 42].

Если это тот самый «бывший офицер», то из приведенного постановления следует, что популярный на протяжении нескольких десятилетий карикатурный образ Патрикеича как бедного *уличного* стихотворца весьма далек от реальности. Да и сам список адресатов его поэтических подношений — от митрополита до вице-канцлера империи — указывает на то, что он был, как вспоминал Ф.П. Толстой, вхож в высшие круги и знаком с некоторыми вельможами и культурными деятелями эпохи (другое дело, что последние относились к нему свысока и видели в нем своего рода шутовскую — гаерскую — реинкарнацию классического поэта-паразита).

Скорее всего непосредственным поводом к созданию литературной репутации Тимофея Патрикеича Ямщикова в петербургских «салонах» послужило не его потешное попрошайничество, но неумное стихолюбие (говорение виршами), опирающееся на скоморошью традицию нанизывания рифм и отвечающее неоклассическим представлениям о рифмоплете-приживальщике (карикатурный об-

³² См. ссылки по: «Газета «Санктпетербургские Ведомости» XVIII в.: Указатели к содержанию (1728–1781 гг.). URL: <https://www.vedomosti1728.ru/card.cgi?r=82&id=58503>

раз Пеллетье в сатирах Буало). Достаточно вспомнить в контексте представляемой им пиитической «школы» замечательное раешное прошение «Уму Умовичу, Павлу Петровичу» от кригс-комиссара Ивана Лузина — «человека несчастного, полупомешенного», но удостоенного, по легенде, замечательной резолюции императора, прочитавшего его вирши: «Выдать дураку 2000 рублей». Сравните финал этого прошения в стихах с гаерским финалом драмы о Скворце с курантами:

Сие доносит тебе Лузин
 Яко муж не искусен,
Истоцая ума своего крошки
Просит от щедрот твоих трошки [16, с. 644–645].

К этой балаганной традиции относятся и известные буйфонные вирши прекрасно образованного фельдмаршала Суворова (вроде знаменитых «Слава Богу, слава Вам! / *Измаил* взят и я там!»³³). По сути дела, старик Патрикеич принадлежал к ряду тех колоритных эксцентриков-рифмодеев, которыми была столь богата екатерининская и павловская эпохи.

Мы полагаем, что к социально-культурной антропологии осмеянного «соземцами»³⁴ «маленького автора» с его любовно-поэтической драмой следует относиться серьезно. Перефразируя В.Б. Шкловского, автора книги о современнике Тимофея Ямщикова, «самом знаменитом писателе» в истории русской литературы Матвее Комарове (создателе лубочной книги «Повесть о приключении английского милорда Георга и бранденбургской маркграфини Фредерики Луизы», 1782), сам факт существования сочинителя Патрикеича «перестраивает наше представление» о социальной структуре и динамике русской литературы XVIII — начала XIX вв. [37, с. 28]³⁵, вводя в последнюю образ поэта-гаера — вдохновенного армейского виршеплета, вышедшего на свет Божий из утробы «жеребой» «анти-поэзии» (в системе координат «высокой культуры») и несущего в мир свое простое слово, иногда окрыленное весьма нетривиальными рифмами, как маленький забытый островок, прекрасными рифами.

³³ Письма, писанные лаконичным штилем [...] Письмо Графа Суворова о взятии Измаила к Екатерине Великой // Московский курьер. Ч. 3. 1806. С. 27.

³⁴ Любимое словечко гр. Д.И. Хвостова.

³⁵ *Шкловский В.* Матвей Комаров, житель города Москвы. Л.: Прибой, 1929. С. 28.

Исследование «феномена Патрикеича» — это, так сказать, задача на будущее. Пока, увы, мы знаем крайне мало об этом колоритном участнике литературной и театральной жизни эпохи становления русской поэзии. Не известна нам и реакция на его произведения «низовой» аудитории, «площади» (или солдатской «казармы»), на которую он ориентировался в драме Скворца. Сейчас же мы даем торжественное обещание разыскать необходимую для его научного жизнеописания информацию и ввести в русский литературный пантеон — во плоти и крови — сего маститого и даровитого исторического предка тайно страдающих под своими «шинелями» стихотворцев Николая Ильича Фомина, Александра Пуговошника, выдуманного Достоевским штабс-капитана Игната Тимофеевича Лебядкина, вымышленного автора стихотворных военных афоризмов «для гг. штаб- и обер-офицеров, с применением к понятиям и нижних чинов» Фаддея Козьмича Пруткова (сына знаменитого сочинителя) и любезного сердцам отдыхающих советских бабушек лукавомыного старика Кабанова.

Литература

1. *Аверинцев С.С.* Собр. соч. Переводы: Евангелие от Матфея, Евангелие от Марка, Евангелие от Луки, Книга Иова, Псалмы Давидовы. Киев: Дух і Літера, 2004. 488 с.
2. *Алтаев Ал.* Повести. М.: Детская литература, 1972. 542 с.
3. *Аристов В.В.* Литературные рукописи в Научной библиотеке имени Н.И. Лобачевского // Казань в истории русской литературы. Казань, 1972. Сб. 3. С. 95–102.
4. Библиотека литературы древней Руси в 20 т. / под ред. Д.С. Лихачева. СПб.: Наука, 1997. Т. 14. 758 с.
5. *Виницкий И.* Синекдохос // М. Гронас, Б. Шерр (ред.). Лифшиц/Лосев/Loceff. М.: Новое литературное обозрение, 2017. С. 210–223.
6. *Виницкий И.Ю.* HERR PANZERBITTER. Из истории русской коллективной поэзии конца XVIII — первой трети XIX века // Литературный факт. 2020. № 4 (18). С. 260–299. DOI: 10.22455/2541-8297-2020-18-260-299
7. *Виницкий И.Ю.* Граф Сардинский: Дмитрий Хвостов и русская культура. М.: НЛО, 2017. 349 с.
8. Воспоминания Бестужевых / ред., ст. и коммент. М.К. Азадовского. СПб.: Наука, 2005. 892 с.
9. Выставка памятников русского театра. (Собрание Л.И. Жевержеева) // Театр и искусство. № 52. Воскресенье, 27 декабря. 1915. С. 994.
10. *Вяземский П.А.* Полн. собр. соч.: в 12 т. СПб.: Изд-е Графа С.Д. Шереметева, 1884. Т. 9. 1813–1852 гг.
11. *Гиллельсон М.И.* П. А. Вяземский: Жизнь и творчество. Л.: Наука, 1969. 391 с.
12. *Гинзбург Л.* Неизданные стихотворения Рубана // XVIII век: Сб. статей и материалов / под ред. А. С. Орлова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1935. [Вып. 1]. С. 411–432.

13. Девичья игрушка, или, Сочинения господина *Баркова*. М.: Ладомир, 1992. 411 с.
14. *Западов А.В.* Из архива Хвостова // Литературный архив: материалы по истории литературы и общественного движения. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1938. Т. 1. С. 359–407.
15. Записки графа Фёдора Петровича Толстого. М.: РГГУ, 2001. 319 с.
16. Из времен императора Павла Петровича (сообщено Николаем Петровичем Степановым) // Русский архив. СПб., 1873. Т. 11. С. 644–645.
17. *Кантемир А.Д.* Собрание стихотворений. Л.: Сов. писатель. 1956.
18. *Кржжимская И.* Рукописное наследие Н. Сандунова. (Из истории русской литературы конца XVIII — начала XIX в.) // Русская литература. 1960. № 3. С. 137–144.
19. *Кузьмина В.Д.* Русский демократический театр XVIII века. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1958. 208 с.
20. *Летова Н., Летов Б.* Биограф и летописец минувшего // *Алтаев Ал.* Повести. М.: Детская литература, 1972. С. 5–20.
21. *Лотман Ю.М.* Андрей Сергеевич Кайсаров и литературно-общественная борьба его времени. Тарту: ТГУ, 1958. 192 с.
22. *Люстров М.Ю.* Фонвизин. М.: Молодая гвардия, 2013. 318 с.
23. *Мазур Н.Н.* Маска неистового стихотворца в «Евгении Онегине»: полемические функции // Пушкин и его современники: Сборник научных трудов. СПб., 2009. Вып. 5. С. 141–208.
24. *Нарская Е.* Свободный выбор. Повесть // Русский вестник. Т. 17. М., 1858. С. 338–416.
25. *Пушкин А.С.* Письма к жене / изд. подгот. Я.Д. Левкович. Л.: Наука, 1986. 259 с.
26. *Пушкин А.С.* Письма: 1831–1833: в 3 т. М.: Academia, 1935.
27. *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: в 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959.
28. *Сапрыгина Елена.* Неизвестные письма Александра Измайлова Николаю Грамматину // Губернский дом. Историко-краеведческий культурно-просветительский научно-популярный журнал. Кострома, 1995. № 3. С. 45–47.
29. Сборник на 1838 год. СПб.: Тип. А. Воейкова и Ко., 1838.
30. *Семенников В.* Фонвизин и два стихотворения «Чертик на дрожках» и «Матюшка-разнощик» // Русский библиофил. 1914. № 4. С. 65–76. (отд. изд.: СПб., 1914).
31. Сенатский архив. Именные указы Императора Павла I. СПб., 1888.
32. *Симанков Виталий.* Д.И. Фонвизин как «российский Боало»: К истокам одной номинации в сатирических журналах Н.И. Новикова // Русская литература. 2020. № 2. С. 25–34. DOI: 10.31860/0131-6095-2020-2-25-34
33. *Смирнова-Россет А.О.* Воспоминания. Письма. М.: Правда, 1990. 541 с.
34. *Степанов В.П.* Poleмика вокруг Д.И. Фонвизина в период создания «Недоросля» // XVIII век. Л.: Наука, 1986. Т. 15: Русская литература XVIII века в ее связях с искусством и наукой. С. 204–228.
35. *Стричек А.* Денис Фонвизин: Россия эпохи просвещения. М.: Прометей, 1994. 510 с.
36. *Шевырев С.П.* Дневник чиновника. Статья пятая. 1807-й год. // Отечественные записки. СПб., 1855. Т. СII. Отд. 1.
37. *Шкловский В.* Матвей Комаров, житель города Москвы. Л.: Прибой, 1929. 296 с.
38. *Юнге Ек.* Из моих воспоминаний. 1843–1860 гг. // Вестник Европы. СПб., 1905. Кн. 3.

39. Oeuvres de *Nicolas Boileau Despreaux*. Avec des éclaircissemens historiques, donnés par lui-même. A La Haye, 1729. T. 1.

40. *Sulpasso Bianca*. Страницы из неканонической истории русской литературы XVIII века: эволюция литературного образа старообрядца // *Toronto Slavic Quarterly*, no. 47. Winter 2014. P. 55–73.

Research Article

Old Man Patrikeich: An Introduction to the Cultural Biography of a Hack Writer at the Turn of the 19th Century

© 2022. Ilya Yu. Vinitsky

Abstract: In this essay I establish the real addressee of Denis Fonvizin’s satirical epistle to the very bad poet Iamshchikov and reconstruct the literary legend of this colorful character, seen in the context of the cultural history of the image of the untalented poor writer who imposes his works upon wealthy and influential patrons. I introduce an unknown work of Timofei Patrikeevich Iamshchikov called “The permanent love of the Starling clock. A curious-serious drama,” which was first staged in St. Petersburg in 1796. At the turn of the 19th century quotes from this curious work were cited by contemporaries as examples of “the apotheosis of stupidity,” and the figure of the poetaster Patrikeich became a comic symbol of poetic ugliness. The text of the comedy gives us a unique opportunity to hear the voice of Iamshchikov himself, as he formulated his creative credo of the “little author,” mocked by representatives of the literary elite. The fact of the existence of the writer Patrikeich changes our perception of the social structure and dynamics of Russian literature at the turn of the nineteenth century, introducing the image of the poet-clown, of an inspired army versifier who brings his own simple word into the world.

Keywords: Denis Fonvizin, Pyotr Viazemskii, Timofei Patrikeich Iamshchikov, Matvei Prickly, “hack writers,” “anti-poetry,” literary polemics of the late 18th and early 19th centuries.

Information about the author: Ilya Yu. Vinitsky — DSc in Philology, Professor of Russian Literature, Princeton University, Princeton, NJ, 08544, USA, former member of Gogol Group of Dr. Yuri Mann.

For citation: Vinitsky, I. Yu. “Old Man Patrikeich: An Introduction to the Cultural Biography of a Hack Writer at the Turn of the 19th Century.” *Literaturnyi fakt*, no. 1 (23), 2022, pp. 182–217. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-23-182-217>

References

1. Averintsev, S.S. *Sobranie sochinenii. Perevody: Evangeliiie ot Matfeia, Evangeliiie ot Marka, Evangeliiie ot Luki, Kniga Iova, Psalmy Davidovy* [Complete Works. Translations: Gospels of Mark and Luke, Book of Job, Psalms of David]. Kiev, Dukh i Litera Publ., 2004. 488 p. (In Russ.)
2. Altaev, Al. *Povesti. [Tales]*. Moscow, Detskaia literatura Publ., 1972. 542 p. (In Russ.)
3. Aristov, V.V. “Literaturnye rukopisi v Nauchnoi biblioteke imeni N.I. Lobachevskogo” [“Literary Manuscripts in Lobachevsky Academic Library”]. *Kazan' v istorii russkoi literatury* [Kazan in the History of Russian Literature], issue 3. Kazan', 1972, pp. 95–102. (In Russ.)
4. *Biblioteka literatury drevnei Rusi: v 20 t. [Library of Old Russian Literature: in 20 vols.]*, vol. 14, ed. by D.S. Likhachev. St. Petersburg, Nauka Publ., 1997. 758 p. (In Russ.)
5. Vinitskii, I. “Sinekdokhos” [“Sinekdokhas”]. Gronas, M., Sherr, B., editors. *Lifshits/Losev/Loseff*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2017, pp. 210–223. (In Russ.)
6. Vinitskii, I.Ju. “Herr Panzerbitter. Iz istorii russkoi kollektivnoi poezii kontsa XVIII – pervoi treti XIX veka” [“Herr Panzerbitter. From the History of Russian Collective Poetry of the Late 18th and the First Third of the 19th Centuries”]. *Literaturnyi fakt*, no. 4 (18), 2020, pp. 260–299. DOI: 10.22455/2541-8297-2020-18-260-299 (In Russ.)
7. Vinitskii, Il'ia. *Graf Sardinskii: Dmitrii Khvostov i russkaia kul'tura. [Count of Sardinia: Dmitry Khvostov and Russian Culture]*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2017. 349 p. (In Russ.)
8. *Vospominaniia Bestuzhevykh [Bestuzhevs' Memoirs]*, ed. and comm. by M.K. Azadovskii. St. Petersburg, Nauka Publ., 2005. 892 p. (In Russ.)
9. “Vystavka pamiatnikov russkogo teatra. (Sobranie L.I. Zheverzheeva)” [“Exhibition of Artefacts of the Russian Theater”]. *Teatr i iskusstvo [Theater and Art]*, no. 52, Sunday, December 27, 1915, p. 994. (In Russ.)
10. Viazemskii, P.A. *Polnoe sobranie sochinenii: v 12 t. [Complete Works: in 12 vols.]*, vol. 9. St. Petersburg, Izdanie Grafa S.D. Sheremeteva, 1884. (In Russ.)
11. Gillel'son, M.I. *P.A. Viazemskii: Zhizn' i tvorchestvo [P.A. Viazemskii: Life and Works]*. Leningrad, Nauka Publ., 1969. 391 p. (In Russ.)
12. Ginzburg, L. “Neizdannye stikhotvoreniia Rubana” [“Ruban's Unpublished Works”] issue 1: 19th Century: Collection of Articles and Materials, ed. by A.S. Orlov. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo AS of USSR, 1935, pp. 411–432. (In Russ.)
13. *Devich'ia igrushka, ili, Sochineniia gospodina Barkova [Lass's Toy, or Works of Mr. Barkov]*. Moscow, Ladimir Publ., 1992. 411 p. (In Russ.)
14. Zapadov, A.V. “Iz arkhiva Khvostova” [“From Khvostov's Archive”]. *Literaturnyi arkhiv: materialy po istorii literatury i obshchestvennogo dvizheniia [Literary Archive: Materials Concerning Russian Literature and Social History]*, vol. 1. Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, pp. 359–407. (In Russ.)

15. *Zapiski grafa Fiodora Petrovicha Tolstogo* [Count Fyodor Tolstoy's Papers]. Moscow, RSUH Publ., 2001. 319 p. (In Russ.)
16. "Iz vremen imperatora Pavla Petrovicha" ["From Pavel I's Times"]. *Russkii arkhiv*, vol. 11. St. Petersburg, 1873, pp. 644–645. (In Russ.)
17. Kantemir, A.D. *Sobranie stikhotvoreniĭ* [Complete Poems]. Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1956. (In Russ.)
18. Kriazhimskaia, I. "Rukopisnoe nasledie N. Sandunova. (Iz istorii russkoi literatury kontsa XVIII – nachala XIX v.)" ["N. Sandunov's Manuscripts. from the History of Russian Literature of the late 18th and early 19th Centuries"]. *Russkaia literatura*, no. 3, 1960, pp. 137–144. (In Russ.)
19. Kuz'mina, V.D. *Russkii demokraticeskii teatr XVIII veka* [Russian Popular Theater of the 18th Century]. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1958. 208 p. (In Russ.)
20. Letova, N., Letov, B. "Biograf i letopisets minuvshago" ["Biographer and Chronicler of the Past"]. Altaev, A.I. *Povesti* [Stories]. Moscow, Detskaia literatura Publ., 1972, pp. 5–20. (In Russ.)
21. Lotman, Iu. M. *Andrei Sergeevich Kaisarov i literaturno-obshhestvennaia bor'ba ego vremeni* [Andrei Kaisarov and Literary-Social Struggle of His Time]. Tartu, TSU Publ., 1958. 192 p. (In Russ.)
22. Liustrov, M.Iu. *Fonvizin* [Fonvizin]. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2013. 318 p. (In Russ.)
23. Mazur, N.N. "Maska neistovogo stihotvorca v 'Evgenii Onegin': polemicheskie funktsii" ["The Mask of a Frenetic Versifier in *Eugene Onegin*: Polemical Functions"]. *Pushkin i ego sovremenniki* [Pushkin and His Contemporaries], issue 5. St. Petersburg, 2009, pp. 141–208. (In Russ.)
24. Narskaia, E. "Svobodnyi vybor. Povest'" ["Free Choice. A Tale"]. *Russkii vestnik*, vol. 17. Moscow, 1858, pp. 338–416. (In Russ.)
25. Pushkin, A.S. *Pis'ma k zhene* [Letters to Wife], ed. prep. by Ia.D. Levkovich. Leningrad, Nauka Publ., 1986. 259 p. (In Russ.)
26. Pushkin, A.S. *Pis'ma: 1831–1833: v 3 t.* [Letters: 1831–1833: in 3 vols.]. Moscow, Academia Publ., 1935. (In Russ.)
27. Pushkin, A.S. *Polnoe sobranie sochinenii: v 16 t.* [Complete Works: in 16 vols.]. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR, 1937–1959. (In Russ.)
28. Saprygina, E. "Neizvestnye pis'ma Aleksandra Izmailova Nikolaiu Grammatinu" ["Alexander Izmailov's Unknown Letters to Nikolai Grammatin"]. *Gubernskii dom. Istoriko-kraevedcheskii kul'turno-prosvetitel'skii nauchno-populiarnyi zhurnal*, no. 3. Kostroma, 1995, pp. 45–47. (In Russ.)
29. *Sbornik na 1838 god* [Collection for 1838]. St. Petersburg, Tipografiia A. Voeikova i Ko., 1838. (In Russ.)
30. Semennikov, V. "Fonvizin i dva stikhotvoreniia 'Chertik na drozhkakh' i 'Matiushka-raznoshchik.'" ["Fonvizin and Two Poems: 'A Little Devil in an Open Carriage' and 'Little Matthew the Deliverer'."]. *Russkii bibliofil*, no. 4, 1914, pp. 65–76. (In Russ.)

31. *Senatskii arkhiv. Imennye ukazy Imperatora Pavla I [Senat's Archive: Personal Edicts of Paul I]*. St. Petersburg, 1888. (In Russ.)

32. Simankov, V. "D.I. Fonvizin kak 'rossiiskii Boalo': k istokam odnoi nominatsii v satiricheskikh zhurnalakh N.I. Novikova" ["D.I. Fonvisin as the 'Russian Boileau': towards the Origins of the TitulatoryFormula in N.I. Novikov's Satirical Journals"]. *Russkaia literatura*, no. 2, 2020, pp. 25–34. DOI: 10.31860/0131-6095-2020-2-25-34 (In Russ.)

33. Smirnova-Rosset, A.O. *Vospominaniia. Pis'ma [Memoirs. Letters]*. Moscow, Pravda Publ., 1990. 541 p. (In Russ.)

34. Stepanov, V.P. "Polemika vokrug D.I. Fonvizina v period sozdaniia 'Nedoroslia'." ["Polemics Concerning Fonvizin in the Period of His Work on *The Minor*"]. *XVIII vek. Russkaia literatura XVIII veka v ee sviaziakh s iskusstvom i naukoj [18th Century. Russian Literature of the 18th Century in Its Relations with Art and Science]*, vol. 15. Leningrad, Nauka Publ., 1986, pp. 204–228. (In Russ.)

35. Strichek, A. *Denis Fonvizin: Rossiia epokhi prosveshheniia. [Denis Fonvizin: Russia During the Age of Enlightenment]*. Moscow, Prometei Publ., 1994. 510 p. (In Russ.)

36. Shevryev, S.P. "Dnevnik chinovnika. Stat'ia piataia. 1807-i god" ["Diary of a Clerk. Essay 5. 1807"]. *Otechestvennye zapiski [Notes of the Fatherland]*, vol. CII, section 1. St. Petersburg, 1855. (In Russ.)

37. Shklovskii, V. *Matvei Komarov, zhitel' goroda Moskvy [Matvei Komarov, a Citizen of the City of Moscow]*. Leningrad, Priboi Publ., 1929. 296 p. (In Russ.)

38. Junge, Ek. "Iz moikh vospominanii. 1843–1860 gg." ["From My Recollections. 1843–1860"]. *Vestnik Evropy [Herald of Europe]*, book 3. St. Petersburg, 1905. (In Russ.)

39. *Oeuvres de Nicolas Boileau Despreaux. Avec des éclaircissemens historiques, donnés par lui-même*, vol. 1. A La Haye, 1729.

40. Sulpasso, Bianca. "Stranitsy iz nekanonicheskoi istorii russkoi literatury XVIII veka: evolutsiia literaturnogo obraza staroobriadtsa" ["Excerpts from Noncanonical History of Russian Literature of the 18th Century: Evolution of the Literary Image of an Old-Believer"]. *Toronto Slavic Quarterly*, no. 47, winter 2014, pp. 55–73. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 13.01.2022
Одобрена после рецензирования: 15.02.2022
Дата публикации: 25.03.2022

The article was submitted: 13.01.2022
Approved after reviewing: 15.02.2022
Date of publication: 25.03.2022

Об адмирале Нахимове, поэте Аммосове и общественных волнениях

© 2022, М.В. Строганов

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия

Аннотация: Статья посвящена атрибуции стихотворения «Севастопольцам». Устанавливается, что стихотворение было написано в феврале 1863 г. бывшим участником Крымской войны 1853–1856 гг. и довольно известным поэтом А.Н. Аммосовым, другие произведения которого находятся в поле зрения исследователей. Выясняется, что стихотворение было создано в связи с участием Аммосова в одном из ежегодных обедов ветеранов Крымской войны, но сразу не привлекло к себе внимания. Впервые оно было опубликовано полностью в 1898 г. в воспоминаниях военного журналиста и писателя, инициатора музея Севастопольской обороны П.К. Менькова, однако и эта публикация не актуализировала стихотворение как целое. В фокусе внимания всегда находилась лишь одна строфа из него, в которой упоминались могилы адмиралов П.С. Нахимова и В.А. Корнилова. Эта строфа была впервые опубликована в 1868 г. в качестве эпиграфа к статье участника Крымской войны А.Б. Асланбегова, написанной в ответ на появившуюся в 1867 г. статью некоего Севастопольца, который дегероизировал адмиралов и представил Синопскую битву как предсказуемую победу вследствие перевеса русских военных сил и как повод к вовлечению в Крымскую войну Англии и Франции. В феврале 1868 г. на традиционном обеде севастопольцев многие ораторы спорили с этой статьей и несколько раз цитировали строфу, ссылаясь на Асланбекова. Именно эта публикация и сделала строфу актуальной до нашего времени.

Ключевые слова: «Севастопольцам», А.Н. Аммосов, П.С. Нахимов, В.А. Корнилов, Крымская война 1853–1856 гг., проблема авторства, поэзия и история.

Информация об авторе: Михаил Викторович Строганов — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7618-7436> E-mail: mvstroganov@gmail.com

Для цитирования: *Строганов М.В.* Об адмирале Нахимове, поэте Аммосове и общественных волнениях // Литературный факт. 2022. № 1 (23). С. 218–230. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-23-218-230>

К.В. Лукашевич в книге «Оборона Севастополя и его славные защитники» (1904) в качестве эпиграфа к пятой главе «Славные защитники Севастополя. Адмирал Нахимов» привела следующее четверостишие, не указав его автора:

Но семья не позабыла
Тот родной гранит,
Где Нахимова могила,
Где Корнилов спит [7, с. 29].

Возможно, по книге К.В. Лукашевич данное четверостишие цитируют и упоминают почти все авторы, которые пишут о Нахимове и Севастополе, — от С.Н. Сергеева-Ценского¹ до наших современников, хотя эти последние добавляют и новую информацию. Один современный сетевой автор говорит, что это «стихи генерала Амосова на одном из севастопольских обедов»². А другой автор сообщает: «Другой поэт той поры А. Амосов в посвящении “Севастопольцам” написал...» — и приводит текст этого стихотворения, но без окончания, без указания на происхождение его, с большим числом неточностей в тексте³. Четверостишие используется в массовой публицистике, профессиональное литературоведение ни им, ни всем стихотворением, ни его автором не интересуется.

Судя по тому, как цитируемые авторы называют автора четверостишия, можно сделать вывод, что и они, и все остальные опираются на показание авторитетного участника Крымской войны морского офицера А.Б. Асланбегова, который вполне заслуживает доверие. А.Б. Асланбегов приводит этот фрагмент в качестве эпиграфа к своей статье и подписывает под ним: «стихи г. Амосова на одном из севастопольских обедов». А в самом конце своей статьи он вновь повторяет эту цитату⁴.

¹ *Сергеев-Ценский С.* «Героический Севастополь». Новый фильм центральной студии «Союзкинохроники» // Красная звезда. 1941. № 299 (5054), 20 декабря. С. 3. Следует учитывать, что в романе-эпопее «Севастопольская страда» (1937–1939) и в повести «Синопский бой» (1940–1941) С.Н. Сергеев-Ценский не приводит это стихотворение и не упоминает его автора.

² *Ковалева О.* Нахимов — герой и витязь русского флота! URL: <http://skaz.ru/magazine/10-012> (дата обращения: 10.10.2021).

³ *Рыжонок Г.* Севастополь — форпост России на Черном море // Севастопольская правда. 2018. 15 июня. URL: <https://sev-pravda.ru/sevastopol-forpost-rossii-nachuognom-more.html> (дата обращения: 10.10.2021).

⁴ *Асланбегов А.* Адмирал Павел Степанович Нахимов: (Биографический очерк) // Русский архив. 1868. № 3. Стб. 373, 410.

Из данного показания следует, что Амосов во время Крымской войны участвовал в обороне Севастополя, почему и имел право присутствовать на обеде севастопольцев, хотя к этому времени он уже ушел с военной службы, и поэтому назван не по военному чину, а как гражданское лицо («г<осподин>»); кроме того, Амосов занимался поэзией.

Учтя все эти условия, мы без труда признаем в авторе стихотворения Александра Николаевича Аммосова (1823–1866), достаточно известного поэта. Он начал службу юнкером в Люблинском егерском полку на Кавказе, где был тяжело ранен. Но службу не оставил: участвовал в подавлении Венгерского восстания и Крымской войне. С 1857 г. он состоял старшим адъютантом при дежурном генерале Главного штаба, а с 1861 г. в чине полковника при главнокомандующем 1-й армией. Однако в 1863 г. Аммосов перешел на гражданскую службу и в чине статского советника стал управляющим Палатой государственных имуществ Волынской губернии. Вот биография самого обычного служаки, вояки и верноподданного.

Вместе с тем Аммосов был независимым весельчаком, участвовал в сатирических проектах журнала «Современник»: «Свисток» и Козьма Прутков. Многие его стихотворения остались неизданными⁵. На его стихи писали романсы М.П. Мусоргский, К.Н. Лядов, О.И. Дютш. А романс «Элегия» (1858), после того как О.Х. Агренева-Славянская написала на него музыку, стал популярной народной песней «Хасбулат удалой» [1]⁶. На Кавказе Аммосов служил под начальством К.К. Данзаса, секунданта последней дуэли А.С. Пушкина; рассказы об этом легли в основу известной книги «Последние дни жизни и кончина А.С. Пушкина. Со слов бывшего его лицейского товарища и секунданта К.К. Данзаса» (СПб., 1866).

Аммосов и написал стихотворение, обращенное к бывшим защитникам Севастополя, содержащее нашу строфу. Но оно осталось не учтенным ни в подборках его стихотворений, ни в справочных изданиях, даже самых авторитетных (см. [3])⁷. Стихотворение не упоминается и в специальных исследованиях [10], а если и упоми-

⁵ Наиболее полный свод стихотворных произведений А.Н. Аммосова (печатных и извлеченных из архивов) см.: Аммосов Александр Николаевич // bibra.ru. Библиотека российских авторов. URL: <https://bibra.ru/subject/amosov-aleksandr-nikolaevich/#top> (дата обращения: 10.10.2021).

⁶ В книге опубликованы: «Элегия», «Серенада», «Не забудь меня вдали...», «Колокольчик».

⁷ Биографические данные об А.Н. Аммосове собраны в данной статье, однако и ее авторы не упоминают стихотворение «Севастопольцам» в числе принадлежащих ему.

нается, то с ошибками и противоречиями (и без всякой аргументации)⁸, первая публикация этого стихотворения в печати неизвестна. Однако, как пишет А.Б. Асланбегов, Аммосов прочел его впервые, будучи уже гражданским чиновником, на одном из ежегодных обедов севастопольцев, которые проходили в Петербурге в феврале каждого года (очевидно, в память о том, что в феврале 1856 г. начался вывод союзных войск из Крыма). Значит, это произошло, скорее всего, в феврале 1863 г., так как с января 1863 г. Аммосов перешел в гражданскую службу, но с августа 1863 г. до дня смерти в 1866 г. служил уже в Житомире, где, видимо, и умер «от последствий ран» [3, с. 58] и едва ли совершал дальние поездки.

Однако это стихотворение было опубликовано в достаточно известном и вполне доступном издании, в воспоминаниях военного журналиста и писателя, главного редактора «Военного сборника» и «Русского инвалида» Петра Кононовича Менькова (1814–1875). Как известно, Меньков сам с февраля 1855 г. находился в Севастополе и провел 6 месяцев в осажденном городе, причем 9 мая на 4-м бастионе был контужен в подбородок и шею. Кроме того, он участвовал в сражении на Черной речке. Свои очерки из эпохи Севастопольской обороны Меньков помещал в «Русском инвалиде» за подписью Петр Кашин. По окончании войны Меньков стал инициатором и активным деятелем комитета по организации музея Севастопольской обороны, на создание которого завещал почти все свои средства, в том числе большую сумму для учреждения при нем приюта для инвалидов-севастопольцев и школы для их детей (приют и школа были открыты в 1887 г. и носили имя Меньковских). Меньков оставил ряд важных работ, которые были изданы в 1898 г. в 3 т. под редакцией А.М. Зайончковского [5]. Первый том этого издания составила книга «Дунай и немцы», которую А.М. Зайончковский решил завершить публикацией ряда стихотворений, обнаруженных им архиве Менькова. Первое приложение открывалось следующей заметкой:

П.К. Меньков оставил в своих бумагах несколько стихотворений, относящихся к Севастопольской эпохе и принадлежащих перу разных лиц.

Некоторые из этих стихотворений хотя и не встречались нами в печати, но представляют, несмотря на свои литературные достоинства и недостатки, интерес как рисующие нравственное состояние

⁸ Ср. в одной и той же работе: «Под огнем грозы без страха...» А. Аммосов, 1856 и «Севастопольцам» А.Н. Аммосов, 02.1863 [12, с. 200, 207].

русского общества вообще и защитников Севастополя, в частности в тот период Восточной войны, когда союзники перенесли военные действия на русскую землю.

Мы считаем уместным предлагаемый труд П.К. Менькова закончить именно помещением собранных им севастопольских стихотворений, донные не встреченных нами в печати [5, с. 434].

Открывало этот раздел стихотворение, автором которого был назван А. Аммосов, «один из защитников Севастополя»:

Под огнем грозы без страха
Севастополь пал;
До последнего размаха
Гордо он стоял.

Он безмолвен, он печален,
Все похоронив;
Но под саваном развалин
Севастополь жив.

Жив, как эхо громовое,
Смолкнув вдалеке,
Жив, как знамя у героя
В раненой руке.

Жив великими делами,
Кровью их купив.
Севастопольцы! Он вами,
Вашей славой жив.

Вы дрались, и кровью вы же
Дали жизнь ему;
Пусть наш Малахов <!> в Париже,
Пер-Лашез — в Крыму!

Унялась гроза расправы,
Стихнул ураган,
Где боролся нашей славы
Грозный великан.

Там лишь ветер завывает
На немых гробах,
Да орел в степи летает
Спать на Чатыр-даг.

Но семья не позабыла
 Тот родной гранит,
 Где Корнилова могила,
 Где Нахимов спит.

Много, много их могила
 Нам наводит дум,
 Кровь там русская купила
 Кроме славы — ум!..

Кубок пенится заздравный
 Вам на много лет
 И на память смерти славной
 Тем, которых нет⁹. [5, с. 435–456]

Вслед за этим стихотворением следуют еще четыре: «На развалинах Севастополя. Посвящено П.К. Менькову» («Стою средь развалин, как древле пророк...») М.П. Розенгейма, «Севастопольцам («Где город шумный был, теперь там степь немая...»), «Солдатская песня. Посвящается С.А. Хрулеву» («Гей, камчатцы удалцы!») Петра Степанова и «На посылку иконы Казанския Божия Матери генерал-лейтенанту Хрулеву 21-го июля 1855 года» («Хрулев... отвага боевая...») Бориса Федорова [5, с. 436–442, 442–444, 444–445, 446]¹⁰. Два из них принадлежат Розенгейму и Б.М. Федорову, одно — малоизвестному и, видимо, непрофессиональному автору, одно анонимно. Наконец, в 4-м приложении к книге А.М. Зайончковский опубликовал еще один найденный в бумагах Менькова текст со следующим комментарием: «Помещаем здесь приложенную к запискам Менькова песнь крымских солдат, касающуюся сражения на Черной речке. К сожалению, и здесь не упомянуто, кто именно автор приводимой песни, но мы, на основании соображений, изложенных выше, склонны считать таковым П.К. Менькова или целый кружок лиц главной квартиры князя Горчакова». Далее следует текст известной песни Л.Н. Толстого о сражении на Черной речке «Как четвертого числа...» [5, с. 460–462], которая особо могла интересовать Менькова как автора песни «Под Силистрию ходили...» (1854). Наконец,

⁹ Записки Петра Кононовича Менькова. Т. I. С. 435–436.

¹⁰ Впервые все эти тексты были опубликованы годом раньше: *Меньков П.К. Дунай и немцы / Сообщил Зайончковский // Изборник разведчика. Книга VIII за 1897 год / Приложение к журналу «Разведчик» за 1897 г. СПб.: Изд. В.А. Березовский, 1897. С. 104.*

еще одно приложение составляет солдатская песня «Ко 2-му пехотному корпусу» («От Такила до Алмы / От Алмы к Каракияту...»), к которому сделал примечание: «Стихотворение это написано рукою П.К. Менькова, но не указано, кем оно сочинено; по всей вероятности, самим Меньковым» [5, с. 471].

Как видим, П.К. Меньков вполне сознательно (а возможно, и вполне профессионально) собирал стихотворения и песни о Крымской войне. И скорее всего, делал это не по памяти, а прямо по горячим следам. Поэтому тексты, зафиксированные им, представляются авторитетными.

Вернемся, однако, к стихотворению Аммосова. Совершенно обычное само по себе, оно сыграло весьма важную, едва ли не ключевую роль в истории осмысления Крымской войны и личности Нахимова. 11 февраля 1868 г. в гостинице Демута в Петербурге состоялся очередной юбилейный обед 65 севастопольцев. И состоялся он в момент, очень болезненный для бывших защитников Севастополя. В декабрьском номере журнала «Русский архив» за 1867 г. была опубликована статья некоего Севастопольца, который изобразил В.А. Корнилова и П.С. Нахимова в дегероизированном виде. Этот Севастополец представил Синопскую битву как легкую и предсказуемую победу вследствие огромного перевеса русских военных сил и как непосредственный толчок к вовлечению в Крымскую войну Англии и Франции. Кроме того, автор писал, что русская армия и Севастополь не были подготовлены к войне¹¹. Я не собираюсь анализировать содержание этой статьи и приведу только некоторые фрагменты, чтобы объяснить последовавшую на нее реакцию, поскольку именно эта реакция актуализировала ту строфу из стихотворения Аммосова, которая активно используется по настоящее время:

Может быть, вы спросите о стратегическом значении этого боя?

Увы, тут следует быстрое и грустное разочарование. Мне тяжело вносить в летопись эти холодные, разочаровывающие строки — в такую минуту, когда я плачу сладкими слезами. Синопский бой в стратегическом смысле был не бой в правильной соразмерности воюющих сил, это был разгром, *le massacre de Sinope* <резня в Синопе>, как называют французы. В доказательство довольно привести сравнительную таблицу судов и батарей, бывших в деле <...>.

¹¹ Б. н. Из записок Севастопольца // Русский архив. 1867. № 12. Стб. 1579–1637.

Но как бы то ни было, разбитие вдребезги синопского флота произвело чрезвычайный эффект. Нас били на Дунае. Нам нужно было хоть что-нибудь в роде победы. <...>

Капитал был нажит. Оставалось жить одними процентами. Всякий знает, как не трудно перебиваться в жизни человеку, на которого толпа смотрит уже как на гения, и всякий взапуски торопится заявить ему свою долю удивления, так сказать, погреть руки у этого священного огня. Вчера еще над ним могли подтрунивать, но сегодня опубликовано в газетах, что что он гений, — и все трунившее прижалось; все смелые, бесцеремонные языки сочли разумным умолкнуть¹².

Статью эту на основании свидетельства С.И. Пономарева, которое он никак не аргументировал, стали приписывать Н.В. Бергу [2, с. 281; 4, с. 146; 9, с. 208]. Между тем в основе корреспонденций Берга из Севастополя, которые он публиковал в «Москвитянине» и «Современнике» во время Крымской войны (см.: [8, с. 367–372, 403–428]), и двух его книг об этой войне, вышедших по ее окончании¹³, лежит совершенно иная концепция. Так что идентификацию Севастопольца как Н.В. Берга приходится отвести. Стоило бы, однако, тщательно поискать этого автора, так как другой столь же радикальной точки зрения на события Крымской войны в России 1860-х гг. мы не знаем, а неожиданность этой точки зрения заставляют подозревать в ее авторе ум яркий и оригинальный¹⁴.

В настоящее время появляются работы, которые продолжают изучение предыстории Крымской войны и Синопского сражения в русле статьи Севастопольца. Таковы, например, работы Ю.В. Кирпичева, хотя он, видимо, не знаком ни со статьей в «Русском архиве», ни с возникшей в связи с ней полемикой¹⁵. Но нас в данном случае интересует не эта исследовательская традиция, а дальнейший ход событий и судьба стихотворения Аммосова, для чего мы и приводим эти небольшие фрагменты из статьи Севастопольца.

Чтобы представить, насколько жестко неизвестный Севастополец задел ветеранов войны, стоит вспомнить, как сто лет спустя повести

¹² Там же. Стб. 1602, 1603.

¹³ Записки об осаде Севастополя / [соч.] Н. Берга. М.: Тип. Каткова и К°, 1858. Т. I–II; Севастопольский альбом / [Соч.] Н. Берга. М.: Изд. К. Солдатенкова и Н. Щепкина, 1858; рисунки автора.

¹⁴ О значении этой статьи для формирования мемуаристики о Крымской войне см.: [11; 13].

¹⁵ *Кирпичев Юрий*. Пирров Синоп // Центральный военно-морской портал. URL: <https://flot.com/science/view/pirrovsinop/> (дата обращения: 10.10.2021).

Василия Быкова возмутили ветеранов Великой Отечественной войны. Основатель и издатель «Русского архива» П.И. Бартенев предчувствовал это возмущение и всячески в своих примечаниях к статье пытался отгородиться от позиции автора, на которого поднялась огромная волна возмущений чуть ли не во всех периодических изданиях. Больше всего статей подобного рода появилось, разумеется, в «Морском сборнике»¹⁶, а вскоре некоторые из них были перепечатаны в специальной книге¹⁷. Я не буду цитировать все эти выступления и приведу только финал речи генерал-адъютанта А.А. Зеленого, которая была произнесена на обеде севастопольцев 11 февраля 1868 г.:

...автор жалкой статьи не из нашей семьи. И как дерзнул он самозабвенно присвоить себе имя севастопольца? Пускай же имя его останется навсегда неизвестным! Клеветы его не произведут никакого действия. Они разоблачаются фактами, представленными в разных статьях, появившихся для восстановления оскорбленной истины, и особенно в прекрасной статье капитана 1 ранга Асланбегова, напомнившего всю жизнь, все служебное поприще, пройденное покойным Павлом Степановичем Нахимовым, стяжавшее ему такую завидную и не выпадающую на долю обыкновенных людей неувядаемую славу, заслужившее ему общую любовь и уважение. <...> В нас же, современниках Корнилова и Нахимова, очевидцах их славной службы и геройской смерти, клевета вызовет не сомнение в заслугах павших героев, но лишь глубокое презрение к ней и сожаление к тем пигмеям, которые дерзают хулить то, что им непонятно и недоступно. Мы, севастопольцы, никогда не забудем

¹⁶ Крашенинников С. Замечания на статью «Из записок севастопольца», помещенную в № 12 «Русского архива» 1867 г.; *Афанасьев, капитан-лейтенант*. Ответ моряка «Русскому архиву»; Статья «Кронштадтского вестника» по поводу «Записок севастопольца» // Морской сборник. 1868. Т. ХСIV. № 2. Критика и библиография. С. 1–17, 18–24, 24–25; *Асланбегов, капитан 1 ранга*. Адмирал Павел Степанович Нахимов: (Биографический очерк); *Рыкачев Н.* По поводу «Записок севастопольца», напечатанных в 12 книжке «Русского архива» за 1867 год. (Библиографический очерк) // Морской сборник. 1868. Т. ХCV. № 3. Критика и библиография. С. 1–32, 32–45; *Нарбут Ф., капитан-лейтенант*. По поводу статьи «Из записок севастопольца», помещенной в «Русском архиве» 12, 1867 г.; Заметка по поводу ложного отзыва о всех штурманских офицерах в «Записках Севастопольца» в № 12 «Русского архива» // Морской сборник. 1868. Т. ХCV. № 4. Критика и библиография. С. 27–33, 33–85 (о происхождении названия Малахова кургана, близ Севастополя); По поводу статьи «Из записок севастопольца»: Письмо от управляющего морским министерством Н.Е. Краббе к издателю «Русского архива» // Морской сборник. 1868. Т. ХCVI. № 5. Критика и библиография. С. 1–2.

¹⁷ Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя: Сборник, издаваемый комитетом по устройству Севастопольского музея / под ред. Н. Дубровина. СПб.: Тип. департамента уделов, 1871. Вып. I. Приложения. С. 155–227.

... тот родной гранит,
 Где Нахимова могила,
 Где Корнилов спит!..¹⁸

Финал речи А.А. Зеленого буквально повторяет финал статьи Асланбегова, который произнес на обеде свою речь вслед за ним. Все крутилось вокруг одной строфы из стихотворения Аммосова, и только она одна включается в сборники стихотворений, посвященных войне (с тем же неточным указанием автора) [6]¹⁹. А само стихотворение забылось, и авторство его фактически тоже забыто. Сам автор известен, но что значит известность имени при неизвестности дел? В общественном сознании осталась одна фактически безымянная строфа, как будто во имя нее и писалось все стихотворение.

Литература

1. *Аммосов А.Н.* Стихотворения // Поэты 1860-х годов / вступ. ст., подгот. текста и примеч. И.Г. Ямпольского. Л.: Сов. писатель, 1968. С. 627–632. (Библиотека поэта. Малая серия. Издание третье).
2. *Венгеров С.А.* Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1904. Т. VI. X, 465 с.
3. *Войналович Е.В., Кармазинская М.А.* Аммосов Александр Николаевич // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 1: А–Г. М.: Большая Российская энциклопедия; Фианит, 1992. С. 58–59.
4. *Зайцев А.Д.* Петр Иванович Бартенев и «Русский архив». М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2013. 480 с.
5. Записки Петра Кононовича Менькова: в 3 т. СПб.: Изд. В. Березовский, 1898. Т. I: Дунай и немцы (Восточный вопрос 1853–1855 гг.). 471 с.
6. Крымская война сквозь призму поэзии. Ч. 1: Глазами участников и современников / сост., авт. вступ. текста, примеч. И.И. Петровой. СПб.: [Б. и.], 2001. 80 с. Серия «Крым в зеркале российской словесности», вып. 3.
7. *Лукашевич К.* Оборона Севастополя и его славные защитники: из истории Крымской войны, 1853–1856 годов. М.: Современник, 1995. 253 с.
8. *Орехова Л.А., Орехов В.В., Первых Д.К., Орехов Д.В.* Крымская Илиада. Крымская (Восточная) война 1853–1856 годов глазами современников: литература, архивы, пресса. 2-е изд., перераб. и доп. Симферополь: Симферопольская городская тип., 2010. 480 с.

¹⁸ Севастопольский обед. С. 45–57; Речи, произнесенные на севастопольском обеде 11-го февраля 1868 г. С. 225–227.

¹⁹ Нам известно еще одно цитирование этой строфы в XIX в.: Адмирал Павел Степанович Нахимов. СПб.: Тип. Департамента уделов, 1872. С. 30.

9. Орлов А.А. Союз Петербурга и Лондона. Российско-британские отношения в эпоху наполеоновских войн. М.: Прогресс-Традиция, 2005. 368 с.

10. Федянова Г.В. Крымская война в русской поэзии 1850-х годов: автореф. дис.... канд. филол. наук. Тверь: ТвГУ, 2008. 16 с.

11. Федотова М.С. Севастопольская оборона (1854–1855 гг.) в культурной памяти дореволюционной России: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб.: Санкт-Петербургский ин-т истории РАН, 2012. 20 с.

12. Шаповалова Н.В. Художественная литература и мемуары как источник по изучению обороны Севастополя в 1854–1855 годах: дис. ... канд. ист. наук. М.: МГУ, 2018. 211 с.

13. Шаповалова Н.В. Источниковедческий анализ мемуаров об обороне Севастополя 1854–1855 гг.: к постановке вопроса // Исторический журнал: научные исследования. 2018. № 3. С. 1–12.

Research Article

About Admiral Nakhimov, Poet Ammosov and Public Unrest

© 2022. Mikhail V. Stroganov

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Abstract: The article is devoted to the attribution of the poem “To the people of Sevastopol.” The author establishes that the poem was written in February 1863 by a former participant in the Crimean War of 1853–1856 and quite famous poet A.N. Ammosov, whose other works are in the field of view of researchers. It turns out that the poem was created in connection with the participation of Ammosov in one of the annual dinners of veterans of the Crimean War, but did not immediately attract attention. It was first published in full in 1898 in the memoirs of a military journalist and writer, the initiator of the Sevastopol Defense Museum P.K. Menkov, however, this publication did not update the poem as a whole. The focus of attention was always only one stanza from it, in which the graves of admirals P.S. Nakhimov and V.A. Kornilov were mentioned. This stanza was first published in 1868 as an epigraph to an article by A.B. Aslanbegov, written in response to an article published in 1867 by a certain Sevastopolian who deheroized the admirals and presented the Battle of Sinop as a predictable victory due to the superiority of the Russian military forces and as a reason to involve England and France in the Crimean War. In February 1868, at a traditional Sevastopol dinner, many speakers argued with this article and quoted the stanza several times, referring to Aslanbekov. It was this publication that made the stanza relevant to our time.

Keywords: “To the people of Sevastopol,” A.N. Ammosov, P.S. Nakhimov, V.A. Kornilov, The Crimean War of 1853–1856, the problem of authorship, poetry and history.

Information about the author: Mikhail V. Stroganov — DSc in Philology, Leading Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7618-7436> E-mail: mvstroganov@gmail.com

For citation: Stroganov, M.V. “About Admiral Nakhimov, poet Ammosov and Public Unrest.” *Literaturnyi fakt*, no. 1 (23), 2022, pp. 218–230. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-23-218-230>

References

1. Ammosov, A.N. “Stikhotvoreniia” [“Poems”]. *Poety 1860-kh godov* [*Poets of the 1860s*], introd., text prep. and notes by I.G. Yampolsky. Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1968, pp. 627–632. (Biblioteka poeta. Malaya seriia. Izdanie tret'e.) (In Russ.)
2. Vengerov, S.A. *Kritiko-biograficheskii slovar' russkikh pisatelei i uchenykh* [*Critical Biographical Dictionary of Russian Writers and Scientists*], vol. VI. St. Petersburg, Tipografiia M.M. Stasyulevicha Publ., 1904. 465 p. (In Russ.)
3. Voinalovich, E.V., Karmazinskaya, M.A. “Ammosov Aleksandr Nikolaevich” [“Ammosov Aleksander Nikolaevich”]. *Russkie pisateli. 1800–1917: Biograficheskii slovar'* [*Russian Writers. 1800–1917: Biographical Dictionary*], vol. 1: A–G. Moscow, Bol'shaya Rossiiskaia entsiklopediia Publ., Fianit Publ., 1992, pp. 58–59. (In Russ.)
4. Zaitsev, A.D. *Petr Ivanovich Bartenev i “Russkii arkhiv”* [*Peter Ivanovich Bartenev and the “Russian Archive”*]. Moscow, Rukopisnye pamiatniki Drevnei Rusi Publ., 2013. 480 p. (In Russ.)
5. *Zapiski Petra Kononovicha Men'kova: v 3 t.* [*Notes of Pyotr Kononovich Menkov: in 3 vols.*], vol. I: Dunai i nemtsy (Vostochnyi vopros 1853–1855 gg.) [Danube and the Germans (Eastern Question of 1853–1855)]. St. Petersburg, Izdatel'stvo V. Berezovskii Publ., 1898. 471 p. (In Russ.)
6. *Krymskaia voina skvoz' prizmu poezii* [*The Crimean War through the Prism of Poetry*], pt. 1: Glazami uchastnikov i sovremennikov [Through the Eyes of Participants and Contemporaries], comp., auth. introd., notes by I.I. Petrova. St. Petersburg, [S. n.], 2001. 80 p. (“Krym v zerkale rossiiskoi slovesnosti” Series, issue 3. (In Russ.)
7. Lukashevich, K. *Oborona Sevastopolia i ego slavyne zashchitniki: iz istorii Krymskoi voiny. 1853–1856 godov* [*The Defense of Sevastopol and its Glorious Defenders: from the History of the Crimean War, 1853–1856*]. Moscow, Sovremennik Publ., 1995. 253 p. (In Russ.)
8. Orekhova, L.A., Orekhov, V.V., Pervykh D.K., Orekhov, D.V. *Krymskaia Iliada. Krymskaia (Vostochnaia) voina 1853–1856 godov glazami sovremennikov: literatura, arkhivy, pressa* [*The Crimean Iliad. The Crimean (Eastern) War of 1853–1856 through the Eyes of Contemporaries: Literature, Archives, Press*], 2nd ed., rev. and edd. Simferopol', Simferopol'skaia gorodskaiia tipografiia Publ., 2010. 480 p. (In Russ.)
9. Orlov, A.A., *Soiuz Peterburga i Londona. Rossiisko-britanskie otnosheniia v epokhu napoleonovskikh vojn* [*Union of St. Petersburg and London. Russian-British Relations in the Era of the Napoleonic Wars*]. Moscow, Progress-Traditsiia Publ., 2005. 368 p. (In Russ.)

10. Fedianova, G.V. *Krymskaia voina v russkoi poezii 1850-kh godov* [*The Crimean War in Russian Poetry of the 1850s: PhD Thesis, Summary*]. Tver', TvSU Publ., 2008. 16 p. (In Russ.)

11. Fedotova, M.S. *Sevastopol'skaia oborona (1854–1855 gg.) v kul'turnoj pamyati dorevoliutsionnoi Rossii* [*Sevastopol Defense (1854–1855) in the Cultural Memory of Pre-revolutionary Russia: PhD Thesis, Summary*]. St. Petersburg, Sankt-Peterburgskii institut istorii RAN Publ., 2012. 20 p. (In Russ.)

12. Shapovalova, N.V. *Khudozhestvennaia literatura i memuary kak istochnik po izucheniiu oborony Sevastopolya v 1854–1855 godakh* [*Fiction and Memoirs as a Source for the Study of the Defense of Sevastopol in 1854–1855: PhD Thesis*]. Moscow, MSU Publ., 2018. 211 p. (In Russ.)

13. Shapovalova, N.V. “Istochnikovedcheskii analiz memuarov ob oborone Sevastopolya 1854–1855 gg.: k postanovke voprosa” [“Source Study Analysis of Memoirs on the Defense of Sevastopol in 1854–1855: to the Question”]. *Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniia*, no. 3, 2018, pp. 1–12. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 09.10.2021

Одобрена после рецензирования: 15.12.2021

Дата публикации: 25.03.2022

The article was submitted: 09.10.2021

Approved after reviewing: 15.12.2021

Date of publication: 25.03.2022

Булгаков и Лабале (К вопросу об источниках «Собачьего сердца»)*

© 2022, А.Ф. Строев

Новая Сорбонна, Париж

Аннотация: В статье рассматривается европейская традиция «героя-пса» в контексте литературных источников повести М.А. Булгакова «Собачье сердце» (1925). Число подобных источников предлагается расширить за счет волшебной повести французского политика и писателя Эдуарда Лабале (1811–1883) «Принц-пудель» (1867), бывшей в свое время весьма популярной и в России, о чем свидетельствует представленный в статье сжатый очерк рецепции Лабале в русской словесности 1860–1920-х гг. Доминантные элементы антиутопии и социально-политической сатиры Лабале нашли свое отражение не только у Булгакова, но и в текстах А.И. Куприна, Е.И. Замятина. Начиная с 1910-х гг. «Принц-пудель» в России и СССР не переиздавался, чем, вероятно, можно объяснить «ускользание» повести Э. Лабале из внимания отечественного булгаковедения.

Ключевые слова: М.А. Булгаков, Э. Лабале, Е.И. Замятин, «Собачье сердце», литературные подтексты, антиутопия.

Информация об авторе: Александр Федорович Строев — доктор филологических наук, профессор, Университет Новая Сорбонна, 75005 г. Париж, Франция. E-mail: alexandre.stroev@libertysurf.fr

Для цитирования: *Строев А.Ф.* Булгаков и Лабале (К вопросу об источниках «Собачьего сердца») // Литературный факт. 2022. № 1 (23). С. 231–242. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-23-231-242>

* Сердечно благодарю В.В. Гудкову за внимательное и заинтересованное прочтение моей статьи.

Памяти М.О. Чудаковой

Биографический, литературный и исторический контекст «Собачьего сердца» (1925) М.А. Булгакова прекрасно изучен [16; 5, с. 663–693, 701–703; 4; 13, с. 429–439], исследованы основные источники повести, диалог Булгакова с Достоевским [8; 9; 17], Толстыми [6], Сервантесом, Гофманом, Гоголем [20; 21], Уэллсом. Я позволю себе кратко напомнить философскую и литературную традицию, соотносящую поведение собаки с устройством общества, а затем рассмотрю источники, которые, как мне кажется, еще не привлекли внимание исследователей творчества Булгакова.

Тема эта, разумеется, восходит к античности. В первую очередь это философия киников, которые, в подражание псу, проповедовали естественное поведение, удовлетворение насущных потребностей, отрицание этикета. Поведение Шарикова за обеденным столом и его отношение к женщинам вполне в духе Диогена.

Напротив, Платон ставил собаку в пример с прямо противоположной целью — создать идеальное, разумно устроенное общество. В «Государстве» пес предстает как образцовый философ, познающий мир, и как безупречный страж, безошибочно отличающий врагов от друзей. Описание того, как надо организовать отбор, воспитание и жизнь сословия стражей, опоры государя, современному читателю напоминает теории времен военного коммунизма и дальнейших лет Советской власти: евгенику, отсутствие собственности и семьи, постоянную войну с внешним и внутренним врагом, идеологическую/религиозную и литературную цензуру, ложь властителей во имя высшей цели.

Для Булгакова в первую очередь важна литературная традиция, идущая от трех горячо любимых им писателей: Сервантеса («Новелла о беседе, имевшей место между Сципионом и Бергансой, собаками госпиталя Воскресения Христова», 1613), Гофмана («Известие о дальнейших судьбах собаки Берганца» из «Фантазий в манере Калло», 1814), Гоголя («Записки сумасшедшего», 1835)¹. Отмечу особо несколько мотивов. У Сервантеса и Гофмана ведьма признает в псе своего сына и пытается вернуть ему человеческий облик с помощью волшебной мази². В конце повести Гофмана пес теряет дар речи (как

¹ О диалоге Булгакова с Гоголем и Гофманом писал еще в 1925 г. Ю. Соболев, см.: [5, с. 668], а также [15]; далее эта тема разрабатывается в диссертациях [2; 12].

² Оба писателя не скрывают свой источник: они развивают повествовательную модель «Золотого осла» Апулея.

затем Шариков). Все три писателя, как и Булгаков, активно вводят в произведения литературную полемику и литературные реминисценции. Темы безумия, поиска своей идентичности, иллюзорности бытия связаны с традицией плутовского романа, с трагедией Кальдерона «Жизнь есть сон» (написанной по мотивам истории Дмитрия Самозванца), с «Дон Кихотом» и «Гамлетом». Поприщин неслучайно превращается в испанского короля.

«Кудесник из собачьей сказки»

В «Собачьем сердце» мистическая тема перевоплощения, жизни как сна также разрабатывается в трагикомической манере:

Он — добрый волшебник, маг и кудесник из собачьей сказки...
Ведь не может же быть, чтобы все это я видел во сне? А вдруг сон!
(Пес во сне дрогнул.) Вот проснусь, и ничего нет. Ни лампы в шелку,
ни тепла, ни сытости. Опять начнется подворотня, безумная стужа,
оледеневший асфальт, голод, злые люди... Столовка, снег... Боже, как
тяжело это будет!.. [1, т. 2, с. 147]

В этом эпизоде перекрещивается много интертекстуальных отсылок. В «Белой гвардии» (1923–1925), «Роковых яйцах» (1925) лампа с шелковым абажуром — символ уюта, устроенной жизни, а без абажура — разрухи³.

Ученый-волшебник отсылает прежде всего к «Фаусту» Гёте, к созданию гомункулуса (искусственного человека, выращенного в алхимической реторте), к теме договора с нечистой силой / с советской властью (столь важной для «Роковых яиц» и «Мастера и Маргариты»), не говоря уж о черном пуделе — первом воплощении Мефистофеля⁴. Затем — к роману Мэри Шелли «Франкенштейн, или Современный Прометей» (1818), к теме бунта твари против Творца (центральной и в «Собачьем сердце» и в «Роковых яйцах»). Разумеется, к роману Герберта Уэллса «Остров доктора Моро» (1896), где хирург с помощью операций и переливания крови превращает зверей, в том числе пса, в человекоподобных существ. В итоге они восстают и убивают ученого. Еще В. Шкловский в 1926 г. не без сар-

³ «Никогда не сдергивайте абажур с лампы! Абажур священен» («Белая гвардия») [1, т. 1, с. 196]. Как показал Б.М. Гаспаров, этот мотив связан с отцом писателя [3, с. 84].

⁴ «Вот, значит, чем был пудель начинен! / Скрывала школяра в себе собака?» (сцена «Рабочая комната Фауста»); пер. Б.Л. Пастернака.

казма отметил, что фабула «Роковых яиц» восходит к «Пище богов» Уэллса [5, с. 672].

Описывая род занятий профессора Преображенского (геронтология, восстановление сексуальной потенции), Булгаков отсылает к научным утопиям 1920-х гг.: к евгенике, сохранению и изучению мозга гениев и возможному воскрешению их⁵, омоложению и улучшению людей:

Вьюга захлопала из ружья над головой, взметнула громадные буквы полотняного плаката «Возможно ли омоложение?»

Можно привить гипофиз Спинозы или еще какого-нибудь такого лешего и соорудить из собаки чрезвычайно высоко стоящее, но на какого дьявола, спрашивается? <...> Я заботился совсем о другом, об евгенике, об улучшении человеческой породы. И вот на омоложении нарвался! [1, т. 2, с. 122, 194].

М.О. Чудакова и В.В. Гудкова подробно пишут об опытах по омоложению, которые ставили в России в начале 1920-х⁶. Можно также вспомнить о методе переливания крови в целях омоложения людей и улучшения общества, предложенном политиком и врачом А.А. Богдановым в утопическом романе «Красная звезда» (1908). В год создания «Собачьего сердца» он проводил эксперименты и был инициатором создания Института переливания крови. Институт начал работать в 1926 г., а в 1928 г. Богданов скончался от чересчур обильного переливания крови.

Возможно, Булгаков думал об опытах на собаках академика И. Павлова, лауреата Нобелевской премии (1904). Большевиком ученый не любил, но остался на родине и пользовался почетом и поддержкой властей. Упрощенный вариант его учения об условных рефлексах, которые можно разрабатывать и закреплять, послужил основой для идеологии воспитания нового советского человека. И, как известно, квартира профессора Преображенского расположена в доме на Пречистенке, где жил дядя Булгакова, врач Николай Михайлович Покровский, — он считается прототипом Преображенского [5, с. 687; 13, с. 435].

Продолжим анализ этого эпизода повести. Шарик осматривает себя в зеркале и раздваивается:

⁵ Маяковский в поэме «Про это» (1923) писал о «мастерской человечьих воскрешений» будущего и просил воскресить именно его («Прошение на имя»).

⁶ [14, с. 44–45; 5, с. 687–688]; см. также: [7].

«Я — красавец. Быть может, неизвестный собачий принц-инкогнито», — размышлял пес, глядя на лохматого кофейного пса с довольной мордой, разгуливающего в зеркальных даях <...> [1, т. 2, с. 147].

«Собачий принц-инкогнито»

Это явная отсылка к книге «Принц-пудель». Ее автор, Эдуард Лабуле (1811–1883), — французский политик, теоретик либерализма, депутат (1871–1876), сенатор (1875–1883), автор политических и исторических трудов. Он также печатал переделки народных сказок. Но «Принц-пудель» (1867, опубл. в журнале «La Revue nationale»; 1868) — это волшебная повесть и одновременно политическая сатира в духе XVIII в., «Гулливера» Свифта или «Нескромных сокровищ» Дидро.

Добрая фея, желая помочь юному принцу, ставшему королем, заколдовывает его. Ночью во время сна он превращается в пуделя, видит подлинную жизнь своих подданных, страдает, чудом избегает смерти, убегает из живодерни и в итоге понимает подноготную всех событий. Министры не могут более навязывать ему решения. Приключения принца в собачьем облике напоминают плутовской роман.

Сатира Лабуле, прекрасно знающего закулисную политическую жизнь страны, настолько едкая, что приближается к антиутопии — весьма правдоподобной.

У каждого подданного — девятизначный номер, указывающий дату и место рождения, семейное положение, число детей, профессию и должность. У государя этот номер — 0.

Управляют страной чиновники. Их два на каждого жителя: первый заставляет работать, второй заставляет молчать. Нельзя уволить бесполезного и бездарного чиновника, а только перевести на новую работу с повышением. Лабуле предвосхищает «принцип Питера» (1968): в иерархической системе работник продвигается по служебной лестнице до уровня полной некомпетентности.

В государстве принято множество «рациональных» законов, регламентирующих все сферы деятельности и порабащающих слабых и неимущих. Для сильных мира сего они не писаны. Все решают любые проблемы благодаря связям и протекции («по благу», как говорили в советское время).

В стране выходит одна газета, «Официальная Правда», дающая «правильную» версию событий, политических и военных. Для чтения существует одна «Официальная Библиотека», то есть со-

брание избранных произведений — исправленных, доработанных и улучшенных.

Государственное воспитание делает всех подданных одинаковыми, душой и телом, вполне в духе Платона.

С соседним государством с переменных успехом ведется кровопролитная и бессмысленная война. Она служит для поддержания патриотического духа, укрепления репутации государя и, главное, для военной карьеры генералов.

Лабуле блестяще описывает образцовые парламентские речи, произносимые за и против новых законов, безотносительно к содержанию предложенных мер. Ораторы используют либеральные клише (прогресс, перенимание лучшего у других стран) и консервативные (порядок, стабильность, сохранение национальных традиций).

Однако писатель предлагает и положительную политическую программу. Главный принцип — моральный, экономический и политический либерализм: «Живи и давай жить другим». За образец принимаются США: конфедерация штатов, демократическая республиканская система правления. Лозунги: «Мир, свобода, труд». Лабуле упоминает в качестве примера африканскую республику Либерия, основанную по американской модели черными переселенцами из США и провозгласившую независимость в 1847 г. Однако, как мы знаем, экономических и политических успехов она не добилась.

Русская рецепция Лабуле

«Принц-пудель» сразу стал популярен в России. Первым его перевел и опубликовал в «Отечественных записках» в 1868 г. Д.И. Писарев. Он вполне резонно сократил длинноты и усилил политическое звучание книги. Затем последовали издания «Принц-собачка. История парижской прессы. Три лимона» (СПб.: Н.И. Ламанский, 1868), «Принц Каниш» (СПб.: Н.С. Львов, 1868). Новая серия переводов появилась под влиянием первой русской революции: «Принц-пудель» (полный пер. с фр. П. Казановича. СПб.: Ф. Павленков, 1907), «Принц-пудель» (пер. с фр. Л. и Ж. Караваевых, под ред. С.А. Порецкого. СПб.: Вят. т-во «Нар. б-ка», 1907), «Принц-собачка» (М.: Набат, 1907). В советское время издавали только сказки для детей в обработке Лабуле («Как петушок попал на крышу»), но не «Принца-пуделя».

А.И. Куприн в рассказе «Собачье счастье» (1896) создал политическую сатиру, используя одну из центральных глав книги Лабуле, где описываются разговоры бродячих и породистых собак, пойманных живодерами. Главная дилемма: попав безвинно под арест, перед

лицом тирании, в ожидании гибели надо ли подчиняться законам, надеяться на помощь хозяев или, напротив, спастись самим, решиться на побег. Герои Куприна и Лабуле выбирают второе.

Не исключено, что Евгений Замятин помнил о Лабуле, создавая антиутопию «Мы» (1921). Косвенным подтверждением этого служит его рассказ о собаке, служащей разным хозяевам, написанный от второго лица («Глаза»). Он был опубликован в книге «Собачья доля. Петербургский сборник рассказов» (Берлин: Слово, 1922); туда вошли также «Собачья доля» и «Находка» А.М. Ремизова, «Вой» И.С. Соколова-Микитова, «Собачья жизнь» В. Ирецкого (В.Я. Гликмана), «Азор» В.Я. Шишкова.

Саша Черный писал в рецензии на сборник «Собачья доля»:

Перед нами коллективный памфлет, посвященный петербургской жизни под ярмом большевизма <...> собачьи переживания тяжелых дней являются единственной общей темой рассказов и отрывков, из которых составлена книга. <...>

Замысел сам по себе неплохой, и таким приемом нередко пользовались памфлетисты (достаточно хотя бы вспомнить Свифта или Лабуле) <...>.

Лучше других вещей «Находка» Алексея Ремизова, но этот рассказ лишь подтверждает отмеченное выше, ибо здесь в центре повествования не собака, а обитатели многоэтажного дома, терпящие от холода и от декретов, от собственного оскудения и от порчи канализационных труб.

И, право, лучше было бы под тем же заголовком собрать рассказы, посвященные людскому быту, который «там» — страшнее «собачьей доли»⁷.

Как мы видим, тема не чуждая Булгакову⁸.

Живший во Франции переводчик и критик Владимир Биншток упомянул о сборнике в обзоре русской литературы в журнале «Mercure de France». Напомнив, что Берлин стал центром русского книгоиздательства, Биншток сослался на рецензию А.М. Дроздова на «Собачью долю», напечатанную в берлинском журнале «Русская книга» (1922. Март. № 3. С. 10–11):

Небольшой сборник «Собачья доля» включает статьи и новеллы Шишкова, Ирецкого, Ремизова, Замятина. Их герои — собаки, кото-

⁷ Саша Черный. Собр. соч.: в 5 т. М.: Эллис Лак, 1996. Т. 3. С. 368.

⁸ О дружеских отношениях Булгакова и Замятина см.: [10].

рым авторы поручили, в форме монологов или диалогов, высмеять нынешнее положение дел в России. Сборник этот показателен. Во времена царизма, когда безжалостно свирепствовала цензура, писатели для изложения своих идей использовали различные метафоры, заменяли людей животными. Придумали особый язык, названный «эзоповым языком». Нынче, чтобы опубликоваться вне официальных издательств, русские писатели, которым в виде исключения позволяют печататься, также прибегают к этому эзоповому языку, образчиком коего служит сборник «Собачья доля»⁹.

Трудно сказать, читал ли Биншток сборник. По сути, он повторил формулу В.И. Ленина из статьи «Партийная организация и партийная литература» (1905): «Проклятая пора эзоповских речей, литературного холопства, рабьего языка, идейного крепостничества!»

В заключение можно сказать, что политическая сатира Э. Лабуле была одним из многочисленных источников повести М.А. Булгакова. Весьма вероятно, что сборник «Собачья доля» непосредственно повлиял на генезис «Собачьего сердца», актуализировав традицию «Принца-пуделя». К этой повести отсылают слова Шарика: «добрый волшебник, маг и кудесник из собачьей сказки», «неизвестный собачий принц-инкогнито», а также мотивы жизни-сна (у Лабуле принц превращается в пуделя во сне), духовного раздвоения, вступающие в резонанс с этой темой у Кальдерона (в трагедии заточенный в темницу принц похож на зверя), Шекспира, Гоголя. Слово «принц» усиливает политическое звучание повести Булгакова. Благодаря диалогу с Лабуле происходит актуализация традиций антиутопии и политической сатиры.

Разумеется, не прямолинейная. Вряд ли стоит видеть в Шарикове-*Чугункине*, рвущемуся к власти в доме, уничтожающем котов, карикатуру на Сталина¹⁰. Однако напомним, что хотя в романе Зямытина «Мы» Благодетель — это Ленин, а отнюдь не Сталин, символика его фамилии пронизывает книгу. «Но Часовая Скрижаль каждого из нас наяву превращает в *стального* шестиколесного героя великой поэмы»¹¹. Потом цитируются официальные стихи о новом Прометее:

⁹ *Bienstock J.-W.* Lettres russes // *Mercure de France*. 1922, 1er mai. P. 814. Перевод мой. — А.С.

¹⁰ См.: [11]; автор подобным образом, без особых доказательств, пытается «расшифровывать» всех персонажей «Собачьего сердца».

¹¹ *Зямытин Е.* Собр. соч. М.: Русская книга, 2003. Т. 2. С. 217.

И впряг огонь в машину, *сталь*,
И хаос заковал законом.

Все новое, *стальное*: *стальное* солнце, *стальные* деревья,
стальные люди¹².

А затем пародийные: «Но шип *стальной* кольнул иглой, шалун — ой, ой — бежит домой»¹³. «*Стальные*, серые глаза» у героя и его антагониста S («два серо-стальных сверла»); космический корабль «Интеграл» сделан из «стекла — вечного, как золото, гибкого, как *сталь*.» Все шагают вместе, захваченные «*стальным* ритмом».

Объяснить это можно только тем, что в России писатель не может не быть пророком. Но это еще один аргумент к возможному диалогу Лабуле, Булгакова и Замятина¹⁴.

Литература

1. Булгаков М.А. Собр. соч.: в 5 т. М.: Худож. лит., 1989–1990.
2. Васильева М.Г. Н.В. Гоголь в творческом сознании М.А. Булгакова: дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 228 с.
3. Гаспаров Б.М. Литературные лейтмотивы. М.: Наука, 1993. 304 с.
4. Грознова Н.А. Повесть «Собачье сердце» в литературном контексте 20-х годов // Творчество Михаила Булгакова: Исследования. Материалы. Библиография. Л.: Наука, 1991. Кн. I. С. 43–64.
5. Гудкова В.В. Повести Михаила Булгакова. Комментарии // Булгаков М.А. Собр. соч.: в 5 т. М.: Худож. лит., 1989. Т. 2. С. 663–703.
6. Данилевский А. Толстые в «Собачем сердце» // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. V (Новая серия). Тарту: Tartu ülikooli kirjastus, 2005. С. 206–236.
7. Джулиани Рита. Тема омоложения в европейской литературе 1920-х годов: М. Булгаков и И. Свево // Лингвистика и культурология = Studi di lingua e culturologia. К 50-летию профессора А.П. Лободанова. М.: МГУ, 2000. С. 195–214.
8. Жолковский А.К. О Смердякове (К проблеме «Булгаков и Достоевский») // Лотмановский сборник 1. М.: Иц-гарант, 1995. С. 568–580.
9. Жолковский А.К. О Шарикове // Toronto Slavic Quarterly. 2010. Vol. 33 (Summer). P. 325–338.
10. Из переписки М.А. Булгакова с Е.И. Замятиным и Л.Н. Замятиной (1928–1936) / публ. В.В. Бузник // Творчество Михаила Булгакова. Исследования. Материалы. Библиография. Л.: Наука, 1991. Кн. 1. С. 208–227.
11. Иоффе С. Тайнопись в «Собачем сердце» // Слово. 1991. № 1. С. 18–23.

¹² Там же. С. 242. Здесь и далее курсив мой.

¹³ Там же. С. 257.

¹⁴ О литературном и научном контексте романа «Мы» см. превосходные работы Л.М. Геллера: [18; 19].

12. *Савина Е.А.* Мистические мотивы в прозе М.А. Булгакова. («Собачье сердце»): дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 168 с.
13. *Соколов Б.В.* Булгаковская энциклопедия. М.: Локид; Миф, 1997. 586 с.
14. *Чудакова М.О.* Архив М.А. Булгакова. Материалы для творческой биографии писателя // Записки Отдела рукописей ГБЛ. М.: Книга, 1976. Вып. 37. С. 25–151.
15. *Чудакова М.О.* Булгаков и Гоголь // Русская речь. 1979. № 2. С. 38–48. № 3. С. 55–59.
16. *Чудакова М.О.* Жизнеописание Михаила Булгакова. М.: Книга, 1988. 672 с.
17. *Andrianova, Anastassiya*, Narrating Animal Trauma in Bulgakov and Tolstoy // *Animal Narratology* / ed. Joela Jacobs. Mdp AG Publ., 2020. P. 161–174.
18. *Heller, Léonid.* La prose de E. Zamjatin et l'avant-garde russe // *Cahiers du monde russe et soviétique*. 1983. Vol. 24, № 3. P. 217–239.
19. *Heller, Léonid.* Zamjatin: prophète ou témoin ? *Nous autres* et les réalités de son époque // *Cahiers du monde russe et soviétique*. 1981. Vol. 22, № 2-3. P. 137–165.
20. *Schneider, Ivan.* Narrative Complexity in the Talking-Dog Stories of Cervantes, Hoffmann, Gogol, Bulgakov, and Kafka. Harvard University: ProQuest Dissertations Publishing, 2012. 87 + VIII p.
21. *Ziolkowski, Theodore.* Talking Dog. The Cannization of Literature // *Ziolkowski, Theodore. Varieties of Literary Thematics*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1983. P. 86–122.

Research Article

Bulgakov and Laboulaye (To the Issue of Sources of “Heart of a Dog”)

© 2022. Alexandre F. Stroev
Sorbonne Nouvelle, Paris

Abstract: The article deals with the European literary tradition presenting the dog as a protagonist. The author claims that the magical story of the French politician and writer Édouard Laboulaye (1811–1883) “The Poodle-Prince” (1867) is one of the literary sources for Mikhail Bulgakov’s novella “Heart of a Dog” (1925). The fact that Laboulaye was very popular in Russia in his time is confirmed by Laboulaye’s reception in the 1860s–1920s analysis presented in the article. Laboulaye’s work containing the dominant characteristics of the dystopia and social and political satire influenced the texts of Alexander Kuprin, Evgeny Zamyatin as well. The fact that since the 1910s, “The Poodle Prince” has not been republished in Russia and the USSR, can probably explain that domestic Bulgakov’s studies missed it as a source inspired “Heart of a Dog.”

Keywords: Mikhail Bulgakov, Édouard Laboulaye, Evgeny Zamyatin, “Heart of a Dog,” literary subtext, dystopia.

Information about the author: Alexandre F. Stroev — Professor, HDR, Sorbonne Nouvelle, 75005 Paris, France. E-mail: alexandre.stroev@libertysurf.fr

For citation: Stroeve, A.F. “Bulgakov and Laboulaye (To the Issue of Sources of ‘Heart of a Dog’).” *Literaturnyi fakt*, no. 1 (23), 2022, pp. 231–242 (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-23-231-242>

References

1. Bulgakov, M.A. *Sobranie sochinenii: v 5 t.* [Collected Works: in 5 vols.]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1989–1990. (In Russ.)
2. Vasil'eva, M.G. N.V. *Gogol' v tvorcheskome soznanii M.A. Bulgakova* [Gogol in the Creative Mind of M.A. Bulgakov: PhD Thesis]. Moscow, 2005. 228 p.
3. Gasparov, B.M. *Literaturnye leitmotivy* [Literary Leitmotifs]. Moscow, Nauka Publ., 1993. 304 p. (In Russ.)
4. Groznova, N.A. “Povest' ‘Sobach'e serdtse’ v literaturnom kontekste 20-kh godov” [“The Novella ‘Heart of a Dog’ in the Literary Context of the 20s”]. *Tvorchestvo Mikhaila Bulgakova: Issledovaniia. Materialy. Bibliografiia* [Mikhail Bulgakov and his Creative Work: Research. Materials. Bibliography], book 1. Leningrad, Nauka Publ., 1991, pp. 43–64. (In Russ.)
5. Gudkova, V.V. “Povesti Mikhaila Bulgakova. Kommentarii” [“The Novellas of Mikhail Bulgakov. Comments”]. Bulgakov, M.A. *Sobranie sochinenii: v 5 t.* [Collected Works: in 5 vols.], vol. 2. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1989, pp. 663–703. (In Russ.)
6. Danilevskii, A. “Tolstye v ‘Sobach'em serdtse’.” [“Tolstoy in ‘Heart of a Dog’.”]. *Trudy po russkoi i slavianskoi filologii. Literaturovedenie* [Works on Russian and Slavic Philology. Literary Criticism], V (New Series). Tartu, Tartu ülikooli kirjas, 2005, pp. 206–236. (In Russ.)
7. Giuliani, Rita. “Tema omolozheniia v evropeiskoi literature 1920-kh godov: M. Bulgakov i I. Svevo” [“The Theme of Rejuvenation in European Literature of the 1920s: M. Bulgakov and I. Svevo”]. *Lingvistika i kulturologiia = Studi di lingua e culturologia. K 50-letiiu professora A.P. Lobodanova* [Linguistics and Culturology = Studi di Lingua e Culturologia. To the 50th Anniversary of Professor A.P. Lobodanov]. Moscow, MSU Publ., 2000, pp. 195–214. (In Russ.)
8. Zholkovskiy, A.K. “O Smerdiakove (K probleme ‘Bulgakov i Dostoevskii’)” [“About Smerdyakov (On the Problem of ‘Bulgakov and Dostoevsky’)”]. *Lotmanovskii sbornik* [Lotman Collection], 1. Moscow, Its-garant Publ., 1995, pp. 568–580. (In Russ.)
9. Zholkovskiy, A.K. “O Sharikove” [“About Sharikov”]. *Toronto Slavic Quarterly*, vol. 33 (Summer), 2010, pp. 325–338. (In Russ.)
10. “Iz perepiski M.A. Bulgakova s E.I. Zamiatinyim i L.N. Zamiatinoi (1928–1936)” [“From the Correspondence of M.A. Bulgakov with E.I. Zamyatin and L.N. Zamyatina (1928–1936)”], publ. by V.V. Buznik. *Tvorchestvo Mikhaila Bulgakova. Issledovaniia. Materialy. Bibliografiia* [Mikhail Bulgakov and his Creative Work: Research. Materials. Bibliography], book 1. Leningrad, Nauka Publ., 1991, pp. 208–227. (In Russ.)

11. Ioffe, S. “Tainopis' v ‘Sobach'em serdtse’.” [“Cryptography in the ‘Heart of a Dog’.”]. *Slovo*, no. 1, 1991, pp. 18–23. (In Russ.)
12. Savina, E.A. *Misticheskie motivy v proze M.A. Bulgakova. (“Sobach'e serdtse”) [Mystical Motifs in the Prose of M.A. Bulgakov. (“Heart of a Dog”): PhD Thesis]*. Moscow, 2005. 168 p. (In Russ.)
13. Sokolov, B.V. *Bulgakovskaia entsiklopediia [Bulgakov Encyclopedia]*. Moscow, Lokid, Mif Publ., 1997. 586 p. (In Russ.)
14. Chudakova, M.O. “Arkhiv M.A. Bulgakova. Materialy dlia tvorcheskoi biografii pisatel'ia” [“Archive M.A. Bulgakov. Materials for the Creative Biography of the Writer”]. *Zapiski Otdela rukopisei GBL [Notes of the Department of Manuscripts of the RSL]*, issue 37. Moscow, Kniga Publ., 1976, pp. 25–151. (In Russ.)
15. Chudakova, M.O. “Bulgakov i Gogol!” [“Bulgakov and Gogol!”]. *Russkaia rech'*, no. 2, 1979, pp. 38–48, no. 3, pp. 55–59. (In Russ.)
16. Chudakova, M.O. *Zhizneopisanie Mikhaila Bulgakova [Biography of Mikhail Bulgakov]*. Moscow, Kniga Publ., 1988. 672 p. (In Russ.)
17. Andrianova, A. “Narrating Animal Trauma in Bulgakov and Tolstoy.” Jacobs, J., editor. *Animal Narratology*. Mdpi AG Publ., 2020, pp. 161–174. (In English)
18. Heller, Léonid. “La prose de E. Zamjatin et l'avant-garde russe.” *Cahiers du monde russe et soviétique*, vol. 24, no. 3, 1983, pp. 217–239. (In French)
19. Heller, Léonid. “Zamjatin: prophète ou témoin ? Nous autres et les réalités de son époque.” *Cahiers du monde russe et soviétique*, vol. 22, no. 2–3, 1981, pp. 137–165. (In French)
20. Schneider, Ivan. “Narrative Complexity in the Talking-Dog Stories of Cervantes, Hoffmann, Gogol, Bulgakov, and Kafka.” Harvard University, ProQuest Dissertations Publishing, 2012. 87 + VIII p. (In English)
21. Ziolkowski, Theodore. “Talking Dog. The Cannization of Literature.” Ziolkowski, Theodore. *Varieties of Literary Thematics*. Princeton, NJ, Princeton University Press, 1983, pp. 86–122. (In English)

Статья поступила в редакцию: 19.01.2022
Одобрена после рецензирования: 15.02.2022
Дата публикации: 25.03.2022

The article was submitted: 19.01.2022
Approved after reviewing: 15.02.2022
Date of publication: 25.03.2022

Научная статья
с публикацией архивных материалов
УДК 821.161.1.0
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-23-243-249>

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

«У обоих оказался свой Понтий Пилат»: Леонид Долгополов и Мирон Петровский в споре о Булгакове и Маяковском

© 2022, В.Э. Молодяков

Университет Такусёку, Токио, Япония

Аннотация: Исследователь русского модернизма Леонид Константинович Долгополов (1928–1995) в конце 1980-х и начале 1990-х гг. написал ряд статей о жизни и творчестве В.В. Маяковского, которого считал одним из величайших русских поэтов XX в. Столь же высоко оценивая творчество М.А. Булгакова, он не оставил о нем специальных исследований, но пристально следил за публикациями других авторов, особенно во время «булгаковского бума» эпохи перестройки. Он внимательно прочитал присланную автором статью критика и литературоведа Мирона Семеновича Петровского (1932–2020) о противостоянии Булгакова и Маяковского, опубликованную в журнале «Литературное обозрение» в июне 1987 г., оставил подробные записи на полях и отдельные заметки, впервые публикуемые в настоящей статье по оригиналу из собрания автора. Долгополов критиковал подход Петровского к теме, которая волновала его, и кратко изложил собственное видение проблемы. Булгаков и Маяковский интересовали Долгополова не столько как участники литературного процесса, принадлежащие к разным лагерям и полемизирующие друг с другом, сколько как примеры столкновения гениального художника с властью. Тема трагедии Поэта / Пророка, наделенного высшей миссией и гибнущего при ее выполнении, стала главной в позднем научном и литературном творчестве Долгополова.

Ключевые слова: М.А. Булгаков, В.В. Маяковский, Л.К. Долгополов, М.С. Петровский, дискуссия, история литературоведения

Информация об авторе: Василий Элинархович Молодяков — доктор политических наук, профессор, университет Такусёку, Оцука 1-7-1 G-210, Бункё-ку, Токио, 112-0012, Япония. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5892-0473> E-mail: dottore68@mail.ru

Для цитирования: Молодяков В.Э. «У обоих оказался свой Понтий Пилат»: Леонид Долгополов и Мирон Петровский в споре о Булгакове и Маяковском // Литературный факт. 2022. № 1 (23). С. 243–249. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-23-243-249>

В июньском номере 1987 г. московского журнала «Литературное обозрение» в разделе «Современность классики» вышла статья киевского критика и литературоведа Мирона Семеновича Петровского (1932–2020) «Два мастера. Владимир Маяковский и Михаил Булгаков». В октябре автор отправил ксерокопию статьи в Ленинград с дарственной надписью: *Леониду Константиновичу Долгополову / сердечно и почтительно — / в знак согласия и несогласия — / Мирон Петровский. / Киев / I.X.87*. Исследователь русского символизма и литературы рубежа веков Леонид Константинович Долгополов (1928–1995) внимательно прочитал статью, поскольку в то время оба героя были предметом его пристального внимания. На полях он оставил много карандашных замечаний, критических и порой резких, что было его обыкновением. Тема статьи не просто заинтересовала, но взволновала его. 6 ноября Долгополов отдельно записал впечатления и размышления по поводу прочитанного (автограф, 3 листа), что делал нечасто. Эти замечания и заметки представляют интерес как диалог ученых (сведениями об их личных отношениях я не располагаю) и возможность проникнуть в «творческую лабораторию» одного из них, как примета литературной жизни бурной эпохи, как эпизод истории отечественного литературоведения, переживавшего значительные перемены. Тексты Долгополова публикуются впервые по оригиналам, находящимся в моем собрании; сокращения, смысл которых не вызывает сомнения, раскрыты без дополнительных обозначений.

За треть века со времени выхода статьи Петровского наши представления о Маяковском, Булгакове и всей эпохе изменились радикально, но именно во время ее публикации эти изменения стали заметными. Официально Маяковский оставался «лучшим и талантливейшим», но уже можно было спорить о нем и с ним, а не повторять благоговейно его слова, включая выпады против того же Булгакова. Официально Булгаков не был признан классиком русской литературы, но таковым его уже считало если не большинство, то изрядное количество людей, писавших и размышлявших о литературе, включая Петровского и Долгополова. В официальной советской «табели о рангах» Маяковский стоял неизмеримо выше Булгакова. В не-советской (не говорю: анти-советской) — таковая если и существовала, то лишь как некий консенсус индивидуальных оценок, а не жесткая система, — они были как минимум равновелики. Вторая половина 1980-х гг. — «булгаковский бум», о котором упомянул Петровский в начале статьи, время многочисленных изданий и переизданий произведений Булгакова массовыми тиражами, время

расцвета булгаковедения, в том числе с использованием наработок предыдущих лет, которые оказались очень востребованными. Это и время критики Маяковского, попыток свести его с советского пьедестала, если не вовсе сбросить с парохода классики.

Не берусь категорично утверждать, что для Петровского, одного из основоположников булгаковедения, диалог еще-не-классика Булгакова с классиком Маяковским, которому посвящена статья, был аргументом в пользу Булгакова при разговоре о нем на страницах ведущего официального литературоведческого и критического журнала. Но берусь утверждать на основании опубликованных текстов и личного общения, что для Долгополова — исследователя, читателя и любителя стихов — со второй половины 1980-х гг., вне зависимости от любой конъюнктуры (которой он вообще не был подвержен), Маяковский стал одним из величайших, если не величайшим поэтом эпохи начала XX в., как минимум равновеликим Блоку, Ахматовой и Пастернаку, а может и превосходящим их. Булгакова — как автора «Мастера и Маргариты» — он также вне всякой конъюнктуры считал одним из величайших русских прозаиков XX в. Это надо иметь в виду при чтении его заметок и комментариев.

Петровский рассматривал Булгакова и Маяковского как литераторов, участников литературного и театрального процессов эпохи, представителей конфликтующих лагерей, а их отношения как «очевидное противостояние и неожиданную близость» [2, с. 30]. Он использовал название «Мистерия-буфф» в качестве жанрового определения драматургии и прозы Булгакова, что вызвало несогласие читателя. «У исторической оперетки, — писал Петровский о «Белой гвардии», — в отличие от театральной, нет и не может быть зрителей: все — участники. Легкомысленнейший фарс на сцене Вечного города, вселенский катаклизм на балаганных подмостках, — это она и есть, булгаковская “мистерия-буфф”» [2, с. 31]. «Совсем нет», — возразил Долгополов. На полях первой фразы следующего абзаца: «Труднее выделить столкновение мистериального с буффонадным в “Театральном романе”...», — он коротко приписал: «А зачем?».

Маргиналии становятся многочисленными и содержательными, когда дело доходит до любимой темы позднего Долгополова — темы Поэта / Пророка и его отношений с властью. «Коллизия поэта и власти для Булгакова мистериальна и возводится к своему евангельскому прообразу, тоже присутствующему, — к нищему философу перед могущественным игемоном» [2, с. 31]. На полях: «*Это же предсказан [так!] Маяковский! Уже зная его судьбу*». Долгополов отталкивается от текста, а не комментирует его. К упоминанию «”Поэмы без героя”

Анны Ахматовой (поэмы, заметим, не только без героя, но и не без влияния “Мастера и Маргариты”») [2, с. 32] он приписывает «не только *не* без героя» и формулирует на полях свои тезисы: «У Ахматовой Поэт = Христос, Поэт = Маяковский, Маяковский = Христос. У Булгакова — Га-Ноцири = и Христос, и Маяковский». Эти мысли он подробно развил в статье «Миф о поэте и “Поэма без героя” Анны Ахматовой», над которой в то время работал [1, с. 96–122]. К словам «оба все-таки дети одной эпохи» [2, с. 32] Долгополов приписал: «У обоих оказался свой Понтий Пилат и свой синедрон».

Петровский уделил особое внимание «мольеровской» теме у Булгакова и Маяковского, рассматривая комедии последнего как ее развитие (Журден — Присыпкин). «Маяковский и Булгаков предстают как два мастера, художники-современники, создавшие парафразы одной и той же мольеровской сцены. Мольер оказывается — как бы на мгновение — общим культурным знаменателем Булгакова и Маяковского. Общий знаменатель, пусть самый малый, обнаруженный у двух столь различных и воинственно противостоящих друг другу художников, должен быть отмечен» [2, с. 32]. «Чепуха, — парировал Долгополов. — У Булгакова личная драма, у Маяковского — драма, на которую он смотрит с высоты». «Позиции разные», — прокомментировал он упоминание о том, что «в конце 20-х годов театральная пресса неоднократно сближала, например, antimещанскую сатиру в “Зойкиной квартире” и в “Клопе”» [2, с. 33]. Здесь выражен принципиально разный подход: Петровский остается в рамках литературоведческого анализа текстов, Долгополов сравнивает судьбы и взгляды авторов, выдвигая на первый план психологические и этические проблемы.

«Образ Мольера начинает беспокоить творческое воображение Булгакова, когда уже шел к трагическому концу жизненный путь Маяковского» [2, с. 32]. «Вот с этого и надо начинать», — заметил Долгополов. Следующий его комментарий относится к теме ожидания обоими героями «разговора» с властью — Мольера с королем, Маяковского с руководством страны на выставке «20 лет работы»: «Но если и ждал [Маяковский] (Сталина?), то совсем, совсем с другой целью! Разве это не ясно?»

Заключительная часть статьи о споре «Багрового острова» с «Мистерией-буфф», «Клопа» и «Бани» с «Багровым островом» и «Роковыми яйцами» интереса у Долгополова, похоже, не вызвала. «Очень сомнительно, а если нет — то мелко и неинтересно», — оценил он рассуждение о возможных коннотациях имени Саввы Лукича («Савва» Леонида Андреева, Савва Морозов) и о Победоносикове

как ответе на этот булгаковский персонаж. [2, с. 35]. Уже в середине статьи Долгополов сделал вывод: «*Много лишнего, многословно, много натяжек, главное не понято, но есть чудесные находки*». Его захватили собственные рассуждения о «главном».

Отношение Булгакова к Маяковскому близко к отношению Ахматовой и Пастернака: величайший из поэтических гениев, но использовавший свой гений для забивания гвоздей (или закручивания гаек). И при этом понимавший всю свою несоизмеримость с окружающей его литературной средой. Лилипуты сгрызли великана, — и он дал им сделать это пакостное дело тем, что обратил на них внимание, увидел их. Да и не только литературная среда, вся эта нечисть общечеловеческая, необходимая при любом строе.

В чем смысл булгаковского романа? А очень просто: в том, что, только совершив поступок, человек начинает понимать, *что* он сделал. Либо большое и значительное (Мастер и его роман), либо недостойное и трусливое (Пилат и его предательство человека, не сделавшего никому никакого зла). Эти две линии — два осмысления двух поступков (вернее, поступка и его интерпретации).

И если Мастер — вылитый (но смирившийся) Мандельштам, то Маяковский раздвоен между Иешуа и Пилатом. Это метод Ахматовой (соединить противоположные черты в одном образе или разделить один образ на два и более, с противоположными чертами). Как Иешуа, Маяковский принес новую веру (в ее поэтическом оформлении), но исторически она оказалась ложной, что *всегда* понимал Булгаков, а Маяковский стал понимать только к концу жизни (выставка и др.), и вот этот второй Маяковский, уже понявший всю ложность своей позиции, убивает себя - в жизни выстрелом в сердце, в романе Булгакова — приговором Синедриона и трусостью Пилата. Пилат спорит с Иешуа Га-Ноцри по тем самым вопросам, которые ставил в своих стихах 20-х годов Маяковский, спорит с его романтической верой: он реалист, он знает и людей, и историю. Христос не верит ему, а когда поверил — дал убить себя (застрелился — в жизни).

Булгаков же тоже неисправимый романтик, и он здесь на стороне Маяковского, хотя тот и издевался над ним. Он говорит ему:

Почему твоя лодка брошена

Раньше времени на причал?

Раньше времени, т.е. пришло бы время, и ты сам бы все понял, как понимал это всегда я.

Поступок и его осмысление (плата за него) — это есть и история, и единичная человеческая жизнь. Только это, больше нет ничего.

[На полях:] Вставить это в статью о «Поэме без героя» и Маяковском. Очень подходит. У Ахматовой Поэт — не только Маяковский, он еще и Христос, и бог вообще.

Что же получается? Что Мандельштам написал роман о Маяковском, разделив его на Иешуа и Понтия Пилата? «Вековой собеседник луны» — а луна-то у Булгакова, лунный луч, по которому поднимаются оба героя, теперь окончательно в едином? (Маяковский дореволюционный, Алеша Карамазов, и Маяковский 20-х годов — Понтий Пилат, жестокий прокуратор. Христос и его антипод — в одном лице, в одном человеке, насильственно, руководствуясь ложной идеей, пытавшемся пересоздать себя и... не сможем это сделать).

Публикуемые записи, относящиеся к заключительному периоду научной деятельности Долгополова — после завершения, согласно авторской помете, 31 декабря 1986 г. книги «Андрей Белый и его роман “Петербург”», — отражают эволюцию его исследовательских интересов от «истории литературы» к «философии литературы» (предлагаю этот термин по аналогии с «философией истории»). Если о Маяковском он в конце 1980-х и начале 1990-х гг. написал ряд статей, заслуживающих переиздания, то Булгакову специальных работ не посвятил. Замечания на полях статьи Петровского и заметки, сделанные после ее чтения, показывают, что именно интересовало ученого и в каком направлении двигалась его мысль.

Литература

1. Долгополов Л. Прогулки с Блоком. Неизданное и несобранное. М.; СПб.: Нестор-История, 2019. 336 с.
2. Петровский М. Два мастера. Владимир Маяковский и Михаил Булгаков // Литературное обозрение. 1987. № 6. С. 30–37.

Research Article

“They both had their own Pontius Pilate:” Leonid Dolgoplov and Miron Petrovsky Discussing on Bulgakov and Mayakovsky

© 2022. Vassili E. Molodiakov
Takushoku University, Tokyo, Japan

Abstract: Russian Modernism scholar Leonid Konstantinovich Dolgoplov (1928–1995) in the late 1980s and early 1990s wrote several research articles on life and

works of Vladimir Mayakovsky whom he considered one of the greatest Russian poets of the 20th century. Dolgoplov also highly appreciated works of Mikhail Bulgakov; he wrote no papers on him but closely watched other scholars' research, especially during "Bulgakov's boom" of the Perestroika years. Dolgoplov carefully read the article about Bulgakov vs. Mayakovsky confrontation by a literary critic and scholar Miron Semenovich Petrovsky (1932–2020) published in influential magazine "Literaturnoe obozreniye" ("Literary Review") in 1987, June. Petrovsky sent him a copy inscribed "as a sign of agreement and disagreement." Dolgoplov made detailed marginalia and wrote separated notes on this subject which are published here for the first time (originals in the present author's collection). Dolgoplov criticised Petrovsky's approach to the subject which was important to him and briefly outlined his own view. Dolgoplov was interested in the both Bulgakov and Mayakovsky not as much as participants of the literary process, belonging to different camps and polemicizing with each other, but as examples of a collision between the great artist and the political power. Tragic destiny of the Poet / Prophet endowed with a higher mission and dying while completing it was a major subject of Dolgoplov's late research and literary work.

Keywords: Mikhail Bulgakov, Vladimir Mayakovsky, Leonid Dolgoplov, Miron Petrovsky, discussion, history of literary studies

Information about the author: Vassili E. Molodiakov — Dr. Habil., Professor, Takushoku University, Otsuka 1-7-1 G-210, Bunkyo-ku, Tokyo, 112-0012, Japan. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5892-0473> E-mail: dottore68@mail.ru

For citation: *Molodyakov, V.E.* "They Both had their own Pontius Pilate: Leonid Dolgoplov and Miron Petrovsky Discussing on Bulgakov and Mayakovsky." *Literaturnyi fakt*, no. 1 (23), 2022, pp. 243–249. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-23-243-249>

References

1. Dolgoplov L. *Progulki s Blokom. Neizdannoe i nesobrannoe [Walk with Block. Unpublished and Uncollected Writings]*. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2019. 336 p. (In Russ.)

2. Petrovsky M. "Dva мастера. Vladimir Mayakovsky I Mikhail Bulgakov" ["Two Masters. Vladimir Mayakovsky and Mikhail Bulgakov"]. *Literaturnoe obozrenie*, no. 6, 1987, pp. 30–37. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 04.06.2021

Одобрена после рецензирования: 03.09.2021

Дата публикации: 25.03.2022

The article was submitted: 04.06.2021

Approved after reviewing: 03.09.2021

Date of publication: 25.03.2022

К описанию социокультурной позиции О. Мандельштама 1920-х–1930-х годов (Мандельштам и Мариэтта Шагинян)*

© 2022, Г.А. Морев

Независимый исследователь, Москва

Аннотация: В статье на основании прежде не привлекавшихся материалов рассматриваются литературные отношения между О.Э. Мандельштамом и М.С. Шагинян, демонстрируется близость их социокультурной позиции с середины 1920-х гг. и объясняется выбор Мандельштамом Шагинян в качестве адресата письма с просьбой о содействии в освобождении Б.С. Кузина в 1933 г. Также устанавливается возможное отражение чтения Мандельштамом «Дневников» Шагинян в его позднейших стихах.

Ключевые слова: О. Мандельштам, М. Шагинян, «Путешествие в Армению», «Дневники» М. Шагинян, литературный быт.

Информация об авторе: Глеб Алексеевич Морев — независимый исследователь, Москва, Россия. E-mail: glebmorev@gmail.com

Для цитирования: *Морев Г.А.* К описанию социокультурной позиции О. Мандельштама 1920-х–1930-х годов (Мандельштам и Мариэтта Шагинян) // Литературный факт. 2022. № 1 (23). С. 250–264. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-23-250-264>

* Автор считает своим приятным долгом поблагодарить Р.Г. Лейбова, О.А. Лекманова и О.А. Проскурина за помощь в работе.

Тема взаимоотношений О.Э. Мандельштама и его старшей литературной современницы М.С. Шагинян¹ в существующих исследованиях сводится преимущественно к фиксации относящейся к Шагинян «упоминательной клавиатуры» в текстах поэта — в очерке «Шуба» (1922) и в одной из так называемых «маргулет» рубежа 1930-х гг.² Поверхностно-иронический характер этих упоминаний (усугубленный неприязненным портретом Шагинян в воспоминаниях Н.Я. Мандельштам) входит, однако, в явное противоречие с центральными документами в наследии Мандельштама, касающимися Шагинян, — с пространными письмами к ней самого поэта и его жены, написанными соответственно в апреле 1933 г. и в октябре 1934 г. и отмеченными особой глубиной содержания, связанного с принципиальной для Мандельштама и предполагающей высокую степень доверия к адресату темой его «конфликтного» положения в советской действительности 1930-х гг.

Оба письма объединены темой репрессий — Мандельштам ведет речь об аресте своего ближайшего в тот период друга Б.С. Кузина в апреле 1933 г.; Н.Я. Мандельштам обсуждает с Шагинян причины, приведшие к аресту уже самого Мандельштама в мае 1934 г., и поиск «выхода из положения» [5, с. 76]³. Очевидно, что для адресантов Шагинян представлялась тем человеком, который имеет потенциальный ресурс для изменения в лучшую сторону неблагоприятных жизненных обстоятельств, связанных с преследованиями со стороны властей. Основания такого восприятия Шагинян Мандельштамами были, однако, неочевидны для исследователей. Так, впервые опубликовавший упомянутые нами письма П.М. Нерлер, предполагая, что поэт, обращаясь к Шагинян, имел целью «попытаться через адресата помочь [своему] молодому другу [Б.С. Кузину]» [5, с. 72]⁴, в своем биографическом повествовании о Мандельштаме отмечал:

¹ О дореволюционной «славе Шагинян как поэта» см.: [16, р. 227 и след.]

² Кажется необходимым дать отсутствующий до сих пор комментарий к этому тексту: появление имени Шагинян в обращенном к А.О. Моргулису шуточном стихотворении Мандельштама (*Старик Маргулис на Востоке / Постиг истории уроки. / У Шагинян же Мариэтт / Гораздо больше исторьетт*) мотивировано их (отлично известным автору) общим с адресатом, во-первых, ростовским прошлым (Моргулис, как и Шагинян, был биографически связан с Ростовом-на-Дону) и, во-вторых, опытом жизни на Кавказе («Востоке») в 1920-е гг.

³ Отметим, что Н.Я. Мандельштам не скрывает от Шагинян причину ареста поэта — написание им антисталинских стихов (она именует их «безответственными стихами, вернее, <...> выпадом, за который Мандельштам был выслан»: [5, с. 75]). Эта непубличная, доступная узкому кругу лиц информация, скрывавшаяся в официальных документах, свидетельствует о чрезвычайно доверительных отношениях между семьей поэта и Шагинян.

⁴ А.Г. Мец, говоря об эпизоде с заступничеством Мандельштама за Кузина, также без пояснений называет Шагинян «влиятельной» [11, с. 83].

«непонятно, какие у Шагинян могли быть для этого приводные ремни» [14, с. 135].

Ранее мы предположили [12, с. 82], что одной из важнейших составляющих образа Шагинян как «влиятельной» в советском социуме 1933 г. персоны был наверняка известный Мандельштаму факт получения ею в мае 1931 г. благожелательного ответного письма от И.В. Сталина, способствовавшего изданию романа Шагинян «Гидроцентральный» — среди старых литературных знакомых Мандельштама (писателей дореволюционной формации из числа «попутчиков») Шагинян на тот момент была *единственной* вступившей с вождем в прямую — и продуктивную! — коммуникацию. С целью указать вероятные дополнительные точки пересечений творческих биографий Мандельштама и Шагинян, а также в развитие наших предположений о генезисе репутации Шагинян как человека, способного оказать содействие в разрешении связанных с репрессиями властей кризисных ситуаций, рассмотрим еще несколько эпизодов литературной жизни середины 1920-х — начала 1930-х гг.

В эволюции Шагинян и в формировании ее образа «сталинки»⁵, сложившегося уже к 1929 г., важную роль сыграла ее статья «Тревога», опубликованная в качестве «дискуссионной» в журнале «Россия» (с которым Мандельштам сотрудничал) в конце марта — начале апреля 1925 г.⁶ — как раз в дни, когда Мандельштамы и Шагинян совместно проживали в детскосельском пансионате Зайцева [7, с. 266]. Текст, ставивший центральную для русских литераторов середины 1920-х гг. проблему самоопределения в новой социополитической реальности, вызвал заметный резонанс по обе стороны советской границы. И если эмигрант В.Ф. Ходасевич, откликнувшийся на статью Шагинян посвященным ее автору мемуарным очерком, упоминал «немало негодующих слов»⁷, услышанных им по поводу этого выступления, то один из лидеров Всероссийской ассоциации пролетарских писателей (ВАПП, будущий РАПП) Л.Л. Авербах, наоборот, квалифицировал статью как «глубоко интересную и показательную», «свидетельствующую о том, что в М. Шагинян начал происходить большой сдвиг в сторону понимания и восприятия нашей современности»⁸. В 1927 г. Авербах еще раз вернулся к этому тексту Шагинян, воспользовавшись его переизданием в качестве

⁵ Автохарактеристика Шагинян, приведенная К.А. Фединым в дневниковой записи от 12 июня 1929 г.: [18, с. 167].

⁶ Шагинян М. Тревога // Россия. 1925. № 5 (14). С. 170–181.

⁷ Ходасевич В. Мариэтта Шагинян: Из воспоминаний // Дни (Париж). 1925. 4 октября. № 818; цит. по: [17, т. 4, с. 341].

⁸ Авербах Л. За пролетарскую литературу: О политике РКП(б) в области художественной литературы. Л., 1926. С. 45–46.

предисловия к ее книге «Новый быт и искусство» (Тифлис, 1926), и посвятил ему обширную статью «О современных писательских настроениях»⁹; в том же году тексты Шагинян и Авербаха (под менее «отчуждающим» названием «Беседа с М. Шагинян») были изданы под одной обложкой — отдельной брошюрой под названием «Писатель болен?»¹⁰.

Благожелательное внимание руководителя ВАППа к статье Шагинян представляет для нас интерес в двух отношениях — в перспективе сближения Мандельштама и Авербаха весной 1929 г. и с точки зрения возможной близости Мандельштаму некоторых высказанных Шагинян положений.

Статья Шагинян описывает кризисное положение дореволюционной генерации писателей в советских условиях, во многом предвосхищая будущую постановку Б.М. Эйхенбаумом проблемы «литературного быта» и связанного с ним вопроса «как быть писателем» в СССР. Шагинян ведет речь от имени условной «модернистской» страты в дореволюционной русской литературе, чья творческая зрелость совпала с приходом большевиков к власти. Парадоксальным образом, констатирует она, авторы, сочувственно относившиеся к революции и видевшие в ней, прежде всего, силу, враждебную буржуазной «мещанской» культуре, в новых условиях оказались в ситуации, когда «революция смела многих наших врагов, но смела вместе с ними и нас»¹¹. Пореволюционная социальная фрустрация этой части интеллигенции, по мысли Шагинян, имеет своим следствием солидаризацию принадлежащих к ней литераторов, презрительно отвергающих — несмотря на его всемирное влияние — марксизм, с враждебными революции буржуазными силами — то есть с тем же культурным «мещанством», которому модернизм противостоял до 1917 г. Эта позиция, по мысли Шагинян, характеризуется «отсутствием всякой проекции будущего»¹². Историческое, социальное и культурное будущее — за пришедшим к власти революционным классом, и выход из творческого кризиса, выход к новому читателю — в ощущении актуальной социальной реальности как органической «новой системы связей»¹³, которая нуждается в новом (в том числе жанрово новом) описании.

⁹ См.: Авербах Л. О современных писательских настроениях // На литературном посту. 1927. № 2. 15 января. С. 14–20; № 3. 5 февраля. С. 5–13.

¹⁰ См.: Шагинян М., Авербах Л. Писатель болен? М.; Л.: Гос. изд-во, 1927. Текст Авербаха под тем же названием «Беседа с М. Шагинян» переиздан им и в составе сборника «Из рапповского дневника» (Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1931. С. 7–37).

¹¹ Шагинян М. Новый быт и искусство. [Тифлис]: Заккнига, [1926]. С. 4.

¹² Там же. С. 7; выделено автором.

¹³ Там же. С. 21.

Начиная с поколенческой идентификации переживающей кризис социальной страты (описанную Шагинян группу литераторов Мандельштам не мог не ощущать своей), диагностированные в ее статье симптомы и высказанные ею тезисы оказываются близки к тому социокультурному положению и к той идеологической позиции, которые поэт занимает к середине 1920-х гг. Это время, отмеченное, с одной стороны, активным поиском Мандельштамом социальной ниши, позволяющей ему жить литературным трудом (ею стали переводы), с другой — творческим кризисом (поэтическая немота с 1926 г.), ретроспективно описывалось Н.Я. Мандельштам как «момент смятения души, колебаний и неверия»¹⁴. В позднейшей концепции биографии поэта Н.Я. Мандельштам это были приведшие к «периоду, когда он не писал стихов»¹⁵, колебания и неверие в стойкую «антисоветскую» позицию, которую поэт (якобы) занял в 1930 г. с написанием «Четвертой прозы». Объясняя в позднем (1958) письме к Ахматовой мандельштамовские выпады против нее в «профутуристических» статьях 1923 г. («Буря и натиск», «Vulgata»), вдова поэта говорит о влиянии на Мандельштама установок демонстративно просоветского ЛЕФа и о его «назойливом волнении, страхе остаться одному» [8, с. 249] в этот период. Эти слова Н.Я. Мандельштам следует понимать исключительно в их общественной проекции — под «страхом остаться одному» здесь имеется в виду боязнь оказаться в социокультурной изоляции и в творческом кризисе, куда, по мнению Мандельштама, завела себя «не понимающая нового» (то есть антисоветски настроенная) Ахматова, и чем была чревата для него пассаистическая культурная позиция, характерная, например, для московских «неоклассиков» и «неоакмеистов», группировавшихся вокруг машинописных изданий «Гермес» и «Мнемозина»¹⁶. Как вспоминал один из вкладчиков «Гермеса» Б.В. Горнунг, «“пафоса” борьбы с ЛЕФом и “конструктивистами” у него [Мандельштама] не было. Говорить с ним бывало иногда трудно. В наш “Гермес” он не дал ни одной статьи (сколько я у него ни выпрашивал), а по поводу наших статей и рецензий в “Гермесе” о нем только покачивал головой, а один раз сказал: “А Коля (т. е. Гумилев) меня сейчас, может быть, ругал [бы]”» [4, с. 156]. Отрицание самой возможности воспроизводства «старой» акмеистической поэтики в новых советских

¹⁴ Письмо Н.Я. Мандельштам Н.А. Струве (1965): *Мандельштам Н.* Книга третья. Paris: YMCA-press, 1987. С. 316.

¹⁵ Письмо Н.Я. Мандельштам А.А. Ахматовой (1958): [8, с. 248].

¹⁶ См. подробнее: [13, с. 197–210]. Как отмечалось в рецензии на первый номер «Гермеса», «основной задачей журнала является <...> создани[е] классического стиля современности. <...> Из этой задачи неизбежно вытекает полемика с левыми течениями в искусстве» (Корабль. Калуга. 1923. № 1–2. Подпись: Г.С. [С.С. Гадзяцкий?]; цит. по: [13, с. 199]).

условиях содержится и в известном письме 1923 г. Мандельштама брату Б.В. Горнунга Льву с критикой его «неоакмеистических» стихов: «Вы любите пафос. Хотите ощутить время. Но ощущение времени меняется. Акмеизм 1923 г. не тот, что в 1913 г. Вернее, акмеизма нет совсем». Парадоксалистская, казалось бы, сентенция, которой заканчивается это письмо — «Не презирайте современных поэтов. На них благословение прошлого» [10, с. 383] — на деле отсылает к статье автора «Буря и натиск», где генезис футуризма связывался с «революционной переоценкой» и «утверждением и оправданием настоящих ценностей прошлого» русской поэзии и утверждалась бесплодность позиции «пассеистов» в конфликте с «будущниками»: «кто не понимает нового, тот ничего не смыслит в старом, а кто смыслит в старом, тот обязан понимать и новое» [10, т. 2, с. 125].

Для Мандельштама, как и для Шагинян, искусство, принадлежащее «современности» и несущее «проекцию будущего», целиком связывается с лояльностью синхронной политической обстановке, контролируемой РКП(б) — и неслучайно, что термины «правое» и «левое» применительно к художественным течениям имели в то время отчетливую политическую окрашенность. Именно «несовременность, отрыв от сегодняшней русской действительности и [политическая] фронда» [13, с. 210] чутко диагностируются Вяч.И. Ивановым в 1924 г. как *комплекс* характерных — и взаимообусловленных — для изданий московских неоклассиков/неоакмеистов черт. Отсюда у Мандельштама, не видевшего себя вне актуального литературного контекста и принципиально отказывавшегося «существовать на культурную ренту»¹⁷ (символический капитал дореволюционного «мастера»), та «чувствительность к левовской пропаганде»¹⁸, которой задним числом попрекала мужа Н.Я. Мандельштам¹⁹ и которую Ахматова (чьи дружеские отношения с Мандельштамом, возобновившиеся в 1925 г., сопровождались полным несовпадением литературных стратегий²⁰) ретроспективно мотивировала его «боязнью устареть»²¹.

¹⁷ Из ответов на анкету «Советский писатель и Октябрь» (1928) [10, т. 3, с. 311].

¹⁸ Мандельштам Н. Комментарии к стихам 1930–1937 гг. [9, т. 2, с. 705–831].

¹⁹ Позиция самой Н.Я. Мандельштам, предстающая в ее позднейших автоописаниях как последовательно противостоящая «метаниям» мужа, также нуждается в уточнении. Так, ее слова из упомянутого письма Ахматовой о том, что «у нас с Осей всё рвалось в эти два, кажется, года [1923–1925]» [8, с. 249] из-за «левых» политико-эстетических симпатий Мандельштама, корректируются свидетельством из письма Б.В. Горнунга жене от 23–24 мая 1927 г.: «Жена его [Мандельштама] за 3 года очень изменилась. Раньше ведь она <...> все требовала от мужа, чтобы он вступил в ЛЕФ» [4, с. 161].

²⁰ Подробнее см.: [12, с. 51 и след.].

²¹ Будыко М. Рассказы Ахматовой // Звезда. 1989. № 6. С. 75.

Именно «боязнь устареть», оказаться в социокультурном и творческом вакууме, не в последнюю очередь заставляет Мандельштама видеть в Авербахе, с пониманием отнесемся к аналогичным интенциям Шагинян, потенциального союзника в период «дела об Уленшпигеле» и едва не приводит его на трибуну 2-го рапповского пленума осенью 1929 г.²². Эти же, не скрывавшиеся Мандельштамом, идейные установки и симпатии, очевидно, позволяют Авербаху в свою очередь квалифицировать Мандельштама как одного из принадлежащих типу «подлинно советского интеллигентского писателя», с которым, по его словам, должны «еще теснее сблизиться» «пролетписатели»²³, и оказывать ему существенную помощь в получении работы и жилья в 1929–1931 гг.²⁴.

К этому периоду относятся и «беглые встречи» Мандельштама и Шагинян в Армении в мае 1930 г. О них вспоминает сам Мандельштам в письме Шагинян от 5 апреля 1933 г.; документальным подтверждением общения Мандельштамов с Шагинян и ее мужем Я.С. Хачатрянцем служит сохранившаяся фотография последнего с О.Э. и Н.Я. Мандельштамами у развалин церкви в селе Аван возле Еревана. Тематика ереванских бесед с Шагинян определяется Мандельштамом в письме к ней как связанная с «защитой действительности от мертвых ее определителей» [5, с. 513], причем Шагинян оказывается стороной, упрекающей Мандельштама в недостаточной близости к современности и непонимании ее. Ответом автора на эти упреки служит прилагаемый Мандельштамом к письму Шагинян текст «Путешествия в Армению», в котором сходятся и память о ереванских встречах с Шагинян, и о знакомстве там же и начале дружбы с Кузиным, «героем моей полуповести», как определяет его Мандельштам. «Сверх-темой» письма является, как уже говорилось, информация об аресте Кузина, а также констатация нового этапа в отношении автора к советской действительности, характеризующегося, по словам Мандельштама, «таким прыжком в объективность, который мне даже не снился». Это новое чувство солидарности с повседневностью позволяет Мандельштаму ручаться перед Шагинян (и через нее — перед представителями советской власти) за Кузина и надеяться на его освобождение.

Что же, помимо памяти о ереванском общении, заставило Мандельштама послать свой еще не опубликованный текст об Армении

²² См.: *Герштейн Э.* Мемуары. СПб.: ИНАПРЕСС, 1998. С. 18. О конфликте вокруг издания отредактированного Мандельштамом перевода «Тили Уленшпигеля» (1928) см. подробнее: [12, с. 26 и след.].

²³ Из выступления Авербаха на Общем собрании членов ленинградского отдела ВСП 13 октября 1929 г. Цит. по: [3, с. 459].

²⁴ Подробнее см.: [12, с. 38 и след.].

Шагинян? И что, помимо вероятного знания о факте получения Шагинян в 1931 г. письма Сталина, давало ему основания считать ее потенциально способной содействовать в деле освобождения Кузина?

Представляется, что ответ на эти вопросы позволяет найти предположение о возможном знакомстве Мандельштама с вышедшей незадолго до написания им письма Шагинян ее новой книгой — выпущенными в декабре 1932 г. «Издательством писателей в Ленинграде» ее «Дневниками 1917–1931».

Помимо нестандартного авторского жеста — решения опубликовать текст документального жанра, касающийся совсем недавнего прошлого и текущей современности²⁵ — внимание Мандельштама к книге Шагинян гипотетически мог привлечь хронологический фактор: включение в дневник записей 1930 г., охватывающего время их встреч в Армении. Это не могло априори не интриговать Мандельштама как потенциального «персонажа» дневника Шагинян²⁶. Другим важнейшим обстоятельством, вероятно, стимулировавшим интерес поэта к «Дневникам», было присутствие в них нескольких «армянских» тревелогов разных лет — фактически шагиняновских вариантов «Путешествия в Армению»²⁷. Причем характерно, что функция этих фрагментов в книге Шагинян определялась ею через социальную проблематику взаимодействия с «действительностью»: «<...> чтоб картина была ярче, я начинаю с первой поездки в Армению летом 1917 года, потому что поездка в Армению повторяется у меня несколько раз на протяжении пятнадцати лет и служит своеобразной единицей меры: с каждым разом — уже не та страна и уже не те приемы восприятия материала, и уже не та степень участия в действительности» [8, с. 8]. Нетрудно заметить, что в письме Мандельштама к Шагинян его «Путешествие в Армению» также служит своего рода критерием наступления отмеченного новой степенью приятия «действительности» «периода т. н. “зрелого Мандельштама”» [4, с. 514].

²⁵ Сама Шагинян объясняла публикацию дневников их ценностью в качестве документа, который «рассказывает о путях переделки писателя, одновременно разворачивая рост и развитие воздействующих на него сил, т. е. нашего перестраивающегося хозяйства. Вот почему я решаюсь, не боясь упреков в “преждевременности” и не считая для себя обязательным помереть, прежде чем решиться на это, — опубликовать выборки из моих многолетних дневников» [12, с. 7–8].

²⁶ В опубликованном тексте записи мая 1930 г., когда Мандельштам виделся с Шагинян, отсутствуют; имя Мандельштама в книге не упоминается.

²⁷ К теме путешествий в Армению Шагинян обращалась и ранее — в 1927 г. она выпустила книгу «Прогулки по Армении» (М.; Л.: Госиздат, 1927).

Ответ на второй вопрос — об истоках формирования у Мандельштама образа Шагинян как «влиятельного» в советских условиях 1933 г. актора — находится, по-видимому, в дневниковой записи Шагинян от 20–21 марта 1923 г. Приведем ее целиком:

Вчера нервное напряжение вылилось в настоящую истерику, которую я закатила доктору. Ленин опять болен. Это тоже является причиной моего тягостного настроения. Думаю о нем, часто плачу. Получила письмо от Воронского с дорогими для меня словами: *«Да, забыл: знаете, очень Ваши вещи нравятся тов. Ленину, он как-то говорил Сталину, а Сталин — мне»*. Чувствую острую охоту писать дальше «Перемену»²⁸, чтоб он прочитал²⁹.

К этой, несомненно, впечатляющей в обстановке уже сложившегося к 1933 г. культа обоих партийных вождей, записи Шагинян сделала примечание, где целиком приводила упомянутое письмо А.К. Воронского к ней (с несколько уточненным текстом):

Вот это письмо целиком:

Тов. Шагинян!

Был бы очень рад, если бы Вы смогли дать продолжение «Перемены» к 15 апреля, как Вы пишете мне в открытке. Очень плохо и худо, что Вы продолжаете болеть. Очевидно, нужно основательно Вам отдохнуть. Как Вы живете в материальном отношении? Дела «Красной Нови» и «Круга» идут прекрасно. Номер с продолжением «Перемены» выходит на днях. Вышло. «Круг» работает тоже очень интенсивно. Выпускаем книг много и недурно. Расходятся они очень хорошо. Ваша «Перемена» пользуется большим успехом. Да, забыл: знаете, очень Ваши вещи нравятся тов. Ленину. Он как-то об этом говорил Сталину, а Сталин — мне. К сожалению, тов. Ленин тоже болен и серьезно. Ну, пока всего хорошего. Выздоровливайте. Привет.

А. Воронский

19—17/III—23 г. [8, с. 68]³⁰

²⁸ Повесть Шагинян, публиковавшаяся в редактируемом А.К. Воронским журнале «Красная новь» (1922. № 6; 1923. № 2, 4, 6).

²⁹ [19, с. 68] выделено автором.

³⁰ Там же. В 1978 г. Шагинян републиковала письмо Воронского в составе своих мемуаров «Человек и время» (Новый мир. 1978. № 9. С. 181–182).

Таким образом, реноме Шагинян как корреспондентки Сталина усиливалось информацией, обогащавшей сведения о разовом обмене письмами между нею и вождем (беспрецедентном самом по себе) и заставлявшей предполагать существование неких специальных *отношений*, связывавших Сталина и Шагинян, к тому же освященных именем Ленина. Это, действительно, — в полном соответствии с замыслом автора, намеренно дополнившего дневниковые записи письмом Воронского — ставило Шагинян в уникальное положение среди попутчиков, в том числе, знакомых Мандельштаму.

Однако, вопреки чаяниям Шагинян и впечатлению «интеллигентского» читателя (каковым был и Мандельштам), апелляция к раннесоветским документам, пусть и косвенно санкционированным именами вождей, в социополитической реальности 1933 г. могла иметь не предвиденные автором последствия. Публикация частного письма Воронского (недавнего троцкиста, пережившего в 1927–1929 гг. исключение из партии, арест, ссылку в Липецк и с тех пор, как нам ясно сегодня, находившегося на подозрении у руководства страны и ОГПУ/НКВД³¹) с упоминанием о его неконфликтных контактах со Сталиным — при том, что любые подробности биографии Сталина с конца 1920-х гг. тщательно цензурировались — могла быть одним из факторов, осложнивших весной 1933 г. судьбу книги Шагинян. 9 апреля 1933 г. начальник Главлита Б. Волин, отчитываясь о работе цензурного ведомства, упоминал в письме в Политбюро ЦК ВКП(б) о «политически одиозных записях» в книге Шагинян [2, с. 196]. В тетрадах начала 1933 г. Л.Я. Гинзбург отмечает: «<...> изъяты из библиотек и приостановлены в продаже “Дневники” Мариэтты Шагинян»³². В то же время слухи о цензурных репрессиях в отношении уже выпущенных на рынок «Дневников» Шагинян, разумеется, не могли не привлечь к книге дополнительное внимание в писательской среде Москвы и Ленинграда³³.

³¹ В 1930 г. в письме М. Горькому Сталин неприязненно отозвался об идеях Воронского (см.: *Сталин И.В. Сочинения*. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1949. Т. 12. С. 175). Несмотря на признание Воронским ошибок, в печати продолжалась его шельмование (см.: *Серебрянский М.И. Против воронщины*. М.; Л.: Гос. изд-во худож. лит., 1932). Уже в начале 1935 г. Воронский был вновь исключен из партии — за материальную помощь ссыльным оппозиционерам и за близость с начала 1930-х к С.С. Зорину, арестованному после убийства Кирова и обвиненному в принадлежности к «зиновьевской организации» (см.: [6, с. 311–312]; см. также протокол допроса Г.И. Сафарова 14 января 1935 г.: РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 136. Л. 49–50).

³² См.: *Гинзбург Л. Записные книжки. Воспоминания. Эссе*. СПб.: Искусство-СПб, 2011. С. 417. См. также: [1, с. 192].

³³ Как «представляющие большой интерес, как своеобразный “советский документ”», были восприняты «Дневники» и в эмиграции: см. рец. Т. Чернавиной в «Современных записках» (1934. № 55. С. 422–426).

Во всяком случае, переживший после ареста 1934 г. идеологический и личностный кризис Мандельштам, вернувшись в Воронеж весной 1935 г. к стихам (одним из первых потенциальных адресатов которых поэт видел и Шагинян³⁴) и в очередной раз решая для себя проблему взаимоотношений с «действительностью», в программных «Стансах», в усиленной повтором строке «Я должен жить, дыша и большевею» — использовал в качестве ключевого неологизм из «Дневников» Шагинян. Инвариантный и для Шагинян, и для Мандельштама контекст ее дневниковой записи от 25 января 1921 г. таков:

Утром Гете и лекция. Потом посетители. <...> Но и вечером не дали работать. Все более возмущаюсь писателями и интеллигентной. Большевею в их среде не по дням, а по часам. Ни в ком не вижу праведного отношения к действительности <...> [19, с. 31]³⁵.

³⁴ Ее имя — рядом с именем Пастернака — значится в списке литераторов, которым Мандельштам предполагал осенью 1935 года отправить подборку новых стихотворений (см. письмо С.Б. Рудакова к жене от 7 ноября 1935 г.: [15, с. 103]).

³⁵ А.М. Пешковский отмечал в 1924 г.: «Можно при случае всегда сказать “большевею”, “меньшевею”, “оранжевею”, “пурпуровею”, “фиолетовею” (может быть, эти слова и фактически встречались уже в литературе, — я этого не знаю <...>)» (*Пешковский А.М.* В чем же, наконец, сущность формальной грамматики? [1924] // *Пешковский А.М.* Сборник статей: Методика родного языка. Лингвистика. Стилистика. Поэтика. Л.; М.: Гос. изд-во, 1925. С. 12). Судя по материалам онлайн-корпуса «Национальный корпус русского языка» и сервису Google Books, глагол «большеветь» до распространения текста Мандельштама не встречается.

Литература

1. *Блюм А.В.* Запрещенные книги русских писателей и литературоведов. 1917–1991: Индекс советской цензуры с комментариями. СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т культуры и искусств, 2003. 404 с.
2. Власть и художественная интеллигенция: Документы ЦК РКП(б) — ВКП(б), ВЧК — ОГПУ — НКВД о культурной политике. 1917–1953 гг. / сост. А. Артизов, О. Наумов. М.: МФД, 1999. 872 с.
3. *Галушкин А.Ю.* Из истории литературной «коллективизации» // *Russian Studies*. 1996. Vol. 2, № 2. С. 437–477.
4. *Горнунг Б.* Заметки к биографии О.Э. Мандельштама / публ., предисл. и примеч. М. Горнунга // *Сохрани мою речь: Воспоминания. Материалы к биографии. Современники*. М., 2000. Вып. 3/2. С. 151–163.
5. Два письма О.Э. и Н.Я. Мандельштам М.С. Шагинян / публ., вступ. зам. и примеч. П.М. Нерлера // *Жизнь и творчество О.Э. Мандельштама: Воспоминания. Материалы к биографии. «Новые стихи». Комментарии. Исследования*. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1990. С. 71–77.
6. *Динерштейн Е.А.* А.К. Воронский: В поисках живой воды. М.: РОССПЭН, 2001. 382 с.
7. *Летопись жизни и творчества О.Э. Мандельштама* / сост. А.Г. Мец. Изд. 4-е, испр. и доп. СПб.: Гиперион, 2022. 521 с.
8. *Мандельштам Н.* Об Ахматовой / сост. П. Нерлер. М.: Новое изд-во, 2007. 444 с.
9. *Мандельштам Н.* Собр. соч.: в 2 т. Екатеринбург: Гонзо, 2014.
10. *Мандельштам О.* Полн. собр. соч. и писем: в 3 т. М.: Прогресс-Плеяда, 2009–2011.
11. *Мандельштам О.* Полн. собр. стихотворений / вступ. ст. М.Л. Гаспарова и А.Г. Меца; сост., подгот. текста и примеч. А.Г. Меца. СПб.: Академический проект, 1995. 720 с.
12. *Морев Г.* Осип Мандельштам: Фрагменты литературной биографии (1920–1930-е годы). М.: Новое изд-во, 2022. 220 с.
13. *Московская литературная и филологическая жизнь 1920-х годов: машинописный журнал «Гермес». III. Из истории машинописных изданий 1920-х годов* / публ. Г.А. Левинтона и А.Б. Устинова // *Пятое Тыняновские чтения: Тезисы докладов и материалы для обсуждения*. Рига, 1990. С. 197–210.
14. *Нерлер П.* В Москве (ноябрь 1930 – май 1934) // *Новый мир*. 2016. № 3. С. 131–164.
15. О.Э. Мандельштам в письмах С.Б. Рудакова к жене (1935–1936) / вступ. ст. Е.А. Тоддеса и А.Г. Меца. Публ. и подгот. текста Л.Н. Ивановой и А.Г. Меца. Коммент. А.Г. Меца, Е.А. Тоддеса, О.А. Лекманова // *Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1993 год. Материалы об О.Э. Мандельштаме*. СПб.: Гуманитарное Агентство «Академический Проект», 1997. С. 7–185.

16. *Тименчик Р.Д.* Из именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой // *Slavica Revalensia*. 2019. Vol. VI. P. 179–247.
17. *Ходасевич В.* Собр. соч.: в 4 т. М.: Согласие, 1996–1997.
18. Художник и общество: Неопубликованные дневники К. Федина 20–30-х годов / публ. Н.К. Феединой, Н.А. Сломовой, примеч. А.Н. Старкова // *Русская литература*. 1992. № 4. С. 164–181.
19. *Шагинян М.* Дневники 1917–1931. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1932. 430 с.

Research Article and Publication of Archival Documents

On the Description of Mandelstam’s Socio-Cultural Situation in the 1920s–1930s (Osip Mandelstam and Marietta Shaginyan)

© 2022. Gleb A. Morev
Independent researcher

Abstract: Based on previously unused materials, the article examines the literary relations between Osip Mandelstam and Marietta Shaginyan and demonstrates the closeness of their socio-cultural positions since the mid-1920s. The author explains why Mandelstam has chosen Shaginyan as the addressee of his letter asking for assistance in releasing B. Kuzin in 1933. Also the article establishes a possible reflection of Mandelstam's reading of Shaginyan's "Diaries" in his later poems.

Keywords: Osip Mandelstam, Journey to Armenia, Marietta Shaginyan's "Diaries," literary life.

Information about the author: Gleb A. Morev — independent researcher, Moscow, Russia. E-mail: glebmorev@gmail.com

For citation: Morev, G.A. "On the Description of Mandelstam’s Socio-Cultural Situation in the 1920s–1930s (Osip Mandelstam and Marietta Shaginyan)." *Literaturnyi fakt*, no. 21 (23), 2022, pp. 250–264. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-23-250-264>

References

1. Blium, A.V. *Zapreshchennye knigi russkikh pisatelei i literaturovedov. 1917–1991: Indeks sovetskoi tsenzury s kommentariiami* [*Forbidden Books of Russian Writers and Literary Critics. 1917–1991: An Index of Soviet Censorship with Comments*]. St. Petersburg, Saint-Petersburg State University of Culture and Arts Publ., 2003. 404 p. (In Russ.)
2. *Vlast' i khudozhestvennaia intelligentsiia: Dokumenty TsK RKP(b) — VKP(b), VChK — OGPU — NKVD o kul'turnoi politike. 1917–1953 gg.* [*Power and Artistic Intelligentsia: Documents of the Central Committee of the RCP(b) — VKP(b), VChK — OGPU — NKVD on Cultural Policy. 1917–1953*], comp. A. Artizov, O. Naumov. Moscow, MFD Publ., 1999. 872 p. (In Russ.)
3. Galushkin, A.Iu. “Iz istorii literaturnoi ‘kollektivizatsii.’” [“From the History of Literary ‘Collectivization’.”]. *Russian Studies*, vol. 2, no. 2, 1996, pp. 437–477. (In Russ.)
4. Gornung, B. “Zametki k biografii O.E. Mandel'shtama” [“Notes to O.E. Mandel'shtam’s Biography”], publ., foreword and notes by M. Gornung. *Sokhrani moi rech': Vospominaniia. Materialy k biografii. Sovremenniki* [*Save my Speech: Memoirs. Materials for the Biography. Contemporaries*], issue 3/2. Moscow, Izdatel'stvo MAI Publ. 2000, pp. 151–163. (In Russ.)
5. “Dva pis'ma O.E. i N.Ia. Mandel'shtam M.S. Shaginin” [“Two Letters by O.E. and N.Ia. Mandel'shtam to M.S. Shaginin”], publ., introd. and notes by P.M. Nerler. *Zhizn' i tvorchestvo O.E. Mandel'shtama: Vospominaniia. Materialy k biografii. “Novye stikhi.” Kommentarii. Issledovaniia* [*Life and Work of O.E. Mandel'shtam: Memoirs. Materials for the Biography. “New Poems.” Comments. Research*]. Voronezh, Izdatel'stvo Voronezhskogo universiteta Publ., 1990, pp. 71–77. (In Russ.)
6. Dinershtein, E.A. *A.K. Voronskii: V poiskakh zhivoi vody* [*A.K. Voronsky: In Search of Water of Life*]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2001. 382 p. (In Russ.)
7. *Letopis' zhizni i tvorchestva O.E. Mandel'shtama* [*Chronicle of O.E. Mandel'shtam's Life and Work*], comp. by A.G. Mets, 4th ed., rev. and edd. St. Petersburg, Giperton Publ., 2022. 521 p. (In Russ.)
8. Mandel'shtam, N. *Ob Akhmatovoi* [*About Akhmatova*], comp. by P. Nerler. Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ., 2007. 444 p. (In Russ.)
9. Mandel'shtam, N. *Sobranie sochinenii: v 2 t.* [*Collected Works: in 2 vols.*]. Ekaterinburg, Gonzo Publ., 2014. (In Russ.)
10. Mandel'shtam, O. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 3 t.* [*Complete Works and Letters: in 3 vols.*]. Moscow, Progress-Pleiada Publ., 2009–2011. (In Russ.)
11. Mandel'shtam, O. *Polnoe sobranie stikhotvorenii* [*Complete Poems*], introd. article by M.L. Gasparov and A.G. Mets, comp., text prep. and notes by A.G. Mets. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 1995. 720 p. (In Russ.)
12. Morev, G. *Osip Mandel'shtam: Fragmenty literaturnoi biografii (1920–1930-e gody)* [*Osip Mandel'shtam: Fragments of a Literary Biography (1920–1930s)*]. Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ., 2022. 220 p. (In Russ.)
13. “Moskovskaia literaturnaia i filologicheskaia zhizn' 1920-kh godov: mashinopisnyi zhurnal ‘Germes.’ III. Iz istorii mashinopisnykh izdaniy 1920-kh godov” [“Moscow Literary

and Philological Life of the 1920s: Typewritten Journal ‘Germes.’ III. From the History of Typewritten Publications of the 1920s”], publ. by G.A. Levinton and A.B. Ustinov. *Piatye Tynianovskie chteniia: Tezisy dokladov i materialy dlia obsuzhdeniia*. Riga, 1990, pp. 197–210. (In Russ.)

14. Nerler, P. “V Moskve (noiabr' 1930 — mai 1934). Okonchanie” [“In Moscow (November 1930 — May 1934). Ending”]. *Novyi mir*, no. 3, 2016, pp. 131–164. (In Russ.)

15. “O.E. Mandel'shtam v pis'makh S.B. Rudakova k zhene (1935–1936)” [“O.E. Mandelstam in S.B. Rudakov Letters to His Wife (1935–1936)”], introd. article by E.A. Toddes and A.G. Mets, publ. and text prep. by L.N. Ivanova and A.G. Mets, comm. by A.G. Mets, E.A. Toddes, O.A. Lekmanov. *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 1993 god. Materialy ob O.E. Mandel'shtame* [Yearbook of the Manuscript Department of the Pushkin House for 1993. Materials about O.E. Mandelstam]. St. Petersburg, Gumanitarnoe Agentstvo “Akademicheskii proekt” Publ., 1997, pp. 7–185. (In Russ.)

16. Timenchik, R.D. “Iz imennogo ukazatel'ia k ‘Zapisnym knizhkam Akhmatovoi’” [“From the Name Index to Akhmatova's Notebooks”]. *Slavica Revalensia*, vol. VI, 2019, pp. 179–247. (In Russ.)

17. Khodasevich, V. *Sobranie sochinenii: v 4 t.* [Collected Works: in 4 vols.]. Moscow, Soglasie Publ., 1996–1997. (In Russ.)

18. “Khudozhnik i obshchestvo: Neopublikovannye dnevniki K. Fedina 20–30-kh godov” [“Artist and Society: Unpublished Diaries of K. Fedin in the 20–30s”], publ. by N.K. Fedina, N.A. Slomova, notes by A.N. Starkov. *Russkaia literatura*, no. 4, 1992, pp. 164–181. (In Russ.)

19. Shaginian, M. *Dnevniky 1917–1931* [Diaries. 1917–1931]. Leningrad, Tipografia Pechatnyi dvor Publ., 1932. 432 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 09.12.2021

Одобрена после рецензирования: 15.01.2022

Дата публикации: 25.03.2022

The article was submitted: 09.12.2021

Approved after reviewing: 15.01.2022

Date of publication: 25.03.2022

Презренный металл: вхождение идиомы в литературу

© 2022, К.В. Душенко

Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН)
Российской академии наук, Москва, Россия

Аннотация: Русской идиоме «презренный металл» в значении «золото/деньги» предшествовали обороты «подлый металл» (калька с фр. *vil metal*), «ничтожный металл», «презренное золото» (калька с фр. *or méprisable*). Поначалу они использовались в моралистическо-назидательном контексте, как знак осуждения стремления к обогащению. Идиома «презренный металл» также имеет соответствие во французском и немецком языках (*métal méprisable*, *verächtliche Metall*). В русскую литературу она вошла на рубеже 1830–1840-х гг., причем у авторов первого ряда это выражение неизменно, еще до «Обыкновенной истории» Гончарова (1847), давалось в ироническом и пародийном ключе. И все же роль романа Гончарова в восприятии новой для русского языка идиомы была исключительно велика. «Презренный металл» — один из сквозных мотивов романа, возникающий в контексте принципиальной полемики с псевдоромантической жизненной установкой.

Ключевые слова: фразеология, стилистика языка, романтизм, И.А. Гончаров, А.Н. Островский, У. Шекспир, В. Скотт.

Информация об авторе: Константин Васильевич Душенко — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН, Нахимовский пр-т, д. 27, 51/21, 117997 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7708-1505>
E-mail: kdushenko@nlrn.ru

Для цитирования: Душенко К.В. Презренный металл: вхождение идиомы в литературу // Литературный факт. 2022. № 1 (23). С. 265–281. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-23-265-281>

В «Крылатых словах» Ашукиных (1-е изд.: 1955) сообщается, что выражение «презренный металл» широко популяризировано романом Гончарова «Обыкновенная история» (1847), хотя появилось несколько раньше [1, с. 495]. То и другое, вообще говоря, справедливо; однако обстоятельства вхождения идиомы в русскую литературу и, в частности, роль, которую сыграл тут роман Гончарова, заслуживают более обстоятельного рассмотрения.

* * *

Слово «металл» пришло к нам в петровскую эпоху: первый пример в «Словаре русского языка XVIII века» датируется 1698 г. «Металл» без определения обычно означал железо или сталь. В терминологическом значении употреблялись обороты «низкий/простой/подлый металл», в отличие от «высокого/драгоценного металла».

Переносное значение «золота/денег» «подлый металл» приобрел в начале XIX в., в качестве кальки *vil metal* (фр.). Слово *vil* означает «подлый, гнусный, низкий, неблагородный». Изначально *vil métal* было термином («неблагородный металл»). Его метафорическое значение актуализировалось в XVIII в., например:

...Согласно Генуэзскому кодексу <...> деньги могли быть приравнены к жизни человека. <...> Сколь ненавистно правительство, которое за несколько кусочков подлого металла отдает жизнь гражданина богатому негодю, готовому за нее заплатить! [36, р. 134].

В 1791 г. Жанна де Шалабр, любовница Робеспьера, писала ему:

...Золото, этот подлый металл, делающий людей глупыми и свирепыми <...> [35, р. 173].

Здесь выражение «подлый металл» — знак морального осуждения жадности обогащения. В том же качестве оно встречается в русской переводной литературе начала XIX в. Герой повести Франсуа Верна «Сентиментальное путешествие во Францию при Робеспьере» (1799) обращается к самому себе со словами:

Безрассудный! ты стоишь при дверях гроба, а еще боготворишь сей подлый металл — вину всех страстей, всех злодеяний человеческих!! — Нет — нет! золото всегда было предметом моего презрения; оно яд душевный; проклинаю его! [3, с. 118; 4, с. 135].

Заметим, что оборот «предмет моего презрения» — ранний аналог идиомы «презренный металл» в русском языке — принадлежит переводчику; в оригинале *cette fange* — «эта грязь» [40, p. 383].

В поэзию «подлый металл» ввел Евгений Гребенка («Печаль», 1837):

«Люблю» — прошептала мне дева притворно;
Но златом пред нею богач прозвучал,
И я был осмеян изменой позорной:
Променяны чувства на подлый металл! [10, с. 14]

Редкий пример метафоры «подлый металл» в значении «железо» встречается в повести Нестора Кукольника «Старый хлам» (1846): «...И душа может ржаветь, как подлый металл» [15, с. 25].

Почти в том же значении, что «подлый металл», использовался оборот «ничтожный металл»; вероятно, впервые — в прозаическом переводе шекспировского «Юлия Цезаря», выполненном Карамзиным с языка оригинала (1786): «важные достоинства продавать за ничтожный металл» («Юлий Цезарь», IV, 3) [12, с. 498]. В оригинале: «for so much trash»; возможный перевод: «за груды хлама»; в переводе М. Зенкевича: «величье нашей чести / За хлам ничтожный» [26, т. 5, с. 293].

В романе В. Нарезного «Российский Жилбаз» (1814), III, 16:

Думал ли я, что ничтожный металл подействует над сердцем твоим более, чем знаменитое титло принца Голькондского? [17, с. 349].

В повести Вильгельма Карлгофа «Мститель» (1832):

Жалкий соблазнитель — ты требуешь от людей честного имени лучших радостей жизни, а в замену предлагаешь ничтожный металл <...> [13, с. 54].

* * *

В XVIII в. во французском языке появляются также обороты *métal méprisable* (презренный металл) и, реже, *or méprisable* (презренное золото), поначалу в нравоучительном, назидательном контексте:

...Слабый государь <...> за каждую крупницу недостающей ему добродетели может положить на чашу весов во сто крат больше <...> презренного золота [28, p. 176].

Жозеф Шабо в оде «Ад» (1760) обращается к грешнику, претерпевающему мучения в преисподней:

Скупец, ты клянeshь свою роковую страсть <...>.

Богу ты предпочел презренный металл <...> [29, p. 354].

В 1795 г. вышла в свет «Исправленная история Робинзона Крузо» — переделка романа Дефо «для наставления молодежи, по совету и плану Жана Жака Руссо». Здесь Робинзон, обнаруживший на потерпевшем крушение корабле золотые и серебряные монеты, восклицает: «Презренный металл!» [33, p. 120].

В немецко-французском словаре 1824 г. *or vil* (подлое золото) и *métal méprisable* даны как синонимы, с немецким соответствием *Lausegold* [34, p. 15]. *Lausegold* (букв. «вшивое золото») — крайне редкое слово из старинной застольной песни. Реальными соответствиями были с XVIII в. обороты *das verächtliche Metall/Gold* («презренный металл», «презренное золото»), появившиеся, по-видимому, независимо от соответствующих французских. В английской литературе оборот *despicable metal* — «презренный металл» — изредка встречался в переводных текстах, а метафора *vile metal* — «подлый металл» — встречалась с XVIII в., но широкого распространения не получила.

Уже с конца XVIII в. эти выражения начинают употребляться в ироническом контексте. В 1788 г. увидела свет политическая сатира «Три разговора мертвых», приписываемая Фридриху II и написанная, вероятно, в 1770-е гг. Один из участников «Разговоров...» — глава французской дипломатии Этьен Шуазель (1719–1785), отличавшийся крайней расточительностью. «...Меня, — говорит он, — обвиняли в растрате денег во время моего министерства; и я действительно презираю этот подлый металл» [32, p. 157].

В сатирическом очерке Шарля Жозефа Кольне «Рукопись, найденная в бумагах юного Лаклака»¹ хозяин команды клакеров обращается к авторам пьес:

Господа, <...> вы трудитесь ради славы <...>. Откажитесь от доходов от предстаний в мою пользу; подлый металл не должен осквернять ваших рук <...>, [иначе] занавес всегда будет опускаться прежде конца последнего акта, и вы не получите ни славы, ни выгоды» [30, p. 699; 31, p. 141].

¹ В 1825 г. включен в сборник Кольне «Отшельник Сен-Жерменского предместья».

В русском переводе: «...Подлый металл не должен сквернить рук ваших» [14, с. 102].

* * *

Ранний пример оборота ‘презренное золото’ в русской печати находим в прозаическом переводе поэмы Вальтера Скотта «Рокби» (1813), I, 31:

...Победитель взирает на золотой венец свой, как на подлый металл; а в то же время побежденный оплакивает потерю оною и почитает еще сие презренное золото блистательнейшею наградою [23, с. 71].

Хотя на титуле значилось, что поэма переведена с английского, в действительности источником русского издания был французский прозаический перевод, опубликованный в 1821 г. под заглавием «Матильда де Рокби». «Презренное золото» — единственное значимое отступление от французского текста, вместо *faux or* — «фальшивое золото» (цит. по изданию 1831 г., опубликованному под заглавием «Рокби») [37, р. 70].

В английском оригинале нет ни «подлого металла», ни «презренного/фальшивого золота»:

The victor sees his fairy gold
Transformed <...> to drossy mold,
But still the vanquished mourns his loss,
And rues, as gold, that glittering dross.

Победитель видит свое волшебное золото
Обращенным <...> в ржавую крицу²,
Но побежденный все же оплакивает свою потерю
И горюет, словно о золоте, об этой сверкающей ржавчине
[38, р. 42].

В переводе романа Карла Шпиндлера «Иезуит» (1829) читаем:

Корыстолюбие было побуждением ваших поступков! Возьмите же это презренное золото! [27, с. 31].

² «Крица» (*mold*) — рыхлый ком размягченного губчатого железа в смеси со шлаком и частицами несгоревшего угля, образующийся при плавке железной руды; *drossy* — нечистый, сорный, изобилующий шлаком.

В оригинале *das elende Geld* («жалкое/подлое золото») — нередкий оборот в немецкой романистике 1-й половины XIX в. [39, S. 36].

При французском короле Рене Добром, сообщает М.С. Жукова в своих путевых заметках (1844),

какой-то жид был осужден за хулы противу Пресвятой Девы <...> Евреи предлагали 195,000 ливров за прощение несчастного. <...> Но король, одушевленный справедливым гневом, вскричал: неужели вы думаете, что я могу забыть оскорбление, нанесенное Матери Господа моего и продам заслуженное наказание за презренное золото? — и приговор был исполнен в назидание иудеям и неверующим [11, с. 56].

Но в 1840-е гг. использование этого оборота в столь откровенно религиозно-моралистическом духе было уже анахронизмом. ‘Презренный металл’ становится приметой псевдоромантического языка. Персонаж повести Елены Ган «Суд света» (1840) восклицает:

...Я видел теперь кумир мой свергнутым, попираемым в прахе ногами людей, <...> и убеждался, что он был ничто иное как истукан, вылитый из презренного металла, и, еще хуже, женщина без совести, без сердца, без души!.. [5, с. 307].

Фрагмент из повести П. Фурмана «Мастерская и гостиная» (1842) цитировался Белинским как образчик ненатурального стиля автора:

...Все, чего ищут и чему завидуют люди, золото, этот презренный металл, который они обоготворяют, различие почестей и славы, все это ничто перед любовью, этим блаженным чувством <...>! [2, т. 6, с. 558]³

* * *

Очень скоро ‘презренный металл’ получает в русской литературе значение «чужого слова», употребляемого отстраненно-иронически. Так было уже в очерке Гончарова «Иван Савич Поджабрин» (1842, опубл. в 1848 г.):

— ...Иногда они соберутся ко мне, и пойдет вавилонское столпотворение, особенно когда бывает князь Дудкин: карты, шампанское, устрицы, пари... знаете, как бывает между молодыми людьми хорошего тону.

— И вам не жаль тратить денег на шампанское?

³ Белинский приводит гораздо больший фрагмент текста.

— Что жалеть денег? деньги ничтожный, презренный металл. Жизнь коротка, сказал один философ: надо жуировать ею [7, т. 1, с. 122].

В 1843 г. Герцен опубликовал «Путевые записки г. Вёдрина» — пародию на «Дорожный дневник» Мих. Погодина:

Нельзя не отдать справедливости цивилизации, когда дело идет об удобствах, — кабы не вред нравам! <...> ...Цивилизация требует за все деньги; но за этот презренный металл окружает человека <...> предупредительными удобствами <...> [6, т. 2, с. 109].

Говоря же от собственного лица, Герцен в «Письмах из Франции и Италии» (1847) ставит «презренный металл» в кавычки:

...Без денег вообще нет свободного человека <...>. Пора бы перестать разглагольствовать о корыстолюбии бедных, пора простить, что голодным хочется есть, что бедняк работает из-за денег, из-за «презренного металла»... [6, т. 5, с. 30].

В пародийном ключе «презренный металл» дан в рассказе Вл. Одоевского «Живой мертвец» (1844⁴):

Гриша. А мне пришли в голову два славные стиха для элегии:

О золото! Металл презренный!
Нас до чего доводишь ты? —

только рифм не могу отыскать...

Петр. Слушай, Гриша, я тебе принес рифму, и очень богатую...
[18, с. 342].

Под «рифмой» Петр имеет в виду деньги отца собеседников, тайно взятые из комода.

Главная черта героини поэмы Аполлона Майкова «Машенька» (1846) — прекраснодушие и отвлеченность от всякой реальности:

Действительность <...>
Была для Маши пламенной чужда
И называлась прозою презренной (II, 4) [16, с. 402].

⁴ Одоевский пометил его 1838-м г., но датировка эта фиктивна. 18 января 1844 г. Краевский писал Одоевскому: «Уже 18-е число, а у меня нет ни строчки “Живого мертвеца”» [20, с. 106].

Свидетельством тому служит следующий монолог:

О Боже! для чего я не богата!
 Ты знаешь, душка, я ведь не жадна,
 И верь, презренного металла злата
 Желала б я для счастья людей.
 Пренебрегла бы я законы света:
 Нет, где-нибудь, в лачуге, без друзей,
 В страданиях нашла бы я поэта,
 К нему б пришла я ангелом любви;
 Сказала бы: «Ты удручен судьбою,
 Но я даю тебе, своей рукою —
 Любовь мою и золото: живи!» (II, 8) [16, с. 405].

* * *

Итак, «презренный металл» вошел в литературу еще до «Обыкновенной истории», причем у авторов первого ряда это выражение неизменно давалось в ироническом и пародийном ключе. И все же роль романа Гончарова в восприятии новой для русского языка идиомы была исключительно велика. Тому имелись три основные причины: 1) «презренный металл» проходит сквозным мотивом через весь роман; 2) выражение всякий раз возникает не просто в ироническом контексте, но в контексте принципиальной полемики с псевдоромантической жизненной установкой; 3) роман имел огромный успех у читателей, практически сразу войдя в канон русской прозы.

В одной из первых глав (I, 3) влюбленный Адуев-младший говорит дядюшке:

— Могу ли я думать теперь о презренной пользе, когда...
 — О *презренной пользе!* презренная! Ты уж лучше построй
 в горах хижину, ешь хлеб с водой и пой:

Мне хижина убога
 С тобою будет рай... —

но только как не станет у тебя “презренного металла”, у меня не про-
 си — не дам... [7, т. 1, с. 9–10].

Пренебрежительно отзываясь о «презренной пользе», Адуев-младший неявно цитирует Моцарта из трагедии Пушкина (Пушкин он вообще охотно цитирует, и всегда в сугубо романтическом

тоне): «Нас мало избранных, счастливых праздных, / Пренебрегающих презренной пользой, / Единого прекрасного жрецов», — т. е. причисляет себя к «немногим избранным».

Дядюшка напоминает еще раз:

Смотри же помни, *презренного металла* не проси, как скоро совсем предашься *сладостной неге*» (I, 3) [7, т. 1, с. 250].

В речи Адуева-старшего курсивом выделены обороты романтического языка, превратившиеся в риторические клише: «*презренная польза*», «*презренный металл*», «*сладостная нега*». Дядя и потом не устает повторять: «Как хочешь, это твоё дело, только, смотри, презренного металла не проси»; «...Если понадобится служба, занятия и презренный металл, смело обратись ко мне» (I, 4, II, 5) [7, т. 1, с. 265, с. 424], и, наконец, в Эпиллоге: «Ну, неужели тебе и теперь не нужно презренного металла?» [7, т. 1, с. 469].

Эпитет «презренный» вообще постоянно возникает в речи главных героев, но для Адуева-старшего это «чужое слово»: «Ох, эта мне любовь в двадцать лет! вот уж презренная, так презренная, никуда не годится!» (I, 5) [7, т. 1, с. 241]. Для Адуева-младшего, напротив, это одно из ключевых понятий его лексикона. Уязвленный «изменой» любимой девушки, он цитирует Пушкина:

Не попушу, чтоб развратитель
Огнем и вздохов и похвал
Младое сердце искушал...
Чтоб червь презренный, ядовитый
Точил лилеи стебелек <...> (I, 4) [7, т. 1, с. 280].

У Пушкина «червь презренный» носит пародийный оттенок, чего герой романа не замечает.

Советы дядюшки о приемах борьбы с соперником в сердечных делах Адуев-младший с негодованием отвергает:

Презренные хитрости! прибегать к лукавству, чтоб овладеть сердцем женщины!..» (I, 6) [7, т. 1, с. 301].

Потерпев любовную неудачу, он твердит

о высоких страданиях, о святых, возвышенных чувствах, смятых и втоптаных в грязь — «и кем? <...> девчонкой, кокеткой и презренным развратником <...>» (II, 1) [7, т. 1, с. 311].

Он убежден, что любимая женщина для него

должна жертвовать всем: презренными выгодами, расчетами <...>, наконец презреть самую смерть (II, 1) [7, т. 1, с. 312].

Отныне «презренный металл» в литературно образованном кругу уже не мог не ассоциироваться с романом Гончарова, который, по оценке Белинского, нанес «страшный удар романтизму, мечтательности, сентиментальности, провинциализму» (письмо к В.П. Боткину от 17 марта 1847 г.) [2, т. 12, с. 352]. В позднейших письмах автора «Обыкновенной истории» ‘презренный металл’ ощущается почти как автоцитата: «Да и презренный металл — не последнее препятствие!» [8, т. 8, с. 274]; «Будь у меня немного — т. е. однако тысячи полторы лишнего презренного металла, я сейчас бы кинулся ловить вас в Париже <...>» (письмо к С.А. Толстой от 11 ноября 1870 г.; письмо к Н.Н. Теплову от 25 июня 1875 г.) [9, с. 438].

* * *

В рассказе А.Н. Плещеева «Папироска», появившемся в печати год спустя после «Обыкновенной истории», «презренный металл» иронически сопрягается с христианскими добродетелями:

Женихи, как известно, народ такой робкий; ума бояться, а ищут в женщинах иных качеств, качеств истинно-христианских: смирения и послушания, конечно, если при этих священных добродетелях есть и презренный металл. Но металла-то, как и вышесказанных добродетелей, за Глафирой Владимировной не водилось [21, с. 307].

Отметим также высказывание персонажа повести «Мориц Сефарди» (1850), принадлежавшей перу зачинателя русско-еврейской литературы Осипа Рабиновича:

Напрасно золото называли презренным металлом — это неправда: презрен только тот, кто не знает настоящего его употребления. Никто же не вздумал называть дар слова презренным даром оттого, что при превратном употреблений он может быть причиной многих зол. Название презренного металла уже стало выводиться <...>. Это название еще иногда является у некоторых поэтов, вероятно, оттого, что книгопродавцы и издатели дешево им платят за поэзию. Золото можно скорей назвать опасным металлом, но ничуть не презренным [22, с. 71].

Во 2-й половине XIX в. «презренный металл» встречается у М.Е. Салтыкова-Щедрина, Н.Г. Помяловского, Н.А. Некрасова, П.А. Вяземского, Н.С. Лескова, И.С. Тургенева и т. д. Но самый заметный пример цитирования этого оборота после «Обыкновенной истории» — сцена из комедии А.Н. Островского «Тяжелые дни» (1863), II, 2. Стряпчий наводит страх на купчиху словами из книжной премудрости:

Мудров. Да, есть слова, есть-с. В них, сударыня, таинственный смысл сокрыт, и сокрыт так глубоко, что слабому уму-с...

Настасья Панкратьевна. Вот этих-то слов я, должно быть, и боюсь. Бог его знает, что оно значит, а слушать-то страшно. <...>

Мудров. Вот, например, металл! Что-с? Каково слово! Сколько в нем смыслов! Говорят: «презренный металл!» Это одно значит; потом говорят: «металл звенящий». — «Глагол времен, металла звон». Это значит, сударыня, каждая секунда приближает нас ко гробу. И колокол тоже металл. А то есть еще благородные металлы [19, с. 466].

Слово «металл» со всеми его эпитетами пугает купчиху так же, как слово «жупел»:

Разуму у меня немного, сообразить я ваших слов не могу; мне целый день и будет представляться [Там же].

* * *

Как мы видели выше, шекспировский оборот «for so much trash» («Юлий Цезарь», IV, 3) Карамзин переводил: «за ничтожный металл». В переводе П.А. Козлова (1903) здесь появился «презренный металл»:

И честь свою, и славу продают
За пригоршни презренного металла! [25, с. 195].

«Презренный металл» дважды встречается в переводах шекспировской драмы «Король Генрих VIII» (1613), однако не в качестве синонима 'золота/денег', что представляется нам стилистической неточностью. В оригинале кардинал Вулси говорит придворным, требующим, чтобы он удалился от дел (III, 2): «Now I feel / Of what coarse metal ye are moulded — envy» — «Теперь я вижу, / Из какого грубого металла вы отлиты — из зависти». (*Coarse metal* — «грубый/ необработанный/низкосортный металл».) В переводе П. Вейнберга

(1864): «...металл презренный <...> — злая зависть»; в переводе В. Томашевского (1960): «Из зависти вы отлиты природой, / Из самого презренного металла» [24, с. 87; 26, с. 288].

Литература

1. *Аиукин Н.С., Аиукина М.Г.* Крылатые слова: Литературные цитаты. Образные выражения. Изд. 2-е, доп. М.: Худож. лит., 1960. 752 с.
2. *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч.: в 13 т. М.: Изд-во АН СССР, 1953–1959.
3. *Верн [Ф.]* Самоубийство (Отрывок из сочинения г. Верна) / пер. П.И. Макарова // Московский Меркурий. М., 1803. Ч. 1, № 2, февраль. С. 81–131.
4. *Верн [Ф.]* Швейцар в Париже // *Макаров П.И.* Сочинения и переводы. М.: Тип. П. Бекетова, 1805. Т. 1. С. 94–152.
5. [*Ган Е.А.*] Сочинения Зенеиды Р-вой. СПб.: Тип. К. Жернакова, 1843. Т. 2. 435 с.
6. *Герцен А.И.* Собр. соч.: в 30 т. М.: Изд-во АН СССР, 1954–1966.
7. *Гончаров И.А.* Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. СПб.: Наука, 1997–2017. (Издание не окончено)
8. *Гончаров И.А.* Собр. соч.: в 8 т. М.: ГИХЛ, 1955.
9. И.А. Гончаров в кругу современников: неизданная переписка. Псков: Изд-во Обл. ин-та повышения квалификации работников образования, 1997. С. 274–275.
10. *Гребенка Е.* Печаль // Библиотека для чтения. 1837. Т. 25. № 11. С. 13–15.
11. [*Жукова М.С.*] Очерки Южной Франции и Ниццы: из дорожных записок 1840 и 1842 годов М. Ж-к-вой. СПб.: А. Иванов, 1844. Ч. 1. 342 с.
12. *Карамзин Н.М.* Полн. собр. соч.: в 18 т. М.: Терра, 2007. Т. 16. 526 с.
13. *Карлгоф В.И.* Повести и рассказы. СПб.: Тип. Департамента народного просвещения, 1832. Ч. 1. 299 с.
14. *Кольне [Ш.Ж.]*. Пустынный Сен-Жерменского предместья, или Замечания о нравах и обычаях французов в начале XIX столетия / пер. с франц. А.О. СПб.: Тип. Имп. Воспитательного дома, 1826. Ч. 1. 148 с.
15. *Кукольник Н.В.* Старый хлам (предание) // Новоселье [Альманах]. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1846. Ч. 3. С. 21–70.
16. *Майков А.Н.* Машенька. Поэма // Петербургский сборник, изданный Н. Некрасовым. СПб.: Тип. Э. Праца, 1846. Т. 1. С. 391–442.
17. *Нарезный В.Т.* Избранные сочинения: в 2 т. М.: ГИХЛ, 1956. Т. 1. 624 с.
18. *Одоевский В.Ф.* Повести и рассказы. М.: Худож. лит., 1988. 382 с.
19. *Островский А.Н.* Полн. собр. соч.: в 12 т. М.: Искусство, 1975. Т. 4. 541 с.

20. *Перхин В.В.* Из эпистолярного наследия редакторов газеты «Санкт-Петербургские ведомости» (1846–1914). К научной истории газеты // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. СПб., 2003. Вып. 4 (26). С. 104–111.

21. *Плещеев А.Н.* Папироска. Истинное происшествие // Живые картины: повести и рассказы писателей «натуральной школы». М.: Моск. рабочий, 1988. С. 306–328.

22. *Рабинович О.* Мориц Сефарди. Повесть // Литературные вечера. Издание Николая Фумели. Вечер второй. Одесса: Тип. Л. Нитче, 1850. С. 5–154.

23. *Скотт В.* Матильда Рокби: Поэма в шести книгах. Часть первая, книги II и III / пер. с англ. М.: Тип. А. Семена, 1823. 275 с.

24. *Шекспир В.* Король Генрих Восьмой / пер. П.И. Вейнберга // Современник. 1864. Т. 104, № 9. С. 5–138 (1-я pag.).

25. *Шекспир В.* Полн. собр. соч.: в 5 т. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1903.

26. *Шекспир У.* Полн. собр. соч.: в 8 т. М.: Искусство, 1957–1960.

27. *Штиндлер К.* Иезуит: характеристическая картина из первой четверти осемнадцатого столетия / пер. с нем.. СПб.: П.Н. Мартынов, 1847. 132 с.

28. *Bielfeld J.-F. von.* Progres des Allemands dans les sciences, les belles-lettres & les arts... Amsterdam: Changuion, 1752. 411 p.

29. *Chabaud J.* L'Enfer. Ode // Le Parnasse chrétien. [Compilé par Joseph Chabaud]. Paris: Desaint et Saillant, 1760. P. 352–256.

30. *Colnet [C.-J.].* L'hermite du Faubourg Saint-Germain, ou Observations sur les mœurs et les usages français au commencement du XIXe siècle. Paris: Pillet, 1825. Т. 1. 344 p.

31. [Colnet C.-J.]. Manuscrit trouvé dans les Papiers du jeune Laclaque, Cabaleur dramatiques // L'Ambigu: ou Variétés littéraires, et politiques. Londres, 1811. Т. 35, № 315, 30 décembre. P. 695–701.

32. *Frédéric II.* Deuxième dialogue des morts. Entre le Duc de Choiseul, Comte de Struensée, et Socrate // Frédéric II, roi de Prusse. Oeuvres posthumes. Amsterdam: [Changuion], 1789. Т. 6. P. 149–161.

33. Histoire corrigée de Robinson Crusoé, dans son isle déserte: Ouvrage rendu propre à l'instruction de la jeunesse, sur l'avis et le plan de Jean-Jacques Rousseau. Paris: Aubry [etc.], 1795. Part 1. 384 p.

34. *Mozin D.-J.* [u.a.] Neues vollständiges Wörterbuch der deutschen und französischen Sprache. Deutsche Theil. Stuttgart; Tübingen: Gotta, 1824. 2. Bd. 254 S.

35. Papiers inédits trouvés chez Robespierre, Saint-Just, Payan, etc. Paris: Baudouin frères, 1828. Т. 1. 392 p.

36. *Pommereul F.-R.-J. de.* Histoire De L'Isle De Corse. Berne: La Société typographique, 1779. Т. 3. 279 p.

37. *Scott W.* Rokeby, poème en six chants // Scott W. Oeuvres. Paris: Furne, 1831. Т. 2: Romans poétiques et poésies diverses / trad. de M. Defauconpret. P. 53–184.

38. *Scott W. Rokeby: A Poem in Six Cantos*. Edinburgh: Ballantyne, 1813. 413 p. (The Poetical Works, Vol. 9).
39. *Spindler C. Der Jesuit: Charaktergemälde aus dem ersten viertel des Achzehnten Jahrhunderts*. Stuttgart: Arnold, 1838. 3. Theil. 149 S.
40. *Vernes F. Le voyageur sentimental en France sous Robespierre*. Geneve: Paschoud; Paris: Maradan, 1799. T. 1. 400 p.

Research Article

Despicable Metal: the Entry of the Idiom into Literature

© 2022. Konstantin V. Dushenko

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Abstract: The Russian idiom “despicable metal” in the meaning of “gold/money” was descendant of the phrases “vile metal” (calque from the French “vil metal”), “worthless metal,” “despicable gold” (calque from the French “or méprisable”). At first, they were used in a moralistic and exemplary context, as a sign of condemnation of the desire for enrichment. The idiom “despicable metal” also has a counterpart in French and German (“métal méprisable,” “verächtliche Metall”). It entered Russian literature at the turn of the 1830s and 1840s, and among the authors of the first row this expression is invariably given in an ironic and parodic manner, even before Goncharov’s *Ordinary Story* (1847). Nevertheless, the role of Goncharov’s novel in the perception of an idiom new to the Russian language was exceptionally great. “Despicable metal” is one of the cross-cutting motifs of the novel, arising in the context of fundamental polemics with a pseudo-romantic life concepts.

Keywords: phraseology, language stylistics, romanticism, I.A. Goncharov, A.N. Ostrovsky, W. Shakespeare, W. Scott.

Information about the author: Konstantin V. Dushenko — DSc in History, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Nahimovsky Prospekt 27, 51/21, 117997 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7708-1505> E-mail: kdushenko@nlm.ru

For citation: Dushenko, K.V. “Despicable Metal: the Entry of the Idiom into Literature.” *Literaturnyi fakt*, no. 1 (23), 2022, pp. 265–281. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-23-265-281>

References

1. Ashukin, N.S., Ashukina, M.G. *Krylatye slova: Literaturnye tsitaty. Obraznye vyrazheniia*. [*Winged Words. Literary Quotes. Figurative Expressions.*]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1960. 752 p. (In Russ.)
2. Belinskii, V.G. *Polnoe sobranie sochinenii: v 13 t.* [*Complete Works: in 13 vols.*]. Moscow, AS USSR Publ., 1953–1959. (In Russ.)
3. Vernes, [F.] “Samoubivstvo (Otryvok iz sochineniia g. Verna)” [“Suicide (Excerpt from the Composition of Mr. Verne)”]. *Moskovskii Merkurii*, no. 2, pt. 1, 1803, pp. 81–131. (In Russ.)
4. Vernes, [F.] “Shveitsar v Parizhe” [“A Swiss in Paris”]. Makarov, P.I. *Sochineniia i perevody* [*Works and Translations*], vol. 1. Moscow, P. Beketov Publ., 1805, pp. 94–152. (In Russ.)
5. [Gan, E.A.] *Sochineniia Zeneidy R-voi* [*Writings of Zeneida R-va*], vol. 2. St. Petersburg, K. Zhernakov Publ., 1843. 435 p. (In Russ.)
6. Herzen, A.I. *Sobranie sochinenii: v 30 t.* [*Collected Works: in 30 vols.*]. Moscow, AS USSR Publ., 1954–1966. (In Russ.)
7. Goncharov, I.A. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 20 t.* [*Complete Works and Letters: in 20 vols.*]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1997–2017. (In Russ.)
8. Goncharov, I.A. *Sobranie sochinenii: v 8 t.* [*Collected Works: in 8 vols.*]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury Publ., 1955. (In Russ.)
9. I.A. *Goncharov v krugu sovremennikov: neizdannaiia peregiska*. [*I.A. Goncharov among his Contemporaries: Unpublished Correspondence*]. Pskov, Oblastnoi institut povysheniia kvalifikatsii rabotnikov obrazovaniia Publ., 1997, pp. 274–275. (In Russ.)
10. Grebenka, E. “Pechal'” [“Sorrow”]. *Biblioteka dlia chteniia*, vol. 25, no. 11, 1837, pp. 13–15. (In Russ.)
11. [Zhukova, M.S.] *Ocherki Iuzhnoi Frantsii i Nitsy: iz dorozhnykh zapisok 1840 i 1842 godov M. Zh-k-voi* [*Essays on Southern France and Nice: From Travel Notes of 1840 and 1842 of Mrs. M. Zh-k-va*], pt. 1. St. Petersburg, A. Ivanov Publ., 1844. 342 p. (In Russ.)
12. Karamzin, N.M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 18 t.* [*Complete Works: in 18 vols.*], vol. 16. Moscow, Terra Publ., 2007. 526 p. (In Russ.)
13. Karl'gof, V.I. *Povesti i rasskazy* [*Long and Short Stories*], pt. 1. St. Petersburg, Departament narodnogo prosveshcheniia Publ., 1832. 299 p. (In Russ.)
14. Kol'ne, [Sh.Zh.]. *Pustynnik Sen-Zhermenskago predmestiia, ili Zamechaniia o nravakh i obychaiakh frantsuzov v nachale XIX stoletiiia, perevod s frantsuzskogo A.O.* [*Hermit of Saint-Germain Suburb, or Notes on the Manners and Customs of the French at the Beginning of the 19th Century, translated from French by A.O.*], pt. 1. St. Petersburg, Imperatorskii Vospitatel'nyi dom Publ., 1826. 148 p. (In Russ.)
15. Kukul'nik, N.V. “Staryi khlam (predanie)” [“Old Trash (a Legend)”]. *Novosel'e (Al'manakh)*, pt. 3. St. Petersburg, Imperatorskaia Akademiia nauk Publ., 1846, pp. 21–70. (In Russ.)

16. Maikov, A.N. *Mashen'ka. Poema* [*Mashen'ka. A Poem*]. Peterburgskii sbornik, izdannyi N. Nekrasovym, vol. 1. St. Petersburg, E. Prats Publ., 1846, pp. 391–442. (In Russ.)

17. Narezhnyi, V.T. *Izbrannye sochineniia: v 2 t.* [*Selected Works: in 2 vols.*], vol. 1. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury Publ., 1956. 624 p. (In Russ.)

18. Odоеvskii, V.F. *Povesti i rasskazy* [*Long and Short Stories*]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1988. 382 p. (In Russ.)

19. Ostrovskii, A.N. *Polnoe sobranie sochinenii: v 12 t.* [*Complete Works: in 12 vols.*], vol. 4. Moscow, Iskusstvo Publ., 1975. 541 p. (In Russ.)

20. Perkhin, V.V. “Iz epistolarnogo naslediia redaktorov gazety ‘St. Petersburgskie vedomosti’ (1846–1914). K nauchnoi istorii gazety” [“From the Epistolary Heritage of the Editors of the Newspaper ‘Sankt-Peterburgskie Vedomosti’ (1846–1914). To the Academic History of the Newspaper”]. *Vestnik St. Peterburgskogo universiteta*, ser. 2, issue 4 (26), 2003, pp. 104–111. (In Russ.)

21. Pleshcheev, A.N. “Papiroska. Istinnoe proisshestvie” [“A Cigarette. A True Occurrence”]. *Zhivye kartiny: povesti i rasskazy pisatelei “natural'noi shkoly”* [*Living Pictures: Novels and Stories of Writers of the “Natural School”*]. Moscow, Moskovskii rabochii Publ., 1988, pp. 306–328. (In Russ.)

22. Rabinovich, O. “Morits Sefardi. Povest” [“Morits Sefardi. A Novel”]. *Literaturnye vechera. Izdanie Nikolaia Fumeli. Vecher vtoroi* [*Literary Evenings. Published by Nikolai Fumeli. Second Evening*]. Odessa, L. Nitche Publ., 1850, pp. 5–154. (In Russ.)

23. Skott, W. *Matil'da Rokbi: Poema v shesti knigakh* [*Matilda Rokebi: A Poem in Six Books*], pt. 1, books I and II, trans. from English. Moscow, A. Semen Publ., 1823. 275 p. (In Russ.)

24. Shakespeare, W. “Korol' Genrikh Vos'moi” [“King Henry the Eighth”]. *Sovremennik*, vol. 104, no. 9, 1864, pp. 5–138 (1st pgn). (In Russ.)

25. Shakespeare, W. *Polnoe sobranie sochinenii: v 5 t.* [*Complete Works: in 5 vols.*]. St. Petersburg, Brokgauz-Efron Publ., 1903. (In Russ.)

26. Shakespeare, W. *Polnoe sobranie sochinenii: v 8 t.* [*Complete Works: in 8 vols.*]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1957–1960. (In Russ.)

27. Spindler, C. *Iezuit: kharakteristicheskaia kartina iz pervoi chetverti os'mnadsatogo stoletii* [*The Jesuit: A Characteristic Picture from the First Quarter of the 20th Century*]. St. Petersburg, P.N. Martynov Publ., 1847. 132 p. (In Russ.)

28. Bielfeld, Jacob-Friedrich von. *Progres des Allemands dans les sciences, les belles-lettres & les arts...* Amsterdam, Changuion, 1752. 411 p. (In French)

29. Chabaud, Joseph. “L'Enfer.” *Le Parnasse chrétien*, comp. par Joseph Chabaud. Paris, Desaint et Saillant, 1760, pp. 352–256. (In French)

30. Colnet, [Charles Joseph]. *L'hermite du Faubourg Saint-Germain, ou Observations sur les mœurs et les usages français au commencement du XIXe siècle*, vol. 1. Paris, Pillet Publ., 1825. 344 p. (In French)

31. [Colnet, Charles Joseph]. “Manuscrit trouvé dans les Papiers du jeune Laclaque, Cabaleur dramatiques.” *L’Ambigu: ou Variétés littéraires, et politiques*, vol. 35, no. 315, 30 décembre. Londres, 1811, pp. 695–701. (In French)
32. Frédéric II. “Deuxième dialogue des morts. Entre le Duc de Choiseul, Comte de Struensée, et Socrate. Frédéric II, roi de Prusse.” Frédéric II, roi de Prusse. *Oeuvres posthumes*, vol. 6. Amsterdam, [Changuion Publ.], 1789, pp. 149–161. (In French)
33. *Histoire corrigée de Robinson Crusoé, dans son isle déserte: Ouvrage rendu propre à l’instruction de la jeunesse, sur l’avis et le plan de Jean-Jacques Rousseau*, pt. 1. Paris, Aubry [etc.] 1795. 384 p. (In French)
34. Mozin, Dominique-Joseph. [u.a.] *Neues vollständiges Wörterbuch der deutschen und französischen Sprache. Deutsche Theil*, vol. 2. Stuttgart, Tübingen, Gotta, 1824, 254 S. (In German)
35. *Papiers inédits trouvés chez Robespierre, Saint-Just, Payan, etc.*, vol. 1. Paris, Baudouin frères, 1828. 392 p. (In French)
36. Pommereul, François-René-Jean de. *Histoire De L’Isle De Corse*, vol. 3. Berne, La Société typographique, 1779. 279 p. (In French)
37. Scott, Walter. “Rokeby, poème en six chants.” Scott, W. *Oeuvres*, vol. 2: Romans poétiques et poésies diverses. Traduction de M. Defauconpret. Paris, Furne, 1831, pp. 53–184. (In French)
38. Scott, Walter. *Rokeby: A Poem in Six Cantos*. Edinburgh, Ballantyne, 1813. 413 p. (The Poetical Works, vol. 9). (In English)
39. Spindler C. *Der Jesuit: Charaktergemälde aus dem ersten viertel des Achzehnten Jahrhunderts*, pt. 3. Stuttgart, Arnold, 1838. 149 S. (In German)
40. Vernes, François. *Le voyageur sentimental en France sous Robespierre*, vol. 1. Geneve, Paschoud, Paris, Maradan, 1799. 400 p. (In French)

Статья поступила в редакцию: 01.12.2021
Одобрена после рецензирования: 30.01.2022
Дата публикации: 25.03.2022

The article was submitted: 01.12.2021
Approved after reviewing: 30.01.2022
Date of publication: 25.03.2022

Литературный факт.
2022. № 1 (23)

Научная статья
с публикацией архивных материалов
УДК 821.161.1.0
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-23-282-314>

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 1 (23), 2022

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

В.П. Бурнашев как анекдотист

© 2022, А.И. Рейтблат

Новое литературное обозрение, Москва, Россия

Аннотация: Материал посвящен важному и еще мало изученному аспекту творческого наследия В.П. Бурнашева — собранным и записанным им анекдотам из литературной и общественной жизни России XIX в.; статья сопровождается публикацией подборки неподцензурных (преимущественно скандальных по своим сюжетам) текстов Бурнашева из архивов Пушкинского Дома и Российской национальной библиотеки. Журналист, автор многих книг для детского чтения, научно-популярных сочинений и компиляций, газетный поденщик, Бурнашев особенно интересен для историков литературы как мемуарист, выступавший в 1870-е гг. с воспоминаниями о писателях и исторических лицах, преимущественно 1820–1840-х гг. В статье также ставится вопрос о жанровой специфике анекдотов XIX в.

Ключевые слова: В. Бурнашев, литературные анекдоты, общественная и культурная жизнь России XIX в., Н.С. Лесков, творческое наследие, архивные публикации.

Информация об авторе: Абрам Ильич Рейтблат — кандидат педагогических наук, издательство «Новое литературное обозрение», Тверской бульвар, д. 13, 123104 Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4957-7401>
E-mail: reitblat@nlobooks.ru

Для цитирования: В.П. Бурнашев как анекдотист / подгот. текста и коммент. А.И. Рейтблат // Литературный факт. 2022. № 1 (23). С. 282–314.
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-23-282-314>

Страстью Владимира Петровича Бурнашева (1810–1888) были анекдоты. Он их запоминал, записывал¹ и рассказывал. С.Ф. Либрович вспоминал (про 1870-е гг.): «Бурнашев был усерднейшим рассказчиком анекдотов из жизни писателей, государственных и общественных деятелей. В его анекдотах, хотя и не всегда достоверных и полных сплетен, было однако много интересных черточек для характеристики разных лиц» [6, с. 30].

Первая треть XIX в. была периодом расцвета жанра салонного анекдота и славилась талантливыми их рассказчиками (Ф.В. Растопчин, Д.Е. Цицианов, В.И. Апраксин, А.М. Пушкин и др.). В великосветские салоны Бурнашев не был вхож, но нередко посещал менее значимые салоны, а также литературные вечера (Н.И. Греча, А.Ф. Воейкова). Так или иначе, он располагал большим запасом анекдотов о русских литераторах, государственных и административных деятелях, военачальниках и т. д. В этом он не был одинок, ряд литераторов в ту эпоху собирали анекдоты: П.А. Вяземский, А.Е. Измайлов, А.С. Пушкин, Н.В. Кукольник и др., первые два из упомянутых даже публиковали их². Но в их литературной деятельности это было маргинальной чертой, основную известность им приносили другие жанры.

Бурнашев же поставил анекдоты в центр своих писаний. Многими из них он заполнял воспоминания³, ряд его мемуарных очерков представляли собой один растянутый анекдот⁴, публиковал он и подборки анекдотов. Так, в 1872–1873 гг. он выпустил под псевдонимом И. Попов пятитомную книгу «Энциклопедия весельчака: Собрание 5000 анекдотов древних, новых и совре-

¹ Бурнашев не раз утверждал в печати, что фиксировал различные разговоры и анекдоты в записной книжке (см., например: Мое знакомство с Воейковым в 1830 году и его пятничные литературные собрания // Русский вестник. 1871. № 10. С. 602; № 11. С. 143. Подп.: *Петербургский старожил В.Б.*; Воспоминания об А.Е. Измайлове // Дело. 1874. № 4. Паг. 1. С. 168. Подп.: *Эртаулов*. Правда, одновременно он утверждал, что его архив в 1864 г. сгорел (см.: Мое знакомство с Воейковым в 1830 году и его пятничные литературные собрания // Русский вестник. 1871. № 9. С. 278; Воспоминания об эпизодах из моей частной и служебной деятельности 1834–1850 // Русский вестник. 1872. № 12. С. 703. Подп.: *Петербургский старожил В.Б.*).

² См., например, «Выдержки из записной книжки» П.А. Вяземского: Московский телеграф. 1827. № 6. С. 90–95; Северные цветы на 1829 год. СПб., 1828. С. 218–230; «русские анекдоты» А.Е. Измайлова (подп.: *И.*) в разделе «Смесь» в журнале «Благонамеренный» (1818. № 1; 1819. № 5; 1821. № 1, 3, 6; 1824. № 1, 2), его же «Смесь» в газете «Северная пчела» (1829. № 102), и др.

³ См., например: «Мое знакомство с Воейковым в 1830 году и его пятничные литературные собрания»; «Воспоминания об А.Е. Измайлове».

⁴ См., например: Невидимка уланский офицер // Биржевые ведомости. 1873. № 96; Рыцари-темплиеры Невского проспекта (1829 г.) // Там же. 1873. № 136.

менных», а в 1873 г. вел в газете «Биржевые ведомости» рубрику «Клуб анекдотистов и каламбуристов» (№№ 225, 226, 234, 258).

Пришел к этому Бурнашев не сразу. В начале своего творческого пути он был довольно популярным журналистом, печатавшим в «Северной пчеле» широко читавшиеся статьи о русских предпринимателях и изобретателях из «народа». Потом переквалифицировался в детского писателя, автора художественных и познавательных книг. После этого он редактировал такие периодические издания, как «Эконом» и «Труды Императорского Вольного экономического общества» и опубликовал немало книг на хозяйственные темы. И, наконец, Бурнашев превратился в мемуариста, чьи воспоминания печатали как общие («Заря», «Русский вестник», «Дело»), так и исторические («Русский архив») журналы, не говоря уже о газетах («Русский мир», «Биржевые ведомости», «Петербургская газета»)⁵.

Слово «анекдот» имело в XVIII — первой половине XIX в. более широкий смысл, чем сейчас. Например, А.В. Никитенко определял его так: «Анекдот <...> заключает в себе: 1) краткий рассказ какого-нибудь происшествия, замечательного по своей необычности, новости или неожиданности, и проч.; 2) любопытную черту в характере или жизни известного лица, и 3) случай, подавший повод к остроумному замечанию или изречению»⁶. Е.К. Никанорова аргументировано выделяет две основные, сильно отличающиеся разновидности анекдотов того времени: бытовой (комический) и исторический (биографический) [9]. В бытовых анекдотах высмеивались человеческие пороки и недостатки, а в исторических прославлялись добродетели, преимущественно царей или полководцев. А.Е. Чекунова обратила внимание на то, что слово «анекдот» вошло в русский язык в 1750–1760-х гг., причем применялось оно в основном к историческому анекдоту, в то время как комические называли замысловатыми повестями [11, с. 131–140]. Такие анекдоты можно обнаружить в сборнике «Товарищ разумный и замысловатый, или Собрание хороших слов, разумных замыслов, скорых ответов, учтивых насмешек и приятных приключений знатных мужей древнего и нынешнего веков» (1764), переведенном П. Семеновым с французского, в знаменитом «Письмовнике» (1777) Н.Г. Курганова и ряде

⁵ Подробнее о Бурнашове см.: [5; 8].

⁶ А. Н-ко [А.В. Никитенко]. Анекдот // Энциклопедический лексикон. СПб., 1835. Т. 2. С. 303.

других изданий. Но отдельными книгами выходили в XVIII в. почти исключительно исторические анекдоты, главным образом переводные, в том числе и многократно переиздававшиеся «Подлинные анекдоты Петра Великого, слышанные из уст знатных особ в Москве и Санктпетербурге» (1786), изданные Яковом фон Штелиным. Книг анекдотов отечественного происхождения, вышедших в XVIII в., было лишь две: «Анекдоты древних пошехонцев» (1798) В.С. Березайского и подготовленный И.И. Голиковым сборник «Анекдоты, касающиеся до государя императора Петра Великого» (1798).

В начале XIX в. вышло немало отечественных сборников анекдотов, но посвящены они были тоже главным образом царям и полководцам⁷. Иногда выходили книги, где были представлены анекдоты о людях других сословий, но и тут они были направлены на прославление их доблестей и подвигов, как, например, в книге «Анекдоты русские, или Великие достопамятные деяния и добродетельные примеры, славных мужей России: Знаменитых государей, полководцев, гражданских чиновников, купечества и других особ всякого звания, отличившихся героическою твердостью, неустрашимостию духа, усердием, благотворительностию, истинною правотою дел своих и другими многими примерами непоколебимой приверженности к вере, государю и любви к Отечеству» (1809). Но в 1830-х гг. усиливается развлекательная струя в публикациях, выходят, например, сборники анекдотов о шутах⁸.

Анекдоты были также постоянным компонентом русских журналов конца XVIII — первой трети XIX вв. (см.: [1, с. 30–89]).

В этих изданиях анекдотов читателям были важны не литературные достоинства текста, а его содержание. Характерно, что большинство такого рода книг и журнальных публикаций печатались анонимно, личность автора или собирателя читателей не интересовала. Например, А.Е. Измайлов, который на протяжении ряда лет систематически публиковал анекдоты в своем журнале

⁷ См., например: «Подлинные анекдоты Императрицы Екатерины Великой» (1806), «Анекдоты о императоре Павле Первом, самодержце Всероссийском» (1807), собранные Е. Тыртовым, «Дух великого Суворова, или Анекдоты подлинные о князе Италийском графе Александре Васильевиче Суворове-Рымникском» (1808), «Анекдоты, или Достопамятные сказания о его светлости генерал-фельдмаршале князе Михаиле Ларионовиче Голенищеве-Кутузове Смоленском» (1814) и т. д.

⁸ «Анекдоты о Балакиреве, бывшем при дворе Петра Великого шутом, с его портретом» (1831) А. Данилова, «Анекдоты Кульковского, придворного шута императрицы Анны Иоанновны» (1836), «Анекдоты о придворном шуте Адамке Педрилло» (1836).

«Благонамеренный», написанные/записанные им «русские анекдоты» (обычно он так маркировал их) никогда не подписывал своей фамилией, ставя только инициал И.

Ряд исследователей считают, что в пушкинскую эпоху существовал анекдот как литературный жанр⁹. С этим можно согласиться, но со значительными оговорками. Если, скажем, литературная сказка и литературная песня существуют независимо от фольклорных, то литературный анекдот — это обычно запись устного анекдота, пусть и литературно обработанная. Трудно представить себе, что кто-то специально создает анекдоты для публикации, а не для рассказывания. Литератор может только запечатлеть анекдоты и, при желании, переакцентировать их (как в приводимом Е. Кургановым примере анекдота про митрополита Платона у гроба Петра I [4, с. 27]). В печати анекдоты существуют или как запись устных рассказов, или как элементы сложной литературной конструкции (например, «*Table-talk*» Пушкина или «Старая записная книжка» Вяземского, где анекдоты перемежаются воспоминаниями, размышлениями, остротами и т. д., создавая сложный синтез), или как основа для рассказа или короткой повести.

Иная ситуация сложилась в 1870-х, когда шли социальные реформы (освобождение крестьян, судебная и военная реформы и др.) и быстро менялись образ жизни, бытовые условия и т. д. Как реакция на эти изменения усилился интерес к прошлому. В течение сравнительно краткого срока возникли несколько исторических журналов («Русский архив», 1863–1917; «Русская старина», 1870–1918; «Древняя и новая Россия», 1875–1881; «Исторический вестник», 1880–1917), в которых, наряду с другими материалами, печатались и исторические анекдоты. Многие персонажи анекдотов 1820–1840-х гг. к тому времени умерли, кроме того, и цензурные требования существенно смягчились, в результате возникла возможность обнародовать анекдоты того времени уже не как современный, а как исторический материал.

Любопытно, что воспоминания, принесшие ему известность, в которых немалую роль играют анекдоты, Бурнашев начал печатать в 1871 г.¹⁰, на год опередив Вяземского, который с 1872 г.

⁹ См.: [9; 2; 3; 4; 1].

¹⁰ Четверги у Н.И. Греча // Заря. 1871. № 2. С. 164–190; № 4. С. 3–45. Подп.: В.Б.; упоминавшаяся статья «Мое знакомство с Воейковым в 1830 году и его пятничные литературные собрания».

в течение нескольких лет печатал фрагменты своей «Старой записной книжки»¹¹.

Е. Курганов в своих работах о русском литературном анекдоте [2; 3; 4] выделяет две линии в его развитии — аристократическую и буржуазную. По его мнению, «Вяземский, создавая апологию русской дворянской культуры, обосновывая ее особую цивилизаторскую миссию, подчеркивая, что эта культура выразилась не только в шедеврах искусства, но и в несомненной высоте форм быта (“утонченность общежития”) <...> во многом опирался на литературный (историко-биографический) анекдот». В эти же годы (1830–1840-е) «беллетрист, драматург, поэт, художественный критик Н.В. Кукольник также стал собирать анекдоты. Причем отбор сюжетов проводился абсолютно целенаправленно, даже жестко, определяясь установкой на компрометацию блистательности придворно-дворянского быта, на резкое обнажение поверхностности российского европеизма и скрывающуюся под ним дикость нравов» [4, с. 186].

Бурнашев был представителем второй линии, он по большей части стремился дезавуировать представителей аристократии и высокопоставленных чиновников. Особенно наглядно эта тенденция проявилась в тех анекдотах нецензурного характера, которые он писал не для публикации, а для Н.С. Лескова, платившего Бурнашеву за них, чтобы поддержать престарелого и не имеющего ни пенсии, ни заработка литератора и чтобы, возможно, использовать в своей литературной работе (как использовал он автобиографию «Мой литературный формуляр и нечто вроде *acquis de conscience*: кто такой в литературной петербургской братии Владимир Петрович Бурнашев», опубликовав ее со своими комментариями в очерке «Первенец богемы в России»¹²).

Ниже ранее не публиковавшиеся анекдоты Бурнашева печатаются по коллекции, которую собрал Лесков во второй половине 1880-х гг. (ИРЛИ. Ф. 412. Ед. хр. 14. Л. 5, 9, 12, 19, 35, 75, 85–86, 97), а также (последние четыре текста публикации) по подборке, подготовленной им в первой половине 1870-х гг. для трехтомного издания своих сочинений, которое обещал выпустить (но не

¹¹ Старая записная книжка // Деятнадцатый век. М., 1872. Кн. 2. С. 219–296; Еще выдержки из Старой записной книжки // Русский архив. 1872. № 11; Из Старой записной книжки. 1873. № 1, 6, 9–11; 1874. № 1, 2, 5, 7; 1875. № 1–6, 12; 1876. № 1, 2, 6, 8–10; 1877. № 4–6.

¹² См.: Исторический вестник. 1888. № 5. С. 534–564.

выпустил) М.О. Вольф (РНБ. Ф. 114. Ед. хр. 5. Л. 26–27, 91, 95, 124а).

Отмечу, что публикуемые тексты не являются, за немногими исключениями, анекдотами в чистом виде. Это, скорее, микроновеллы, основывающиеся на анекдотах или на слухах, которые циркулировали в обществе. Следует оговорить еще одно. Бурнашев нередко включал в свои своды анекдоты, выписанные из чужих текстов. Те анекдоты, источники которых нам удалось установить, в настоящую подборку не включались. Но нет гарантии, что какие-то использованные Бурнашевым публикации остались мне не известны.

В.П. Бурнашев

ЗОЛОТЫЕ ЦАРСКИЕ РОГА ОБЕР-ЕГЕРМЕЙСТЕРА ДМИТРИЯ ЛЬВОВИЧА НАРЫШКИНА. 1809 г.

Вся Европа удивлялась особого рода *роговому оркестру*, которого каждый исполнитель играл в одну ноту. Этот оркестр был у тогдашнего обер-егермейстера Дмитрия Львовича Нарышкина, составившего его из служителей егерского приказа, бывшего в его ведении. Инструмент у всех был один и тот же — охотничий короткий рожок. Эта необычайная музыка так восхищала ограниченного ума обер-егермейстера Дмитрия Львовича Нарышкина, что он на свой счет червонным золотом вызолотил все рожки. Обстоятельство это, сопоставленное с тем еще, что, нисколько о том не догадываясь, глуповатый Дмитрий Львович сам носил рога, какие ему приставлял император Александр Павлович, имевший открытую для всех, кроме мужа, связь с его женою, знаменитою красавицею Марьею Антоновною, урожденною графинею Потоцкою¹³, — подало повод родному брату Дмитрия Львовича остряку и каламбуристу Александру Львовичу сказать, когда кто расхваливал роговую музыку придворных егерей: «Как же, у брата Дмитрия *золотые царские рога*».

¹³ Ошибка: М.А. Нарышкина (1779–1854) была урожденная княжна Святополк-Четвертинская. Бурнашев перепутал ее с женой Л.А. Нарышкина Ольгой Станиславовной (1802–1861), урожденной графиней Потоцкой.

Все это не помешало Дмитрию Львовичу верить по самую смерть свою, что Эммануил Дмитриевич Нарышкин (нынешний высочайший придворный чин) есть его сын, тогда как самый облик его — живой портрет настоящего своего отца, императора Александра Павловича.

МАДМУАЗЕЛЬ ЭЛЬСТОН И НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧ, ЕЩЕ ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ, В 1819 ГОДУ

Еще у Николая Павловича был побочный сын, необычайно, поразительно на него похожий, — это флигель-адъютант Эльстон, носивший шведскую фамилию своей матери мадмуазель Эльстон (Юлия Богдановна), которая была молочной сестрою и любимую камер-медхен¹⁴ принцессы Шарлотты прусской, сделавшейся в 1818 году русской великой княгиней Александрой Федоровною¹⁵, впоследствии (с 14 декабря 1825 г.) императрицею даже¹⁶. Когда Александра Федоровна забеременела своим первым сыном Александром Николаевичем, то она стала вскоре страдать разными женскими болезнями, вследствие чего доктора Арндт, Рюль, Крейтон и другие, осматривавшие ее, предсказали ей скоротечную чахотку, ежели она будет продолжать половые сношения с мужем, т. е. с Николаем Павловичем, которого она так любила, что не хотела его огорчать отказом. Тогда, чтоб овцы были целы и волки сыты, Юлинька Эльстон, молочная сестра Александры Федоровны, похожая на нее особенно голосом и отрывочною манерою разговора, сама влюбленная по уши в Николая, помогла своей [слово *нрзб.*] подруге обмануть ее мужа, легши вместо ее в темной спальне. Затруднения самого действия изумили полного тогда жизни и сил Николая, хотя и худошавого еще. Но наслаждение было велико и, хотя вскоре он узнал обман, а продолжал еще ночное занятие, уверяя Арндта, что он врет, равно как и его товарищи, так как жене его нет ни малейшего вреда от его ноч-

¹⁴ Камер-медхен — комнатная служанка.

¹⁵ Она вышла замуж за великого князя Николая Павловича не в 1818-м, а в 1817 г.

¹⁶ Фамилию, которую носила его кормилица-англичанка, Эльстон получил по императорскому указу. О том, кто были его родители, сведений нет. Ходили слухи, что его отец — прусский король Фридрих Вильгельм IV, а мать — графиня Е.Ф. Тизенгаузен. В Википедии в статье о нем говорится, что «правнучка Сумарокова-Эльстона З. Бурке-Башкирова, для разрешения вопроса изучавшая архивные документы, утверждает, что матерью Феликса была [венгерская] графиня Иозефина Форгач, которая родила ребенка от связи с [бароном] Карлом Хюгелем».

ных с нею сношений. Сколько Александр Николаевич был похож на мать, столько Эльстон был вылитый Николай Павлович. Он впоследствии женился на единственной дочери графа Сергея Павловича Сумарокова и сделался графом Сумароковым-Эльстон¹⁷. Умер лет 7–8 пред сим в звании генерал-адъютанта и генерала от кавалерии¹⁸ начальником Харьковского военного округа, каким ныне начальствует генерал-адъютант Федор Федорович Радецкий¹⁹.

ГРАФИНЯ ЛАВАЛЬ 60 ЛЕТ И ЕЕ ЛЮБОВНИК 24-ЛЕТНИЙ ФРАНЦУЗИК ШАРЛЬ ST. JULIEN

В числе французских эмигрантов, которым император Павел покровительствовал, преимущественно за то, что они прилежали и принадлежали к Мальтийскому ордену, коего Павел был гроссмейстером²⁰, — был бедный дворянчик граф Лаваль. Чтоб мигом высоко поднять *маленького* Лавалья (он при этом был роста очень небольшого и миниатюрен по-женски), император нашел нужным женить *маленького мальтийца* на огромной и толстой грудастой девке, купеческой дочери Сазоновой, отец которой, миллионер, был подрядчиком Императорского Двора²¹. Павел призвал к себе Сазонова и объявил ему свое желание сделать коровообразную дочь французской графиней. Отцу оставалось только повиноваться, и вот оказалась при дворе карикатурная графиня, говорившая, впрочем, мастерски по-французски. Дочь ее, единственная, была замужем за декабристом Трубецким и сопутствовала ему в Сибирь²², что, впрочем, не помешало ей, когда

¹⁷ В 1856 г. по императорскому указу Эльстон присоединил к своей фамилии фамилию и титул тестя, графа С.П. Сумарокова, и стал графом Сумароковым-Эльстоном.

¹⁸ Этого чина у Ф.Н. Сумарокова-Эльстона не было, он дослужился только до звания генерал-лейтенанта.

¹⁹ Ф.Ф. Радецкий (1820–1890) — генерал от инфантерии (1877), генерал-адъютант (1878), начальник Харьковского (1882–1888) и Киевского военных округов (1888–1889).

²⁰ Павел I был великим магистром Мальтийского ордена с 1798 г. до смерти в 1801 г.

²¹ Ошибка. Отец графини Александры Григорьевны Лаваль (1772–1850) — кабинет-секретарь Екатерины II, писатель и журналист Григорий Васильевич Козицкий (1724–1775), а вот дедом ее (по материнской линии) был очень богатый симбирский купец Иван Семенович Мясников (1710–1780), владелец горных заводов на Урале, и она унаследовала часть его состояния.

²² Помимо Екатерины Лаваль (1800–1854), которая тут имеется в виду, у Лавалей было еще две дочери: Зинаида (1801–1873) и София (1809–1871).

муж ее был уже на житье в Иркутске, иметь любовника в лице одного из декабристов же, красавца — Поджою. Она, по-видимому, пошла по маменьке, которая чуть не до гробовой доски предавалась сладостям амуретничанья. Я помню эту необъятно толстую и громадную старуху, когда она при мне в 1830 году навещала француза 24 лет Шарля Сент-Жюльена, издателя французской газетки «Le Furet» («Хорек») ²³, в какой я участвовал по части отчетов о русской литературе, имея от роду 18 лет. Когда она, эта громадина, приезжала к St. Julien, то она сажала его, тоже премаленького и пресубтильного, себе на колени, что подало повод петербургским французам выпустить карикатуру, изображавшую St. Julien спеленутого в колыбельке, а графиня Лаваль кормит его конфетами, запихивая их ему в рот сторублевою ассигнацией ²⁴.

ЕЕ ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВО МИННА ИВАНОВНА БУРКОВА,
УРОЖДЕННАЯ ЗИНГЕР, ДОЧЬ РЕВЕЛЬСКОГО БУЛОЧНИКА,
И СУДЬБА ЕЕ СПИВШЕГОСЯ МУЖА (в 1840 годах)

В былые времена, когда друг и совоспитанник императора Николая граф Владимир Федорович Адлерберг был министром

²³ Ш. Сен-Жульен был секретарем и библиотекарем Лавалей и на их средства издавал газету «Le Furet». О ней см.: [10], а также комментированные републикации: Материалы по русской литературе в петербургской газете «Le Furet» в 1829–1830 годах / пер. с фр. и примеч. Н. Сперанской // Новое литературное обозрение. 2009. № 96. С. 376–401; Материалы по русской литературе в петербургской газете «Le Furet» / «Le Miroir» в 1831–1832 гг. / пер. с фр. и примеч. Н. Сперанской // Там же. 2009. № 98. С. 375–404. Бурнашев много печатался в этой газете.

²⁴ Ср. другой вариант этого анекдота, записанный Бурнашевым под названием «Каламбур из фамилии»: «Толстая-растолстая и довольно-таки вульгарная, хотя и очень добрая графиня Лаваль, супруга французского эмигранта, женатого в царствование Павла Петровича на дочери русского, громадно богатого откупщика, — ежели верить тогдашнего времени скандальной хронике, — имела очень мало расположения к своему [т]щедушному мумиеобразному супругу, доставившему ей лишь наслаждение именоваться сиятельною. К числу юных протеже графини-толстухи принадлежал, как тогда говорили, университетский лектор французского языка и издатель-редактор крохотного салонного французского еженощного листка под названием “Le Furet” господин Шарль де Сен-Жюльен. Этот Сен-Жюльен в тридцатых годах был молоденький, необыкновенно маленький с сенсимонистскою черною гривую человек, лет так двадцати пяти. Графиня много ему покровительствовала, много ему помогала деньгами, сильно его поддерживала, почему, разумеется, создала бедному французику целый полк завистников, один из которых пустил по городу рисованную красками карикатуру, изображавшую графиню Лаваль за обедом (она была еще и обжора) с ложкою в руке, и на впадие ложки стоит крохотный мосё Сен-Жюльен перед открытою пастью ее сиятельности. Внизу надпись: “Madame l’aveale” [“Мадам его проглатывает” (фр.)]» (РНБ. Ф. 114. Ед. хр. 5. Л. 147).

двора и министром (главноначальствующим) почт²⁵, он, при всей присущей ему кротости и скромности, был такая административная власть и мощь, перед которою почти всё и все преклонялось и преклонялись. Сам граф был деликатен, честен и бескорыстен, но, к несчастью, он имел слабость уже в немолодых годах до сумасшествия влюбиться в ревельскую уроженку, прибывшую в конце 30-х годов в столицу для промысла, Эмилию или Минну Зенгер, дочь ревельского булочника²⁶, которая, поселясь в Новой Деревне, сделалась тотчас наложницей чуть не всего Кавалергардского полка, который до лагерей и после лагерей квартировал в Новой Деревне. В это время Минночка была самая свежесть и имела в высшей степени *la beauté du diable* (сатанинскую прелюбодейную увлекательность), почему переходила из рук в руки всего офицерства, как известно, в этом полку богатого и в те времена щедрого и тароватого.

Раз как-то случился пожар в Новой Деревне (статья, кажется, Мартьянова в «Историческом вестнике» 1884 или 85 годов²⁷). На пожаре был государь Николай Павлович и неперменный его спутник граф Владимир Федорович Адлерберг. К ногам императора упала молоденькая красивенькая немочка, все маленькое имущество которой сделалось жертвою огня. Она была в белье, т. е. в рубашке, кальсонах и юбке, с шерстяным платком-шалью. Слезы, рыданья и миловидность тронули Николая Павловича. Он, продолжая заниматься тушением пожара, который мог сделаться громадным, поручил девушку Адлербергу. Граф посадил Минну в свои сани, закутал своею широкою шубою, держа полуодетую женщину на коленях, и отвез к себе в дом почтового ведомства на Фонтанке у Цепного моста Летнего сада.

С этого часа Минна завладела сердцем Адлерберга и делала с ним все, что хотела. Вся ее деятельность куртизанки была под вымышленными именами ярко изображена чуть ли не в 20–25 номерах «Современника» Некрасова и Панаева — Па-

²⁵ Владимир Федорович Адлерберг (1791–1884), граф (1847) — доверенное лицо императора Николая I, генерал-адъютант (1828), генерал от инфантерии (1843), главноначальствующий над Почтовым департаментом (1842–1852), министр двора и уделов (1852–1870).

²⁶ Мина (Вильгельмина) Ивановна Буркова (урожд. Гуде; ок. 1816–?) — любовница В.Ф. Адлерберга с 1835 г., жена Тимофея Ивановича Буркова.

²⁷ См.: *Мартьянов П.К.* Выдержки из записной книжки // Исторический вестник. 1884. № 9. С. 584–602. Здесь на с. 597–599 изложена история возвышения Мины Бурковой, но Мартьянов пишет о пожаре в Песках, а не в Новой Деревне.

наевым, Дружининым и Жемчужниковым²⁸. Там описан каждый шаг Минны дома и не дома. Однако, хотя описаны все ее грабежи, взяточничества, проданные места, созданные ею за деньги должности и пр.²⁹, не описан ее брак, подробности которого я слышал от многих и наиболее от Матвея Степановича Хотинского, одного из сотрудников «Современника» 40–50-х годов³⁰. Дело в том, что Минне захотелось быть «вашим превосходительством». Она пристала к Адлербергу, а Адлерберг поручил найти или статского советника или действительного статского советника в мужья Минне с условием не знать ее после свадьбы, а довольствоваться пенсией. В трактире «Малоярославец» найден был друг главного буфетчика статский советник Федосей Ефимович Бурков, выгнанный за пьянство из Министерства [государственных] имуществ. Его определили почтмейстером в Нерчинск с награждением при определении чином действительного статского советника, т.е. превосходительным. Бракосочетание совершилось довольно скромно, и тотчас после свадебной церемонии Федосей Ефимович уехал с пузатым бумажником в глубь Сибири, а супруга его, ее превосходительство Минна Ивановна Буркова на свое генеральское имя купила большущий и очень доходный дом в Большой Подьяческой, где она и поселилась, чтоб уже более не жить в наемных квартирах.

Убранство ее жилища спорило в блеске с дворцовыми чертогами. Прошел год с хвостиком. Сибирское начальство страшно жалуется на без просыпа пьяного, самовольного, кричащего

²⁸ И.И. Панаев в «Современнике» в своем фельетонном цикле «Петербургская жизнь. Заметки Нового поэта» в 1856 г. в № 12 писал про камелию Мину Александровну, а в 1857 г. в № 3 подробно охарактеризовал Буркову под именем Шарлотты Федоровны (Отд. 5. С. 126–149). В дальнейшем он неоднократно упоминал Шарлотту Федоровну в фельетонах этого цикла. (Благодарю К.Ю. Зубкова за библиографические указания.) В «Современнике» о Бурковой писал также Салтыков-Щедрин в рассказе «Жених» (1857. № 10; упомянута как Каролина Карловна) и в заметках «Наша общественная жизнь» (1864. № 1; упомянута как Шарлотта Ивановна).

²⁹ В 1856 г. директор канцелярии министра государственных имуществ К.Н. Лебедев записывал в дневник про М.И. Буркову, что она «нагло самовластвует в ведомствах почты и театров. Эта авантюрька представляет редкое явление. Ее терпели прежде, терпят и теперь, все ее знают, все знают ее злоупотребления, громко говорят <...>» (Русский архив. 1893. № 4. С. 341). См. также о М.И. Бурковой: Пеликан А.А. Во второй половине XIX века. Студенческие годы // Голос минувшего. 1915. № 1. С. 157–158.

³⁰ См. публикации Хотинского: Новейшая астрономическая литература // Современник. 1848. № 5, 6; Волшебство и натуральная магия // Там же. 1850. № 2, 4, 9; 1851. № 6, 11, 12; Очерк истории огнестрельных составов // Там же. 1855. № 5, 6; и др.

о силе своей жены нерчинского почтмейстера, совершающего ужасы. Буркова наконец выкинули из службы, и он почти нищим явился в Петербург, где вспомнил, что у него есть здесь *законная* жена, почему явился к ней, напоминая ей о своих супружеских правах. Это взбесило горяченькую немочку, в минуты гнева иногда не щадившую и парика своего сиятельного милостивца. Она гайдукам своим велела выбросить дерзкого на улицу. Он снова побрел к буфетчику малоярославецкого трактира, который дал ему совет смириться перед супругою и, узнав, когда ее превосходительство будет выезжать со двора, стать перед нею на колени на тротуаре, прося ради Христа подать ему. Федосей Ефимович исполнил этот совет, результатом чего было то, что она (Минна Ивановна) бросила ему в рожу кошелек с золотом, где оказалось около 300 рублей серебром. Бурков с этим кошельком отправился в трактир «Демут» (Большая Конюшенная). Трое суток кутил, а в четвертые умер от удара.

СВОДНИЧЕСКИЕ ПОДВИГИ СТАТСКОГО СОВЕТНИКА АЛЕКСАНДРА ЛЬВОВИЧА ЭЛЬКАНА (ИЗ ЖИДОВ)

В 30-х и 40-х годах [было] довольно-таки громко имя этого грязненького (в нравственном отношении) чудодея и с тем вместе весьма талантливое человечка с обезьяньей физиономией и кошачьими ухватками, знавшего практически 5–6 языков и притом весьма недурного музыканта, как вокалиста, так инструменталиста. Он умер в 70-х годах на 96 году от рода³¹ в чине статского советника, и хоронили его по лютеранскому закону из собственного его каменного дома на Петербургской стороне. Главная черта характера этого загадочного человека состояла в том, что он постоянно добивался до чести считаться агентом III отделения, хотя он им никогда не был, так как все слишком хорошо знали его болтливый язык, который не способен был хранить какую бы то ни было тайну. Раз два-три подгулявшая молодежь в клубах и на островах, принимая его действительно за шпиона, каким он всячески старался казаться, наказывала его когда киями, когда арапниками, когда кулаками, и на другой день он, при встречах с знакомыми, а он знаком был со всем Петербургом, хвастался своими синяками, уверяя, что он приобрел их при отправлении службы его императорского величества. *De gustibus non est*

³¹ А.Л. Элькан умер в 1868 г. в возрасте 82 лет.

disputandum!³² У всякого свой вкус, у Элькана был также свой, совершенно необыкновенный. Его встречали большею частью в светло-синем фраке с белыми серебряными пуговицами, то есть в форменном полумундире Министерства путей сообщения, где он служил в звании переводчика; но главная его закулисная должность состояла в ежедневном к ночи доставлении гетер (им тщательно отыскиваемых хоть на дне морском) главноначальствующему путями сообщений генералу от инфантерии герцогу Александру Виртембергскому³³, прозванному Шишка по причине огромной сине-багровой шишки, с рождения украшавшей лоб его высочества, родного брата вдовствующей императрицы Марии Федоровны, 65-летнего старца, неистового нимфомана. Но у герцога было два сына: Александр и Эрнст, оба громадного роста и замечательной глупости верзилы, кузены императоров Александра I и Николая I. Они с ранней юности были кирасирскими генералами, носившими мундиры двух кирасирских полков, коих они считались шефами³⁴. Как члены царской фамилии, эти болваны пользовались правом быть кавалерами ордена Андрея Первозванного.

В конце 30-х годов или начале 40-х годов *герцог Шишка* помер³⁵, и на его место был назначен граф Толь³⁶, давший совсем другое направление ведомству путейскому, и при нем, естественно, Элькану нечего было делать в Юсуповском дворце. Принцы-генералы Эрнст и Александр утекли в свою Виртембергию, и один из них был женат на герцогине Орлеанской³⁷, сестре графа Парижского³⁸. Когда юные кирасирские генералы виртембергской крови

³² О вкусах не спорят! (*лат.*).

³³ Александр Фридрих Карл, герцог Вюртембергский (1771–1833) — генерал от кавалерии (1800), начальник Главного управления путей сообщения (1822–1832), член Государственного совета (1826).

³⁴ Имеются в виду Александр Фридрих Вильгельм, принц Вюртембергский (1804–1881) — генерал-майор русской армии (1828), шеф Стародубского кирасирского полка (1828–1835) и Эрнест Александр Константин, принц Вюртембергский (1807–1868) — генерал-майор русской армии (1828), шеф Астраханского кирасирского полка (1828–1835).

³⁵ Герцог Александр Виртембергский умер в 1833 г.

³⁶ Граф (с 1829 г.) Карл Федорович Толь (1777–1842) — генерал от инфантерии (1826), главноуправляющий путями сообщения и публичными зданиями (1833–1842).

³⁷ Имеется в виду Мария Кристина Каролина Аделаида Франсуаза Леопольдина, принцесса Орлеанская (1813–1839) — дочь короля Франции Луи Филиппа.

³⁸ Мария Орлеанская была не сестрой, а тетей графа Парижского Луи-Филиппа Альбера Орлеанского (1838–1894); у его отца Фердинанда-Филиппа Орлеанского (1810–1842) не было этого титула.

узнали, что их папаша имеет поставщиком гетер Элькана, они начали перехватывать этих красавиц, вследствие чего, чтоб все виртембергцы были довольны, Элькан всегда стал распоряжаться так, чтобы привозить в Юсуповский дворец не одну, а ежедневно трех гетер, впрочем, гонорируемых не свыше синей (то есть пятирублевой) ассигнации.

Ежели кто хочет узнать всю подноготную Элькана, то пусть прочтет подробности о нем в книге Касьянова «Наши чудодеи» (1875).

[В указанной книге — *Касьян Касьянов [Бурнашев В.П.] Наши чудодеи: Летопись чудачеств и эксцентричностей всякого рода.* СПб., 1875. С. 230–234, — Бурнашев писал: «Имя Элькана, этого крайне загадочного Протейя, сделалось известным в Петербурге уже с двадцатых годов. Здесь почти не было ребенка, который бы не знал, что под именем Элькана известен сутуловатый, темно-русо-кудрявый, гладко выбритый, румяный, с толстыми ярко-красными губами, с огромными, всегда оскаленными белыми зубами, смеющийся, веселый, постоянно чему-то радующийся господин в очках с черною оправою, встречаемый повсюду и почти одновременно, вечный посетитель всех театров, концертов, маскарадов, балов, раутов, *déjeuners dansants* [танцевальных завтраков (*фр.*)], загородных поездок, зрелищ всякого рода и сорта, господин-юла, неутомимый хлопотун, исполнитель возможных и невозможных (для деликатных и уважающих себя людей) поручений, всеобщий фактор, сводчик, знакомый всему Петербургу, со всеми на *cher ami* [дорогой друг (*фр.*)], владеющий превосходно французским, немецким, английским, польским и итальянским языками, умеющий болтать и на многих других языках. Что же касается русского языка, то этот Протей говорил на нем так чисто, так приятно, как не умеют говорить даже многие коренные русские люди. Он знал все оттенки чистого русского говора, все особенности, тонкости, все поговорки, все пословицы, все русские местные присловья, подражал всем акцентам, цокал, чокал, говорил на о, на а, на е, на я, смотря по тому, с представителем какой именно местности ему приводилось говорить. Он обладал самыми энциклопедическими познаниями: не существовало той науки, того искусства, которые не были бы ему известны, конечно, поверхностно. Правда, Элькан ничего не знал основательно, а со всего на свете понахватал вершков, казавшихся саженьями в глазах людей малообразованных или

вовсе необразованных, каким наше общество, хоть и болтавшее бойко по-французски, кишмя кипело. Элькан, всем известный, выводимый на сцену, например, Мартыновым и Самойловым в шутовой пьеске à propos “Ложа первого яруса на первое представление Тальони” (имеется в виду водевиль П.А. Каратыгина “Ложа 1-го яруса на последний дебют Тальони”, 1838. — *А.Р.*), предмет сатирического карандаша Неваховича, Тима, Степанова, имел полуобезьянью-полукошачью фигуру и мордочку, которые так удачно укладывались в карикатуру. Но фигурка Элькана являлась не только на страницах карикатурных журналов, не только на нотах, на ламповых абажурах, на вывесках Христофорова, торговавшего ваксой в Гороховой, на фарфоровых чашках, но (о! верх публичности!) один продавец фаянсовой посуды в Гостином дворе пустил в продажу ночные вазы с весьма верным портретом Александра Львовича Элькана, в очках и в форменном светло-синем фраке Министерства путей сообщения, где он служил переводчиком, хотя все тамошние чиновники называли его не иначе, как «сводчиком». Однако ж продажа этих ваз была тотчас воспрещена, потому что фигура, на них изображенная, была одета в форменный фрак, присвоенный государственной службе. Но если правительство нашло неприличным продажу такой посуды, то сам Элькан нисколько не обиделся и поспешил шутки ради приобрести несколько экземпляров этой вещицы, сделавшейся вдруг редкою, когда ее запретили в продаже и велели уничтожить рисунок. Так как известно, что нет ничего милее запрещенного плода, сосуды эти сделались торговой редкостью, и находчивый Элькан, недаром бывший еврейского происхождения, с сильною склонностью ко всякому гандельству, продавал в своем приятельском кружке свои экземпляры по очень хорошей цене, в десять раз против первоначальной. Когда гуттаперчевый магазин Риттера на Адмиралтейской площади выпустил гуттаперчевые статуэтки Фаддея Булгарина, разумеется, в страшной карикатуре, Булгарин жаловался куда следует за оскорбление личности и достиг того, что статуэтки исчезли из торгового обращения. Узнав об этом, Элькан поскакал к Риттеру с просьбой сделать его статуэтку в каком угодно виде, и желание его было удовлетворено вполне. Гуттаперчевая фабрика выпустила две статуэтки Элькана — одну, изображавшую его в светло-коричневом рединготе, с зонтиком и шляпою в руках, а другую, представлявшую Элькана в очках, только с козьею черною бородкою Юлии Пастраны и в ее анда-

лузском костюме, выделяющим какие-то замысловатые па из фанданго. Ежедневно можно было видеть Элькана у витрины этого магазина, поясняющего всласть проходящим на всех диалектах и с самыми забавными ужимками и кривляньями, чья это статуэтка. При этом он рекомендовал свою личность и старался завязать со всеми знакомство, что ему часто и удавалось. Впрочем, он за тычком не гнался, и если ему говорили: “Я вовсе не желаю, сударь, вашего знакомства и прошу нигде и никогда не показывать, что вы меня знаете”, – то он раскланивался и, хохоча, восклицал: “Была бы честь приложена, а от убытка Бог избавил”.

Элькана как-то прозвали “Juif egrant” и “Вечный жид”. То и другое прозвища были усвоены ему публикою. Когда в начале шестидесятых годов его хоронили по лютеранскому обряду (он умер на 88-м году от роду, хотя всегда казался несравненно моложе), кто-то из публики спросил:

— Кого хоронят?

— Статского советника Элькана, — был ответ.

— Да ведь он был Вечный жид, а хоронят-то по христианскому обряду. Что это за история?

Так-то эта метко данная кличка усвоилась Элькану.

Элькан распускал о своих мнимых отношениях к тайной полиции слухи по городу, но чем больше он хлопотал о приобретении этой репутации, тем менее толковые люди верили его забавным хвастовствам, очень хорошо понимая, что такого болтуна никакой Фуше не допустит в свои секретные кабинеты. Со всем тем огромное знакомство Элькана во всех слоях петербургского общества и особенно та короткость, в какой он находился со всеми представителями всех возможных родов артистического, как туземного, так и приезжего из-за границы, доставляли ему возможность быть тем, чем его в Петербурге прозвали: “Ходячею петербургскою газетою”».]

НАСТОЯЩИЙ ПЕТЕРБУРГСКИЙ ХЛЕСТАКОВ М.С. ХОТИНСКИЙ. 1855

Жил-был здесь в Петербурге и много печатался Матвей Степанович Хотинский³⁹ (побочный сын бывшего при Александре I

³⁹ М.С. Хотинский (1810–1866) — популяризатор естественных наук, переводчик.

военного министра графа Татищева⁴⁰, прижитый с турчанкою из Хотина, откуда и кличка, данная графом своим сыновьям), автор многих книг⁴¹, а еще более искусный переводчик, почему его перевод творений Араго⁴² считается образцовым. В 40–50-х годах Матвей Степанович сотрудничал почти во всех журналах, тогда существовавших в Петербурге. Это был человек ежели не ученый, то прекрасно энциклопедически образованный, но, к сожалению, нечистый на руку во всяком денежном деле и с самою эластическою совестью, что у нас в России до создания «благородной» корпорации адвокатов не было делом обыкновенным и лица, снабженные такою совестью, были наперечет. К тому же Хотинский был просто типом гоголевского Хлестакова и любил немилосердно врать, хвастать и лгать на каждом шагу. Ложь всосалась у него в плоть и кровь, почему никто не обращал внимания на его рассказы, прозванные в интимном кругу «Хотинщиной». Покойный даровитый писатель А.В. Дружинин рассказывал о вранье Хотинского много прекурьюзных и презабавных анекдотов, из которых выдавался более других тот, что раз как-то, ради своего искусства болтать за послеобеденными бутылками увеселительной влаги, будучи приглашен к обеду в ресторацию за табльдот, Хотинский, услышав фамилию князь Несвицкий, сказал довольно ловко прочувствованный спич по поводу того, что он не может хладнокровно слышать фамилию князя Артамона Егоровича Несвицкого, потому что за 10–12 лет пред сим в Баден-Бадене он за пустой мотив с ним стрелялся и имел несчастье его убить наповал. Затем, опорожнив три-четыре бокала сряду, он начал почти навзрыд оплакивать убитого им князя Несвицкого.

— Бога ради, успокойтесь, господин Хотинский, — сказал, встав с своего места один средних лет мужчина почтенной на-

⁴⁰ Александр Иванович Татищев (1763–1833), граф (1826) — генерал от инфантерии (1823), военный министр (1823–1827).

⁴¹ См.: Взгляд на химические теории. СПб., 1847; Пища и одежда человека, или Чем человек питается и чем одевается: гигиенический очерк. СПб., 1853; История паровых машин, пароходов и паровозов. СПб., 1853; Чародейство и таинственные явления в новейшее время. СПб., 1866, и мн. др.

⁴² Араго Д.Ф. Гром и молния / пер. М.С. Хотинского. СПб., 1859; *Он же*. Общепонятная астрономия / пер. М.С. Хотинского. СПб., 1861. Т. 1–4; *Он же*. Избранные статьи из записок о научных предметах / пер. М.С. Хотинского. СПб., 1866. Т. 1–2.

ружности, — я тот самый князь Артамон Егорович Несвицкий, которого вы убили в Баден-Бадене⁴³.

Картина!..

ДВАДЦАТИПЯТИЛЕТНИЙ ОРЛОВСКИЙ ГУБЕРНСКИЙ
ДВОРЯНСКИЙ ПРЕДВОДИТЕЛЬ
ВАСИЛИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ШЕРЕМЕТЕВ И СТАРЕЦ
МАВРИН

В 1827 году орловское дворянство, то есть не дворянство Орловского уезда, а губернское дворянство, ни с того, ни с сего избрало значительным большинством шаров совсем молодого человека 25 лет от роду лейб-гвардии Кавалергардского полка ротмистра (в то время у кавалергардов производство было необыкновенно быстрое) Василия Александровича Шереметева⁴⁴, находившегося в это время в своем значительном родовом имении в годовом по службе отпуску по случаю принятия им после только что умершего отца весьма крупной недвижимой собственности. Выбор этот должен был быть утвержден высочайшею властью, и государь император Николай Павлович тотчас утвердил юного Шереметева губернским орловским предводителем дворянства с переименованием его в статские советники и пожалованием званием Двора его императорского величества камергера, причем государю угодно было отозваться так: «Хороших ротмистров гвардии у меня не занимать стать. Пусть один из них, заслуживший внимание орловского дворянства, постарается быть хорошим губернским предводителем важного дворянского сословия»⁴⁵.

Шереметев, сшив себе дворянский и камергерский мундиры, поспешил в Петербург, чтоб иметь счастье отблагодарить государя императора. Он остановился в одном из своих петербургских домов, ближайшем к Зимнему дворцу. И тут он, по природе

⁴³ Ср. с записью 1855 г. в дневнике А.В. Дружинина: «Рассказы Хотинского о его браке с девушкой кафрского племени» (*Дружинин А.В. Повести. Дневник*. М., 1986. С. 334).

⁴⁴ В.А. Шереметев (1795–1862) — орловский губернский предводитель дворянства (1833–1838), камергер (1834), позднее министр государственных имуществ (1856–1857), член Государственного совета (1857).

⁴⁵ Весь абзац очень неточен. Отец В.А. Шереметева, Александр Владимирович, умер в 1803 г. В.А. Шереметев был уволен со службы в 1819 г. по болезни. В 1830 г. он был избран (на три года) предводителем дворянства Мценского уезда и лишь в 1833 г., когда ему было 38 лет, стал предводителем дворянства Орловской губернии [12, с. 737].

несколько надменный, вдруг так высоко поднятый общественным мнением о его достоинствах и царским к нему вниманием, несколько зазнался и при всем его замечательном уме у него нравственно зарябило в глазах, отуманило голову и был момент, конечно, непродолжительный, что юный губернский предводитель Орловской губернии в чаду самопоения близок был к тому, чтобы наделать каких-нибудь трудноисправимых пошлостей.

На другой день приезда Василия Александровича в Петербург, поутру, внося бритвенный прибор и ставя его на туалетный столик под трюмо, наметанный ловкий камердинер, молочный брат Василия Александровича, на вопрос своего барина: «Есть ли просители в приемной?», отвечал, что кроме невзрачного лысого старикашки в каком-то фризском сюртучонке, который называет себя малоархангельским помещиком⁴⁶, еще нет никого. Шереметев окутался великолепным полотенцем с брюссельскими кружевами и, сев перед зеркалом, стал намыливать себе щеки.

— Введи этого малоархангельского помещика в фризском сюртучонке сюда, — молвил Шереметев камердинеру, — да дальше притолоки не вели ему подвигаться ко мне.

Все было в точности исполнено: у притолоки за порогом стоял мявший какую-то мерлушечью⁴⁷ шапку в руках точно крайне невзрачный старикашка с лицом какого-то кирпичного колера, лысый с пучками волос на затылке и на висках, сильно поседевших, но, по-видимому, бывших рыжими. Брившемуся он был виден в зеркало и потешал Шереметева своими низжайшими поклонами, обращаемыми к его спине.

— Вы орловский помещик? — спросил, глядя в зеркало, Шереметев и продолжал бриться.

— Так точно-с, ваше превосходительство⁴⁸, — подобострастно отвечал фризский сюртук, отвешивая поклон.

— Фамилия?

— Маврин-с Дмитрий Васильев сын-с⁴⁹. — И отвесил поклон.

⁴⁶ Малоархангельск — город в Орловской губернии.

⁴⁷ Мерлушка — шкурка ягненка грубошерстного пород овец.

⁴⁸ Звание губернского предводителя дворянства дает право на титул превосходительства всякому, хоть бы то был прапорщик в отставке, каких между помещиками было немало, до того, что император Николай Павлович Смоленскую губернию называл: «Губерния отставных поручиков». (Примеч. В.П. Бурнашева.) — Военные, если у них не было взысканий, получали при отставке следующий чин; соответственно, прапорщики становились поручиками в отставке.

⁴⁹ Правильно: Семен Филиппович. С.Ф. Маврин (1772 или 1776–1850 или 1855) — сенатор (1823).

— Имени и отчества мелкопоместных помещиков я не имею надобности знать. Какая у вас, помещик Маврин, до меня просьба?

— Никакой, ваше превосходительство, кроме разве той, чтобы в свободные мои часы от службы изволили дозволить мне являться к вашему превосходительству для исполнения каких-либо от вашего превосходительства порученностей.

— Где же вы служите здесь?

— В Правительствующем сенате, ваше превосходительство.

— Вы там повытчиком, что ли?

— Немножко повыше-с, ваше превосходительство.

— Столоначальник?

— Немного-с повыше, ваше превосходительство.

— Секретарь?

— Немножко повыше-с, ваше превосходительство.

— Неужели обер-секретарь?

— Немножко повыше-с, ваше превосходительство.

Шереметев уже на кресле с колесцами повернулся с полувыбитым лицом к Маврину и воскликнул:

— Состоите за обер-прокурорским столом?

— Немного повыше-с, ваше превосходительство.

— Обер-прокурор? — крикнул Шереметев и встал во весь рост.

— Немного повыше-с, ваше превосходительство.

— Боже мой, ваше превосходительство, член Правительствующего сената, сенатор?

— Немного повыше, ваше превосходительство, первоприсутствующий в Общем собрании Правительствующего сената.

Переполох вышел невообразимый по страсти старика Маврина одеваться нищим и давать уроки горделивцам⁵⁰. Этот урок Шереметеву принес огромную пользу, отрезвив его до того, что

⁵⁰ Ср. мнение М.М. Корфа о С.Ф. Маврине: «Быв каких-нибудь 15 лет обер-прокурором в Сенате и состоя теперь столько же времени сенатором, и притом из самых деятельных и усердных, он может почестся одним из отличнейших наших судей и по опытности, и по знанию законов, и по правилам своим. Последние — я не упоминаю уже о бескорыстии — до такой степени возвышенны, что, конечно, во всем Петербурге не найдется человека, который бы в них усомнился. При этих высоких достоинствах он остается, однако же, малоизвестным и почти не замечен, от скромности, доходящей до излишества и в которой он, *par principe* [из принципа (*фр.*)], переходит иногда даже почти в унижение, если где не идет дело об обязанностях службы. В последних никакая сила и никакое влияние не побудят его покривить душою или дать мнение, противное его убеждению» (*Корф М.* Дневники 1838 и 1839 гг. М., 2010. С. 145).

когда в 50-х годах он был министром государственных имуществ, то все в восхищении были от его любезности⁵¹.

НАРЫШКИН (ЛЕВ КИРИЛЛОВИЧ),
ДЯДЮШКА НЫНЕШНЕГО МИНИСТРА ДВОРА⁵²,
И СЛУЖИВШИЙ ПОД ЕГО (НАРЫШКИНА)
НАЧАЛОМ ЧИНОВНИК ОСОБЫХ ПОРУЧЕНИЙ КОЛЛЕЖСКИЙ
СОВЕТНИК БИЛЬБАСОВ, РОДИТЕЛЬ ВСЕХ НЫНЕШНИХ⁵³

Первого июня 1849 года, когда я оставил службу коронную в звании делопроизводителя Комитета разбора и призрения нищих, я тотчас получил частное место делопроизводителя управления Бальтпортской железной дороги, проектированной тогда действительным статским советником Львом Кирилловичем Нарышкиным, назначившим мне хорошее содержание в 417 рублей в месяц или 5000 рублей серебром в год. За такое вознаграждение можно было отдавать Нарышкину все свое время и уже ничем не заниматься другим, кроме дела проектируемой Бальтпортской железной дороги. Нарышкин, хотя и истый аристократ во всей силе слова по происхождению Петра Великого из Нарышкинской крови и человек весьма богатый, был редкий работник, неутомимый трудолюбец, мастер и знаток всякого канцелярского производства. Работать с ним было легко, как с человеком легко обнимавшим предмет, вовсе не мелочным, почти всегда снисходительным; но требующим от того, кому хорошо платит, труда неутомимого, почему я у него проводил дни с 10–11 часов утра до 3–4 часов после полуночи, большею частью обедая у него, правду

⁵¹ Анекдот этот знаю наверное как от покойного моего отца, так от покойного же первоприсутствующего сенатора действительного тайного советника Михаила Николаевича Жемчужникова, отца поэта Алексея Михайловича и женатого на Ольге Алексеевне Перовской, сестре графов Перовских. (*Примеч. В.П. Бурнашева.*)

⁵² Имеется в виду генерал-контролер Контрольного департамента гражданских отчетов Государственного контроля (1842–1850), предводитель дворянства Петербургского уезда (с 1842) Лев Кириллович Нарышкин (1809–1855). Сестра его Александра Кирилловна Нарышкина (в браке Воронцова-Дашкова; 1817–1856) была матерью министра императорского двора и уделов в 1881–1897 гг. графа Иллариона Ивановича Воронцова-Дашкова (1837–1916).

⁵³ Имеются в виду надворный советник, в 1848 г. младший контролер Контрольного департамента гражданских отчетов Государственного контроля Алексей Алексеевич Бильбасов (1792–1857) и его сыновья: Василий Алексеевич (1838–1904) — историк и публицист, профессор Киевского университета (1869–1871), редактор газеты «Голос» (1871–1883); Константин Алексеевич (1839–1891) — юрист, член Петербургского окружного суда; Петр Алексеевич (1834–1910) — губернатор Самарской (1875–1878) и Полтавской (1878–1883) губерний.

сказать, весьма гастрономично и комфортабельно. Занятия мои у Нарышкина продлились всего шесть месяцев, потому что дело его с Бальтпортскою дорогою, начавшееся самым блестящим образом, не выгорело, потому что Нарышкин, человек страшно строптивый, не умел поладить с Клейнмихелем⁵⁴, поставившим ему ужасные подножки.

В течение этих шести месяцев я не слышал ни одного неприятного слова от Льва Кирилловича, не видел ни одной кислой мины, что было предметом удивления всех его подчиненных, как по домовою его конторе, так по управляемому им Департаменту гражданских отчетов контрольного ведомства⁵⁵, которых он нередко трактовал как собак в кегельной игре⁵⁶.

Я был свидетелем одного из такого рода случаев, когда он в бешенстве пустил огромный мокротный плевок в грудь служившего под его начальством коллежского советника Бильбасова, запрещаю ему платком стереть этот гнусный плевок, и, обратившись ко мне с каким-то истерическим смехом, сказал по-французски:

— *Cet animal s'avise de me parler de son rang et de ses décorations, en voilà une nouvelle, que je viens de leur flanquer, un crachat dans toute l'acception du terme, n'est-ce pas!*⁵⁷

Дело было так: из числа мелких молоденьких чиновников департамента Льва Кирилловича был один 22-летний юноша Андреевич из спавших с голоса придворных певчих, затеявший жениться на дочери одного из пребогатеньких кладбищенских священников, кажется Смоленского кладбища, знаю только, что красивенький и развязный чиновничек получил 50 тысяч рублей приданого за 17–18-летнею женкою, свежести обворожительной и красоты, редко встречаемой, получившей воспитание довольно порядочное и нравственное у родной тетки, женщины, по-ви-

⁵⁴ Граф (с 1839 г.) Петр Андреевич Клейнмихель (1793–1869) — генерал-адъютант (1826), генерал от инфантерии (1841), главноуправляющий путями сообщения и публичными зданиями (1842–1855).

⁵⁵ Л.К. Нарышкин возглавлял Контрольный департамент гражданских отчетов в 1846–1850 гг.

⁵⁶ Бурнашев использует французский идиоматический оборот «recevoir quelqu'un comme un chien dans un jeu de quilles, le recevoir fort mal» — «Обойтись с кем-то как с собакой в игре в кегли», то есть обойтись очень плохо (поскольку собака кегли только собьет, а поиграть не даст). (Примеч. В.А. Мильчиной.)

⁵⁷ — Эта тварь смеет мне толковать о своем ранге и своих наградах, вот я ему и еще одну навесил, плевок в самом прямом смысле слова, не так ли! (фр.); Бурнашев обыгрывает двойное значение слова *crachat*; в прямом смысле «плевок», в переносном и просторечном «орденская звезда». (Примеч. В.А. Мильчиной.)

димому, весьма порядочной, бывшей камер-фрау императрицы Елизаветы Алексеевны.

Андреевич, имея возможность сделать свадьбу довольно пышную и парадную, упросил Льва Кирилловича быть его посаженным отцом. Нарышкин было не соглашался, но когда Бильбасов, заведовавший министерством удовольствий его превосходительства (*le ministre de ses plaisirs*), рассказал целую поэму в прозе о прелестях невесты, то Лев Кириллович согласился и, увидев молодую госпожу Андреевич, вскипел к ней страстью неизмеримо сильною и тотчас проявил страсть эту, дав мужу ее прекрасное штатное место секретаря своей канцелярии с такою казенною квартирою, какую перед тем занимал вице-директор.

Бильбасов имел дерзость и глупость уверить Нарышкина, что молодая Андреевич им, Бильбасовым, вполне намущтрована и адресирована на то, чтоб посвятить в своей спальне его превосходительству 2–3 часа времени, проводимого мужем ее на службе. Ввиду этого уверения своего министра удовольствий Нарышкин явился к прелестной молоденькой женщине во всеоружии своего торжества с букетом цветов и с роскошной бонбоньеркой. Юная хозяйка приняла его превосходно с величайшим тактом и с милою благодарностью. Но Нарышкин, увлекаясь страстью и уверениями Бильбасова, хотел довести свою предприимчивость до конца, и тут он встретил сильный отпор до того, что блестящая бонбоньерка разбита была об голову его превосходительства, который обратился в бегство и на другое утро сделал Бильбасову сцену, которой я был невольным свидетелем⁵⁸, причем Бильбасов под громом града самой гнусной извозничьей матерщины про-бормотал что-то о своих чинах и орденах, следствием чего был плевков в грудь коллежскому советнику, который впоследствии у того же начальства дослужился до превосходительства⁵⁹.

ЦЕЛОМУДРЕННЫЙ ДЕЖУРНЫЙ ГЕНЕРАЛ

В 1831 году два стихотворения барона Егора Федоровича Розена⁶⁰, известного стихотворца того времени, носившего тогда

⁵⁸ Л.К. Нарышкин был «великодушен, правдив в высшей степени, справедлив, добр до нежности, но когда возбуждена была страсть, был неукротимым, как все сильные характеры» (Воспоминания декабриста А.П. Беляева о пережитом и перечувствованном с 1803 года // Русская старина. 1886. № 2. С. 385).

⁵⁹ То есть до чина действительного статского советника.

⁶⁰ Барон Е.Ф. Розен (1800–1860) — драматург, поэт и литературный критик.

чин гусарского майора и звание старшего адъютанта Инспекторского департамента⁶¹, обратили на себя внимание тогдашнего дежурного генерала Потапова⁶², слишком порядочного человека, чтоб, подобно, например, генералу Арбузову⁶³, гневаться на тех из офицеров, которые занимались литературой, и гнать их; но, однако, его превосходительство был ежели не пуританин *de facto*, то любил щеголять пюризмом нравственности и потому на него произвели неприятное впечатление одни стихи подчиненного ему штаб-офицера-стихотворца. Вот эти стихи, во-первых, напечатанные в альманахе «Альциона» на 1831 год:

Путешествуя ко гробу,
 Где почит твой супруг,
 Позабудь мирскую злобу:
 Я вдовице нежный друг!
 Покорись же провиденью,
 Сокрушенная сестра!⁶⁴
 Отдохни под дымной сенью
 Постоялого двора!
 Нет перины! Нет служанки!
 Но отвыкнувший от нег,
 Без кровати, без лежанки,
 Будет сносен сей ночлег;
 Как-нибудь тебя пристрою:
 Есть подушка и шинель;

 Постелю тебе постель⁶⁵.

Одновременно с этими стихами, в которых одна строка была заполнена точками, как бы вымаранная цензором, что в те времена придавало особенный шик стихотворениям в печати, в ма-

⁶¹ Е.Ф. Розен в 1831–1834 гг. состоял при дежурном генерале Главного штаба.

⁶² Алексей Николаевич Потапов (1772–1847) — дежурный генерал Главного штаба (1823–1832), генерал-лейтенант (1826), генерал от кавалерии (1834).

⁶³ Алексей Федорович Арбузов (1792–1861) — генерал-лейтенант (1835), генерал-адъютант (1844), генерал от инфантерии (1851).

⁶⁴ Здесь подразумевалась в полном, довольно клубничном стихотворении барона Розена сестра мистическая, а не обыкновенная по родственной иерархии. (Примеч. В.П. Бурнашева.)

⁶⁵ Приведено стихотворение Розена «Постоялый двор».

ленькой газетке Бестужева-Рюмина⁶⁶ «[Северный] Меркурий» явились другие стихи того же барона Розена, майора и старшего адъютанта Инспекторского департамента, а именно:

Подруга муз, Музариона!
Тебе одной на умный суд
Я отдаю мой новый труд:
Скажи, грешна ли «Альциона»? —
Меня за «Левена»⁶⁷ винят,
За Баратынского⁶⁸ бранят
Санктпетербургские Сусанны;
И сам журнальный мой патрон,
Моим поступком оскорбленный
Мне нашептал упрек неожиданный!

Но если оправдаешь ты
Меня пред троном красоты,
Так до журнальной потасовки,
Еще беспечный весельчак,
Скажу патрону: «Ты чудак!»
Скажу Сусаннам: «Вы плутовки!»...⁶⁹

Случись на беду барона-стихотворца, что в одном из знатных петербургских домов, приходившемся сродни генералу Потапову, было двое молоденьких вдовушек, в обществе прозванных Сусаннами по причине их щепетильной строгости нравов, доходившей до самого чопорного педантизма⁷⁰. Барон Егор Федорович, употребивший название Сусанн, обращенное вообще к лицемерным женщинам, вовсе не имел в виду этих сестриц-пуританок, приходившихся сродни его начальнику, тем более, что живя вовсе не в высшем аристократическом петербургском, а в весьма среднем

⁶⁶ Михаил Алексеевич Бестужев-Рюмин (ок. 1800–1832) — поэт, литературный критик, журналист.

⁶⁷ Повесть барона Розена под этим заглавием. (Примеч. В.П. Бурнашева.) — Имеется в виду повесть «Константин Левен. (Из моих записок)», которой открывался альманах «Альциона».

⁶⁸ Одно эротическое стихотворение Баратынского в «Альционе». (Примеч. В.П. Бурнашева.) — в этом выпуске «Альционы» был помещен отрывок из поэмы Баратынского «Наложница» («Открыв рассеянной рукою...»).

⁶⁹ Приведено стихотворение «К N* (При посылке Альционы)» (Северный Меркурий. 1831. № 30/31. 11 и 13 марта).

⁷⁰ О скромной Сусанне см. в библейской Книге пророка Даниила (Дан. 13: 1).

и наиболее артистическом кругу, — барон никакого и понятия не имел об *les Suzannes* столичного *high life*⁷¹. Однако последствия всех этих стихов были те, что однажды барон Егор Федорович был призван в кабинет дежурного генерала и тут выслушал, к великому своему удивлению и изумлению, замечания его превосходительства, так или почти вот так отредактированные:

— Прежде всего, майор, вы должны помнить, что вы состоите на службе. Мысль о том, что вы поэт, должна быть второстепенною и подчиниться служебным и общественным условиям. Вот два ваших стихотворения, из которых в одном, напечатанном в весьма неприличном листке, называемом «Северным Меркурием»⁷², вы делаете слишком нецеремонное обращение к моим родственницам, прозванным в нашем кругу Сусаннами; но это не дает вам, барон, права обращаться к ним в ваших стихах, тем более, что вы никогда, сколько я знаю, не были им представлены. В другом вашем стихотворении, напечатанном в вашем альманахе «Альциона», за экземпляр которого, вами мне представленный, приношу вам мою благодарность, вы изображаете такую грязную картину приема на постоялом дворе какой-то вдовицы, для которой вы стелете вашу форменную шинель, что остается удивляться снисходительности вашего цензора, который вымарал из этих стихов всего один стих, а не все.

Барон Розен силился доказывать с своим типичным немецким акцентом и с постоянным восторженным завываньем, что, во-первых, он знатных Сусанн в виду не имел, вовсе не зная их, а что касается до стиха, замененного точками, то это было вовсе не делом цензора, а просто-напросто авторскою фантазиею, которая как бы кокетничала перед публикою цензорскими строгостями, заменяя иногда вымыслом истину.

Последнее обстоятельство заставило генерала сказать своему подчиненному стихотворцу:

— На будущее время рекомендую вам, майор, воздерживаться в ваших стихах от этого рода рядов точек и от рассказов грязного

⁷¹ Высшего света (*англ.*).

⁷² Таким неслестным эпитетом была почтена газетка известного тогдашнего циника Михаила Бестужева-Рюмина, вероятно, по той причине, что в эту пору два поэта, принадлежавшие к высшему кругу, два князя, именно князь П.А. Вяземский и юный тогда князь В.Ф. Одоевский печатно и устно заявляли свое сиятельное отвращение к этой газетке, что ее можно читать не иначе как в перчатках и потом прилежно еще мыть руки одеяландом. (*Примеч. В.П. Бурнашева.*) — Одеяланд (от фр. *eau du lavande*) — лавандная вода, изготовляемая из лаванды, содержащей эфирное масло.

свойства, оскорбляющих носимый вами мундир. Употребление же тех собрике⁷³, какие в ходу в высшем свете, я положительно вам возбраняю.

НЕОТКРЫТЫЙ СЕКРЕТ

В 1828 году, когда мне было едва 16 лет, я с отцом моим, давно знакомым с Н.И. Гречем, был ему представлен в первый раз. В то время Греч жил еще в Конногвардейской улице близ строившегося тогда Исаакиевского собора. Он обласкал меня, дал читать, помнится, «*Les contes de Vouilly*»⁷⁴ и советовал стараться их правильно переводить и, переведя одну, прочесть перевод их, сделанный на русский язык некогда В.А. Жуковским, и тогда стараться замечать неправильности своей переводной работы. Совет, конечно, разумный; но молоденькому, только что выходявшему из детства юноше хотелось испытывать себя в писаниях оригинальных, и вот я однажды принес Гречу толстую-претолстую тетрадь, привезенную мною из Орла и наполненную всякого рода сочинениями, какие я, живя еще с 1826 года в Орле, стряпал, под снисходительным наблюдением одного из моих преподавателей, учителя местной гимназии г-на Полонецкого⁷⁵, который сам некогда был учеником того харьковского профессора словесности Рижского, что составил когда-то некую чудовищную «Реторику»⁷⁶.

Николай Иванович в тот день, когда я ему преподнес эту тетрадочку, куда-то спешил и не имел времени терять в беседах с таким, как я был, мальчиком, почему сказал: «Положите вашу тетрадь на мой письменный стол: мы поговорим с вами о ее содержании со временем, а теперь мне, извините, недосужно».

⁷³ Собрике (от *фр. sobriquet*) — прозвище (*устар.*).

⁷⁴ «Сказки Буйи» (*фр.*). По-видимому, речь идет о книге «Сказки для моей дочери» (*Contes à ma fille*, 1809). В.А. Жуковский перевел вошедшую в этот сборник повесть «Розы Мальзерба» (впервые напечатана в «Вестнике Европы». 1810. № 12. С. 251–261). Впоследствии Бурнашев публиковал переводы из Буйи: *Буйи Ж.-Н.* Награда добродетели и благонравия, или Новые сказки г. Бульи для юношества обоего пола, переведенные с французского Орестом Сомовым и Владимиром Бурнашевым: в 2 ч. с картинками. СПб., 1835.

⁷⁵ Имеется в виду Степан Григорьевич Полоницкий — преподаватель латинской литературы в Орловской гимназии.

⁷⁶ *Рижский И.С.* Опыт риторики: сочиненный и преподаваемый в Санктпетербургском Горном училище. СПб., 1796. Иван Степанович Рижский (1755–1811) — ректор и профессор красноречия, стихотворства и языка российского Харьковского университета (1804–1811).

С тех пор прошел добрый месяц, я у Греча бывал, но о тетрадке справляться не решался как-то, он же никогда об ней не напоминал. Раз как-то, в одну пятницу на вечернем собрании у Марьи Алексеевны Крыжановской⁷⁷ привелось мне встретиться с Николаем Ивановичем, бывавшим часто во все другие дни недели, а по пятницам очень редко. Увидев меня, только что едва познакомившегося в этом quasi-аристократическом доме, Греч тотчас апострофировал⁷⁸ меня словами:

— А, юный поэт!

Я сконфузился и отозвался, что я никогда ни одного еще стиха не написал, да и, положительно, не умею писать ни белых, ни рифмованных стихов.

— Можно, мой милый, — возразил Греч, — быть поэтом, не будучи стихотворцем, и быть, напротив, стихотворцем, не будучи поэтом. Пример первого — Жан Жак Руссо, пример второго — наш граф Хвостов. Не отнекивайтесь, вы коли не поэт еще, то поэт, поэтёночек. Намедни Орест Сомов⁷⁹ заглянул в ту тетрадищу с примерами разных риторических хрий, какую вы у меня оставили, и сказал: «Должно быть всё писания отрока, воспевающего в прозе природу, восход солнца, луну и всевозможную поэтическую дребедень».

— Ах, Николай Иванович, — воскликнул я чуть не со слезами, — а ведь как я усердно просил вас *не открывать*...

Я хотел сказать «моего секрета», но Греч не дал мне договорить и вскричал с обычными своими ауськами:

— Да я же Богом вам божусь, — тетрадищи вашей и *не открывал*.

СТРАСТЬ К КОРРЕКТУРЕ СИЛЬНЕЕ ГОРЕСТИ ОБ УТРАТЕ СЫНА

Известно, что Н.И. Греч был необыкновенно хороший и знающий корректор. Занятие это обратилось у него почти в какую-то болезненную страсть, так что, читая какие бы то ни было книги, журналы или газеты, он никак не мог удержаться, чтоб не взяться

⁷⁷ М.А. Крыжановская (урожд. Перовская; 1791–1872) — побочная дочь А.К. Разумовского; была женой генерал-лейтенанта М.К. Крыжановского.

⁷⁸ Окликнул (*фр.*).

⁷⁹ Орест Михайлович Сомов (1793–1833) — прозаик, литературный критик, журналист; в 1825–1829 гг. активно сотрудничал в «Северной пчеле».

за карандаш и не приняться исправлять типографские ошибки, пропущенные корректором. Когда 27 января 1837 года в Петропавловской церкви совершалось погребение его второго сына Николая Николаевича, умершего на девятнадцатом году жизни, Николай Иванович был жестоко потрясен этою неожиданною потерю своею, истинно во всех отношениях, очаровательного любимца. В церкви, сидя против гроба, стоявшего на катафалке, Греч постоянно рыдал. Но вдруг он что-то внимательно стал всматриваться в немецкие молитвенные слова, вырезанные на серебряных скобах сыновнего гроба, крытого черным бархатом по лютеранскому обычаю, и, обращаясь к сидевшему за ним Н.И. Юханцеву⁸⁰, распоряжавшемуся похоронами, сказал: «Эх, Николай Иванович, как это вы недосмотрели: безграмотный чухна гробовщик сделал три ошибки в буквах при вырезке молитв на скобах гроба моего дорогого Николеньки!»

СТИХИ В АЛЬБОМ ГРАФА Д.И. ХВОСТОВА

Известно, что граф Д.И. Хвостов не давал в Петербурге никому покоя своими стихами, стараясь ловить повсюду знакомых и незнакомых, умоляя их послушать его новые вирши, которые он величал стихами. Познакомься у А.Е. Измайлова с Владиславом Максимовичем Княжевичем⁸¹ и узнав, что он пишет стихи и написал поэму «Летний сад» в полусерьезном, полушутливом тоне, — граф упросил его хоть одним отрывочком с ним поделиться и написать собственноручно этот эпизод в его, графа, альбом. Нечего было делать, и шутливый, хотя и имевший всегда, как и все братья его, серьезный вид, Княжевич вписал в альбом графа свои стихи под названием «Чума Летнего сада»:

И вот беда! Куда деваться?
Идет творец случайных⁸² од!

⁸⁰ Николай Иванович Юханцов (1805–1870) — чиновник Министерства иностранных дел, помощник редактора газеты «Journal de St. Pétersbourg»; сотрудник «Северной пчелы» в 1820–1830-х гг.

⁸¹ В.М. Княжевич (1798–1873) — литератор и журналист первой половины 1820-х гг.; вице-губернатор Петербургской (1824–1827) и Таврической (1832–1838) губерний.

⁸² То есть од, написанных по определенному поводу.

Он ищет с кем бы повстречаться,
Прочесть расинов перевод⁸³.
Друзья и морщатся, и хвалят,
В глаза зевают и хулят;
Ничем охоты не убавят:
Поэт неумолим читать⁸⁴.

Замечательно, что граф сам не уразумел, что это его вернейший портрет; но нашлись добрые люди, растолковавшие ему суть дела, и он велел переpletчику вынуть из альбома этот листок, сожженный им в камине, а В.М. Княжевич с тех пор избавился от докучливых приглашений графа на его несносные так называемые «литературные» вечера⁸⁵.

Литература

1. Белова Н.А. Литературный анекдот в русской прозе и периодике первой трети XIX в. Нижневартовск: Нижневартовский гос. гуманитарный ун-т, 2008. 230 с.
2. Курганов Е. Анекдот и литературно-придворный быт. М.: Азбуковник, 2018. 384 с.
3. Курганов Е. Анекдот как жанр русской словесности. М.: ArsIsBooks, 2015. 264 с.
4. Курганов Е. Литературный анекдот пушкинской эпохи. Helsinki: University of Helsinki, 1995. 278 с.
5. Лепехин М.П. Бурнашев Владимир Петрович // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М.: Большая Советская энциклопедия, 1989. Т. 1. С. 370–372.

⁸³ Д.И. Хвостов перевел «Андромаху» Расина (1794).

⁸⁴ Приведена цитата из стихотворения «Вечер на Крестовском острове. (Письмо к приятелю)», опубликованного в журнале «Благонамеренный» (1823. № 17. С. 337–341) и подписанного: В. Марков. С такой подписью в «Благонамеренном» было помещено в 1818–1824 гг. несколько стихотворений, но никаких сведений о поэте того времени с подобными фамилией и инициалом или с таким псевдонимом нет. Не исключено, что сведения Бурнашева достоверны и В.М. Княжевич, который часто печатал свои произведения и переводы в «Благонамеренном», в том числе и стихи, использовал этот псевдоним.

⁸⁵ Вечерние литературные собрания у Д.И. Хвостова проходили в конце 1820-х — первой половине 1830-х гг., их посещали второстепенные, по большей степени начинающие литераторы (А.Ф. Воейков, В.И. Карлгоф, М.Е. Лобанов, А.М. Маргынов, А.О. Огинский, В.И. Панаев, А.И. Подолинский, Е.Ф. Розен, Б.М. Федоров и др.).

6. *Либрович С.Ф.* На книжном посту: Воспоминания, записки, документы. Пг.; М.: Изд-во т-ва М. Вольф, 1916. 496 с.

7. *Никанорова Е.К.* Исторический анекдот в русской литературе XVIII века: Анекдоты о Петре Великом. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. 466 с.

8. *Рейтблат А.И.* Летописец слухов // Новое литературное обозрение. 1993. № 4. С. 162–166.

9. Русский литературный анекдот конца XVIII — начала XIX века / сост. и примеч. Е. Курганова, Н. Охотина; вступ. ст. Е. Курганова. М.: Худож. лит. 1990. 270 с.

10. *Сперанская Н.* Петербургская газета «Le Furet» / «Le Miroir» (1829–1833) // Новое литературное обозрение. 2008. № 94. С. 391–406.

11. *Чекунова А.Е.* Появление исторического анекдота в России // Вопросы истории. 1997. № 2. С. 131–140.

12. *Шилов Д.Н.* Государственные деятели Российской империи: главы высших и центральных учреждений, 1802–1917: Биобиблиогр. справочник. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. 830 с.

Research Article and Publication of Archival Documents

Vladimir Burnashev as an Anecdotist

© 2022. Abram I. Reitblat

New Literary Review, Moscow, Russia

Abstract: Being a journalist, author of many books for children, popular science essays and compilations, a newspaper day laborer, Vladimir P. Burnashev is especially interesting for literary historians as a memoirist who in the 1870s performed with the memoirs about contemporary writers and historical figures, mainly of the 1820s–1840s. The publication is devoted to the anecdotes collected from the literary and social life of Russia in the 19th century, which were recorded by Burnashev. It is an important and still insufficiently studied aspect of his creative heritage. The article is accompanied by the publication of a selection of uncensored (mostly scandalous in their subjects) texts by Burnashev from the archives of the Pushkin House and the National Library of Russia. The article raises the question of the anecdotes genre specifics in the 19th century as well.

Keywords: Vladimir Burnashev, literary anecdotes, social and cultural life of Russia in the 19th century, Nikolay Leskov, creative heritage, archive publications.

Information about the author: Abram I. Reitblat — PhD in Pedagogy, “New Literary Review” Publishing House, Tverskoy boulevard 13, 123104 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4957-7401> E-mail: reitblat@nlobooks.ru

For citation: “Vladimir Burnashev as an Anecdotist,” text prep. by A.I. Reitblat, comm. by A.I. Reitblat. *Literaturnyi fakt*, no. 1 (23), 2022, pp. 282–314. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-23-282-314>

References

1. Belova, N.A. *Literaturnyi anekdot v russkij proze i periodike pervoi treti XIX v.* [*Literary Anecdote in Russian Prose and Periodicals of the First Third of the 19th Century*]. Nizhnevartovsk, Nizhnevartovsk State Humanitarian University Publ., 2008. 230 p. (In Russ.)
2. Kurganov, E. *Anekdot i literaturno-pridvornyi byt* [*Anecdote and Literary-Court Life*]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2018. 384 p. (In Russ.)
3. Kurganov, E. *Anekdot kak zhanr russkoi slovesnosti* [*Anecdote as a Genre of Russian Literature*]. Moscow, ArsisBooks Publ., 2015. 264 p. (In Russ.)
4. Kurganov E. *Literaturnyi anekdot pushkinskoi epokhi* [*A literary Anecdote of the Pushkin Time*]. Helsinki, University of Helsinki Publ., 1995. 278 p. (In Russ.)
5. Lepekhin, M.P. “Burnashev Vladimir Petrovich” [“Burnashev Vladimir Petrovich”]. *Russkie pisateli. 1800–1917: Biograficheskii slovar* [*Russian Writers. 1800–1917: Biographical Dictionary*], vol. 1. Moscow, Great Soviet Encyclopedia Publ., 1989, pp. 370–372. (In Russ.)
6. Librovič, S.F. *Na knizhnom postu: Vospominaniia, zapiski, dokumenty* [*On a Book Post: Memoirs, Notes, Documents*]. Petrograd, Moscow, M. Volf Association Publishing House, 1916. 496 p. (In Russ.)
7. Nikanorova, E.K. *Istoricheskii anekdot v russkoi literature XVIII veka: Anekdoty o Petre Velikom.* [*Historical Anecdote in Russian Literature of the 18th Century: Anecdotes about Peter the Great*]. Novosibirsk, Sibirskii chronograf Publ., 2001. 466 p. (In Russ.)
8. Reitblat, A.I. “Letopisets slukhov” [“Chronicle of Rumors”]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 4, 1993, pp. 162–166. (In Russ.)
9. *Russkii literaturnij anekdot kontsa XVIII — nachala XIX veka* [*Russian Literary Anecdote of the Late 18th — Early 19th Centuries*], comp. and comm. by E. Kurganov, N. Okhotin; introd. by E. Kurganov. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1990. 270 p. (In Russ.)
10. Speranskaia, N. “Peterburgskaia gazeta ‘Le Furet’ / ‘Le Miroir’ (1829–1833)” [“Petersburg Newspaper ‘Le Furet’ / ‘Le Miroir’ (1829–1833)”]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 94, 2008, pp. 391–406. (In Russ.)
11. Chekunova, A.E. “Poiavlenie istoricheskogo anekdota v Rossii” [“The Emergence of a Historical Anecdote in Russia”]. *Voprosy istorii*, no. 2, 1997, pp. 131–140. (In Russ.)
12. Shilov, D.N. *Gosudarstvennye deiateli Rossiiskoi imperii: glavy vysshikh i tsentralnykh uchrezhdenii, 1802–1917: Biobibliograficheskii spravocchnik* [*Statesmen of the Russian Empire: Heads of Higher and Central Institutions, 1802–1917: Biobibliographical Directory*]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2001. 830 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 04.12.2021
 Одобрена после рецензирования: 30.01.2022
 Дата публикации: 25.03.2022

The article was submitted: 04.12.2021
 Approved after reviewing: 30.01.2022
 Date of publication: 25.03.2022

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ

О.А. Богданова

Усадьба и дача в русской литературе XIX–XXI вв.: топика, динамика, мифология: Монография / отв. ред. Е.Е. Дмитриева. — М.: ИМЛИ РАН, 2019. — 288 с. — (Серия «Русская усадьба в мировом контексте». Вып. 1). — DOI: 10.22455/978-5-9208-0604-8

В предлагаемой читателю книге впервые представлена панорамная картина российского литературного «усадьбоведения» в теоретическом и конкретно-текстуальном осмыслении. В основу исследования положена ключевая для литературоведческого освоения феномена русской помещицкой усадьбы категория «усадебного топоса». Обобщающий характер монографии обусловил хронологическое рассмотрение обращений к усадьбе и даче в русской литературе XIX–XXI вв. В разделе, посвященном русской классике, в первую очередь анализируются усадебные тексты Ф.М. Достоевского как писателя, оказавшего бесспорно определяющее влияние на проблематику и поэтику литературы Серебряного века и в то же время почти неизученного в аспекте усадебно-дачной тематики. Основное внимание в книге уделено первой трети XX в. как времени создания «усадебного мифа» и начала осознания выдающейся роли «усадебной культуры» в России, прерванного на долгие советские десятилетия. Возрождению и модификациям усадебно-дачной темы в постсоветскую эпоху посвящен последний раздел монографии.

Русская усадьба и Европа: диахрония, ностальгия, универсализм: Коллективная монография / сост., отв. ред. и автор предисл. О.А. Богданова. — М.: ИМЛИ РАН, 2020. — 352 с. — (Серия «Русская усадьба в мировом контексте». Вып. 2). — DOI: 10.22455/978-5-9208-0623-9

Книга объединяет статьи 24 авторов, распределенные по трем проблемно-тематическим разделам: диахронический взгляд на русскую усадьбу, усадьбы русской эмиграции, усадьбы европейских стран. Ряд константных черт русской литературной усадьбы и дачи (кладовая культуры, нравственное пространство, стержень национальной идентичности, концепт «не-города» в массовом обществе и др.) высвечиваются при сопоставительно-диахроническом анализе. Структурообразующий потенциал и референции «усадебно-дачного топоса» в инокультурном окружении русских эмигрантов XX в. раскрываются в произведениях И.А. Бунина,

В.В. Набокова, Б.К. Зайцева, Л.Ф. Зурова, И.С. Шмелева, В.А. Никифорова-Волгина 1920–1960-х гг. и в русскоязычной периодике Франции, Германии, Латвии, Эстонии 1920–1930-х гг. Важнейшая тема книги — поиск истоков феномена русской усадьбы в мировой культуре наряду с ее вовлеченностью в спектр аналогичных явлений в других национальных литературах (греческой, польской, английской, бельгийской). Изоморфизм усадебного пространства в России и других странах Европы позволяет говорить об «усадебном топосе» как универсалии.

Издание адресовано профессионалам-гуманитариям, прежде всего филологам, и вместе с тем — широкому кругу учащейся молодежи и заинтересованных читателей.

Феномен русской литературной усадьбы: от Чехова до Сорокина+:

Коллективная монография / сост., отв. ред. и автор предисл. О.А. Богданова. — М.: ИМЛИ РАН, 2020. — 344 с. — (Серия «Русская усадьба в мировом контексте». Вып. 3). — DOI: 10.22455/978-5-9208-0627-7

В книге предложено панорамное и в то же время системное освещение русской литературной усадьбы и дачи с конца XIX по начало XXI в. Издание объединяет статьи 24 авторов, распределенные по трем разделам. Первые два посвящены усадебно-дачной тематике в русской литературе рубежа XIX–XX вв. и разделены на прозу, поэзию и драматургию. Третий — аспектам изображения усадьбы в литературе советских десятилетий и в современную эпоху. Внутри разделов материал размещен по хронологическому принципу, статьи о даче даются в конце.

Новизна издания также определяется мотивно-жанровой парадигмой научного анализа «усадебных» произведений А.А. Блока, Д.С. Мережковского, Л.Н. Андреева и др.; обращением не только к известным «усадебным» авторам — А.П. Чехову, И.А. Бунину, А.Н. Толстому, но и к полузабытым писателям — О. Ольнем, Н.Н. Русову, С.Н. Дурьлину; выяснением специфики «усадебного топоса» в литературных направлениях XX — начала XXI в.: символизме, неореализме, экспрессионизме, соцреализме, метамодернизме и др.; исследованием писательской рецепции таких разновидностей усадьбы рубежа XIX–XX вв., как купеческая, городская, сибирская.

М.В. Скороходов

Помещицья усадьба в русской литературе конца XIX — первой трети XX в.: междисциплинарный подход / отв. ред. Е.В. Глухова. — М.: ИМЛИ РАН, 2020. — 272 с. — (Серия «Русская усадьба в мировом контексте». Вып. 4). — <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0636-9>

В монографии рассмотрены проблемы тезауруса российского литературного «усадьбоведения» в междисциплинарном ключе: показано, как теоретический инструментарий гуманитарной географии и искусствознания обогащает литературоведческий анализ текстов русской словесности, отражающих специфику «усадебной» и «дачной» моделей сельской жизни. Особенности «усадебно-дачного топоса» раскрываются при обращении к лирике Н.А. Клюева, стихотворениям и поэмам С.А. Есенина, прозе И.С. Шмелева и Б.К. Зайцева. В приложение включены материалы, обобщающие опыт автора по разработке документов стратегического планирования для ряда литературных музеев-заповедников и музеев-усадеб.

Е.Е. Дмитриева

Литературные замки Европы и русский «усадебный текст» на изломе веков: (1880–1930-е годы) / отв. ред. Г.А. Велигорский. — М.: ИМЛИ РАН, 2020. — 768 с. — (Серия «Русская усадьба в мировом контексте». Вып. 5). — <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0637-6>

В предлагаемой читателю книге в сравнительно-историческом аспекте представлен феномен русской усадьбы и западноевропейского замка как реальных артефактов быта и культуры, породивших особый тип литературы, который в русской традиции принято называть усадебной, а в европейской — литературными замками (*châteaux littéraires*). Хронологические рамки исследования — конец XIX — первая половина XX века, что не исключает отдельных экскурсов как в более ранние, так и в более поздние времена.

Книга состоит из пяти частей. В первой части внимание концентрируется преимущественно на тотальном истреблении русских усадеб и почти массовой эмиграции тех, кто эти усадьбы населял, после революции 1917 г. Отдельно рассматриваются примечательные попытки воскрешения русской усадебной жизни в эмиграции (швейцарская вилла С.В. Рахманинова и французские виллы И.А. Бунина). Вторая часть книги посвящена художественным колониям, коммунам и дачам: знаменитому Редхаусу — месту осуществления утопии прерафаэлитов (Англия), артистической коммуне Ворпсведе (Германия) и др. В третьей части усадьба (замок) рассматривается как про-

странство инициации. Тема эта прослеживается одновременно на материале и примере усадеб исторических и литературных (Версаль, Вёрлиц, усадьба Лашенэ, Кинта де Регалейра, Дорнах, а также текстов Бастида, Бекфорда, Байрона, герцогини Дюра, Стендаля, Ж. Грака и др.). Четвертая часть посвящена истории усадебных стилизаций, архитектурных, живописных и литературных (среди них — Строберри Хилл Г. Уолпола, вилла Керилос Т. Рейнаха, версальские акварели А. Бенуа, романы Р. де Буалева и М. Кундеры). Последняя часть книги обращена к феномену западноевропейского замка и его использованию как пространства житнетворчества (замки маркиза де Сада, госпожи де Сталь, М. Пруста, Ф. Мориака и А. Вяземски).

Усадьба реальная — усадьба литературная: векторы творческого преобразования: Коллективная монография / сост., отв. ред. О.А. Богданова. — М.: ИМЛИ РАН, 2021. — 384 с. — (Серия «Русская усадьба в мировом контексте». Вып. 6). — <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0676-5>
ISBN 978-5-9208-0676-5
ISBN 978-5-9208-0635-2 (серия)

В основе издания — сопоставление вариантов «усадебного топоса» в произведениях русской литературы и литературы других народов мира конца XIX — начала XXI в. с их реально-эмпирическими прототипами, которые жили в памяти и воображении творцов художественных образов. На материале произведений Л.Н. Толстого, А.П. Чехова, И.А. Бунина, Г.И. Чулкова, Е.Н. Чирикова, А.А. Ахматовой, В.В. Набокова, М.М. Пришвина, С.Н. Дурьиной, Б.Л. Пастернака, Е.Р. Домбровской и других русских писателей выясняются закономерности преобразования реальных элементов усадебного комплекса и фактов авторской биографии в детали предметной изобразительности и многослойную символику мира художественного произведения. Seriously представленный компаративный аспект позволяет акцентировать в «усадебном топосе» универсальные черты, актуальные как для русской литературы, так и литератур Испании, Италии, Англии, Франции, Украины и других стран начиная с Античности. Также продолжено рассмотрение феномена русской дачи в отечественной литературе и культуре, начат анализ элементов «дачного топоса» и наполняющих его дискурсов.

Коллективная монография вмещает статьи 23 авторов, распределенные по 6 проблемно-тематическим разделам, отражающим важнейшие «векторы творческого преобразования» эмпирической данности: новации в сфере поэтики художественных произведе-

ний, анализ эго-документов и артефактов, междисциплинарную интеграцию, компаративные параллели и проч.

Г.А. Велигорский

«Усадебный текст» и национальный культурный код: русско-британские литературные связи XIX — начала XXI в. / отв. редактор В.Г. Андреева. — М.: ИМЛИ РАН, 2022. — 000 с. — (Серия «Русская усадьба в мировом контексте». Вып. 7). Готовится к печати.

Издание нацелено на компаративное исследование «усадебного топоса» как одного из ключевых элементов национального культурного кода России в контексте глобальных вызовов XXI в. В основу монографического исследования положен анализ категории «живописное» (picturesque), которая еще в XVIII в. вместе с «прекрасным» (beautiful) и «возвышенным» (sublime) сформировала триаду, ставшую фундаментом британской эстетики. Категория «живописное» прочно входит в английский культурный код и является одним из формирующих звеньев понятия «английскости», будучи тесно связанной как с архитектурой и ландшафтным дизайном (знаменитый английский усадебный парк — ярчайшее воплощение «живописного»), так и с литературой. В конце XVIII в. понятие о «живописном» проникло в Россию (что отмечено Д.С. Лихачевым в известной монографии «Поэзия садов»), став важным эстетическим субстратом «усадебного текста» русской литературы.

В монографии прослеживается развитие «живописных» мотивов в английском и русском «усадебном тексте» на протяжении двух веков, выявлены особенности русской «живописной» усадьбы в соотнесенности с усадьбой английской и создана обширная галерея «живописных» усадеб в русской литературе XIX — начала XXI в. На основе проведенных исследований будет сделан вывод о вкладе «усадебного текста» обеих литератур в английский и русский национальные культурные коды. Будут использованы: метод культурного трансфера, сравнительно-сопоставительный, сравнительно-исторический, историко-функциональный, описательный и биографический подходы, а также элементы мотивного и структурно-семиотического анализа.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФАКТ
Научный журнал

2022 № 1 (23)

Основан в 2016 г.
Выходит 4 номера в год

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере
связи и массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77 — 67296 от 30 сентября 2016 г.

Адрес редакции: Институт мировой литературы им. А.М. Горького
Российской академии наук. 121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а
Телефон: +7 (495) 690-50-30
Сайт: www.litfact.ru

Дизайн обложки А.В. Белоусова
Компьютерная верстка Н.Э. Чайковская
Подписано в печать 25.03.2022
Формат 60×90 1/16
Усл.-печ. л. 20,0
Тираж 500 экз.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных материалов в ООО «Фотоэксперт»
109316, г. Москва, Волгоградский проспект, д. 42,
корп. 5, эт. 1, пом. 1, ком. 6.3-23Н